

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№1–2 2022 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

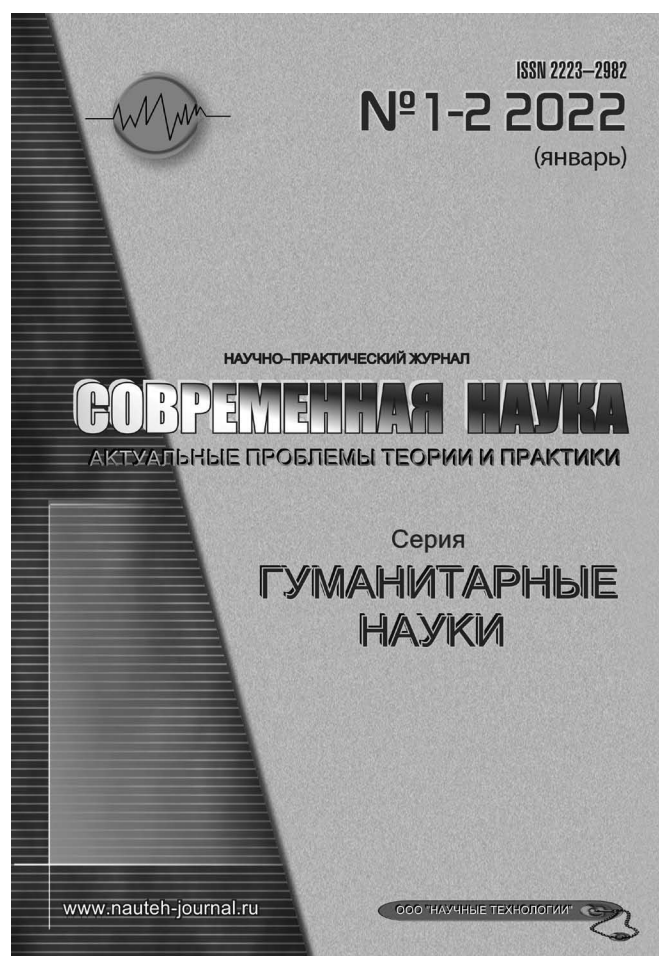
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 1-2 (январь) 2022 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 25.01.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Акульшин П.В. – Воспоминания Н.С. Каринского как исторический источник
Akulshin P. – N.S. Karinsky's memoirs as a historical source 6

Баранова Н.С. – Гарантии безопасности государств, не обладающих ядерным оружием в истории международных отношений
Baranova N. – Security guarantees of non-nuclear-weapon States in the history of international relations 12

Кузнецов Г.Т. – В.И. Вернадский об эволюции биосферы и экологизации сознания
Kuznetsov G. – V.I. Vernadsky on the evolution of the biosphere and the ecologization of consciousness 16

Миловский Н.М. – Современные российские исследования о последствиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.
Milovskiy N. – Modern Russian research on the consequences of the Kyuchuk-Kaynardzhi Peace Treaty of 1774 21

Пашук М.А. – Документы университетских учреждений в области академического сотрудничества России и Германии
Pashuk M. – Documents of university institutions in the field of academic cooperation between Russia and Germany 26

Степанов И.Н. – Земельное законодательство у Аппиана Александрийского
Stepanov I. – Land legislation by Appian of Alexandria 32

Педагогика

Боташева Н.П., Кириченко Н.С. – Модель методической системы формирования декоративной колористической композиционной компетенции магистрантов художественных специальностей

Botasheva N., Kirichenko N. – A model of the methodic system for the formation of decorative coloristic compositional competence of undergraduates of art specialties 37

Лунев В.В., Лунева Т.А., Михайличенко А.Г., Шихатова Т.В., Рахинский Д.В. – Синергетический подход в обучении: принципы и педагогические условия
Lunev V., Luneva T., Mikhailichenko A., Shikhatova T., Rakhinsky D. – Synergetic approach in teaching: principles and pedagogical conditions 43

Ма Синьгэ – Специфика академического художественного образования в китайской академии искусств Ханчжоу в XXI в.
Ma Xinge – The specifics of academic art education at the Chinese Academy of Hangzhou in the XXI century 46

Скопа В.А., Ан С.А. – Актуальные проблемы современного образования в России: пути решения и перспективы развития (по анализу материалов международной научно-практической конференции «Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования»)
Skopa V., An S. – Actual problems of modern education in Russia: solutions and development prospects (based on the analysis of materials of the international scientific and practical conference "Philosophical, sociological and psychological and pedagogical problems of modern education") 50

Сухецкий В.К. – Физическая работоспособность и подготовленность подростков 13-14 лет с различными стадиями полового созревания
Sukhetski V. – Physical performance and preparedness of adolescents 13-14 years old with various stages of public maturity 54

Харченко Н.Л., Кузнецова Н.В., Багдасарова И.Ю., Луценко Н.С., Марциновская В.А. – Основные принципы реализации компетентностного подхода в инклюзивной образовательной среде

<i>Kharchenko N., Kuznetsova N., Bagdasarova I., Lutsenko N., Martsinovskaya V.</i> – Basic principles for implementing a competence approach in an inclusive educational environment 59	<i>Гаджихмедов Н.Э., Исаева А.С., Гаджихмедова А.Н.</i> – Антропокомпонент гюль «цветок, роза» в тюркских личных именах <i>Hajjakhmedov N., Isaeva A., Hajjakhmedova A.</i> – Anthropocomponent <i>gul</i> "flower, rose" in Turkic personal names 94
Хорева Н.С. – Технологии развития коммуникативно-речевой деятельности детей <i>Horeva N.</i> – Technologies for the development of children's communicative and speech activity 64	Герасименко И.В., Бурдина А.Г. – Особенности перевода английского просторечия на русский язык (на материале романа Ч. Диккенса "The posthumous papers of the Pickwick club") <i>Gerasimenko I., Burdina A.</i> – Features of the translation of English space into Russian language (based on the material of the roman Ch. Dickens "The posthumous papers of the Pickwick club") 100
Храмова М.В. – Модель воспитания сотрудников органов внутренних дел российской федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании <i>Khratova M.</i> – The model of education of employees of the internal affairs bodies of the Russian federation with the use of mass media in continuing education 67	Голикова Т.О. – Особенности текста короткого рассказа <i>Golikova T.</i> – Short story in a communicative system 'writer – reader' 105
Хуан Янань – Система профессиональной подготовки педагогов начальной школы в Китае: основные этапы развития <i>Huang Yanan</i> – The system of vocational training of primary school teachers in China: the main stages of development 73	Горбунова Е.Ф., Коваленко Е.Н., Ломакова А.В. – Происхождение слов проекта «Слово года» по версии издательства Оксфордских словарей с 2011 по 2020 годы <i>Gorbunova Ye., Kovalenko E., Lomakova A.</i> – The origin of words of "The Word of the Year" project by Oxford Dictionaries from 2011 to 2020 108
Шмидт Е.К. – Проблемы социально-профессиональной адаптации курсантов военных вузов <i>Schmidt E.</i> – Problems of social and professional adaptation of cadets of military universities 78	Горелова О.В. – Формула заголовка как отражение жанровой специфики дальневосточных метрических книг второй половины XIX века <i>Gorelova O.</i> – The title formula as a reflection of the genre specifics of the far eastern metric books of the second half of the XIX century 114
Филология	
Вавичкина Т.А. – Языковая ситуация в арабском мире: проявление глобализации или закономерный этап развития арабского языка? <i>Vavichkina T.</i> – Linguistic situation in the Arab world: manifestation of globalization or natural stage of the Arabic language development? 84	Екимов М.А. – Метатекстовые функции ключевых слов в научной статье <i>Ekimov M.</i> – The metatextual functions of keywords inside a research article 118
Ван Хайцзяо – Особенности жанра «деловое соглашение» с точки зрения речевых актов (на материале английского и русского языков) <i>Wang Haijiao</i> – Features of the "business agreement" genre from the point of speech acts (based on the material of English and Russian languages) 89	Исазаде В.Д., Эфендиев И.И. – Обида: история слова <i>Isazade V., Efendiev I.</i> – Offense: the history of the word 125
	Кокорина К.А., Соболева Е.В. – Лингвоэкологический аспект исследования политического дискурса <i>Kokorina K., Soboleva E.</i> – Linguoecological aspect of political discourse research 130

Косянова О.М. – Семантические группы фразеологизмов в произведениях С.Т. Аксакова как особенный компонент идиостиля писателя <i>Kosyanova O.</i> – Semantic groups of phraseological units in the works of S.T. Aksakov as a special component of the writer's idiosyncrasy 134	<i>Semyonov A.</i> – Lexico-themed groups of Russian regionalisms in the "Yukagir-Russian dictionary" G.N. Kurilova 168
Кравченко М.А., Кравченко О.В. – Языковые мифологемы в зеркале топонимики Ростовской области <i>Kravchenko M., Kravchenko O.</i> – Linguistic mythologems in the mirror of toponymy of the Rostov region 138	Таймур М.П. – Реализация антропоцентрического принципа в креативном мультимодальном дискурсе <i>Taymour M.</i> – Implementation of anthropocentric principle in creative multimodal discourse 174
Кривенко О.А. – О поддержке культурно-языкового многообразия в Магаданской области <i>Krivenko O.</i> – On support of cultural and language diversity in Magadan region 144	Цзя Дунсюе – Прагматические функции формы прошедшего времени русского глагола в коммуникативной ситуации <i>Jia Dongxue</i> – Pragmatic functions of the past tense form of the Russian verb in a communicative situation 178
Ли Чи – Объем понятия гастрономический код в русской языковой картине мира <i>Li Chi</i> – Scope of the gastronomic code in the Russian language picture of the world 148	Чалых Н.А., Волобуева О.Н. – Контекстуальное соответствие в переводе (на материале технических текстов английского языка) <i>Chalykh N., Volobueva O.</i> – Contextual equivalents in translation (on the material of English technical texts) 184
Лю Юэ – Сходства и различия в актуализации лингвокультурных гендерных стереотипов в паремиях с компонентом-названием инструментов в китайском и в русском языках <i>Liu Yue</i> – Similarities and differences in the actualization of linguocultural gender stereotypes in collocation with the component-name of instruments in Chinese and Russian languages 154	Чжан Яньцю – Лексические средства передачи эмоции «неприязнь» в пьесе «Ревизор» Н.В. Гоголя <i>Zhang Yanqiu</i> – The lexical means for conveying the emotion "antipathy" in the work "The inspector general" of N.V. Gogol 188
Мирзоева С.М. – О сравнении некоторых лингвистических структурно-семантических особенностей азербайджанских и английских народных сказок <i>Mirzayeva S.</i> – Comparison of some linguistic structural and semantic features of Azerbaijani and English folk tales 160	Чжоу Цзыхань – Перевод имен собственных в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» <i>Zhou Zihan</i> – Translation of proper names in Cao Xuetsin's novel "Dream in the red terem" 193
Рамазанова М.М. – К вопросу о семантической структуре междометий немецкого и лакского языков <i>Ramazanova M.</i> – On the semantic structure of German and Lak interjections 165	Юань Юе – Методы оценки эмоциональной окраски лексики <i>Yuan Yue</i> – Factors influencing the emotional coloring of vocerators 199
Семенов А.И. – Лексико-тематические группы русских регионализмов в «Юкагирско-русском словаре» Г.Н. Курилова	Информация
	Наши авторы. Our Authors 202
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 204

N.S. KARINSKY'S MEMOIRS AS A HISTORICAL SOURCE

P. Akulshin

Summary: For the first time in Russian historiography, the article analyzes a previously unknown historical source – the memoirs of N.S. Karinsky (1873–1948), a prominent lawyer of the pre-revolutionary era who played a prominent role during the 1917 revolution and the Civil War. While in exile in the USA, he created an extensive memoir legacy, which has not yet been introduced into scientific circulation. A set of his memoirs was published in the newspaper – "Russian Life", published in San Francisco. It was preserved in the family archive of his descendants in the USA, who gave them to their relative S.S. Karinsky living in Russia in 2015–2018.

Keywords: History of Russia at the beginning of the XX century, Moscow University, court, legal proceedings and advakatura in the Russian Empire, revolution of 1917, Civil War, Russian abroad.

Богатство мемуарного наследия Русского зарубежья еще далеко не исчерпано. Это касается и исторических источников, сохранившихся не только в специализированных научных учреждениях (архивах, библиотеках, музеях), но и в семейных архивах частных лиц. К числу таких материалов относятся воспоминания Н.С. Каринского (1873–1948), эмигрировавшего из России в 1920 г. В данный момент они хранятся в семейном архиве его двоюродного правнука, московского журналиста С.С. Каринского. Автор мемуаров принадлежал к числу представителей либеральной интеллигенции. Он родился в Москве в 1873 г. в дворянской семье, корни которой восходили к вошедшим в состав «благородного сословия» представителям духовенства [67, оп. 307, д. 357; оп. 77, д. 2477]. После окончания юридического факультета Московского университета он переехал в российскую провинцию в качестве земского служащего сначала во Владимирскую губернию, затем – в Орловскую. Одновременно он начал заниматься юридической практикой в качестве помощника присяжного поверенного. Его деятельность на этом поприще оказалась весьма успешной, и он переехал в Харьков уже в качестве присяжного поверенного.

ВОСПОМИНАНИЯ Н.С. КАРИНСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

Акульшин Петр Владимирович

*Д.и.н., профессор, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова
stone2708@mail.ru*

Аннотация: В статье впервые в отечественной историографии анализируются ранее неизвестный исторический источник – воспоминания Н.С. Каринского (1873–1949), видного юриста дореволюционной эпохи, сыгравшего заметную роль в ходе революции 1917 г. и Гражданской войны. Находясь в эмиграции в США, он создал обширное мемуарное наследие, которое еще не введено в научный оборот. Его мемуары были опубликованы в газете «Русская жизнь», издаваемой в Сан-Франциско. Он сохранился в семейном архиве его потомков в США, которые передали их своему живущему в России родственнику С.С. Каринскому в 2015–2018 гг.

Ключевые слова: история России начала XX в., Московский университет, суд, судопроизводство и адвокатура в Российской империи, революция 1917 г., Гражданская война, Русское зарубежье.

Каринский принимал активное участие в общественной жизни одного из крупнейших городов юга России. Помимо юридической деятельности он проявил себя и на политическом поприще, став активным членом Харьковского комитета «Партии народной свободы», являлся выборщиком от Харькова во II Государственную думу, редактировал харьковскую либеральную газету «Утро» (1908–1915 гг.). В годы Первой мировой войны Каринский состоял уполномоченным Главного по снабжению армии комитета всероссийских земского и городского союзов, а в 1915 г. переехал в Москву, где продолжил адвокатскую практику.

Февральская революция 1917 г. дала возможность представителям либеральной оппозиции получить доступ к управлению страной, и Каринский стал одним из комиссаров Московского градоначальства. В рамках проводимого министром юстиции А.Ф. Керенским курса на привлечение либеральных адвокатов на судебные и прокурорские должности, он в мае 1917 г. был назначен на должность прокурора Петроградской судебной палаты. В этом качестве он принял активное участие в борьбе с радикальными противниками Временного правительства в период июльского политического кризиса 1917 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00164а «Воспоминания Н.С. Каринского (1883–1920)».

в столице. В августе 1917 г. он покинул свою должность, а после прихода к власти большевиков перебрался сначала в Москву, а затем на оккупируемую Германией Украину. С конца 1918 г. Каринский находился в Крыму в качестве прокурора судебной палаты, назначенного местным областным правительством. В эти годы бывший присяжный поверенный проявил себя как энергичный деятель, обладающий несомненной административной хваткой. Он был одним организатором эвакуации из Крыма весной 1919 г., когда Красная армия на короткое время взяла полуостров под контроль. В дальнейшем он служил в правительстве Юга России при А.И. Деникине: состоял членом Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, являлся начальником Черноморской губернии и даже занимал должность исполняющего обязанности министра внутренних дел [1; 9; 28].

С ноября 1920 г. он находился в эмиграции в Константинополе, в 1923 г. переехал в США, где проживал в Нью-Йорке. Пытаясь адаптироваться к заокеанской жизни, Каринский находил время и возможность для участия в общественной жизни русской диаспоры: занимался журналистикой, входил в состав Русского национального комитета в Нью-Йорке, избирался председателем Зарубежного союза русских судебных деятелей в США [60]. Первый опыт создания им мемуаров связан с изданием весной 1918 г. в Москве коллективного сборника «Пережитое (год революции)» [62]. В тот момент Каринскому и его единомышленникам казалось, что Советскую власть ожидает скорое и неминуемое падение, и они пытались зафиксировать свои заслуги как в борьбе со «старым режимом», так и с новыми узурпаторами власти. Вновь он вернулся к воспоминаниям во время пребывания в Константинополе, опубликовав в 1923 г. в двенадцатом томе «Архива русской революции» «Эпизод из эвакуации Новороссийска» [59, с. 149–156]. Этот фрагмент до сих пор остается единственным мемуарным свидетельством автора, который введен в научный оборот.

Первые два десятилетия пребывания в США Каринский вел борьбу за выживание, работал мойщиком посуды, докером, таксистом. Только в начале 1940-х гг. у него появилась время и возможность для систематической работы над мемуарами. Трибуной для него стала издаваемая в Сан-Франциско газеты «Русская жизнь», одна из старейших русскоязычных газет в США. На протяжении последующего десятилетия она являлась частной собственностью гражданина США Ф. Кларка, и на ее страницах преобладали публикации членов «Общества друзей русской свободы», объединявшего эмигрантов эсеровской ориентации. В 1938 г. этот периодический орган перешел к издателю газеты «Русские новости» П.П. Балакшину и выходил под двойным названием. В декабре 1941 г. газета перешла в руки объединявшего русские эмигрантские организации западного побережья

США «Русского Центра» и выходила ежедневно под старым названием «Русская жизнь» под редакцией профессора Г.К. Гинса, бывшего члена правительства адмирала А.В. Колчака. На протяжении двух десятилетий газета занимала умеренно антисоветские позиции, а в годы Второй мировой войны трактовала фашистскую Германию как большее зло, чем СССР. По мере нарастания холодной войны «Русская жизнь» стала воинствующим органом антисоветского направления, основную политическую линию которой формировала организация «Крестовый поход во имя правды» во главе с А.Д. Билимовичем и Н.М. Неклюдовым [5]. В силу вполне объяснимых причин в отечественных хранилищах отсутствуют полные комплекты номеров «Русской жизни». Среди выявленных к настоящему времени на территории Российской Федерации отдельных разрозненных номеров этой газеты публикации Каринского отсутствуют. Поэтому его мемуары по сей день остаются неизвестными отечественному читателю и никогда не использовались в научных исследованиях.

Выявленный в настоящий момент в личном архиве С.С. Каринского комплекс воспоминаний Н.С. Каринского представляет собой сделанные самим автором вырезки из номеров газеты «Русская жизнь». После смерти автора они остались на хранении у его дочери Татьяны Каринской, затем перешли к внучке Галины Сейдель, которая и передала их своему живущему в России родственнику на протяжении 2015–2018 гг. К сожалению, сохранность многих вырезок далека от идеала, к тому же на большинстве из них отсутствуют отметки о номере и дата выхода, что создает дополнительные трудности в работе с ними. Можно предположить, что в конце жизни автор планировал издать воспоминания в виде отдельной книги и даже составил соответствующий план, но его смерть помешала осуществлению этого замысла. Свои мемуарные заметки сам автор сгруппировал в виде четырех тематических комплексов, состоящие из нескольких десятков отдельных фрагментов, которые охватывают период от детства автора до его приезда в США.

Первый тематический комплекс, озаглавленный автором «Тени прошлого», представляют собой семейно-бытовые зарисовки о жизни московской интеллигенции конца XIX – начала XX в. В них значительное место занимает рассказ о детстве и юности мемуариста, которые проходили в городском доме родителей и на дачи в подмосковной усадьбе Максино [32; 54]. В юмористических тонах он описывает свое недолгое пребывание в I Московском кадетском корпусе, откуда был исключен, и завершил образование во второй Московской гимназии [25]. Подробно рассказано о духовной жизни молодого человека 1890-х гг., мотивации выбора для получения высшего образования. Значительное место занимает жизнь московского студенчества, в том числе деятельность студенческих землячеств, членом союзного со-

вета которых являлся Каринский [26]. Повествование о жизни студенчества Московского университета дополняется яркими образами повседневной жизни старой столицы [33]. В этом отношении этот раздел воспоминаний Каринского имеет несомненное сходство с произведениями таких ее бытописателей как П.Д. Боборыкина и В.А. Гиляровского. Хотя речь идет не о заимствовании и подражании, а о близости социальных и психологических позиций этих авторов. Если с произведениями П.Д. Боборыкина, прежде всего появившемся в 1882 г. романе «Китай-город», Каринский был, несомненно, знаком, то книга В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», изданная в СССР в 1926 г., была недоступна живущему за океаном эмигранту [4]. Несомненное сходство говорит о том, что все эти тексты объединяло «стремление автора, не чуждого гражданским идеалам, отыскать в бушующем море промышленной цивилизации и прогресса твердые основы человеческого благополучия. Соединение прагматизма со здравым смыслом, а здравого смысла с красотой и благородством – такова этико-мировоззренческая и эстетическая позиция Боборыкина человека, гражданина и писателя» [69, с. 108; 68].

При внимательном анализе заметно, что в этой части мемуаров автор фактически соединил два хронологических пласта. Один относится к периоду студенчества автора в 1890-х гг., второй – к эпохе кануна и периода Первой мировой войны, когда Каринский переехал из провинциального Харькова в Москву для продолжения адвокатской практики. В целом эта часть воспоминаний создает широкую панораму общественной и литературной жизни старой столицы эпохи «серебряного века» отечественной культуры прежде всего в форме рассказа о деятельности Московского литературно-художественного кружка [38; 35].

Второй раздел мемуаров носит название «Встречи. Воспоминания». В них перед читателем проходит целая галерея известных деятелей дореволюционной России. Это, прежде всего, выдающиеся отечественные юристы А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, О.О. Грузенберг, Н.Н. Крестянов, П.С. Пороховщиков, Ф.В. Спасский [8; 7; 39; 48; 36; 37; 57]. В отдельный раздел выделены воспоминания о художнике И.Я. Билибине и писателе Е.Н. Чирикове, с которыми мемуарист связывала тесную дружбу, возникшая накануне Первой мировой войны [6; 12; 13].

Обширная часть воспоминаний Каринского связана с профессиональной деятельностью автора в качестве присяжного поверенного. В них на основе многочисленных конкретных эпизодов рассказано об устройстве и деятельности русского суда и адвокатуры, а также изложение истории целого ряда нашумевших судебных процессов начала XX в. Мемуарист дает апологетическую оценку судебным уставам Александра II, считая их образцом идеального судопроизводства, хотя его текст

ярко показывает те трудности, которые возникали при реализации новых правовых норм на практике [52]. Это наиболее заметно при изложении материала о судебных процессах, связанных с преследованиями властями различных религиозных сект. Автор в качестве защитника специализировался на подобных процессах, и обладал большой эрудицией, как в области вероучения Русской православной церкви, так и в сфере воззрений неортодоксальных религиозных деноминаций. Каринский выступал на процессах скопцов, «Нового Израиля», «Охтенской богородицы», которая напрямую была связана с религиозными исканиями таких деятелей русской культуры Серебряного века как Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и М.М. Пришвин [47; 46; 44; 23]. Текст мемуаров свидетельствует о том, что сам автор, будучи приверженцем православия [53], являлся убежденным сторонником принципа свободы вероисповедования и противодействовал попыткам административного и судебного давления на верующих, имеющих нетрадиционный взгляд на религию и церковь.

Каринский неоднократно успешно выступал защитником на политических [11; 14; 22; 42], уголовных [24; 41; 45; 55; 56] и гражданских процессах [10; 20; 29; 31; 40], мемуарный рассказ о которых представляет собой интереснейший источник по истории отечественного права и суда. Он уделил значительное внимание составу и деятельности такого юридического института, как Совет присяжных поверенных, который не получил должного осмысления в современной отечественной историографии. Согласно принципам судебной реформы 1864 г., в каждом судебном округе при окружной судебной палате предполагалось создание Совета присяжных поверенных в качестве органа корпоративного самоуправления адвокатского сословия. Правда, в реальности такие общественные учреждения к 1914 г. существовали далеко не в каждом судебном округе. Первые два совета присяжных поверенных были образованы в Петербурге и Москве в 1866 г., третий был открыт в округе Харьковской судебной палаты в 1874 г. В остальных судебных округах России советы присяжных поверенных появились только после 1905 г. С харьковским округом и была связана вплоть до переезда в Москву в 1915 г. адвокатская практика Каринского. В состав этого округа входили 6 губерний юга России (Харьковская, Екатеринославская, Полтавская, Воронежская, Курская, Орловская), а также Усманский уезд Тамбовской губернии. На этой территории в 1913 г. действовали 339 присяжных поверенных и 461 их помощников. Последний состав Харьковского совета присяжных поверенных на основании «Учреждения судебных установлений» был избран перед началом Первой мировой войны 1914 г., вошел в него и Каринский [3; 61; 65, с. 28–29]. В своих мемуарах он дал яркие портреты таких видных юристов как С.А. Крылов, Н.Н. Познанский, А.М. Александров, И.Е. Булгаков, В.В. Дашкевич, Р.И. Падеревский. А.Н. Переверзев,

В.А. Розен, Ф.В. Спасский, А.С. Станиславский, которые определяли лицо либеральной адвокатуры и ответственности в этом регионе России.

Следующая часть воспоминаний Каринского посвящена революционным событиям 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. «Звездный час» мемуариста связан с его деятельностью на посту прокурора Петроградской судебной палаты. В этом качестве он возглавил Чрезвычайную комиссию по расследованию противоправительственного выступления большевиков 3–5 июля 1917 г. и инициировал розыск и арест его руководителей, включая В.И. Ленина и Л.Б. Троцкого [63; 64]. По мнению автора воспоминаний, собранные им при поддержке контрразведки Петроградского военного округа документы убедительно свидетельствовали о виновности руководства партии большевиков в подготовке вооруженного выступления в июле 1917 г. в столице и их связи с германскими спецслужбами. Он до конца жизни считал, что отказ Временного правительства в лице его ведущих в тот момент деятелей А.Ф. Керенского, Н.В. Некрасова и М.И. Терещенко поддержать выдвинутые министром юстиции П.Н. Переверзевым обвинения являлось роковой ошибкой. Именно это, по его мнению, стало поворотным пунктом в борьбе за власть, которая не позволила предотвратить приход к власти большевиков в октябре 1917 г. [43]

На протяжении всей оставшейся жизни Каринский являлся убежденным противником большевиков. Он внес посильный вклад в борьбу с ними в качестве прокурорского работника в Петрограде в 1917 г. и в Крыму в 1918 г., а затем и в качестве административного деятеля Южнорусского правительства А.И. Деникина. В мемуарах для обозначения Советского государства он употребляет слова «Совдепия» или «СССР», а также издевательский термин «Триэсэри». Наиболее ярким выражением его политической позиции является мемуарный отрывок «Кто он (рассказ Фомы Подточина)», представляющий собой ядовитый памфлет, направленный лично против И.В. Сталина [30].

Но при этом жизненные обстоятельства сложились

таким образом, что Каринскому пришлось в эмиграции убеждать единомышленников в своей враждебности к советской власти [21]. Это связано с таким эпизодом как проведение следственных действий против руководства партии большевиков в связи с попыткой вооруженного выступления в июле 1917 г. В 1931 г. в СССР вышла книга воспоминаний В.Д. Бонч-Бруевича, в которой содержится рассказ об июльском кризисе 1917 г. По свидетельству автора, именно Каринский по телефону сообщил ему об угрозе ареста В.И. Ленина, что позволило лидеру большевиков спастись от грозящей опасности [2]. Каринский всячески опровергал этот факт, однако в данный момент не представляется возможным определить, какая из этих двух версий является более правдивой.

Каринский в воспоминаниях проявил себя занимательным рассказчиком, его мемуары написаны живым и ярким языком, содержат большое количество культурных аллюзий и литературных цитат, свидетельствующих о большой начитанности и эрудиции автора. Об этом свидетельствует и завершающий цикл воспоминаний мемуарный отрывок «Состязание». В нем автор привел любопытный случай межкультурных коммуникаций, который происходил при его личном участии в гостинице «Пенсильвания» в Нью-Йорке. Этот текст, возможно содержащий и определенную долю художественных преувеличений, явно навеян рассказом «Певцы» из «Записок охотника» И.С. Тургенева. Разноплеменной группе людей, которые тяжелым трудом зарабатывают себе на жизнь в городе «желтого дьявола», во время вспыхнувшего в ходе короткого перерыва спора бывший русский адвокат и прокурор, выступающий в роли их бригадира, доказывает красоту и величие русского языка. Мощным и убедительным аргументом является чтение им русского перевода стихотворения классика американской литературы Эдгара По в переводе К.Д. Бальмонта, с которым он познакомился в 1890-е гг. в Москве [50].

Введение в научный оборот текста воспоминаний Каринского несомненно будут способствовать разработке многих актуальных проблем истории российского общества конца XIX – начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулышин П.В. Русский интеллигент в эпоху социальных потрясений: Н.С. Каринский и его воспоминания // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12. С. 6–10.
2. Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М.: Федерация, 1931. 404 с.
3. Гессен И.В. История русской адвокатуры: Адвокатура, общество и государство. Т. 1. М.: Издательство Советов присяжных поверенных, 1914. 623 с.
4. Гиляровский Москва и москвичи: Воспоминания. М.: Всероссийский союз поэтов, 1926. 126 с.
5. Градова З. К истории газеты «Русская жизнь» // «Новый Журнал». Литературно-художественный журнал русского Зарубежья. 2012. № 267.
6. Каринский Н.С. Билибин И.Я. // Личный архив С.С. Каринского.
7. Каринский Н.С. (К годовщине катастрофы с царским поездом) // Личный архив С.С. Каринского.

8. Каринский Н.С. А.Ф. Кони и император Александр III // Личный архив С.С. Каринского.
9. Каринский Н.С. Автобиография, сентябрь 1947 г. // Личный архив С.С. Каринского.
10. Каринский Н.С. Беглые гг. Тиньковых // Личный архив С.С. Каринского.
11. Каринский Н.С. В военных судах // Личный архив С.С. Каринского.
12. Каринский Н.С. В Крыму (рассказ) // Личный архив С.С. Каринского.
13. Каринский Н.С. В Массандре (из воспоминаний) // Личный архив С.С. Каринского.
14. Каринский Н.С. В Одесском военном суде // Личный архив С.С. Каринского.
15. Каринский Н.С. В Святую ночь // Личный архив С.С. Каринского.
16. Каринский Н.С. В Сенате // Личный архив С.С. Каринского.
17. Каринский Н.С. Видение (рассказ) // Личный архив С.С. Каринского.
18. Каринский Н.С. Газетная болтовня (из воспоминаний) // Личный архив С.С. Каринского.
19. Каринский Н.С. Глупое лицо // Личный архив С.С. Каринского.
20. Каринский Н.С. Гражданские дела // Личный архив С.С. Каринского.
21. Каринский Н.С. Grimасы жизни (клочок автобиографии) // Личный архив С.С. Каринского.
22. Каринский Н.С. Дело госпожи А. Политический процесс (из воспоминаний) // Личный архив С.С. Каринского.
23. Каринский Н.С. Дело Охтенской богородицы // Личный архив С.С. Каринского.
24. Каринский Н.С. Дело самозванца Трубецкого // Личный архив С.С. Каринского.
25. Каринский Н.С. Дядя Николай (из семейной хроники) // Личный архив С.С. Каринского.
26. Каринский Н.С. Землячество и союзный совет (Из воспоминаний о Московском университете) // Личный архив С.С. Каринского.
27. Каринский Н.С. Из пережитого // Личный архив С.С. Каринского.
28. Каринский Н.С. Краткая автобиография, август 1932 г. // Личный архив С.С. Каринского.
29. Каринский Н.С. Крестьянка-графиня // Личный архив С.С. Каринского.
30. Каринский Н.С. Кто он (рассказ Фомы Подточина) // Личный архив С.С. Каринского.
31. Каринский Н.С. Купец из Кременчуга // Личный архив С.С. Каринского.
32. Каринский Н.С. Максимо и «соловей-разбойник» // Личный архив С.С. Каринского.
33. Каринский Н.С. Москва и москвичи (кое- что о Москве 19 века) // Личный архив С.С. Каринского.
34. Каринский Н.С. Наваждение (рассказ) // Личный архив С.С. Каринского.
35. Каринский Н.С. Негр // Личный архив С.С. Каринского.
36. Каринский Н.С. О.О. Грузенберг // Личный архив С.С. Каринского.
37. Каринский Н.С. П.С. Пороховщиков // Личный архив С.С. Каринского.
38. Каринский Н.С. Пари // Личный архив С.С. Каринского.
39. Каринский Н.С. Переключка поколений (к столетию со дня рождения А.Ф. Кони) // Личный архив С.С. Каринского.
40. Каринский Н.С. Перемена фамилии // Личный архив С.С. Каринского.
41. Каринский Н.С. Покушение на убийство предводителя дворянства // Личный архив С.С. Каринского.
42. Каринский Н.С. Политический процесс // Личный архив С.С. Каринского.
43. Каринский Н.С. Последний шанс. (30 лет назад) // Личный архив С.С. Каринского.
44. Каринский Н.С. Процесс Нового Израиля // Личный архив С.С. Каринского.
45. Каринский Н.С. Процесс присяжного поверенного Левченко // Личный архив С.С. Каринского.
46. Каринский Н.С. Процесс скопцов // Личный архив С.С. Каринского.
47. Каринский Н.С. Сектантские процессы в русских судах // Личный архив С.С. Каринского.
48. Каринский Н.С. Сенатор Крестьянов // Личный архив С.С. Каринского.
49. Каринский Н.С. Советы присяжных поверенных // Личный архив С.С. Каринского.
50. Каринский Н.С. Состязание // Личный архив С.С. Каринского.
51. Каринский Н.С. Страх (рассказ) // Личный архив С.С. Каринского.
52. Каринский Н.С. Судебные уставы императора Александра II // Личный архив С.С. Каринского.
53. Каринский Н.С. Судьба // Личный архив С.С. Каринского.
54. Каринский Н.С. Тени минувшего // Личный архив С.С. Каринского.
55. Каринский Н.С. Убийство жены судебным следователем // Личный архив С.С. Каринского.
56. Каринский Н.С. Уголовные дела с присяжными заседателями // Личный архив С.С. Каринского.
57. Каринский Н.С. Ф.В. Спасский (Памяти друга соратника) // Личный архив С.С. Каринского.
58. Каринский Н.С. Харьковский совет присяжных поверенных // Личный архив С.С. Каринского.
59. Каринский Н.С. Эпизод из эвакуации Новороссийска // Архив русской революции. 1923. Т. 12. С. 149–156.
60. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX в. М. Изд-во Национального института бизнеса, 2007. 446 с.
61. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1914–1915 год. Харьков, 1915. 463 с.
62. Пережитое (В год революции). 1917 – март 1918 г. Сборник стихов, очерков, рассказов. М.: Верфь, 1918. 169 с.
63. Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против

- государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов: в 2 кн. М.: РОССПЭН, 2012.
64. Соболев Г.Л. Русская революция и «немецкое золото». СПб.: Нева, 2002. 479 с.
65. Статистический справочник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1915 г. Отд. I. Пг.: Издание Центрального статистического комитета, 1916. 154 с.
66. Сухих И. «Московский текст» бродяги Гиляя // Звезда. 2004. № 4. С. 222–233.
67. ЦГА Москвы. Ф. 418 – Московский императорский университет.
68. Юсяев А.С. Московская тематика в произведениях художественного натурализма и подходы к её рассмотрению // Актуальные проблемы филологии: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 11–14.
69. Щерблякин С.И. Романы П.Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2002. 258 с.

© Акульшин Петр Владимирович (stone2708@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Рязанский государственный медицинский университет
имени академика И.П. Павлова

ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ, НЕ ОБЛАДАЮЩИХ ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

SECURITY GUARANTEES OF NON-NUCLEAR-WEAPON STATES IN THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

N. Baranova

Summary: The article is devoted to the issues of the formation of an international regime for the non-proliferation of nuclear weapons. It highlights the main stages of international nuclear safety, the activities of international organizations in this area. Special attention is paid to the issue of ensuring security guarantees for non-nuclear-weapon States.

Keywords: international security, nuclear weapons, security guarantees, guarantees of non-use, guarantees of assistance, nuclear terrorism, international control, nuclear non-proliferation regime, international organization, IAEA.

Баранова Наталья Сергеевна

*К.и.н., Доцент, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
arshan20@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена вопросам становления международного режима нераспространения ядерного оружия. В ней освещаются основные этапы международной ядерной безопасности, деятельность международных организаций в данной области. Особое внимание уделено вопросу обеспечения гарантий безопасности для государств, не обладающих ядерным оружием.

Ключевые слова: международная безопасность, ядерное оружие, гарантии безопасности, гарантии неприменения, гарантии помощи, ядерный терроризм, международный контроль, режим нераспространения ядерного оружия, международная организация, МАГАТЭ.

На сегодняшний день, несмотря на то что мировое сообщество пришло к тому, что следует положить конец бесконтрольному распространению ядерного оружия, остро стоит проблема гарантии безопасности государствам, которые в силу разных причин не владеют и не создают ядерное оружие. Поэтому появляется необходимость обеспечения безопасности стран от применения или угрозы применения этого оружия со стороны обладающих ядерным оружием государств, а также обезопасить их от ядерного шантажа. Государства, не обладающие ядерным оружием (НЯОГ), также беспокоились вопросом о том, будет ли им оказана помощь в случае нападения или угрозы ядерным нападением. В литературе принято выделять два вида гарантий безопасности: 1. «негативные» – гарантии неприменения; 2. «позитивные» – гарантии помощи [7].

Гарантии безопасности вызвали интерес в первую очередь у стран Движения неприсоединения (ДН), а также нейтральных государств, не владеющих ядерным оружием. Страны, включенные в состав военных блоков или участвующие в других союзах с ядерными государствами, могли рассчитывать на так называемый «ядерный зонтик» [9]. «Ядерный зонтик» – это такие гарантии, которые предоставляются странами, обладающими

ядерным оружием своим союзникам для защиты от нападения других ядерных держав. Однако государства, обладающие ядерным оружием (ЯОГ), не согласились с включением данного вопроса о гарантиях в Договор о нераспространении ядерного оружия. Они были согласны лишь на принятие резолюции Совета Безопасности ООН (СБ ООН) о позитивных гарантиях, которая была принята 19 июня 1968 г.

Данная резолюция «признала, что агрессия с применением ядерных боеприпасов или угроза такого нападения на другие державы, не обладающие таким оружием, создала бы ситуацию, в которой члены Совета Безопасности ООН должны были бы неукоснительно прибегать к действиям в соответствии со своими обязанностями, прописанными Уставом ООН»¹. В то же время по инициативе Советского Союза, Америка и Англия заявили о своем настрое действовать посредством Совета Безопасности для противостояния агрессии с использованием ядерного оружия или для предупреждения угрозы агрессии.

В отличие от гарантий помощи, так называемые гарантии неприменения были предоставлены государствам, обладающим ядерным оружием, значительно

¹ За резолюцию проголосовали 10 членов Совета Безопасности, против голосов не было, воздержались Франция, Индия, Пакистан, Алжир, Бразилия. КНР в тот период в состав членов ООН не входила.

позже. 5-6 апреля 1995 г. Они были приняты государствами как раз перед Конференцией по вопросам продления сроков действия Договора о нераспространении ядерного оружия². Страны, не обладающие ядерным оружием, выразили свое несогласие по поводу односторонних гарантий. Они требовали для себя гарантий безопасности, юридически закрепленных в нормах международного права. Государства же, обладающие ядерным оружием, в свою очередь, пытались сохранить за собой потенциальное право его применения.

Если обратиться к понятию «гарантии», то этот термин впервые был введен профессором И.С. Перетерским в 1956 г. Он определял это понятие как меры, призванные обеспечить эффективность какого-либо правила или положения. В международно-правовом значении это понятие определяет обязанность государств создавать и соблюдать, созданное ими международное положение [7].

Обеспечение безопасности посредством гарантий неприменения адресовывалось странам, обладающим ядерными боеприпасами, которые они обязывались не применять и не угрожать применением против стран, не имеющих данный вид оружия [8].

Гарантии же помощи должны были реализовываться странами, имеющими атомное оружие, в обеспечении помощи странам, не имеющим данного вида оружия, в случае нападения со стороны другого государства с угрозой ядерной опасности. Стоит отметить, что, несмотря на многочисленные заявления ряда стран, не обладающих ядерным оружием, принять какой-либо международный документ, содержащий негативные гарантии безопасности, такого документа не существует. Такое положение не может гарантировать защищенность странам, не имевшим атомного оружия. Более того, оно демонстрирует иллюзию, что обладание ядерным оружием гарантирует безопасность и свободу действий.

В 1968 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция 255 под названием «Вопрос о мерах по защите неядерных государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия» [4], которая закрепила положительные гарантии безопасности для стран, не обладающих ядерной силой. Эти государства были встревожены вероятностью нападения на них, т.к. являясь членами Договора о нераспространении ядерного оружия, они не имели права приобретать ядерное оружие.

Вместе с тем, Резолюция 255 поощряла желание стран оказывать необходимую помощь любой стране, не владеющей ядерной силой, но участвующей в подписании Договора о нераспространении ядерного оружия

[4]. Хотя эта положительная гарантия безопасности была разработана для поощрения государств, не обладающих ядерным оружием, присоединиться к ДНЯО, после этой резолюции участники, не обладающие ядерным оружием, начали настаивать на юридически обязательных негативных гарантиях безопасности, которые, по их мнению, были предложены для большей защиты.

Первая юридически обязывающая негативная гарантия безопасности содержится в Договоре Тлателолко (1969 г.), который сделал Латинскую Америку и Карибский бассейн зоной, свободной от ядерного оружия [3]. Соединенные Штаты очень поддерживают этот Договор и подписали соглашение, обещающее не использовать ядерное оружие против государств, подписавших Договор, или угрожать им. Однако Соединенные Штаты заявили, что освобождены от этих условий, если на нее напала договаривающаяся сторона Договора, работающая совместно с государством, обладающим ядерным оружием.

В 1978 г. в заключительном документе первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи по разоружению государства, обладающие ядерным оружием, попросили «предпринять усилия для заключения надлежащих эффективных мер для обеспечения государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия» [5].

Начиная с 1980 г. Конференция по разоружению (КР) начала обсуждать тему негативных гарантий безопасности ежегодно с 1983 по 1994 г. в специальном комитете. В 1998 г. КР вновь создал этот комитет, но он не добился какого-либо прогресса. С 1999 г. КР не созывал никаких специальных комитетов, хотя многие государства продолжают настаивать на принятии мер в отношении НГС на КР.

С 1990 г. Пакистан ежегодно представляет резолюцию о НГС Генеральной Ассамблее ООН. Без изменений в последние годы, как с точки зрения материального содержания, так и уровня поддержки, резолюция призывает к активным «интенсивным переговорам» на КР по эффективным международным соглашениям. НАТО и Европейский союз традиционно воздерживались от этой резолюции. Самая последняя версия была принята в 2011 г. с голосом 120-0-57.

В 1995 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция 984, которая гарантировала защиту государствам, не обладающим ядерным оружием [6]. В резолюции говорилось, что члены ДНЯО, не обладающие ядерным оружием, получают заверения в том, что «Совет Безопасности, и прежде всего его постоянные члены,

2 Российская Федерация в военной доктрине 2000 г. подтвердила гарантии безопасности НЯОГ на некоторых условиях.

обладающие ядерным оружием, будут действовать незамедлительно в соответствии с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций» для защиты государств, не обладающих ядерным оружием, против нападений или угроз агрессии, в которых используется ядерное оружие. Опять же, эти заверения являются скорее позитивными заверениями, чем негативными заверениями; поэтому страны в Движении неприсоединения, в частности, разочарованы тем, что Совет Безопасности не принял более решительных мер.

Хотя негативные гарантии безопасности регулярно рассматриваются в Подготовительных комитетах и конференциях по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), эти совещания не достигли прогресса в деле обеспечения их юридической силы. В заключительном документе Конференции 2000 г. по рассмотрению действия Договора не упоминалось о возможном международном договоре о негативных гарантиях безопасности, но он вновь подтвердил роль ДНЯО в качестве форума для решения этих проблем и призвал Подготовительный комитет вынести рекомендации для Конференции 2005 г. по рассмотрению действия Договора. Конференция 2005 г. по рассмотрению действия ДНЯО не смогла принять окончательный документ, поэтому вопрос снова был отодвинут на следующий цикл обзора. В заключительном документе Конференции 2010 г. по рассмотрению действия Договора содержались два пункта, касающиеся гарантий безопасности, в которых содержится призыв к немедленному обсуждению международных соглашений о негативных гарантиях безопасности на КР; и за соблюдение существующих обязательств.

Пять ядерных государств, обладающих ядерным оружием, сделали несколько обещаний относительно негативных гарантий безопасности. В преддверии Конференции 1995 г. по рассмотрению действия ДНЯО государства, обладающие ядерным оружием, распространили возобновленные обещания по НГС Генеральной Ассамблее ООН и Совету Безопасности [1].

Китай придерживается строгой политики, чтобы никогда не быть первым, кто использовал бы или угрожал бы использовать ядерное оружие. Он также пообещал

не использовать или угрожать применением ядерного оружия против государств, не обладающих ядерным оружием, или зон, свободных от ядерного оружия, в любое время или при любых обстоятельствах.

Франция обязалась не применять ядерное оружие против государств, не обладающих ядерным оружием, которые принадлежат к ДНЯО, за исключением вторжения или нападения на него или на любую из его территорий или своих вооруженных сил, своих союзников или государства, к которому оно имеет обязательство по обеспечению безопасности, если оно проводит или поддерживает это нападение в союзе с государством ядерного оружия.

Как и Франция, Россия привержена не применять ядерную силу, но если к ней или ее союзникам будет применено ядерное оружие, или будет угроза применения, то в данном случае Россия применит ядерные бомбы в ответ.

Соединенное Королевство придерживается стороны неприменения ядерной силы, если оно или любые его союзники не будут подвергнуты нападению каким-либо иным образом странам-владелицам ядерного оружия. Такой же позиции придерживаются и Соединенные Штаты.

По нашему мнению, решение этого вопроса заключается в подписании многостороннего договора на международном уровне. Данный договор способствовал бы укреплению режима нераспространения ядерного оружия, а также гарантировал безопасность во всем мире. Нежелание стран – обладательниц данного вида оружия подписывать такой документ влечет появление неуверенности в завтрашнем дне стран, не обладающих ядерным оружием, вызывает подозрение к политике мировых держав. В связи с этим, члены Договора о нераспространении ядерного оружия должны обеспечить гарантии ненападения путем принятия международно-нормативно-правового акта, закрепляющего данную норму. Основой могли бы послужить уже действующие дополнительные протоколы к договорам о безъядерных зонах. Кроме того, существует мнение, что отсутствие такого договора вызовет падение международного режима нераспространения ядерного оружия [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов О.В. Разоружение — гарантия мира / О.В. Богданов. — М.: Международные отношения, 2014. 184 с.
2. Ванин И. О гарантиях безопасности неядерным странам / И. Ванин // Международная жизнь. 2016. - № 10. - С. 47-52.
3. Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договор Тлателолко) от 14 февраля 1967 г.
4. Резолюция 255 от 1968 г. S/RES/255 (1968) Вопрос о мерах по обеспечению безопасности не обладающих ядерным оружием государств-участников договора о нераспространении ядерного оружия.
5. Резолюция 14.12.1978 г. A/RES/33/62 Эффективные меры по осуществлению целей и задач Десятилетия разоружения

6. Резолюция 11.04.1995 г. S/RES/984 (1995) Предложение Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции о гарантиях безопасности
7. Перетерский И.С. Понятие гарантий в международном праве // Государство и право. 2013. №9. С. 46.
8. Ибрагимов А.М. Возникновение гарантий в международном праве / А.М. Ибрагимов // Московский журнал международного права. 2008. — № 4. с. 106-117.
9. Курбанов Р.А., Бабурин С.Н. Правовое регулирование атомной энергетики в ЕС / Р.А. Курбанов, С.Н. Бабурин // Международное право и международные организации. — 2012. — №3.

© Баранова Наталия Сергеевна (arshan20@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

В.И. ВЕРНАДСКИЙ ОБ ЭВОЛЮЦИИ БИОСФЕРЫ И ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

Кузнецов Геннадий Тарасович

доцент, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Буденновск
natali.kuznetsova.48@mail.ru

V.I. VERNADSKY ON THE EVOLUTION OF THE BIOSPHERE AND THE ECOLOGIZATION OF CONSCIOUSNESS

G. Kuznetsov

Summary: The article presents a brief overview of V.I. Vernadsky's scientific views. The problems of the evolution of the biosphere and its transition to a new state – the noosphere, as well as the role and place of man in this process are considered. The creative genius of a scientist is compared in level and significance with the greatest geniuses in the history of mankind. The article analyzes the state and importance of the disciplines of the natural science cycle in school education, which forms an ecologically literate worldview, as the basis of the culture of a modern person, a resident of the planet Earth.

Keywords: Earth, evolution, biosphere, noosphere, humanity, ecology, geology, natural science, repression, education, science, worldview, society.

«Жизненность и важность идей познается только долгим опытом.
Значение творческой работы
ученого определяется временем».
В.И. Вернадский

Владимир Иванович Вернадский, утверждая историческую необходимость формирования коллективного сознания, как все ученые энциклопедического склада, шел впереди своего времени, и его вклад в науку в достаточной мере не был понят своими современниками.

В.И. Вернадский, ученый, синтетического склада ума, чей вклад в науку еще до конца не осознан. По воспоминаниям его современников, он отличался невероятной мыслительной активностью, а по уровню вклада в науку он может быть поставлен в один ряд с такими великими учеными и мыслителями, как Леонардо да Винчи, Г. Мендель, К.Э. Циолковский, Н.И. Вавилов, и немногие другие. Это ученые, опередившие время и определившие направления человеческой мысли, ставшие основоположниками новых научных направлений.

Творчество В.И. Вернадского стоит у истоков перехода естествознания от дробления наук к их синтезу. Он способствовал возникновению современной геохимии, космохимии, гидрохимии, биогеохимии и других новых

Аннотация: В статье представлен краткий обзор научных взглядов В.И. Вернадского. Рассматриваются проблемы эволюции биосферы и перехода ее в новое состояние – ноосферу, а также роль и место человека в этом процессе. Творческий гений ученого сравнивается по уровню и значимости с величайшими гениями в истории человечества. В статье анализируется состояние и значение дисциплин естественнонаучного цикла в школьном образовании, формирующем экологически грамотное мировоззрение, как основы культуры современного человека, жителя планеты Земля.

Ключевые слова: Земля, эволюция, биосфера, ноосфера, человечество, экология, геология, естествознание, репрессии, образование, наука, мировоззрение, общество.

гибридных наук. Это отражает его виденье природы в едином и неразрывном комплексе взаимодействующих геологических и биологических компонентов.

В.И. Вернадский родился в Петербурге 12 марта 1963 года. В его родословной переплетены по меньшей мере три линии: украинская, русская и польская. Его ментальность складывалась в России, в Петербурге, отчего и позиционировал он себя как русский по всему складу своей души.

Как ученый он был исследователем истории природы с очень широким диапазоном интересов. В поле его интересов находились геология, минералогия, география, почвоведение, гидрология, биология, экология, космология и т.д. В.И. Вернадский, обладая сильной интуицией и пророческим даром предвидения путей развития науки, заложил основы комплекса новых, ныне бурно развивающихся наук, таких как: геохимия, генетическая минералогия, биогеохимия, учение о живом веществе, биосфере и ноосфере.

Творчество В.И. Вернадского корнями своими тесно связано с его непосредственными учителями и светилами ученого мира. Его учителем был В.В. Докучаев, основатель современного научного почвоведения, геолог и геоморфолог. Он учился у Д.И. Менделеева, ученого, заложившего основы современной химии, автора перио-

дического закона и периодической системы химических элементов. Среди его педагогов был, А.М. Бутлеров, создатель теории строения органических веществ. Он был знаком лично с А. Энштейном, М Планком, Н. Бором и другими яркими представителями как Российской, так и мировой науки рубежа 19—20 веков.

Продолжая развивать идеи своих предшественников, В.И. Вернадский, тем не менее облачал свои идеи в неповторимую и своеобразную форму. Его работы отличает научно-философский характер. При наличии огромного фактического материала в его работах всегда присутствует аналитико-синтетический подход. Такова и подробнейшая по анализу фактов и глубине выводов его работа «Биосфера», опубликованная небольшим тиражом в 1926 году.

В этой работе В.И. впервые предложил новую концепцию понимания биосферы как планетной организации жизни, представляющей собой закономерную часть космической организованности, в которой не было никакого начала жизни, так, как космос вечен, и жизнь всегда передавалась путем биогенеза. Она свойственна Вселенной, и новой была только для Земли.

Жизнь, по мнению, В.И. не была чем-то случайным, а распространена всюду, и «живое вещество» всегда существовало в виде Биосферы.

В этом фундаментальном, тщательно проработанном исследовании, он ясно формулирует свою идею о том, что жизнь не есть явление земное, она – явление космическое. Она не могла произойти от косного так, как между ними нет промежуточного состояния. Эти представления не соответствовали официальным концепциям возникновения жизни от одной исходной формы. По Вернадскому вопрос о возникновении жизни не может сводиться к вопросу возникновения одного вида.

В соответствии с точкой зрения В.И. Вернадского, крупные систематические группы произошли не в итоге развития мелких, а наоборот мелкие есть результат дифференциации крупных.

Эволюция биосферы – это процесс не затухающий, а имеющий направленность и необратимость. [1, 9-16]. Она есть проявление творческого мирового порядка. В.И. Вернадский понимал под этим возрастание организованности Биосферы, связанное с эволюцией Космоса. Такие возможности возникли, по Вернадскому, начиная с кембрия, когда основным проявлением направленности эволюционного процесса стала цефализация, а именно усложнение и усовершенствование мозга и центральной нервной системы [2, 45]. Появление человека и человеческого общества было качественно новым этапом в развитии Биосферы.

И тогда появляется орудие труда. Дальнейшая эволюция связана с развитием мышления, творчества и созидания, изменяющего окружающий мир. «...ход истории научной мысли выступает перед нами как природный процесс истории Биосферы» (В.И. Вернадский). [2, 16]

Современная теория эволюции, одним из качеств эволюции называет ускорение. По мысли Вернадского, Биосфера эволюционирует с помощью научно направленного разума человека и переходит в новое состояние-Ноосферу. Эта идея была предложена В.И. Вернадским в 1944 году. По его представлению сама структура мозга будет изменена.

На этой стадии человек разумный выступает как геохимическая сила невиданного масштаба, что и является фактором, ускоряющим все эволюционные процессы. И особенность этой силы – ее разумность. Этот новый организм выйдет за пределы своей планеты. С этого момента научная мысль человечества будет вносить свою лепту в общую эволюцию Космоса.

Термин «Ноосфера» был введен Э. Леруа (1927) и Тейяром де Шарденом (1930). Оба французских автора утверждали, что «...ноосфера –это мыслящий пласт», зародившийся в конце третичного периода и разворачивающийся с тех пор над миром растений и животных, вне биосферы и над ней.

Французские ученые понимали под этим термином стадию развития природы, на которой появился разумный человек. Эту трактовку Тейяр де Шарден изложил в своей работе «Феномен человека», впервые опубликованную в 1959 году

В.И. Вернадский, в отличие от французов, понимал под ноосферой не нечто внешнее по отношению к биосфере, а новый этап в ее развитии, этап разумного регулирования отношений человека и природы

В 1944 году им была опубликована статья «Несколько слов о ноосфере». Исследователи рассматривают ее как научное завещание ученого. Представления В.И. Вернадского о *ноосфере* по существу являются логическим развитием его теории о биосфере. [5, 286-287]

В 20 веке человечество, не очень осознавая это, вступило в этот новый этап своего взаимодействия с природой Земли и Космосом. Понимание этого факта началось уже в 1927 году, когда французский математик и философ, палеонтолог и антрополог Эдуард Ле - Руа (1870-1954) в Колледж де Франс в Париже, читал лекции о биосфере, основанные на представлениях В.И. Вернадского. Содержание его лекций было построено на научном материале В.И. Вернадского, представленного в его уникальной работе «Биосфера». В ней ученый впервые

представил биосферу как глобальную саморазвивающуюся структуру. В работе, написанной, как он сам говорил, на одном дыхании, был сделан глубочайший анализ структуры биосферы, ее состава, законы функционирования и направление ее эволюции.

В работе «Биосфера» В.И. Вернадский пишет о том, что в 20 веке впервые наука о Земле много узнала и поняла о свойствах биосферы. Учеными была составлена географическая карта планеты. Человек расселился по всей ее поверхности Земли. Человечество стало единым целым. Несмотря на активную миграцию и заселение практически всей территории Земли, его масса представляет собой ничтожную часть от массы вещества планеты. Значимость человечества связана не с его материей, а с его мозгом и направляемой им его разумной деятельностью.

В работе В.И. Вернадского четко прослеживается идея о том, что в геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это, и не будет растрчивать свой разум и свой труд на бездумное строительство, браконьерство, безнравственное поведение и разрушительные войны.

В работе, посвященной биосфере, ученый обращает внимание на ее «мозаичность». В.И. Вернадский отмечает, что жизнь, организованная в планетарном масштабе, функционирует в пределах отдельных «квантов» биосферы (впоследствии названных английским биологом А.Дж. Тенсли (1871-1955) «экосистемами»). [7, 293-306]

По мнению ученого, геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей вида гомо сапиенс, независимо от их цвета кожи. В.И. Вернадский выступал против всяческой дискриминации, так как она противоречит закону природы, утверждающему биологическое единство всего человечества планеты.

Вернадский пишет о том, что исторический процесс меняется, и впервые в истории интересы народных масс и свободной мысли личности определяют жизнь людей. Человеческое сообщество, взятое в целом, становится мощной геологической силой, преобразующей биосферу.

Результаты этого процесса повсеместно проявляются в жизни природы. Изменяется облик планеты, ее твердая, воздушная и водная оболочки. Появилось множество новых органических веществ, среди них разнообразные полимеры, отходы и мусор от которых заполнили планету и грозят гибелью морским животным, путающим их с естественным кормом в виде медуз.

Так, по данным химической науки на 1985 год, число

органических веществ, созданных промышленностью, составляло около 6,5 миллионов разновидностей, то в 2007 это число уже превышало 25 миллионов. [6, 424-425]

Творческая и преобразующая активность человеческого интеллекта не имеет ограничений. В результате активного производства новых веществ резко меняется химический состав прибрежных зон морей и океанов, почв и воды. Возникает много новых форм жизни. Это особенно заметно микробиологам. Новые формы вирусов, новые штаммы бактерий. За столетие с планеты исчезло более 100 видов животных и растений. Новые технологии, во многом меняя образ жизни человека, выступают сильнейшими мутагенами для биосферы. Человек становится крупнейшей геологической силой, преобразующей биосферу. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая того, приближаемся, получило название – «Ноосфера»

По мнению ученого, *ноосфера* – это последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории. В.И. Вернадский в своей работе «Биосфера» анализирует исторические события в судьбе биосферы за многие века. Так, например, он пишет о кембрии как о геологической эре, в которой впервые появляются животные, имеющие кальциевый скелет.

Ученый подчеркивает важность кальция в последующем формировании живого вещества биосферы. Это явление привело к изменению химического состава биосферы и направило эволюцию ее форм в сторону появления позвоночных животных. Аналогичным *ноосфере* он считает период третичного периода, когда на земле появились зеленые древесные растения, создавшие густые леса. В этот период на Земле отмечается появление человека. Биосфера, подобно организму имеет свою направленность развития. *Ноосфера* – это следующий этап развития биосферы, а вместе с ней и человечества. [2]

Взаимодействие цивилизации и природы могут и должны идти по пути созидания. Но, к сожалению, это не совсем так. Природа сталкивается с поразительной по силе агрессии деятельностью со стороны человека. Природные процессы самовосстановления уже едва справляются. Тем не менее, человечество переходит в новую для себя эру существования. И это происходит независимо от человеческой воли, подобно естественному природному процессу.

По мнению В.И. Вернадского, изменение биосферы – это явление неизбежное, сопутствующее развитию науки. Наука есть проявление творчества планетарного масштаба и это уже фактор, вторгающийся в организованную деятельность биосферы и, следовательно, изме-

нящий ее.

В настоящее время отмечают ряд признаков, указывающих на процесс перехода Биосферы в Ноосферу.

1. Растет масштаб разработок полезных ископаемых и геохимическая деятельность человека становится сравнимой по масштабу с биологическими и геологическими процессами.

2. Происходит постепенное потепление климата ввиду массового сжигания продуктов фотосинтеза прошлых геологических эпох таких, как: нефть, газ, уголь.

3. Накапливается энергетическое загрязнение биосферы, так как усилено рассеивание энергии в отличие от ее накопления, имевшего место до появления человека.

4. Промышленные отходы способствуют химическому загрязнению биосферы.

5. Освоение ядерной энергии ведет к возникновению опасности **теплового** загрязнения Биосферы.

6. Расширяются границы Ноосферы за пределы Земли в связи с научно-техническим прогрессом, развитием космонавтики, создающей возможности выхода человека в космическое пространство. Создается принципиальная возможность организации искусственных биосфер на других планетах.

Глобальные изменения, уже происходящие на Земле, требуют иных подходов в подготовке нового поколения с другим сознанием. Общественное сознание 18-19, начала 20 веков не готово было еще к восприятию подобного видения мира. Мир в воображении жителей планеты был подобен лоскутному одеялу, ограниченное пространство проживания. Развитие транспорта, рост миграционных процессов, полеты в космос, создание интернет-пространства – все это к концу 20 началу 21 века способствовало возникновению совершенно другой картины мира.

И это требует внесения серьезных поправок в содержание и организацию процесса современного образования, требующего глубокой интеграции естественнонаучного и гуманитарного знаний.

Характерной отличительной чертой ноосферы является экологизация всех сфер человеческой жизни, что ставит человечество перед необходимостью формирования экологического мышления и экологического сознания.

Одним из факторов, влияющих на развитие мировоззрения в обществе – это организация системы образования. Естественнонаучные дисциплины в программе обучения и воспитания подрастающего поколения должны составлять фундамент современного образования. Здесь пока можно отметить только лишь отставание от

требований планетарного масштаба.

Стратегия образования XXI века должна быть направлена на его опережающее развитие. Этого требуют тенденции глобального мирового развития, если страна планирует занять достойное место в информационной цивилизации будущего.

Необходимо коллективное разумное отношение к процессам, происходящим на Земле. Земля – единый дом для всех ее обитателей.

Отсюда и проблема обучения и воспитания осознанного отношения к природе Земли, ее обитателям, ее ресурсам, к своему здоровью. Требуется подготовка специалистов в области экологии, геологии, гидрологии, медицины, владеющих огромным арсеналом современных знаний о законах устройства планеты Земля, об особенностях человеческого тела, его отличиях от животных, его социальных и психологических свойствах.

Естественнонаучные дисциплины располагают огромным фактическим материалом, объем которого увеличивается с каждым годом. Поэтому здесь остро стоит проблема отбора материала для обучения (Чему учить?) и проблема методики обучения в условиях быстро растущего накопления фактической базы данных естественных наук (Как учить?). Все это создает на сегодняшний день сложный клубок проблем

Общая естественнонаучная культура общества не должна позволить в будущем невежеству и мракобесию отвергать науку и уничтожать носителей нового знания. [4, 91-113]. 20 век нашей истории, к сожалению, имеет такие свидетельства, как например, сессия ВАСХНИЛ 1948 г., разгром и уничтожение советской генетики, многих направлений физиологии высшей нервной деятельности, зоопсихологии, экологии, психологии. [3, 201-211]

Экология изучает взаимоотношения организмов между собой и окружающей средой. Следовательно, и экологизация сознания предполагает поворот в сознании человека **от индивидуальной независимости всех от всех к коллективной ответственности всех за все.**

Состояние природной среды вызывает естественное беспокойство всего человеческого сообщества.

Наука предлагает разные подходы к решению проблемы нарушения естественного равновесия природных циклов. Одним из таких предложений была идея о переходе человечества к полной автотрофности. Эту идею рассматривали и В.И. Вернадский, и К.Э. Циолковский. В.И. Вернадский обсуждал структуру искусственных геохимических циклов.

К.Э. Циолковский говорил о создании искусственной среды и полной независимости человека от биосферы. Этот вариант кажется невозможным в ближайшем будущем для человечества, тесно связанного с биосферой. Учеными рассматривается предложение о необходимости разработки Стратегии Человечества, предусматривающей совокупные действия всех стран, направленные на формирование законодательного и научно обоснованного поведения всех и везде в отношении к природной среде.

В 1992 году в Рио-де-Жанейро проводилась вторая Конференция ООН по окружающей среде и развитию. В ней приняли участие около 18 тысяч ученых из 179 стран мира, а также более 100 глав государств. В своей

приветственной речи генеральный секретарь ООН Моррис Стронг, предвзяв выступления собравшихся, сформулировал основную идею, форума: «Мы должны спасти весь мир, или же не спасется ни один из нас».

Работу, посвященную ноосфере, В.И. Вернадский писал в сороковые годы двадцатого столетия, в тяжелейший для нашей страны момент, шла война. Тем не менее, его представления о будущем биосферы и человечества полны оптимизма. Выбор за людьми. Они могут уничтожить себя, борясь за виртуальные преимущества, но могут направить свои устремления к построению цветущего сада на Земле с равными возможностями для всех ее обитателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.В. Вельков Новый этап развития теории эволюции. Ж. «Биология в школе», 2003, № 8 с.9-16
2. В.И. Вернадский. Биосфера. Л., 1926
3. В.С. Кирпичников «Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов и борьба за генетику» Сб. «Репрессированная наука», Л. Наука, 1991г., с. 201-211
4. Н.Л. Кременцов «От сельского хозяйства . . . до медицины». Сб. «Репрессированная наука», Л. Наука, 1991г., с. 91 - 113.
5. И.И. Мочалов. Владимир Иванович Вернадский. Изд-во «Наука», 1982
6. Попков В.А. Начала химии. М., 2017 с. 422-424
7. Ю.Л. Хотунцев. Экология, М., «Академия», 2002 с.293-306

© Кузнецов Геннадий Тарасович (natali.kuznetsova.48@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА 1774 Г.

Миловский Николай Михайлович

Соискатель, Московский государственный
областной университет
Milovskiynm@gmail.com

MODERN RUSSIAN RESEARCH ON THE CONSEQUENCES OF THE KYUCHUK-KAYNARDZHI PEACE TREATY OF 1774

N. Milovskiy

Summary: The article analyzes the assessments presented in the works of modern Russian researchers (for the 2000s) of the consequences of the conclusion of the Kyuchuk-Kaynardzhi Peace Treaty of 1774. The results of the Russo-Turkish war of 1768-1774 proved to be crucial not only for the relations between the Russian and Turkish empires, but also for the internal development of Russia, whose assertion as a great power was, not least, due to the annexation of new territories, due to confrontation with neighboring states, also claiming the most important regions in geopolitical terms.

Keywords: Russia, Turkey, Black Sea region, foreign policy, Kyuchuk-Kaynardzhi Peace Treaty of 1774, consequences.

Аннотация: В статье анализируются, представленные в работах современных российских исследователей (за 2000-е годы) оценки последствий заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года. Результаты русско-турецкой войны 1768-1774 годов оказались важнейшими не только для взаимоотношений Российской и Турецкой империй, но и для внутреннего развития России, чье утверждение, как великой державы шло, не в последнюю очередь, за счет присоединения новых территорий, за счет противостояния с государствами-соседами, также претендующими на важнейшие в геополитическом отношении регионы.

Ключевые слова: Россия, Турция, Черноморский регион, внешняя политика, Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 год, последствия, современная историческая литература.

Монография Е.И. Дружининой, вышедшая в издательстве Академии наук СССР в 1955 году и до сих пор остается классическим исследованием, посвященным особенностям подготовки и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года [13]. Автор еще не раз на протяжении последующих двадцати лет возвращался к данной тематике, освещая тот или иной аспект не только мирного трактата 1774 года, но и внешнего курса России второй половины XVIII века [14, 15].

Интерес к истории Кючук-Кайнарджийского мирного трактата и, главное, к его последствиям, сохранялся на протяжении и последующих 45 лет после выхода в свет исследования Е.И. Дружининой, по крайней мере, в научных работах, посвященных исследованиям особенностей внешней политики российской императрицы Екатерины II. Но последствия самого мирного договора 1774 года принципиальному разбору и анализу не подвергались (большая часть его «не укладывалась» в тогдашнюю официальную – марксистскую – трактовку эволюции Российской империи, согласно которой политика императрицы Екатерины II оценивалась однозначно, как негативная), оставаясь если не фоном, то второстепенной задачей для историков.

Только в 2000-х годах тема последствий мирного договора 1774 года получила «новое дыхание». Во-первых, уже во второй половине 1990-х годов стали доступны ранее «закрытые» документальные материалы из российских и зарубежных архивов (архивы внешнеполитических ведомств «открылись» для историков позднее, чем другие, оказавшись таким образом в «авангарде» архивной «революции»). Правда, на протяжении этих лет исследователи в основном публиковали документы, пользуясь возможностями «открытия» архивов. Осмысление их шло постепенно, отставая, в силу объективных причин от потока публикаций документального материала. Во-вторых, отсутствие цензуры дало возможность более открыто и объективно оценивать сложнейшие и противоречивые аспекты, связанные с историей присоединения к России Крыма. В-третьих, эти аспекты обрели не только научную, но и геополитическую актуальность, учитывая непростые взаимоотношения России с Турцией на современном этапе истории и неоднозначную реакцию ряда стран на вхождение Крыма в состав Российской Федерации.

На 2000-е годы приходится появления большого количества научных работ, посвященных последствиям мирного договора 1774 года для внешней политики России, утверждения последней как мировой державы.

В исследованиях нет единообразного видения процессов, в том числе и оценок в отношении Кючук-Кайнарджийского мира и его последствий. И это не должно удивлять, так как авторы рассматривают Кючук-Кайнарджийский мирный трактат через призму конкретных проблем, стоявших перед Российской империей, и еще более четко определившихся уже в самом начале вооруженного конфликта: получить выход к Черноморскому побережью, создание военно-морских баз и торговых портов, добиться беспрепятственного хождения в Черном море и выхода через проливы в Средиземное море, а также абсолютной независимости Крымского полуострова от Константинополя [18, с. 13]. От общих, чисто идеологических рассуждений в 2000-х годах удалось отказаться, поскольку они не давали возможности объективно оценивать не только прогрессивность тех или иных внешнеполитических шагов, но и ничем не обоснованные претензии, предъявляемые Россией государствам-соседям. Действительно, внешняя политика официального Петербурга отличалась «двойными стандартами» в подходах к решаемым проблемам. И последняя треть XVIII века, и результаты первой русско-турецкой войны – не исключение.

Так, по мнению В.Н. Виноградова, разработчика Кючук-Кайнарджийского трактата, открывая России «двери на Балканы», не могли себе и представить последствий его 14-й статьи, в которой, по сути, закреплялись и отстаивались права христиан, проживавших на территории Османской империи. Для турецкой стороны эта статья явилась настоящим «Троянским конем», так как явилась сильнейшим импульсом к расширению национально-освободительного движения христианских (православных) народов, выступающих за свою независимость от Империи [5, с. 121]. Однако и для России в дальнейшем статья эта не всегда имела положительное значение.

Но не только указанная статья оставалась в фокусе внимания исследователей, по ходу реализации основных пунктов мирного договора выявились два абсолютно различных подхода, две неодинаковых перспективы дальнейшего решения огромного комплекса проблем, сложившихся в регионе Северного и Восточного Причерноморья, Греции, Балкан, Кавказа и черноморско-средиземных проливов. И эти вариативные подходы, не способствующие поддержанию в регионе мира, нашли разностороннее освещение и обоснование в последних исследованиях российских историков [8, 30, 7, 6, 11, 23, 28, 29, 19, 25, 9, 16, 26].

Так, исследователями подчеркивалось, что согласно Кючук-Кайнарджийскому миру русские оставили, выведя войска, с захваченных турецких территорий, но настаивали на том, чтобы Крыму был предан статус автономного (от Константинополя) государственного образования. Но – и на этом историки настаивают – был запущен про-

цесс полного включения Крымского полуострова в состав Российской империи [18, с. 12]. В принципе, Россия и не рассчитывала присоединить к себе большие территории, для нее самой важной целью оставался Крым. Это был стратегический «форпост» Российской империи на южных границах государства, благодаря которому можно было курировать действия потенциальных противников в регионе, держать внешнеполитическую ситуацию под жестким контролем. Создание такого «форпоста» способствовало еще и тому, что славяне, проживавшие в черноморском регионе, получали не только моральную поддержку, но возможность установить прямые связи с российской администрацией (территориально Крым – все же не Санкт-Петербург).

В исторической литературе никто не оспаривает тезиса о том, что Кючук-Кайнарджийский трактат базировался на принципе «сохранности христианского закона». Но оговаривается: Англия, Пруссия, Австрия и даже Франция (союзник Турции) были согласны с тем, что требования России о сохранении православным народам духовного мировоззрения не подорвет основы правления султана [2, с. 226]. В принципе, и это отмечается в ряде работ, основы государственные были подорваны самим турецким высшим руководством, отличавшимся неумеренной и ничем не подкрепленной амбициозностью.

Право духовной опеки России над православным населением Османской империи касалось в первую очередь греков. Подробности излагаются в исследованиях Ю.Д. Пряхина и Г.Л. Арша. В частности, указывается, что по условиям мирного трактата 1774 года Греческий архипелаг был возвращен Османской империи, но с условием – не притеснять православное население, не мстить тем, кто участвовал в войне против Турции, и разрешать переселение местных жителей в иные места [22, с. 9]. Греки не преминули этим воспользоваться. Г.Л. Арш акцентировал внимание на том, что как только, согласно Кючук-Кайнарджийскому миру Российская империя получила права духовной опеки, греческие купцы, более-менее состоятельные люди стали прежде всего искать и рассчитывать на защиту у России; это сразу же сказалось на финансовых оборотах Российского государства, на развитии торговли, на налаживании связей с юго-западными регионами Европы. Увеличился и поток (нелегальной) эмиграции греческого населения Османской империи в Россию, в первую очередь, в ее южные губернии, а также в Крым [31, с. 104, 118], вышедший из-под влияния султана [22, с. 79]. Греческим судовладельцам разрешалось нести на борту их судов российский флаг, это в какой-то мере гарантировало безопасность для греческих предпринимателей. Таким образом, даже сохранив территории на Греческом архипелаге, официальный Константинополь утратил всякое влияние на его население, которое ориентировалось – без боязни

наказания – на Россию, близкую ей по православному духу. Но, с другой стороны, так называемый «греческий вопрос» стал с тех пор одной из сложнейших проблем для Санкт-Петербурга.

Современные исследователи правы в том, что мирный договор предоставил для России широкое поле для маневра [2, с. 306]. Это дало возможность официальному Петербургу укрепить свои позиции повсеместно: Дунайских княжествах [24, с. 34], в Имеретинском царстве (и во всей Восточной Грузии) [1, с. 118, 152; 4, с. 41; 17, с. 66], в Кабарде и Карачае (для двух последних территорий мирный договор 1774 года открывал те возможности социально-экономического развития, которые были невозможны ранее из-за агрессии Крымского хана [4, с. 46]).

Эволюция, порожденных трактатом политических и социальных движений и инициатив, способствовала тому, что уже в скором времени стало ясным: Кючук-Кайнарджийский мир не будет долгим (при том, что он во многом лишь подтверждал основные статьи Белградского трактата 1739 года), и обе подписавшие стороны по совершенно различным причинам жаждали его пересмотреть. Этот тезис не нашел, к сожалению, глубокой проработки в трудах современных историков. Однако в ряде работ указывается на то, что если Турция стремилась вернуться к статус-кво, то Россия рассчитывала на расширение своего влияния в Северном Причерноморье, на расширение своих территорий и на фактическое, а не эфемерное (если следовать букве и слову трактата 1774 года) присоединение Крыма [10, с. 43]. То есть, к выводу о желании пересмотреть основные пункты договора исследователи все-таки подходили, хотя и опосредованно.

И у России были все шансы включить в состав империи Крым, Северное Причерноморье определенные районы на Кавказе, поскольку при заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией и Гюлистанского мира с Персией официальный Петербург, как считает Э.Г. Джахиева, заставил эти страны подписать по сути договора о капитуляции, что ставило их в зависимое от России положение [10, с. 184].

Ряд исследователей приходят к мысли, что Кючук-Кайнарджийский мир был вынужденной уступкой Турции, набиравшей силы на Европейского континента Российской империи, так как Константинополю, по сути, в одиночку приходилось противостоять геополитическим амбициям Петербурга. Даже Франция, усиленно подталкивающая Турцию к войне, самоустранилась уже после первых поражений турецкой армии и флота. А польские конфедераты, которые должны были стать «вторым фронтом» против России, сворачивали сопротивление, давая возможность русскому военному командованию концентрировать основные силы на турецком направ-

лении. После трехсот лет полной власти на Черном море, потеряв Крым, Турция в результате затаила обиду не только на Россию, но и всю Западную Европу – своих прямых и косвенных союзников. В такой ситуации новые конфликты в Балканском регионе были неизбежны [20].

Еще один, разрабатываемый в современной исследовательской литературе тезис: Россия стремилась воспользоваться замешательством и растерянностью Турцией, причем – не только сразу после 1774 года, но и десятилетиями спустя; притом – с ссылкой на все тот же Кючук-Кайнарджийский мирный трактат. Правильнее будет сказать – все же не «замешательством», а укрепившимся на мировой арене положением. Так, Николай I даже спустя почти полвека после событий 1768-1774 года (когда ни о какой «нерешительности» Турции и речи не могло идти) настаивал на том, что в случае нарушения, подписанного в селении Кючук-Кайнарджи мира Россия будет требовать от Константинополя возмещения всеми средствами [1, с. 217].

Добавим к обобщениям и выводам О.В. Анисимова: это была не «поза», а вынужденная и оправданная реакция, так как сразу же после 1774 года турки не ограничивались политическими интригами и засылкой на Крымский полуостров своих агентов. Константинополь, несмотря на договор 1774 года, время от времени, отказывался выплачивать контрибуцию, запрещал русскому торговому флоту входить в Средиземное море через проливы [21, с. 258.], идя на уступки и на соблюдение статей мирного договора лишь под давлением Петербурга.

Все это не могло не вызвать у ряда исследователей негативных оценок к мирному договору 1774 года. Так, М.Е. Лупанова отстаивает мнение о том, что и сам договор, и присоединение Крыма приведет к новым войнам с Турцией и вконец ослабит Россию [20]. Действительно, война 1768-1774 годов была первой и далеко не последней войной России с Турцией. Противостояние двух держав за ведущие позиции в Черноморско-Средиземноморском регионе продолжалось на протяжении следующих более чем 100 лет. И за первенство приходилось расплачиваться большими жертвами. Но, главное, как нам представляется, в другом – значение для Российской империи заключенного мира невозможно недооценить: страна, особенно южные ее районы, перестала подвергаться опустошительным набегам крымских татар, хозяйственное развитие Северного Причерноморья с его богатыми и плодородными землями не прерывалось, и, наконец, Россия получила выход в Черное и Средиземное моря, что дало новый импульс развитию торговли [21, с. 143], что привело к укреплению дипломатических отношений с рядом западноевропейских стран [27, с. 94].

После подписания договора 1774 года меняется характер взаимоотношений между Россией и Турцией:

первая выступает с твердых позиций, обусловленных ее военными и дипломатическими успехами [31, с. 3], вторая постепенно утрачивает позиции, делая ставку на традиционализм – в экономике, социальных отношениях, и отказавшись – по крайней мере до конца Первой мировой войны – от идей модернизации.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, получив развитие уже в параграфах Ясского мирного договора 1791 года, сохранял свое значение на протяжении многих веков. Он был отменен только в 1921 году согласно советско-турецкому соглашению.

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский мирный трактат в исторической литературе рассматривается двояко, с одной стороны, он способствовал укреплению России, как мировой державы, поддерживал политику покровительства православным народам, жившим в Османской империи или находившимся под постоянной угрозой вторжения со стороны Константинополя. С другой стороны, было понятным, что русско-турецкая война 1768-1774 годов – не последний военный конфликт между двумя странами, так как Турция не могла смириться с потерями, а Россия не желала ни в чем поступаться. В результате, все Причерноморье, и Балканы еще долгое время – до окончания Первой мировой войны – оставались взрывоопасным – социально-политически – регионом.

тат в исторической литературе рассматривается двояко, с одной стороны, он способствовал укреплению России, как мировой державы, поддерживал политику покровительства православным народам, жившим в Османской империи или находившимся под постоянной угрозой вторжения со стороны Константинополя. С другой стороны, было понятным, что русско-турецкая война 1768-1774 годов – не последний военный конфликт между двумя странами, так как Турция не могла смириться с потерями, а Россия не желала ни в чем поступаться. В результате, все Причерноморье, и Балканы еще долгое время – до окончания Первой мировой войны – оставались взрывоопасным – социально-политически – регионом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан: из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII - первой четверти XIX в. М.: Книжный Мир, Международный Институт Новейших Государств, 2016. 382 с.
2. Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М.: Индрик, 2014. 415 с.
3. Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая: очерки. М.: Индрик, 2013. 279 с.
4. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2005. 382 с.
5. Виноградов В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир - окно на Балканы // Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 115-122.
6. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе: конец XVIII - начало XX вв.: дисс ... к.и.н.. Краснодар, 2007. 217 с.
7. Гранкин Ю.Ю., Землянский А.В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30-90 годы XVIII века. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. 161 с.
8. Девтеров А.А. Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII-первой трети XIX вв.: дисс... к.и.н. – Майкоп, 2003. 177 с.
9. Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г.: дисс... к.и.н. М.: МГОУ, 2013. 322 с.
10. Джагиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала: Издатсервис, 2006. 196 с.
11. Джагиева Э.Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг.: дисс... д.и.н. Махачкала, 2007. 453 с.
12. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Издательство АН СССР, 1955. 368 с.
13. Дружинина Е.И. Ближайшие экономические последствия выхода России на Черное море (1774-1782). М.: Издательство АН СССР, 1957. 19 с.
14. Дружинина Е.И. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира // Вопросы истории Дагестана. Досоветский период. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1975. Т. 2. 225 с.
15. Дружинина Е.И. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира. София: [Б.и.], 1975. 14 с.
16. Касумов Р.М. Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата: 1723-1813: дисс... д.и.н. М., 2013. 389 с.
17. Колесников И.Н. Особенности политических устремлений Российской Империи в Грузии: вторая половина XVIII в. - начало XIX в.: дисс. ... к.и.н. Пятигорск, 2011. 182 с.
18. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII - начало XIX вв.: автореф. дисс... к.и.н. Саратов: Саратовский государственный университет, 2006. 22 с.
19. Лобко С.И. Н.В. Репнин - государственный деятель России второй половины XVIII века: дисс ... к.и.н. М., 2010. 21 с.
20. Лупанова М.Е. Екатерина II и крымская проблема в 1762 - 1787 гг.: дисс... к.и.н. Рязань-М., 2002. 229 с.
21. Павленко Н.И. Екатерина II. М.: Молодая гвардия, 2017. 495 с.
22. Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII-XIX веков: исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008. 269 с.
23. Россия и Франция XVIII-XX века. М.: Наука, 2007. Вып. 4. 404 с.
24. Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV - начало XIX в.: очерки внешнеполит. истории. М.: Индрик, 2006. 400 с.
25. Сихаджко З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи: 1845-1915 гг.: дисс ...к.ю.н. Ставрополь, 2011. 199 с.
26. Смилянская Е.Б. Греческие острова Екатерины II: опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015. 419 с.
27. Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011. 838 с.
28. Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII - 60-х гг. XIX вв.: автореф. дисс. ...

- д.и.н.. М.: МПГУ, 2008. 45 с.
29. Шавишвили А.Э. Правовое положение Северного Кавказа в составе Российской империи: дисс... к.ю.н. Ставрополь, 2009. 255 с.
30. Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII - первой половине XIX века: автореф. дисс. ...д.и.н. Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2004. 34 с.
31. Якушев М.М. Эволюция осmano-российских отношений и русское православное паломничество на Ближний Восток: 1774-1847 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. - М.: МГУ, 2016. 30 с.

© Миловский Николай Михайлович (Milovskiynt@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДОКУМЕНТЫ УНИВЕРСИТЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОБЛАСТИ АКАДЕМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Пашук Мария Александровна

Аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
mariavonpashuk@gmail.com

DOCUMENTS OF UNIVERSITY INSTITUTIONS IN THE FIELD OF ACADEMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND GERMANY

M. Pashuk

Summary: The study is devoted to the analysis of documents of university institutions in the field of academic cooperation between Russia and Germany. The fundamental objectives of the research are: 1) identifying the types of documents regulating academic cooperation between Russia and Germany; 2) consideration of specific documents on the basis of which academic interaction between German and Russian universities is carried out; 3) characterization of documents of university institutions in the field of academic cooperation between Russia and Germany. The author outlines the role of academic mobility for students, the state, higher educational institutions, scientists and teaching staff, and the labor market. A brief excursion into the history of the origin, formation and development of academic cooperation between Russia and Germany is carried out. The main provisions of one of the first documents concluded by the university institutions of Russia and Germany in the field of academic cooperation are presented. On the example of universities leading the most active academic policy, namely, Moscow State University, Kazan (Volga Region) Federal University, Voronezh State University, Russian University of Transport, Irkutsk State University, St. Petersburg State University, Novosibirsk State University of Economics and Management, documents of university institutions in the field of academic cooperation between Russia and Germany. Based on the analysis carried out, these documents are differentiated into: Cooperation Agreements and / or Memorandum of Understanding (MOU), Academic Exchange Agreement (AEA), Letter of Intent (LOI), Protocol of Intent (heads of agreement, heads of terms, term sheet). Cooperation Agreements and / or Memorandum of Understanding (MOU). The main directions within which the exchange of students, postgraduates and scientific and pedagogical workers between German and Russian universities is carried out are outlined. Special attention is focused on virtual academic mobility as the most relevant form of academic cooperation between Russia and Germany in the context of intensified digitalization in the educational system and an unstable epidemic situation in the world. A concrete example of academic cooperation between Russia and Germany in an online format is given - the online mobility program of the Higher School of Economics with the EBS University – European Business School in Germany.

Keywords: Academic cooperation, academic mobility, academic exchange, documents of university institutions, agreement, memorandum, Russia, Germany.

Аннотация: Исследование посвящено анализу документов университетских учреждений в области академического сотрудничества России и Германии. основополагающие задачи исследования заключаются в: 1) выявлении типов документов, регулирующих академическое сотрудничество России и Германии; 2) рассмотрении конкретных документов, на базе которых осуществляется академическое взаимодействие между германскими и российскими вузами; 3) характеристике документов университетских учреждений в области академического сотрудничества России и Германии. Автором обозначена роль академической мобильности для студентов, государства, высших образовательных учреждений, научных деятелей и профессорско-преподавательского состава, рынка труда. Осуществлен краткий экскурс в историю зарождения, становления и развития академического сотрудничества России и Германии. Приведены основные положения одного из первых документов, заключенных университетскими учреждениями России и Германии в области академического сотрудничества. На примере вузов, ведущих наиболее активную академическую политику, а именно, Московского Государственного Университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Воронежского Государственного Университета, Российского университета Транспорта, Иркутского Государственного Университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Новосибирского государственного университета экономики и управления, исследованы документы университетских учреждений в области академического сотрудничества России и Германии. На базе осуществленного анализа, данные документы дифференцированы на: Соглашения о сотрудничестве и / или Меморандум о взаимопонимании (memorandum of understanding – MOU), Соглашения об академическом обмене (AEA), Письмо о намерениях (letter of intent – LOI), Протокол об намерениях (heads of agreement, heads of terms, term sheet). Соглашения о сотрудничестве и / или Меморандум о взаимопонимании (MOU). Обозначены основные направления, в рамках которых осуществляется обмен студентами, аспирантами и научно-педагогическими работниками между германскими и российскими вузами. Отдельное внимание акцентировано на виртуальной академической мобильности как наиболее актуальной формы академического сотрудничества России и Германии в условиях интенсификации цифровизации в образовательной системе и нестабильной эпидемической ситуации в мире. Приведен конкретный пример академического сотрудничества России и Германии в онлайн-формате – программа онлайн-мобильности Высшей Школы Экономики с университетом EBS – European Business School в Германии.

Ключевые слова: Академическое сотрудничество, академическая мобильность, академический обмен, документы университетских учреждений, соглашение, меморандум, Россия, Германия.

Аktivизация мобильности и расширение академических свобод студентов и профессорско-преподавательского состава провозглашается фундаментальным базисом Болонского процесса, к которой Россия присоединилась в 2003 г. на берлинской встрече министров образования европейских стран. В условиях систематической интенсификации процессов глобализации, академическая мобильность служит основополагающим компонентом современного высшего образования, предоставляя участникам образовательной среды инструменты/ресурсы для профессионального, личного эволюционирования и наращивания социального капитала. Академические обмены позволяют сконструировать качественный коммуникационный мост между образовательными учреждениями разных стран, установить тесные межкультурные коммуникации, которые, в свою очередь, обеспечивают эффективное международное сотрудничество в образовательной сфере и оказывают соиздательное влияние на большинство сфер общественной жизнедеятельности [3]. Академической мобильности принадлежит доминирующая роль в осуществлении обмена знаниями, навыками, компетенциями, культурным и профессиональным опытом между участниками программ мобильности:

- для студентов расширяются возможности выбора индивидуальной образовательной траектории и получения высококачественных образовательных услуг;
- для государства обеспечивается гармоничная интеграция национальной образовательной системы в единое образовательное пространство, что, в свою очередь, формирует позитивный образ страны, а также оказывает положительное влияние на межгосударственные отношения;
- для высших образовательных учреждений формируются условия для повышения конкурентоспособности и наращивания конкурентных преимуществ;
- для научных деятелей и профессорско-преподавательского состава открываются широкие перспективы для развития профессиональной компетентности и плодотворного сотрудничества с ведущими учеными других государств;
- рынок труда обогащается высококвалифицированными специалистами, становится международным [1].

Академическая мобильность реализуется через специальные программы обменов в рамках правительственных и межвузовских соглашений, а также индивидуально учащимися/преподавателями/исследователями с вузами или научными организациями. Традиционно для России особое значение представляет академическое сотрудничество с Германией как с активным участником Болонского процесса, образовательная система

которой характеризуется прогрессивностью и безопасностью высоким качеством. Начало российско-германских отношений в области академических обменов датируется XVIII в., ознаменовавшемся трансформацией отечественной образовательной парадигмы вследствие активной научно-просветительской деятельности немецкой интеллигенции и масштабированием ценности российской науки для Германии. На современном этапе основным вектором, в рамках которого развивается российско-германское научно-образовательное партнерство, является Болонский процесс, обеспечивший существенную активизацию и актуализацию академического взаимодействия двух стран. В 2005 г. Россией и Германией подписана «Инициатива о стратегическом партнерстве между Россией и Европой в области образования, исследований и инноваций» и сформирована российско-германская рабочая группа по профессиональному образованию. В 2016 г. развитие академического сотрудничества России и Германии приобрело новый импульс – год объявлен Годом молодежных обменов между Россией и Германией, а также подписано соглашение между Ассоциацией ведущих университетов и Германской службой обменов. Соглашение нацелено на решение ряда проблем нормативно-правового, материально-финансового и организационного характера в области академических обменов, упрощение условий прохождения стажировки в ведущих университетах Германии, поддержание академической мобильности аспирантов, преподавателей, студентов. В настоящий период целый спектр целей в области академической мобильности остается нереализованным, что существенно детерминирует значимость нашего исследования.

Академическое сотрудничество Германии и России осуществляется на базе соответствующих соглашений, договоров, меморандумов. Одним из первых документов, заключенных университетскими учреждениями России и Германии в области академического сотрудничества, является «Договор об учебном, научном и культурном сотрудничестве» между факультетом естественных наук III Университета Мартина Лютера и географическим факультетом Московского Государственного Университета, заключенный в 1964 г. в Университете им. Мартина Лютера Галле-Виттенберга. Договор составлен в двух экземплярах, на немецком и русском языках, оба экземпляра имеют одинаковую юридическую силу. Согласно положениям договора, обмен преподавателями, научными сотрудниками и студентами (включая студенческие практики и межсеместровые проведения) является основополагающей областью научного сотрудничества двух университетов. В соответствии с п. 4, оба университета, заключающие договор, обязываются содействовать обмену преподавателями и научными сотрудниками, прилагая все усилия для финансирования такого обмена. Каждый университет берет на себя от-

ветственность за финансирование своих сотрудников во время проведения их исследовательских работ в университете принимающей стороны. В соответствии с п. 5, оба университета, заключающие договор, поддерживают обмен студентами. Принимаемые студенты платят за обучение в своих вузах. Плата за обучение в вузе-партнере не взимается, пока обмен специалистами равнозначен. При этом, поддержка в получении стипендии осуществляется обоими вузами.

Одним их старейших российских университетов - Казанским (Приволжским) федеральным университетом (далее – КФУ) сотрудничество с вузами Германии осуществляется, начиная с 1989 г. В 1989 г. подписано соглашение о студенческом обмене с Гиссенским университетом им. Ю. Либиха, академическое взаимодействие с которым КФУ поддерживает по сегодняшний день. Документ представлен на русском языке, подписан и хранится в КФУ. Академическое и научное сотрудничество, согласно документу, осуществляется в области химии, биологии, истории, филологии, юриспруденции. Первые студенческий обмен между университетами произведен в 1991 г. при поддержке Германской службы академических обменов. В 1999 г. (со сроком до 2015 г.) с Гиссенским университетом подписано соглашение о студенческом обмене – ежегодно по 5 студентов. В 2014 г. заключен Договор о совместной образовательной программе, предполагающий обмен студентами юридического, экономического, исторического факультетов. В 2017 г. составлен Протокол к Соглашению об обмене обучающимися на 2017-2018 гг. В 2019 г. с Гиссенским университетом заключено Соглашение об обмене обучающимися, согласно которому в течение учебного года Университет Гиссена принимает на обучение 3 студентов с выплатой стипендии в размере 500 евро в месяц, в свою очередь, КФУ принимает на одномесячные курсы русского языка 16 студентов Университета Гиссена.

В мае 2012 г. подписано Дополнительное соглашение о развитии академического сотрудничества между КФУ и Гиссенским университетом им. Ю. Либиха. В 2004 г. подписан меморандум о студенческом обмене и обмене сотрудниками факультетов со Свободным университетом Берлина. Приоритетными областями академического сотрудничества между университетами стали журналистика, филология, международные отношения. Документ хранится в отделе академической мобильности Департамента внешних связей КФУ. В 2008 г. подписано соглашение о студенческом обмене с Лейпцигским университетом, период действия документа продлевается автоматически. Основные направления академического сотрудничества – филология и международные отношения. В 2009 г. заключено соглашение со сроком действия на пять лет о развитии академического сотрудничества с университетом Бамберга им. О. Фридриха. Соглашение предполагает обмен преподавателями с целью повыше-

ния их научных и профессиональных компетенций и студенческий обмен по направлению романо-германская филология. Обмен студентами предполагает до 2 студентов в течение учебного года на 1-2 семестра с полным освобождением от платы за обучение. При этом, стипендия участникам студенческих обменов не предоставляется, расходы на питание и проживание возмещает направляющая сторона. В 2010 г. подписано соглашение об академическом сотрудничестве с Университетом Регенсбурга, предполагающее обмен научными работниками в области исследований и науки, обмен студентами на уровне бакалавра и магистра, обмен аспирантами. Академические связи КФУ с Университетом Регенсбурга поддерживались преимущественно в области филологии и химии. В 2015 г. КФУ совместно с Университетом Регенсбурга разработан совместный проект, направленный на интенсификацию студенческого обмена, подписано междууниверситетское соглашение между университетами стран-участников и стран-партнеров программы Эразмус+. В 2011 г. на пять лет заключался меморандум о понимании с Йенским университетом Ф. Шиллера. Предметом меморандума явилось образовательное и научное сотрудничество двух университетов, обмен студентами и преподавателями. Также меморандум о понимании в 2011 г. заключен с Институтом полярных и морских исследований им. А. Вегенера, тесные связи с которым у КФУ установлены с 2008 г., в период совместных экологических, климатических и геологических исследований в Арктике. Начиная с 2011 г., между КФУ и Институтом полярных и морских исследований им. А. Вегенера осуществляется обмен учеными и молодыми исследователями, производятся совместные экспедиции и научные исследования. В 2012 г. заключено соглашение об академическом сотрудничестве между Институтом физики Казанского федерального университета и Факультетом математики и естественных наук университета Аугсбург, а также меморандум о понимании с Институтом исследований сердца и легких им. Макса Планка. В 2012 г. подписан меморандум о взаимопонимании с университетом Пассау, а в 2017 г. соглашение об обмене обучающимися (со сроком действия до 2022 г.).

В 2014 г. КФУ подписано Соглашение о сотрудничестве (2014 – 2019 гг.) с Техническим Университетом Фрайбергской Горной Академии, предметом которого является академическая мобильность студентов. В этом же году заключено Соглашение о совместной образовательной программе подготовки магистров по направлению «Геология» (2014 – 2017 гг.). Также в 2014 г. подписано Соглашение о сотрудничестве – Меморандум о взаимопонимании между Институтом международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета и Факультетом культурологии Мюнхенского университета им. Людвига Максимилиана (срок действия до 2019 г.). В 2016 г. академическое со-

трудничество установлено с Бохумским Университетом Прикладных Наук (Меморандум о взаимопонимании), Техническим университетом Дрездена (Меморандум о взаимопонимании) и Университетом Майнца Имени Иоганна Гутенберга (Меморандум об академическом сотрудничестве).

Пиком активности академического сотрудничества КФУ с германскими университетами ознаменовался 2017 г. В этот период установлены академические связи с Магдебургским Университетом Им. Отто Фон Герике (Соглашение о сотрудничестве сроком до 2022 г.), Международной Академией Реабилитации Развития (Соглашение о сотрудничестве в области научной и образовательной деятельности сроком до 2020 г.), Рурским Университетом Бохума (Меморандум о взаимопонимании сроком до 2022 г.), Техническим Университетом Дрездена (Соглашение о сотрудничестве сроком до 2022г.), Университетом Гумбольдта (Соглашение об обмене обучающимися). В 2019 г. согласован Рабочий план по реализации научного обмена и подписано Соглашение о сотрудничестве с Университетом Гумбольдта. В 2020 г. заключено Соглашение о сотрудничестве с Университетом Тюбингена (сроком до 2025 г.).

Активным участником международного академического сообщества является также Воронежский Государственный Университет (далее-ВГУ) – вуз с вековой историей, крупнейший научный, образовательный центр Черноземья. Первый студенческий обмен ВГУ с университетскими учреждениями Германии осуществлен в 1966 г. Документами, регулирующими академическое сотрудничество, в ВГУ служат Договор об учебном, научном и культурном сотрудничестве, Договор о сотрудничестве, Соглашение о сотрудничестве, Меморандум о сотрудничестве, Договор о сотрудничестве в области науки и культуры, Меморандум о взаимопонимании. Договор об учебном, научном и культурном сотрудничестве в 1966 г. заключен с Университетом им. Мартина Лютера Галле-Виттенберга. Договор о сотрудничестве подписан с Университетом им. Альберта Людвига (2006 г.), институтом иностранных языков Аристотелес (2008 г.), Техническим университетом Ильменау (2009 г.), Исследовательским объединением Свободного университета Берлина (2011 г.), НИИ Антиокислительной Терапии (2013 г.), Школой бизнеса и экономики Университета г. Мюнстера (2014 г.), Институтом экономики и медиа высшей школы Фрезениуса (2014 г.). Соглашение о сотрудничестве подписано с Университетом прикладных наук Гарца (2000 г.), Фленсбургским университетом прикладных наук (2004 г.), Ольденбургским университетом им. Карла фон Осецкого (2004 г.), Университетом земли Саар (2006 г.), Немецкой академией менеджмента Нижней Саксонии (2009 г.), Научным центром «Восток – Запад» Кассельского университета (2006 г.), Университетом прикладных наук Анхальта (2012 г.), Институтом экономики и

медиа высшей школы Фрезениус (2014 г.), Фрайбургским университетом образования (2017 г.). В 2015 г. заключен Меморандум о сотрудничестве с Геттингенским университетом им. Георга Августа и Меморандум о взаимопонимании с Лейбниц-институтом фотонных технологий. В 2010 г. подписан Договор о сотрудничестве в области науки и культуры с Институтом истории Европы, Институтом политологии и Институтом европейских исследований Технического университета г. Хемниц. Документы, регулирующие академическое сотрудничество ВГУ и германских университетских учреждений, составлены на русском и немецком языках.

Активная политика в области международного академического сотрудничества последнее десятилетие ведется Российским университетом Транспорта (далее – РУТ (МИИТ)). Соглашения о сотрудничестве, направленные на развитие академической мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава, РУТ (МИИТ) заключены с Техническим университетом г. Дрезден (2006 г.), Высшей школой г. Бохум (2013 г.), Маннгеймским университетом прикладных наук (2013 г.), Высшей школой техники и экономики (Университет прикладных наук) (2015 г.), Университетом прикладных наук г. Аугсбург (2016 г.), Университетом прикладных наук г. Дрезден (2018-2019 гг.).

Также акцентируем внимание на Иркутском Государственном Университете (далее-ИГУ), где программы академического обмена реализуются с 1990 г. Первым университетским учреждением Германии, с которым у ИГУ подписано Соглашение о научном сотрудничестве, является университет Кристиана Альбрехта. В 2001 г. подписан Договор о сотрудничестве с Институтом биологии и институтом палеонтологии Свободного университета г. Берлина (со сроком действия до 2020 г.), направленный на реализацию программ академического обмена и проведения совместных научных исследований. В 2010 г. заключен Договор о сотрудничестве между Иркутским государственным университетом и Эрфуртским университетом прикладных наук (со сроком действия до 2020 г.) В 2017 г. между ИГУ и Немецким культурным центром имени Гёте заключен Договор о сотрудничестве (сроком действия до 2023 г.), обеспечивающий реализацию программ академического обмена, повышение квалификации и подготовка специалистов для преподавания немецкого языка. Также в 2017 г. подписано Соглашение (сроком действия до 2023 г.) с Высшей школой Циттау-Гёрлиц в рамках программы «Эразмус+», направленную на реализацию программ академического обмена и повышение квалификации преподавателей немецкого языка.

Ряд соглашений об академическом и научном сотрудничестве, в рамках которых реализуются программы академической мобильности, заключены между

Санкт-Петербургским государственным университетом и Университетом Гейдельберга (Протокол об академическом обмене, срок действия 2017-2022 гг.), Свободным университетом Берлина (Протокол об академическом обмене, срок действия 2012-2023 гг.), Университетом Грайфсвальда (2020-2022 гг.), Йенским университетом имени Фридриха Шиллера (2020-2024 гг.), Ганноверским университетом имени Лейбница (Протокол академического и научного обмена, срок действия 2020-2024 гг.), Трирским университетом (Протокол об академическом сотрудничестве, срок действия 2013-2025 гг.), Галле-Виттенбергским университетом имени Мартина Лютера (Протокол об академическом и научном обмене, срок действия 2017 г. – бессрочный), Университетом Лейпцига (Протокол об академическом и научном обмене, срок действия 2016-2021 гг.), Техническим университетом Карлсруэ (Протокол об академическом и научном обмене, срок действия 2013-2023 гг.), Техническим Университетом Дортмунда (Протокол о научно-академическом обмене, 2017-2022 гг.), Техническим Университетом Дрездена (Протокол об академическом и научном обмене, срок действия 2018-2022 гг.), Бохумским медицинским университетом (Протокол об академическом обмене, 2019-2024 гг.), Университетом Айн Шамса (Протокол об академическом и научном обмене, срок действия 2020-2025 гг.).

В Новосибирском государственном университете экономики и управления (далее – НГУЭУ) академическое сотрудничество с германскими университетами регулируется следующими документами: Соглашение о взаимном сотрудничестве, Меморандум о взаимопонимании, Письмо о намерениях, Соглашение о сотрудничестве, Договор о партнерстве. Основным партнером НГУЭУ в области академического сотрудничества является Университет прикладных наук и искусств города Кобурга, с которым в 2014 г. подписано Письмо о намерениях, регламентирующее организацию программ краткосрочных студенческих обменов, а также Меморандум о взаимопонимании, обеспечивающее обмен преподавателями и исследователями; в 2017 г. подписано бессрочное Соглашение о сотрудничестве в 2017 г. по программе Erasmus+, предполагающее студенческий обмен и обмен преподавателями.

Резюмируя вышеизложенное, обозначим, что документы университетских учреждений в области академического сотрудничества России и Германии дифференцируются преимущественно на: Соглашения о сотрудничестве и / или Меморандум о взаимопонимании (memorandum of understanding – MOU), Соглашения об академическом обмене (AEA), Письмо о намерениях (letter of intent – LOI), Протокол об намерениях (heads of agreement, heads of terms, term sheet). Соглашения о сотрудничестве и / или Меморандум о взаимопонимании (MOU) – это юридические необязательные соглашения

между двумя и более сторонами, в котором излагаются основные условия и детали понимания, включая обязанности требования каждой стороны. Соглашения об академическом обмене (AEA) – документы, подлежащие к исполнению, заключаемые в соответствии с Регламентом работы с международными договорами о сотрудничестве. Заключение Соглашения об академическом обмене предполагает подписание Соглашения о студенческом обмене (SEA), Дополнительного соглашения к соглашению об академическом обмене, Чек-листа к соглашению об академическом студенческом обмене (AEA). Письмо о намерениях (letter of intent – LOI) представляет собой юридически необязательный документ, подтверждающий интерес сторон к совершению сделки. В Письме о намерениях содержатся, как правило, ключевые условия соглашения до его окончательной доработки. Протокол о намерениях (heads of agreement, heads of terms, term sheet) – в сущности, является формой Письма о намерениях.

Академическое сотрудничество России и Германии реализуется посредством обмена студентами, аспирантами и научно-педагогическими работниками по следующим направлениям:

1. В рамках квот Минобрнауки России (на период 2020-2021 гг. по линии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации конкурс на предоставление стипендий для обучения в Германии не представлен).
2. В рамках партнерских двусторонних договоров. Как видно из анализа выше, наибольшее число контактов российскими вузами установлено со следующими германскими университетскими учреждениями: Гиссенский университет, Свободный университет Берлина, Университет прикладных наук г. Дрезден, Бохумский Университет Прикладных Наук, Ганноверский университет имени Лейбница и т.д.
3. В рамках консорциумов университетов.
4. В рамках программ двойных дипломов. Обучение осуществляется параллельно в российском и немецком вузах. Для участия в программе студентам необходимо обладать уровнем немецкого языка не ниже B2/C1. Как правило, первый семестр германские и российские студенты проводят в своих родных вузах, второй и третий – вместе сначала в одном, а затем в другом вузе, четвертый семестр – в родном университете.
5. В рамках летних и зимних школ.

В условиях интенсификации цифровизации в образовательной системе и нестабильной эпидемической ситуации в разных странах, актуализируются вопросы организации виртуальной академической мобильности. Под виртуальной академической мобильностью необходимо понимать участие в образовательном процессе

другого учебного заведения посредством дистанционных образовательных технологий. Виртуальная академическая мобильность выступает в качестве инструмента развития единого международного образовательного пространства. Онлайн-мобильность обеспечивает возможность обучения талантливых студентов в зарубежных университетских учреждениях в условиях дефицита

финансовых ресурсов и ограниченности грантового финансирования [2]. В настоящий период уже существуют успешные примеры академического сотрудничества России и Германии в онлайн-формате. Осенью 2020 г. реализована программа онлайн-мобильности Высшей Школы Экономики с университетом EBS - European Business School в Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова Л.Н. Академическая мобильность как самый важный компонент высшего образования // Проблемы педагогики. – 2018. – С. 28-32.
2. Петрова Л.Е. Виртуальная академическая мобильность студентов посредством MOOCs: методические решения преподавателя вуза // Педагогическое образование в России. – 2015. – С. 177-182.
3. Пашук М.А. Российские студенты в германских вузах: проблемы адаптации и межкультурной коммуникации // Исторический бюллетень. – 2021. - № 2. - С. 57-63.

© Пашук Мария Александровна (mariavonpashuk@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО У АППИАНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Степанов Игорь Николаевич

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
st081013@student.spbu.ru

LAND LEGISLATION BY APPIAN OF ALEXANDRIA

I. Stepanov

Summary: This article examines the role of the land issue in Appian's "Civil Wars". In historiography, it is widely believed that Appian showed particular interest in him, but upon closer examination, it can be seen that he considers each land event from the point of view of the political content and methods of its implementation, i.e. Appian, it seems to him, is trying to get to the bottom of the true motive of these events, which is unchanged almost throughout the entire narrative - the struggle for power, due to which the content of land laws is sometimes greatly distorted, any social side of them is excluded or pushed into the background.

Keywords: Appian, land, veterans, Civil wars.

Аннотация: В данной статье рассматривается роль земельного вопроса в «Гражданских войнах» Аппиана. В историографии распространено мнение, что Аппиан проявлял к нему особенный интерес, однако при ближайшем рассмотрении можно заметить, что каждое земельное мероприятие рассматривается им с точки зрения политического содержания и методов его проведения, т.е. Аппиан, как ему кажется, пытается докопаться до истинного мотива этих мероприятий, который неизменен почти на протяжении всего повествования — борьба за власть, ввиду чего содержание земельных законов порой сильно искажается, всякая социальная сторона их исключается или задвигается на второй план.

Ключевые слова: Аппиан, земля, ветераны, Гражданские войны.

В историографии можно заметить достаточно упорную тенденцию приписывать Аппиану Александрийскому материалистическое понимание истории. Она проявляется и в западных работах [7, S. 350], но более всего — в отечественном антиковедении, представленном прежде всего советскими авторами [3, С. 259-260], которые в своем стремлении рационализировать древнего историка видят основой повествования его «Гражданских войн» земельный вопрос, по большей части подтверждая свою мысль ссылкой на известное письмо Маркса¹ Энгельсу, где классик пишет, что Аппиан «старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн» [2, С. 126], основа же эта — вопрос о земельной собственности, как нам поясняет Энгельс [6, S. 301].

Мотив этот действительно проходит красной нитью сквозь все повествование, собственно, первые же слова произведения упоминают его: «Между римским народом и сенатом часто происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов» (App. В.С. I, 1; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Далее в повествовании вереницей идут реформы Тиберия Гракха, закон Апулея о галльских землях, раздача земель ветеранам Суллы, разделы Цезаря, распоряжения триумвиров. Однако их описание Аппианом обнаруживает

почти полное нежелание историка касаться социально-экономической сущности этих мероприятий. В статье я постараюсь это продемонстрировать.

В большей степени свидетельства Аппиана обрывочны и кратки, однако реформа Тиберия Гракха представлена достаточно обстоятельно, в ее описании особенно привлекает внимание пространственный исторический экскурс, предваряющий рассказ о самой реформе. Любопытно сравнить настроение этого экскурса с его аналогом у Плутарха. Херонейский биограф в нем однозначно настроен против богатей, причиной народных бедствий он видит их неумную алчность и хитрость, в своем изложении он не скупится на изображение их коварства: «затем богачи исхитрились прибираться к рукам соседние участки через подставных лиц, а под конец уже и открыто завладели почти всею землей» (Plut. Gr. 8; пер. С.П. Маркиша). У Аппиана же совершенно другое настроение: «При этом богатые пользовались покупными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов, с тем чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы» (App. В.С. I, 7; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Богатые люди у Аппиана поступали так не из собственной выгоды, а ради блага государства, как они его понимали. То, что Плутарх называет вопиющим нарушением закона, Аппиан готов простить: «[Положение] было и тяжело,

¹ Любопытно, кстати, что, по мнению некоторых историков, Аппиан оказал большое влияние на формирование материалистической концепции истории Маркса [5, P. 16].

и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей [т.е. богачей], владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им насаждений, строений, всего оборудования» (App. В.С. I, 8; пер. под ред. С.А. Жебелёва). В изложении не видно осуждения крупных землевладельцев, хотя наш историк понимает, что объективно их действия привели к ослаблению государства.

При этом ослабление Республики – основной мотив аппианового рассказа: в том же экскурсе народ беспокоится не о бедственном положении своих сыновей, а о состоянии государства: «[Народ] боялся, что Италия не даст ему больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов» (App. В.С. I, 8; пер. под ред. С.А. Жебелёва). В результате можно заметить, что понятие народа здесь крайне консервативно, под ним подразумеваются те элементы общества, что ввиду своего благополучного материального положения имели возможность думать о государстве. И этот справедливый древний народ, чувший государство, в дальнейшем повествовании противопоставляется личности, заботящейся лишь о своей выгоде. С понятием народа у Аппиана связаны гарантии собственности и твердого порядка, герои же «Гражданских войн» представляют собой революционную силу, осуществляющую насильственный передел этой собственности.

М.Е. Сергеев в свое время заметила, что экскурс этот не отражает реальной картины, но создан на основе целей, которые в повествовании озвучивает Гракх, обращаясь в поисках поддержки к разным социальным слоям римского населения, и имеет в своей основе некий памфлет времен Гая Гракха [4, С. 154]. Вывод любопытный, однако если посмотреть на общую картину земельного вопроса, то можно убедиться, что с той же степенью вероятности он мог быть целиком написан самим Аппианом, поскольку неприязнь к переменам, насилию и всякому проявлению революции – характерные черты его повествования, в полной мере проявляющиеся и в земельном вопросе. Можно еще добавить, что соответствие исторических задач, озвученных в экскурсе, и плана реформы Тиберия объясняется опять же характерным для Аппиана невнимательным отношением к формальной сути земельных мероприятий, что проявляется и в других эпизодах.

Тиберий Гракх у Аппиана является непосредственным продолжателем дела «народа», каким оно предстает в историческом экскурсе, ведь бедствия сограждан, в сущности, ему безразличны, основная его мысль – благополучие государства, основой коего является военная мощь. Восстановить ее реформатор стремится путем возврата к старым временам, т.е. к законам Лициния-Секстия. И именно поэтому Аппиан называет план Тиберия

«превосходным». Однако при попытке вернуть древние справедливые отношения, Тиберий зашел слишком далеко, он предпринял революционное действие – сместил своего коллегу по должности, пусть справедливо, пусть не самовольно, а поставив вопрос на голосование, в чем он даже не нарушил закона, но нарушил обычай, что уже стало достаточным основанием для Аппиана рассматривать дело Тиберия как революционное. Именно это нарушение и погубило «превосходный» план и самого реформатора.

Аграрное законодательство Тиберия Гракха стоит у Аппиана особняком не только потому, что с него начинаются смуты и нестроение в Риме, но в большей степени ввиду своего целеполагания. Как уже было отмечено, Гракх имел в виду пользу государства, что особенно отмечает наш историк, последующие же попытки изменить земельные отношения были направлены лишь на пользу отдельным личностям, стремившимся захватить верховную власть в Городе, ввиду чего они достаточно схожи, почему предлагаю их разбирать по главным их характерным чертам.

Одна из них – почти навязчивая мысль о стремлении мятежного полководца создать себе прочную базу из посаженных на землю ветеранов. Этот мотив является определяющим в описании экспроприаций Суллы. Сообщение о них очень кратко и являет собой лишь один из пунктов в длинном перечне всех бед, причиняемых им населению (App. В.С. I, 96), основное желание его – наказать непокорных и создать слой преданных людей по всей Италии (App. В.С. I, 96). Желание Суллы вознаградить своих ветеранов при этом как мотив Аппианом не рассматривается совершенно. Эти раздачи носят сугубо негативный характер, являют своего рода эталон несправедливости, поэтому дальнейшие земельные мероприятия иногда сопровождаются ссылками на «счастливого полководца» (App. В.С. II, 94; 140).

По смыслу сообщения ближе всего к действиям Суллы стоят раздачи Октавиана и Антония. Автор дает яркую картину бедствий, превосходящих по своим масштабам конфискации Суллы, ведь последний отбирал земли у городов, оказавших наибольшее сопротивление, триумвиры же выбрали наиболее процветающие области (App. В.С. IV, 3). При этом населению он приписывает понимание цели этого передела: «понимали, что война велась не ради пользы Рима, а в интересах правителей, желавших произвести государственный переворот. Награды раздавались и колонии учреждались для того, чтобы более уже не возрождалась демократия, так как устраивались для правителей поселения наемников» (App. В.С. V, 12; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Даже сами виновники открыто заявляют об этом – когда Луций Антоний и Фульвия пытаются провести своих людей в организацию выведения колоний, наш историк замечает,

что ими двигало желание умалить славу Октавиана и поддержать влияние Антония в войсках (App. B.C. V, 14) – чуть позже Антоний скажет, что «Цезарь оклеветал меня перед войском, будто из жалости к земледельцам я препятствую раздаче земель» (App. B.C. V, 39; пер. под ред. С.А. Жебелёва).

Если действия Октавиана и Суллы трактуются однозначно, то описание земельных мероприятий Цезаря-отца в бытность его диктатором выглядит крайне противоречиво. Вплоть до его смерти в повествовании нельзя найти и следа каких-либо притеснений землевладельцам, более того, в одной из речей, что вкладывает в его уста историк, он говорит следующее: «Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев [...], но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю» (App. B.C. II, 94; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Но сказано это восставшим легионерам, требовавшим до того увольнения и наград, поэтому представляется, что данные слова не имеют значения в сравнении с дальнейшими сообщениями, ведь после смерти диктатора ситуация меняется кардинальным образом. В речи Марка Брута, Аппиан упоминает все ту же мысль, которую мы ранее видели применительно к Сулле и триумвирам: «Но этого-то как раз и хотели тираны [...], чтобы вы [...] всегда были бы надежными стражами той власти, которая в данном случае вместе с вами поступает несправедливо»² (App. II, 141; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Более того, Брут здесь ставит действия Цезаря-диктатора в один ряд с мероприятиями Суллы, при этом проявляя значительную осведомленность о выводе ими колоний: «Они поселяли вас в колониях большими массами со знаменами, в военном снаряжении, так что вы не знаете мирного покоя от тех, кто был прогнан» (App. II, 141; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Сложно представить, чтобы Аппиан вложил в уста человеку, говорящему перед лицом самих ветеранов, пустые слова. К тому же в третьей книге упоминаются многочисленные судебные процессы, которые велись против Октавиана как наследника Цезаря из-за земельных участков, при этом тяжущиеся указывали, что «земля была отнята [его отцом] при проскрипциях в результате происшедших конфискаций, изгнаний и казней» (App. III, 22; пер. под ред. С.А. Жебелёва), однако аргументы Октавиана о том, что Цезарь покупал эти участки, не принимались в расчет, будущий триумвир терпел одно судебное поражение за другим.

Вопрос о конфискациях Цезаря в историографии является дискуссионным [12, S. 187], возможно, вскрывшись после смерти Цезаря свидетельства о притеснениях являются плодом недовольства тех землевладельцев, которые под давлением должны были уступить свою

землю в обмен на некие обещания диктатора о будущих компенсациях, неосуществленных после его смерти [8, P. 55]. Однако для Аппиана эти конфискации безусловно существовали и были даже сравнимы с сулланскими, ведь и цель указана та же, что и применительно к Сулле и триумвирам. Представляется, что такой перенос критики земельных раздач диктатора в повествование о делах, происходящих уже после его смерти, являют собой художественный прием, ведь основная тяжесть этой критики вложена в уста врага Цезаря. Отмечу также, что Аппиан, вероятно, здесь следует оптиматской традиции, представленной в т.ч. в письмах Цицерона, из которых мы узнаем, по выражению Малица, что «поездки цезаревых землемеров были предметом постоянного страха землевладельцев» [11, S. 62].

Другой чертой земельного вопроса у Аппиана является стремление проникнуть вглубь описываемых мероприятий, отыскать, как ему кажется, за внешней ширмой помощи неимущим политический расчет и стремление к власти, хотя черта эта в описанных мероприятиях также присутствует, но наиболее ярко она проглядывается в земельном законодательстве Цезаря и в особенности Апулея Сатурнина.

По поводу законов Цезаря Аппиан ограничивается коротким сообщением: «Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для заселения, предложил раздать людям, имеющим троих детей» (App. B.C. II, 10; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Изображение данного закона у Аппиана следует рассматривать не в контексте развития земельных отношений в Риме, но лишь применительно к борьбе Цезаря со своим коллегой по консульству, Бибулом, поскольку будущий диктатор выдвигает его затем, чтобы обеспечить себе народную поддержку. Цезаря поддерживают Помпей с Крассом, но не потому, что закон был выдвинут в интересах ветеранов Помпея [14, S. 11], а лишь ввиду союза с будущим диктатором. На стороне Бибула же выступает сенат, оказывающий жестокое сопротивление новому закону и связанной с ним растущей популярности Цезаря. Аппиану не интересна сущность закона, он не приводит его истории, долгой борьбы вокруг наделения ветеранов Помпея землей, более того, он смешивает два земельных мероприятия Цезаря — раздачу земель бедным и раздел кампанского поля — это не имеет для него никакого значения [16, S. 407], в повествовании на его месте мог быть некий абстрактный *lex frumentaria*, сущность эпизода от этого бы никак не изменилась, ведь, как и Помпей с Крассом поддерживают Цезаря не именно из-за данного закона, так и сенат противостоит не само-

2 Из этих слов опять видно, что для Аппиана основой всех действий с землей эпохи гражданских войн является личная воля претендента, ведь он полностью исключает желание ветеранов селиться не в глухих провинциях, а именно в Италии.

му закону, а Юлию, никаких даже малейших замечаний с их стороны по существу в тексте нет, лишь чрезвычайно драматические и отчаянные попытки обструкции. И такое изображение не оригинально, но при этом характерно для Аппиана. Мотив обструкции и земельного закона в качестве средства приобретения власти можно встретить у Светония (Suet. D.C. 20), Веллея Патеркула (Vell. Pat. II, XLIV, 4-5) и Плутарха в биографиях Цезаря (Plut. Caes. 14) и Помпея (Plut. Pomp. 47). В биографии Катона Младшего встречается замечание, что Помпей, не найдя поддержки в сенате относительно своих распоряжений на Востоке, «стал призывать солдат к разделу земли» (Plut. Cat. 31; пер. С.П. Маркиша), сблизился с Цезарем, который и провел нужный закон, однако и здесь, описывая земельные законы Цезаря, Плутарх делает акцент на политическом влиянии, который дает этот закон, чем он, собственно, и плох (Plut. Cat. 31, 34). И лишь Дион Кассий останавливается на неудаче Помпея с земельным законодательством очень подробно, рассказывая среди прочего о законопроекте Луция Флавия о наделении земель ветеранов Помпея, предусматривающим и участие в разделе простых граждан, что было сделано в целях привлечения народа к положительному мнению о законе (Dio Cass. XXXVII, 49). Однако и он, подобно Плутарху и остальным, говоря о земельном законе Цезаря, пишет, что тот искал расположения народа (Dio Cass. XXXVIII, 1).

Теперь перейдем к рассмотрению во многом сходного земельного закона Апулея Сатурнина. По мнению Аппиана, он был задуман, чтобы расправиться с политическими врагами, для которых принятие его по какой-то причине было принципиально невозможным, в результате чего сущность закона отходит в повествовании на второй план — противоречия между городским плебсом и сельским населением, преимущественно италийцами, многие из которых были ветеранами Мария, в пользу которых и был выдвинут этот законопроект, выступает лишь как фон основного противостояния Апулея, Главции, Мария и сената. При этом Марий в принятии данного закона — явно второстепенная фигура, поскольку его еще ранее склонили к союзу Апулей и Главция (App. B.C., I, 29), основной его мотив — неприязнь к Квинту Цецилию Метеллу, его ветераны — не цель, а средство в принятии закона, в результате представляется очевидным, что содержание закона совершенно не имеет значения, ведь он — просто средство к устранению врагов.

Хотя Вернер Шур пишет, что сопротивление сената было вызвано самой сущностью закона [15, S. 89], однако представляется, что сам закон должен был удовлетворить народные интересы, не затрагивая существующих земельных отношений в самой Италии [12, S. 93]. Несмотря на это конфликт стал принимать угрожающие формы, но причины его в повествовании Аппиана (и

Плутарха), на первый взгляд, кажутся неясными. Конструктивных возражений против раздела освобожденных от кимвров и ставших государственными земель в тексте не видно. Более того, противление закону не может быть объяснено и личной неприязнью сенаторов к Марию и его товарищам, поскольку в повествовании сенат полностью доверяет Марию, а относительно Сатурнина проявляет смешанные чувства — второй цензор не поддержал Метелла в его намерении исключить популярного из сената³ (App. B.C., I, 28). Можно сказать, что эта запутанность объясняется не совсем удачным построением эпизода у Аппиана — сам закон кажется той самой софизмой, что придумали Апулей и Марий, однако движущей силой эпизода является не он, а добавление, сделанное к нему — клятва, которую обязан был дать сенат. Можно сказать, что земельный закон упоминается постольку, поскольку с ним связана клятва — другие важные мероприятия Сатурнина Аппиана не интересуют [16, S. 422]. На нее делает упор в своих выступлениях перед сенатом Марий (App. B.C., I, 30), она является основным препятствием к принятию закона, что ясно видно из мотивации Метелла — он отказывается дать клятву из-за гордыни, «ὕπὸ φρονήματος» (App. B.C., I, 29). Именно это добавление позволяет спровоцировать сенат. Хотя стоит отметить, что таковое построение эпизода, очевидно, не принадлежит собственно Аппиану, который пишет в русле общей оптиматской традиции, которая почти единодушна в данном вопросе [9, S. 261-269]. Наиболее точно мотив деятельности этих персонажей находим у Павла Орозия, где он, вовсе не упоминая земельного закона, указывает, что «Марий, бывший консулом в шестой раз, претор Главкия и народный трибун Сатурнин сговорились тайным образом, во что бы то ни стало, отправить в изгнание Метелла Нумидийского» (Paul. Oros. H. c. p. XVII, 4; пер. В.М. Тюленев). И лишь Аврелий Виктор, сравнительно подробно описывая саму сущность законодательства, указывает причиной, побудившей Апулея его выдвинуть, желание завоевать популярность у ветеранов Гая Мария (Aur. Vict. d. V. ill. 73, 1). Более того, у него требование клятвы четко отделено от самого закона (Aur. Vict. d. V. ill. 73, 6-7).

Также стоит отметить, что работе нашего историка нет даже малейшего упоминания закона Сервилия Рулла, который являлся одним из важнейших событий в истории аграрного законодательства той эпохи. Отсутствие его можно объяснить и простым незнанием, но скорее всего он просто не был интересен Аппиану, который рассматривал земельные законы послегражданского времени в качестве политического инструмента в борьбе за власть. Закон же Сервилия открыто не ставится в связи с какой-нибудь сильной личностью, более того, он не был принят, а значит не повлиял на продвижение этой самой личности.

3 Гельмут Шнайдер полагает, что цензоры отказались от своего замысла из-за народного возмущения [13, S. 92].

Об отсутствии специального интереса к земле или даже об отрицательном отношении Аппиана ко всем земельным переделам свидетельствует также и то, что несмотря на всю религиозность нашего историка [10, P. 13], земля и религия идут в тексте параллельно, никак и никогда не соприкасаясь, хотя земельный вопрос прямо подталкивает к этому [1, С. 165]. Не вдаваясь в обширную традицию вопроса, приведу близкий к теме пример: Плутарх, передавая речь Тиберия Гракха по поводу своего закона, приводит следующие слова: «ни у кого из такого множества римлян не осталось отчего алтаря, никто не покажет, где могильный холм его предков» (Plut. Grac. 9). Сам Гракх мог использовать этот мотив [17, S. 231], но у Аппиана в параллельном месте мы этого не встречаем, наш историк глух чаяниям народа, что сам подчеркивает при описании целеполагания Гракха: государство важно для него, не народ.

В заключение же скажу, что, как справедливо пишет Гельмут Шнайдер, «Оптиматы больше не могли видеть социально-политические проблемы ни в каком другом аспекте, кроме политики силы» [13, S. 190]. Аппиан строго придерживается этого взгляда. Каждое земельное мероприятие рассматривается им с точки зрения политического содержания и методов его проведения,

т.е. Аппиан, как ему кажется, пытается докопаться до истинного мотива этих мероприятий, который неизменен почти на протяжении всего повествования — борьба за власть, ввиду чего содержание земельных законов порой сильно искажается, всякая социальная сторона их исключается или задвигается на второй план, что касается в особенности необходимости наделения ветеранов землей, которая открыто и четко присутствует только в деятельности триумвиров, да и там несколько скрадывается указанием на политическое значение выведения колоний в Италии. Даже в реформе Тиберия Гракха для Аппиана важен именно политический аспект, как с точки зрения цели, коей является благополучие государства, а вовсе не отдельных римлян, так и методов политической борьбы, в результате которых были попорчены старые обычаи, и даже убиты должностные лица, что составляет особенный интерес нашего автора [16, S. 419]. При этом те законопроекты, которые не вызвали острой политической борьбы, как творения Сервилия Рулла или Луция Флавия, им вовсе не упоминаются. Хотя многие указанные эпизоды имеют значительное сходство с параллельными местами других источников, все же представляется, что единство их описания говорит о мировоззрении самого историка, которое, конечно, сформировалось под сильным влиянием оптиматской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения. Т. 1. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 654 с.
2. Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 фев. 1861 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс Собрание сочинений в 50-ти томах. Т. 30. М., 1963. С. 124–126.
3. Севастьянова О.И. Аппиан и его «Римская история» // ВДИ, 1950, №2. С. 253–262.
4. Сергеенко М.Е. Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // ВДИ, №2, 1958. С. 150–156.
5. Bonnell A.G. A 'Very valuable book': Karl Marx and Appian // Welch K. (ed.) Appian's Roman History: Empire and Civil War. Roman culture in an age of civil war. Swansea: Classical Press of Wales, 2015. P. 15–21.
6. Engels F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie // Karl Marx, Friedrich Engels Werke. Band 21. Berlin/DDR: Dietz Verlag, 1975. S. 291–307.
7. Hose. M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart–Leipzig, 1994. 533 S.
8. Keppie L. Colonisation and Veteran Settlement in Italy 47–14 B.C. (British School at Rome supp. publ.). London: British School at Rome, 1983. 262 p.
9. Klebs E. Appuleius 29 // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, 1895, Band II, 1. Stuttgart. S. 261–269.
10. Kramer G. Theologumena Appiani. Vratislaviae: typis G. Hoyer, 1899. 73 с.
11. Malitz J. Die Kanzelei Caesars — Herrschaftsorganisation zwischen Republik und Prinzipat. // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, 1987, 36. S. 51–72.
12. Schneider H. Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn: in Kommission bei Rudolf Habelt Verlag GmbH, 1977. 291 S.
13. Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur Krise und Niedergang einer antiken Republik. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2017. 313 S.
14. Schneiderhan V. Die Politik des Caius Julius Caesar in seinem ersten Konsulat. Rottweil: Druck von M. Rothschild, 1939. 72 S.
15. Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 249 S.
16. Steide W. Beobachtungen zu Appians 'ΕΜΦΥΛΙΑ // Hermes, 1983, Bd. 111, H. 4. S. 402–430.
17. Stern E. von. Zur Beurteilung der Politischen Wirksamkeit des Tiberius und Gaius Gracchus. // Hermes, 1921, Bd. 56, H. 3. S. 229–301.

© Степанов Игорь Николаевич (st081013@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕКОРАТИВНОЙ КОЛОРИСТИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МАГИСТРАНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Боташева Наталья Пантелеевна

к.п.н., доцент, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева (г. Карачаевск)
beka-09.kardanova@yandex.ru

Кириченко Наталья Сергеевна

к.п.н., доцент, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева (г. Карачаевск)

A MODEL OF THE METODIC SYSTEM FOR THE FORMATION OF DECORATIVE COLORISTIC COMPOSITIONAL COMPETENCE OF UNDERGRADUATES OF ART SPECIALTIES

**N. Botasheva
N. Kirichenko**

Summary: The article substantiates the possibility of effective formation of decorative-coloristic and compositional competence of undergraduates-artists using the author's model of the methodological system, outlines the structure of the model and the results of the pedagogical experiment. The results of the study showed that the use of the developed methodological system in the course of studying the discipline "Decorative coloristic composition" leads to an increase in the level of mastering the laws, expressive means of composition among undergraduates; the quality of mastering the technique of creating a decorative coloristic composite image.

Keywords: formation, decorative, coloristic, compositional competencies, undergraduates, methodological model.

Аннотация: В статье обосновывается возможность эффективного формирования декоративно-колористической и композиционной компетенции у магистрантов-художников с использованием авторской модели методической системы, излагаются структура модели и итоги педагогического эксперимента. Результаты исследования показали, что использование разработанной методической системы в ходе изучения дисциплины «Декоративная колористическая композиция» приводит к повышению у магистрантов уровня освоения закономерностей, выразительных средств композиции; качества овладения техникой создания декоративного колористического композиционного изображения.

Ключевые слова: формирование, декоративные, колористические, композиционные компетенции, магистранты, методическая модель.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что в основе художественного образования лежат задачи развития художественного мышления и творческого воображения. Вопросы теории и истории живописно-композиционного видения привлекали внимание зарубежных и отечественных исследователей-искусствоведов, художников, педагогов прошлого и наших современников. Различные аспекты профессиональной изобразительной деятельности нашли отражение в публикациях А.А. Исаева [9], Г.В. Беды [3], Н.П. Бесчастнов [4], Н.Н. Волкова [5], Г.М. Лонгвиненко [13], А.В. Свешникова [22], В.И. Коваленко [11], Г.И. Панк-сенова [18], Р.В. Паранюшкина [19], К.Т. Дагддян [6], К.Ф. Юон [25] и других авторов. Проблемы художественного образования и методики развития колористического видения рассматриваются в работах современных художников – методистов: В.С. Кузина [12], С.П. Ломова [14; 15], Н.Н. Ростовцева [20], Е.В. Шорохова [24], Н.З. Алиева [2],

С.Н. Данилушкина [7], А.Ю. Зубко [8], Е.А. Кибрик [10], Е.В. Омеляненко [17], С.Л. Рубинштейна [21], А.М. Новикова [16] и др.

Однако изучение публикаций по тематике нашего исследования показало, что при наличии значительного количества научных и учебно-методических работ, до настоящего времени не получили должного освещения многие его аспекты, а в первую очередь, развитие живописно-колористического видения в системе высшего художественного образования в соответствии с новыми образовательными стандартами. До настоящего времени отсутствуют научно обоснованные модели методической системы обучения декоративной колористической композиции будущих художников-педагогов. Обозначенные выше противоречия и пробелы в современной образовательной системе актуализируют тематику данной работы. **Объектом** исследования выбран процесс обучения декоративному колористическому видению художников- магистрантов института культу-

ры и искусств (далее ИКИ) Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Дж. Алиева (далее КЧГУ). **Предмет** исследования – методическая система, направленная на эффективное формирование декоративно-колористической компетенции у магистрантов в процессе изучения дисциплины «Декоративная колористическая композиция». **Целью** исследования является разработка модели методической системы и обоснование целесообразности использования ее в учебном процессе. В соответствии с целями исследования решались следующие **задачи**:

- обобщить достижения современной педагогики в области теории и методики обучения декоративной колористической композиции;
- разработать модель методической системы формирования декоративной колористической композиционной компетенции в процессе изучения магистрантами – художниками дисциплины «Декоративная колористическая композиция»;
- провести экспериментальным путем проверку эффективности методической системы формирования колористической декоративной композиционной компетентности художников-магистрантов ИКИ.

Методологической и теоретической основой исследования являются:

научные концепции искусствоведов, художников – практиков, теоретиков, в которых рассматриваются проблемы декоративного колористического видения и композиционного мышления; теоретические положения педагогов – методистов в области высшего художественного образования; исследования психологов в области художественного мышления; колористического и композиционного мышления. Для решения поставленных задач использовались:

- **эмпирические методы** исследования (опросы магистрантов, наблюдение за учебным процессом, педагогический эксперимент и т.д.);
- **теоретические методы** исследования (изучение педагогического опыта и теоретических работ по обучению декоративно-колористическим и композиционным навыкам в высших учебных заведениях; обобщение результатов экспериментальной работы и всего исследования в целом).

В современной отечественной системе высшего художественно-педагогического образования важное место занимает профессиональная подготовка будущих художников-педагогов, в профессиональные навыки которых входит освоение знаний, умений и навыков реалистично отображать окружающий мир средствами живописи, помимо всего, получить глубокие теоретические знания о физической природе цвета, особенностях колорита, физиологических закономерностях восприятия цвета, психологических аспектах их воздействия. На

совершенствование профессиональной подготовки

студентов художественных вузов направлены научно-методические работы отечественных педагогов (Г.В. Беда, А.М. Новиков, С.П. Ломов и др.). Однако в их работах вопросы обучения декоративного, колористического и композиционного видения магистрантов-художников не были предметом специального рассмотрения.

Вопросами эмоционального восприятия человеком декора, колора и композиции интересовались многие философы, художники, теоретики, искусствоведы. (К.Ф. Юон, Н.Н. Волков и др.). Ими отмечается, что художественные произведения организованы в определенной цветовой гармонии, отражающей красоту явлений и объектов действительности, и воздействующей на чувства и эмоции. Достигается это, прежде всего, с помощью колорита, высоким уровнем сформированности колористического восприятия.

Понятие композиции в различных аспектах (историческом, структурном, мыслительном) рассматриваются многими художниками, учеными-искусствоведами (Н.Н. Волков, А.Ф. Лосев, К.Ф. Юон, В.С. Кузин, А.В. Свешников и др.). Ими определены основные правила, приемы и средства композиции. Нами же под композицией понимается структура художественной картины, единство всех ее частей и элементов, которое реализуется композиционными законами, приемами и средствами.

Г.М. Логвиненко определяет декоративность как «совокупность художественных свойств, усиливающих эмоциональную выразительность и художественно-организационную роль образного строя произведения» [13]. Декоративность является качественной характеристикой художественной картины, определяемая формой выражения красоты, а также колористическим и композиционным строем.

Декоративная, колористическая и композиционная компетентности входят в область профессионально-художественной компетентности, под которой понимается совокупность компетенций в разных областях художественной деятельности и личностная интегративная характеристика подготовленности магистрантов к будущей профессиональной деятельности. Художественная компетентность включает владение знаниями, умениями и навыками в разных областях: в декоративно-прикладном и декоративно-изобразительном искусстве, в области колористики, композиции, живописи и рисунка и т.д.

Таким образом, декоративность, колорит и композиция являются центральными проблемами в живописи, в развитии эстетического восприятия и процессе обучения живописи, в том числе в условиях профессиональ-

но-художественного образования.

Модель методической системы как инструмент эффективного формирования декоративной колористической композиционной компетенции магистрантов

В соответствии с приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.02.2018г. №126, в Учебных планах ФГОС ВО подготовки магистрантов направления 44.04.01 профиля «Художественное образование», обозначенная компетенция осваивается в ходе изучения базовой дисциплины «Декоративная колористическая композиция», изучаемая в 1 семестре 1 курса. Предполагается, что в процессе освоения данной дисциплины они получают теоретические знания и приобретают практические умения и навыки работы в разных видах изобразительного искусства. Магистранты должны освоить теоретические основы изобразительного искусства, художественные материалы, технику и технологию работы в области изобразительного искусства, умения и навыки практической работы в этой области.

В разработанную нами модель методической системы обучения магистрантов декоративной колористической композиции входят компоненты: теоретико-методологический; целевой; содержательный; технологический и оценочно-результативный.

Теоретико-методологической базой модели является комплекс подходов: системный (совокупность взаимосвязанных между собой элементов); деятельностный (в основе которого лежит включение магистрантов в учебную деятельность); компетентностный (ориентация учебного процесса на его результаты, включение в содержание обучения знаний, формирующие умения); личностный (индивидуальный подход к каждому обучающемуся).

Разработанная модель опирается на *методологию* художественной деятельности, в основе которой лежит совокупность нескольких видов деятельности (познавательная, преобразовательная, коммуникативная и художественно-эстетическая) [16; 23], позволяющих раскрыть структуру декоративно-колористической композиционной компетенции.

Целевым компонентом методической модели обозначено формирование декоративной колористической композиционной компетенции магистрантов-художников. Дисциплина направлена на решение ряда *задач*:

- мотивационные: развитие у магистрантов интереса к будущей деятельности художника-педагога;
- обучающие: получение знаний в области исторического развития декоративно-колористической композиции; о закономерностях, приемах и спо-

собах изображения в живописи;

- развивающие: совершенствование практических умений и навыков в области формируемых компетенций, предусмотренных данной программой курса, необходимых для понимания роли изучаемой дисциплины в профессиональной деятельности.

Содержательный компонент нашей модели включает элементы, раскрывающие структуру декоративной колористической композиционной компетенции. В него входят:

- ценностный, формирующий интерес к художественной деятельности и мотивирующий его развитие;
- познавательный, способствующий получению знаний в области методики, технологии и техники в области художественной живописи;
- преобразовательный, предполагающий овладение практическими навыками и умениями в области декоративно-колористических композиционных умений в живописи.

Технологический компонент модели методической системы включает:

1. Основные этапы:
 - мотивационно-целевой;
 - операционно- и креативно-деятельностный;
 - рефлексивный.
2. Основные организационные формы развития компетенций, состоящие из: лекционных, семинарских, (инструктаж, рассказ, объяснение, показ), практических самостоятельных занятий (упражнения, работа над набросками, этюдами), консультаций, иллюстративных, репродуктивных, продуктивных (проблемных), рефлексивных (просмотр работ) исследовательских и проектных.
3. Основные методы развития компетенций, которые основываются на общедидактических методах: презентационный, демонстрационный, наглядный, словесный, практический и т.д. На лекционных занятиях используются: лекция-визуализация, лекция-исследование, лекция-беседа, лекция-провокация (с запланированными ошибками), лекция-консультация, лекция-диалог. На практических занятиях используются: групповые дискуссии, «мозговые атаки», решения практических задач, публичная презентации проектов, слайд-презентации с использованием мультимедийного оборудования, позволяющие наглядно представлять содержание изучаемого материала или выполненной творческой работы. Использование интерактивных элементов позволяет усилить эффективность публичных выступлений.
4. Основные средства обучения. Из всех возможных средств нами используются: раздаточный мате-

риал (картинки с натюрмортами), картины известных художников, книги с иллюстрациями, методический фонд (драпировки, геометрические фигуры) и др.

Каждый из перечисленных элементов направлен на эффективное формирование декоративно-колористических композиционных компетенций.

Оценочно-результативный компонент модуля направлен на выявление уровня сформированности у магистрантов компетенций в области художественного мастерства. Данная система включает критерии и уровни формирования декоративного колористического композиционного восприятия магистрантов – художников. Критерии оценивания степени сформированности декоративного колористического композиционного восприятия, а также компетентности магистрантов в плане знаний, умений и навыков, основаны на сравнении уровня владения ими конкретным магистрантом со стандартными требованиями, изложенными в учебной программе. Определяется он на зачетах и кафедральных просмотрах творческих работ, по трехбалльной системе. Высокому уровню соответствует: полнота раскрытия проблемы, содержащейся в вопросе, в теоретическом аспекте; умение грамотно выстроить свой ответ, используя примеры и факты для доказательности ответа, умение отвечать на дополнительные вопросы. Критериями среднего уровня являются: способность раскрыть проблему с помощью наводящих вопросов преподавателя; умение решать конкретные практические задачи с учетом изложенных в теории вопроса положений; умение грамотно выстроить свой ответ, но при этом, не используя примеры и факты для доказательности ответа. Критериями низкого уровня являются: одностороннее раскрытие проблемы, содержащейся в вопросе; отсутствие или неверное решение конкретной практической задачи; неумение грамотно выстроить свой ответ, непонимание задаваемых вопросов, неумение доказать свою позицию.

Оценочные критерии позволяют преподавателю выявлять промежуточные и итоговые знания и умения магистрантов. На зачетах проверяются теоретические знания, а критерии оценивания строятся по трехбалльной системе, в основу которой берутся следующие критерии и показатели: композиционное решение, соблюдение пропорциональных цветовых отношений, декоративно-колористическое решение, владение живописной техникой. Практические работы обучающихся оцениваются по шести (и более) показателям: композиционное построение (статика); композиционное построение (динамика); ритмическая организация; пропорциональные соотношения; цветогармоническое решение; ахроматическое решение; ассоциативно-образное мышление; вариативность поисковых эскизов: владение графической

культурой; организация изобразительной плоскости и т.д.

Для проведения промежуточной аттестации нами разработаны фонды оценочных средств, в которые входят типовые контрольные задания: творческо-ориентированные задания на тему «Абстрактная декоративно-колористическая композиция на ассоциативно-эмоциональное восприятие (прослушанной музыки, стихотворения, песни и др.); дидактические задания «Цветовая перспектива», «Колорит» (соотнесение картины художника с группами колористического решения; соотнесение картины художников с группами колористического решения композиции); примерные тестовые задания на разные уровни компетенций:

Модель методической системы формирования декоративной колористической композиционной компетенции

1. Теоретико-методологический компонент
<p>1. Методология художественной деятельности. 2. Подходы: – системный подход; – деятельностный подход; – компетентностный подход; – личностный подход.</p>
2. Целевой компонент
<p>Цели: Формирование декоративной колористической композиционной компетенции магистрантов-художников. Задачи: – мотивационные: развитие у магистрантов интереса к будущей деятельности художника-педагога; – обучающие: получение знаний в области исторического развития декоративно-колористического композиции, закономерностями, приемами и способами изображения в живописи. – развивающие: совершенствование практических умений и навыков в области формируемых компетенций, предусмотренных данной программой курса, необходимых для понимания роли изучаемой дисциплины в профессиональной деятельности.</p>
3. Содержательный компонент
<p>– ценностный; – познавательный; – преобразовательный.</p>
4. Технологический компонент
<p>– основные этапы: мотивационно-целевой; операционно-деятельностный; креативно-деятельностный; рефлексивный. – основные организационные формы развития компетенций; – основные методы развития компетенций; – основные средства обучения.</p>
5. Оценочно-результативный компонент
<p>– выявление уровня сформированности компетенций; – критерии и оценки.</p>

Экспериментальная проверка эффективности модели методической системы

Эффективность разработанной модели методической системы нами проверялась экспериментальным путем, осуществленным на базе института культуры и искусств Карачаево-Черкесского государственного университета.

Целью эксперимента было обоснование целесообразности использования в учебном процессе разработанной модели методической системы. В соответствии с целью ставились задачи: сравнить уровень сформированности декоративно-колористической и композиционной компетенции у магистрантов, обучающихся по разработанной методической системе, с уровнем сформированности компетенции магистрантов, не обучавшихся по данной системе.

В эксперименте было задействовано 41 респондента: 1 педагог и 40 магистранта, которые были разделены на 2 равные группы. Для экспериментальной группы были разработаны задания, направленные на формирование определенных компетенций. В контрольной группе занятия проводились по традиционной системе. Работа проводилась в три этапа: 1) констатирующий этап – предварительное выявление уровня изобразительной компетенции; 2) формирующий этап – проведение занятий; 3) контрольный этап – выявление отличий в формировании изобразительных компетенций магистрантов обеих групп. Предварительный уровень изобразительной компетенции магистрантов определен путем их анкетирования с использованием традиционной (пятибалльной) системы. До начала эксперимента были разработаны критерии оценки уровня изобразительной компетенции магистрантов: по качеству декоративно-колористического решения; качеству композиционного решения; степени соблюдения пропорциональных цветовых отношений; уровню владения живописной техникой. Анализ результатов эксперимента показал, что по всем индикаторам изобразительной компетенции высокие результаты показали магистранты экспериментальной группы.

Мы пришли к заключению, что качество художественной деятельности находится в прямой зависимости от уровня изобразительной компетенции (Таблица 1).

Таким образом, разработанная модель методической системы включает теоретико-методологический, целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты. В основе методической системы лежат системный, деятельностный и компетентностный подходы, присутствующие во всех компонентах модели. На каждом этапе обучения последовательно формировались конкретные изобразительные компетенции магистрантов в соответствии с целями и задачами этапов обучения (мотивационно-целевого, операционно-деятельностного и т.д.). Данная система способствует эффективному повышению: качества декоративно-колористического решения; качества композиционного решения в художественном изображении; степени соблюдения пропорциональных цветовых отношений; уровня владения магистрантом живописной техникой.

Заключение

Комплексное исследование возможностей эффективного формирования изобразительных компетенций магистрантов художественных специальностей привело нас к следующим результатам.

Декоративность, колорит и композиция – центральные проблемы в живописи и процессе обучения живописи, в том числе в условиях профессионально-художественного образования. Эффективное формирование изобразительной компетенции (декоративной, колористической и композиционной) может обеспечить разработанная нами методическая система, представленная комплексом компонентов: теоретико-методологических: методология художественной деятельности; подходов (системный; деятельностный; компетентностный; личностный); целевого (определяющего цели и задачи обучения); содержательного (ценностный; познавательный; преобразовательный); технологического, опреде-

Таблица 1.

Результаты диагностики уровня сформированности декоративно-колористической композиционной компетенции магистрантов контрольной и экспериментальной групп

Критерии	Уровень сформированности компетенции					
	Высокий		Средний		Низкий	
	контр. гр.	экспер. гр.	контр. гр.	экспер. гр.	контр. гр.	экспер. гр.
Качество декоративно-колористического решения	18,2%	70,8%	44,3%	21,8%	37,5%	7,4%
Качество композиционного решения	18,0%	71,0%	38,3%	21,5%	43,7%	7,5%
Степень соблюдения пропорциональных цветовых отношений	13,0%	54,5%	13,0%	29,0%	74,0%	16,5%
Уровень владения живописной техникой	29,3%	39,1%	34,1%	37,8%	36,6%	23,1%

ляющего: основные этапы (мотивационно-целевой; операционно-деятельностный; креативно-деятельностный; рефлексивный); организационные формы (групповые, индивидуальные, вспомогательные); методы и средства обучения (словесные, практические); способы обучения (коллективные, групповые, индивидуальные).

Результаты проведенного педагогического эксперимента показали, что качество художественной деятельности магистрантов художественных специальностей повышает: качество декоративно-колористического решения; качество композиционного решения в художественном изображении; степень соблюдения пропорциональных цветовых отношений; уровень владения магистрантом живописной техникой. Качество художественной деятельности находится в прямой зависимости от эффективности формирования рассматриваемых типов изобразительной компетенции, которые может

обеспечить организация учебных занятий магистрантов-художников на основе разработанной нами модели методической системы.

Таким образом, мы приходим к **выводам**. Разработанная модель методической системы оказывает эффективное воздействие на формирование декоративно-колористической и композиционной компетенции магистрантов-художников.

Для эффективной работы с магистрантами в этом направлении необходимо вводить в учебные процессы вузов художественных специальностей новые инновационные технологии, разрабатывать современные учебные и методические пособия; необходима профессиональная подготовка педагогов художественных специальностей с использованием инновационных методов обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Н.З. Физика цвета и психология зрительного восприятия: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 207 с.
2. Беда Г.В. Основы изобразительной грамоты. Рисунок. Живопись. Композиция. М., 1977. 248 с.
3. Бесчастнов Н.П., Кулаков В.Я. и др. Живопись: учебное пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Владос, 2008. 223 с.
4. Волков Н.Н. Композиция в живописи. М.: Искусство, 1977. 263 с.
5. Дагддьян К.Т. Декоративная композиция. -Ростов н/Д: Феникс, 2010. -312 с.
6. Данилушкина С.Н. Развитие творческих способностей студентов художественных факультетов педагогических вузов на занятиях по композиции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Алматы: АГУ им. Абая, 2014. 18 с.
7. Зубко А.Ю. Формирование композиционной культуры в системе профессиональной подготовки художника-педагога: дис. ... канд. наук. Курск, 2011.
8. Исаев А.А. Философия цвета: феномен цвета в мышлении и творчестве: монография. М.: Флинта, 2011. 178 с.
9. Кибрик Е.А. Рисунок, живопись, композиция: хрестоматия. М., 1989. 208 с.
10. Коваленко В.И. Композиция: Учебное пособие. Минск: Белорусь, 2014. 199 с.
11. Кузин В.С. Психология. Учебник. М.: Высшая школа, 1974. 280 с.
12. Логвиненко Г.М. Декоративная композиция. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. 144 с.
13. Ломов С.П. Дидактика художественного образования. М., 2010. 103 с.
14. Ломов С.П. Цветоведение: учебное пособие. Москва: ВЛАДОС, 2018. 144 с.
15. Новиков А.М. Методология художественной деятельности. М.: Эгвес, 2008. 72 с.
16. Омеляненко Е.В. Цветоведение и колористика: учебное пособие. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2010. 184 с.
17. Панксенов Г.И. Живопись. Форма, цвет, изображение. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 144 с.
18. Паранюшкин Р.В., Хандова Г.Н. Цветоведение для художников: колористика. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 96 с.
19. Ростовцев Н.Н. и др. Рисунок, живопись, композиция: Хрестоматия: уч. пособие для студентов ХГФ пед. Институтов. М.: Просвещение, 1989. 207 с.
20. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 256 с.
21. Свешников А.В. Композиционное мышление в изобразительном искусстве: автореф-т дис. ... д-ра искусствоведения. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 52 с.
22. Удалова А.А. Специфика методической системы развития живописной компетенции будущих дизайнеров //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016, № 3 (43). - С. 180–187.
23. Шорохов Е.В. Основы композиции: учеб. для студентов худож.-граф. фак. пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 207 с., ил.
24. Юон К.Ф. Об искусстве. М.: Советский художник, 1959. 172 с.

© Боташева Наталья Пантелеевна (beka-09.kardanova@yandex.ru), Кириченко Наталья Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ: ПРИНЦИПЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

SYNERGETIC APPROACH IN TEACHING: PRINCIPLES AND PEDAGOGICAL CONDITIONS

V. Lunev
T. Luneva
A. Mikhailichenko
T. Shikhatova
D. Rakhinsky

Summary: The article considers a synergetic approach to teaching students of higher education. On its basis, the principles and pedagogical conditions for the design of the educational process are formulated. The synergetic approach presupposes the formation of an educational environment functioning on the basis of self-organization, independent search for information by students, mutual learning and creativity, which most fully corresponds to the modern information society. It allows you to integrate the experience gained in science and can serve as a source for innovation.

Keywords: Synergetics, information society, higher education, self-organization, collective learning, pedagogical conditions, educational process.

Лунев Владимир Викторович

*К.с.н., доцент, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (гор. Красноярск)
vladimirL1@yandex.ru*

Лунева Татьяна Анатольевна

*К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева» (гор. Красноярск)
luneva@sibsau.ru*

Михайличенко Александр Геннадьевич

*КГБОУ ДПО «Красноярский краевой центр медицинского образования» (гор. Красноярск)
alexmt3000@mail.ru*

Шихатова Татьяна Викторовна

*КГБОУ ДПО «Красноярский краевой центр медицинского образования» (гор. Красноярск)
tvsh64@gmail.com*

Рахинский Дмитрий Владимирович

*Д.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» (гор. Красноярск); ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (гор. Красноярск)
siridar@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрен синергетический подход к обучению студентов высшей школы. На его основе сформулированы принципы и педагогические условия для проектирования учебного процесса. Синергетический подход предполагает формирование образовательной среды, функционирующей на основе самоорганизации, самостоятельного поиска информации учащимися, взаимному обучению и творчеству, что наиболее полно соответствует современному информационному обществу. Он позволяет интегрировать накопленный в науке опыт и может служить источником для инноваций.

Ключевые слова: Синергетика, информационное общество, высшее образование, самоорганизация, коллективное обучение, педагогические условия, учебный процесс.

Постклассический этап развития науки характеризуется появлением новых теорий и концепций. В гуманитарных науках качество универсальной методологии, позволяющей интегрировать междисциплинарные исследования, стала выступать синергетика [9]. Синергетические принципы и закономерности позволяют объяснить явления самоорганизации и развития, протекающие в сложных динамических системах, что дает возможность осмыслить малоизученные ранее процессы и явления.

На потенциал синергетики применительно к педаго-

гическим наукам одними из первых обратили внимание В.Г. Буданов, Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов. Было отмечено, что современное образование функционирует как открытая самоорганизующаяся система синергетического типа. Поэтому синергетика способна не только более целостно описать происходящие в этой системе процессы, но и смоделировать новые педагогические условия, адекватные современному постиндустриальному обществу [1, с. 194-195].

Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов отмечают, что педагогические технологии, спроектированные на основе синер-

гетики, принципиально отличаются от традиционных. Привычная вертикальная передача знаний от педагога к обучающимся, должна быть заменена на создание образовательной среды, способствующей явлениям самоорганизации, самостоятельному поиску информации учащимися, взаимному обучению и творчеству [3, с. 285]. В учебном процессе, построенном на синергетических принципах, возможны нелинейные синергетические эффекты, ускоряющие скорость обучения и повышающие его качество [3, с. 76-77].

Несмотря на то, что идеи синергетического подхода в педагогике были озвучены уже достаточно давно, разработка концепции педагогической синергетики находится на начальном этапе своего становления. Возникают трудности перехода от общего теоретического уровня закономерностей и принципов - к практике, педагогическим условиям и технологиям, остаются не разработанными программно-методические основы данной концепции. Открытым остается вопрос, как создать в учебном процессе образовательную среду, использующую коллективный опыт и способствующую самоорганизации обучающихся. Примером этого тезиса может служить концепция педагогической синергетики Н.М. Таланчука [4].

Если педагогическая теория пытается осмыслить новую информационную реальность, то педагогическая практика в основном дополняет традиционную педагогическую систему цифровыми устройствами, не меняя ее суть. Так, несмотря на развитие информационных технологий, в отечественном высшем образовании продолжают использовать традиционные педагогические технологии, отвечающие требованиям индустриального общества, но малоэффективные в условиях открытой информационной среды и сетевой формы взаимодействия участников [11]. Таким образом, нарастает противоречие между информационным обществом и информационной средой, в которой предстоит работать выпускникам, и образовательной системой, в которой формируются основные компетенции. Разрешить это противоречие возможно только в рамках новой педагогической системы, построенной на принципиально новых методологических основаниях.

В наших прошлых работах мы обозначили основные синергетические принципы, на основе которых может осуществляться проектирование учебного процесса в условиях информационного общества и возможности самоорганизации студентов. Это такие принципы, как принцип разнообразия на входе в систему, принцип непрерывного взаимодействия и открытости системы, принцип нелинейности развития процессов, принцип памяти системы [10].

Обозначенные принципы позволяют нам форму-

лировать организационно-педагогические условия, на основе которых может быть спроектирован педагогический процесс в высшей школе. Под педагогическими условиями мы понимаем систему мер педагогического воздействия на обучающихся, которая включает содержание, методы, формы взаимодействия и материально-технические условия обучения [2].

Первым организационно-педагогическим условием является вариативность и разнообразие элементов образовательного процесса. Вариативность и разнообразие предполагают, что чем более разнородные элементы включены в систему, тем больше у нее возможностей для самоорганизации и творческого развития. Это допускает, что в такой системе обучающиеся могут иметь разный уровень подготовки и разный темп усвоения материала, применяться разные формы и методы обучения, использоваться различные информационные источники и формы контроля. Если для традиционного обучения, ориентированного на стабильные и максимально упорядоченные процессы, разнообразие является негативным фактором, снижающим его эффективность, то для обучения, ориентированного на самоорганизацию, разнообразие дает дополнительные преимущества, стимулирующие процессы самоорганизации в группе.

Вторым условием является непрерывное взаимодействие участников учебного процесса. В рамках традиционной педагогической модели, частое взаимодействие между обучающимися фактически исключено, для этого не созданы технические и педагогические условия. В основном происходит взаимодействие между преподавателем и коллективом в целом, что не дает возможности использовать потенциал группы и учесть индивидуальные возможности каждого обучающегося. Преодолеть это отчуждение пытаются сторонники коллективного способа обучения (КСО), организовав работу в парах и самостоятельный обмен знаниями между участниками в группе [7]. Мы предлагаем пойти дальше, построив учебный процесс таким образом, чтобы была возможность каждому участнику взаимодействовать с любым участником группы и группой в целом, обмениваться вопросами, результатами обучения, эмоциями. Технологически этот процесс можно обеспечить при помощи мессенджеров и документов с коллективным доступом. Организационно должны быть разработаны правила такого взаимодействия, позволяющие не нарушать личное пространство обучающихся, но при этом использовать коллективный опыт других студентов.

Третьим условием является открытость модели содержания обучения и нелинейная траектория его освоения. Формулируя данное условие, мы исходим из предположения, что в условиях открытой информационной среды, содержание обучения не может существовать как закрытая и статичная система. Открытость и дина-

мичность являются обязательными условиями ее нормального функционирования. В педагогической науке и практике делались попытки проектирования модели содержания обучения, как открытой и динамической системы. Наиболее известным является эксперимент Дэвида Кормье, получивший название «ризоматическое обучение». Учебный план и содержание дисциплин, построенные по ризоматическому принципу, не имеют четкой логической структуры, утвержденных тем и маршрутов освоения. Студенты в процессе непрерывного взаимодействия, выбирают темы и методы обучения, двигаются в собственном темпе и используют коллективный опыт друг друга [8]. В отечественной педагогике похожие идеи высказывал А.С. Малков, предложивший представлять содержание обучения, как открытую сеть связанных между собой тем, понятий и методов. Студент может входить в такую систему в любой точке и двигаться в любом направлении и темпе [5]. На наш взгляд, именно «содержание с открытым кодом» соответствует информационной среде, в которой в дальнейшем предстоит работать обучающимся.

Четвертое условие можно сформулировать, как накопление и использование коллективного опыта системы, выступающего аналогом ее памяти. С синергетической точки зрения, система может развиваться только

при наличии у нее памяти, позволяющей использовать и накапливать опыт [6, с. 215]. Использование коллективной памяти в учебном процессе предполагает создание единой информационной базы, которая включала бы в себя содержание обучения, технологии для коллективной и самостоятельной работы, систему оценивания, результаты освоения дисциплины, опыт учащихся. В такой системе каждый обучающийся в любое время может обратиться к коллективному опыту и его личный опыт становится достоянием группы. При этом учащиеся могут, как самостоятельно осваивать учебный материал, так и объединяться в команды. Наиболее важным результатом реализации данного педагогического условия является накопление группой коллективного знания. Для его систематизации также можно использовать Google-Документы с функцией коллективного доступа или адаптированные под данные задачи уже существующие программы электронного обучения, например, Moodle.

Таким образом, синергетический подход в обучении предполагает формирование образовательной среды, соответствующей информационному обществу. Учебный процесс проектируется как открытая система, способная к самоорганизации и развитию. Ключевые принципы, заложенные в основу этого подхода, могут быть применены в системе высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов; изд. 3-е дополн. – Москва: Издательство ЛКИ, 2009. – 240 с.
- Ипполитова Н. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация / Н. Ипполитова, Н. Стерхова // General and Professional Education. – 2012. – № 1. – Р. 8–14.
- Князева Е.Н. Основания синергетики / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – Спб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
- Корчагин В.Н. Системно-синергетическая философия как методологическая основа педагогики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Вып. 2. – С. 99-103.
- Малков А.С. Синергетика преподавания и преподавание синергетики // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – Москва: Прогресс-Традиция, 2007. – 592 с.
- Мельник Л.Г. Фундаментальные основы развития. – Суммы: ИТД «Университетская книга», 2003. – 288 с.
- Мкртчян М.А. Становление коллективного способа обучения: монография / М.А. Мкртчян. – Красноярск, 2010. – 228 с.
- Морозов А. Ризоматическое обучение. Как придумать новую педагогическую теорию на стыке современной философии и образовательных технологий. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/rizomaticheskoe_obuchenie_39656
- Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С.91-98.
- Рахинский Д.В. Принципы проектирования учебного процесса в условиях самоорганизации студентов: синергетический подход / Д.В. Рахинский, В.В. Лунев, Т.В. Лунева, Е.С. Щеляков // Педагогика и просвещение. – 2021. – № 2. – С. 32-39.
- Смирнов И.П. Будущее образования – гипотеза ученого // Образование в постиндустриальном обществе: сб. статей междунар. науч. конф., посвященной Александру Михайловичу Новикову – Учёному. Учителю. Человеку! 2 декабря 2013 г. / Институт теории и истории педагогики РАО. Москва: ИИУ МГОУ, 2014. – 292 с. – С. 11-22.

© Лунев Владимир Викторович (vladimir1@yandex.ru), Лунева Татьяна Анатольевна (luneva@sibsau.ru), Михайличенко Александр Геннадьевич (alexm3000@mail.ru), Шихатова Татьяна Викторовна (tvsh64@gmail.com), Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСКУССТВ ХАНЧЖОУ В XXI В.

Ma Синьгэ

Российский Государственный Педагогический
Университет им. Герцена, Санкт-Петербург
txg604461939@gmail.com

THE SPECIFICS OF ACADEMIC ART EDUCATION AT THE CHINESE ACADEMY OF HANGZHOU IN THE XXI CENTURY

Ma Xinge

Summary: This article discusses the specifics of art education at the Hangzhou Academy. As an example of an academic model, it consistently conceptualizes the principles of traditional academic education of students, based on a synthesis of eastern and western traditions. In the context of this article, we will consider the main provisions of the theory and practice of teaching painting, which influenced the creation of a model of the academic education system at the Hangzhou Chinese Academy of Arts, and study the problem of the influence of European, American and Russian schools on Chinese teaching methods.

Keywords: Academy in Hangchou, academic art education, China, pedagogical principles, tradition, innovation.

Аннотация: В статье рассматривается специфика художественного образования в Академии Ханчжоу. Являясь примером академической модели, она последовательно осмысляет принципы традиционного академического воспитания студентов, основываясь на синтезе восточной и западной традиции. В контексте данной статьи будут рассмотрены основные положения теории и практики обучения живописи, повлиявшие на создание модели академической системы образования в Китайской Академии Искусств Ханчжоу, исследована проблема влияния европейских, американских и российских школ на китайские методики преподавания.

Ключевые слова: Академия в Ханчжоу, академическое художественное образование, Китай, педагогические принципы, традиция, новаторство.

Академическое художественное образование, воспитывающее в подрастающем поколении эстетические принципы восприятия мира, и искусство как один из специфических источников трансформации жизни общества во всех ее сферах. Все это звенья одной цепи и неотъемлемые составляющие художественной культуры. Традиции всегда являлись важным компонентом китайского образования академической системы.

Однако стремительно возрастающее западное влияние на экономику, культуру и науку КНР, захватившие страну в XX веке поставило перед искусством и переформирующимся вслед за ним художественным образованием новые задачи. Особенно остро встал вопрос о модернизации китайской живописи и системы художественного образования в целом. Влияние европейской методики преподавания на традиционную китайскую педагогическую систему повлияло на формирование иных принципов обучения.

Становление метода реализма в живописи Китая относится к первым десятилетиям XX века. В этот период началось профессиональное обучение китайских художников западноевропейскими преподавателями, как в самой стране, так и за ее пределами. Например, советский живописец К.М. Максимов преподавал в КНР масляную живопись по академической методике П.П. Чистякова, а многие одаренные китайские студенты имели возмож-

ность получить художественное образование в Академиях Художеств разных стран, в том числе и СССР. Одним из центров высокой художественной мысли и оплотом академического образования стала Китайская Академия Искусств в Ханчжоу, которая была не только ориентирована на знакомство студентов с западным искусством (в том числе русским и советским), но и стремилась создать искусство новой эпохи, синтезировав восточную и западную традиции.

Академия искусств Ханчжоу была основана в 1928 году на средства Цай Юаньпэя, первого ректора Пекинского университета (1916–1926). Полученное им в 1927 году назначения на пост министра по делам высшего образования позволило претворить в жизнь идею создания высшей многопрофильной художественной школы общенационального масштаба. Директором академии стал молодой художник-модернист Линь Фэнмянь (1900–1991), получивший образование во Франции. Центральный кампус академии был расположен на берегу впечатляющего своей первозданной красотой озера Сиху, что создавало прекрасные условия для художественного образования и досуга студентов. Второй кампус Наньшань разместился в районе Шанчэн города Ханчжоу. Третий кампус, открытый в Шанхае, позже получил название Шанхайская школа дизайна.

Поскольку системы высшего художественного обра-

зования в КНР в 1990-е годы подвергалась пересмотру, то организация и содержание процесса обучения в академии постоянно пересматривались. Так, согласно стратегии развития высшего художественного образования Китая, академия стремилась к обновлению и пересмотру учебных планов каждые 5–10 лет, что должно отвечать потребностям социально-экономического развития и культурного пространства. В их базовые образовательные установки входило стремление фокусироваться на развитии многофункциональных, компетенций обучающихся (прикладных, художественно-творческих, дизайнерских и т.д.) в художественной сфере с помощью социальной конкуренции и адаптации [5, с. 251]. Разумеется, что это требует от руководства и профессорско-преподавательского состава постоянного совершенствования учебно-творческой работы, повышения качества и эффективности. При этом особое внимание в начале XXI века уделялось местным культурным традициям и национальному своеобразию, что отражалось и на методике преподавания, и на тематике творческих и исследовательских работ студентов.

В Академии Ханчжоу к началу XXI века сложилась стройная и эффективная педагогическая система, которая в полной мере отвечала запросам китайского общества, в особенности той его части, которая ориентировалась на западноевропейские и американские образцы и тенденции и предпочтению отдавало отечественным художникам-новаторам. Именно академии искусств Ханчжоу является одним из немногих учреждений такого типа в Китае, которое сочетало в методике преподавания взаимодействие и «гармонизацию» национального и иностранного компонента. Последний, прежде всего, выражается в строгой ориентации на реализм. А также не исключало стремление студентов к новым художественно-творческим поискам, как техническом исполнении, так и в выборе тематики [5, с. 256]. Подобный подход в совокупности с гибкостью и динамизмом методической системы позволяет рассуждать, что система китайской академии способно адаптироваться и эффективно работать в условиях современного художественного рынка.

Таким образом, опыт академии искусств Ханчжоу и современная ситуация в ее образовательном пространстве представляет собой интерес для научного осмысления. Особенно важным кажется показать, как происходит процесс «гармонизации» иностранного опыта и традиций китайского художественного образования в области теории и практики обучения живописи, которые повлияли на создание модели академической системы образования в Ханчжоу. Поскольку на основе глубокого понимания общей картины формирования системы становится возможным ее дальнейшее реформирование, что является одним из приоритетов государственной политики КНР.

Истории становления художественного образова-

ния в Китае посвящены труды таких исследователей, как Чжэнь Жуй Лин и Чжан Дао Сэнь. Отдельное внимание ими уделено деятельности Академии в Ханчжоу. Вопросы развития его на современном этапе занимают Чэнь Дяньцин, Чэнь Чуаньси и Сюй Бин. Важная роль в распространении принципов европейского академического обучения в Китае принадлежит известному художнику-педагогу Сюй Пэй Хуну, который неоднократно подчеркивал значение академического рисунка как основы изобразительного искусства [1]. В настоящее время проблемами влияния российской академической школы на становление художественного образования в Китае и вопросами методики преподавания занимаются Ли Су Цзе, Чжоу Пэн Хой, Ван Цзин Цзяо и некоторые другие теоретики и практики художественного образования.

В российской историографии проблема китайского художественного образования вызывает явный интерес, но представлена единичными работами на русском языке. Так, были опубликованы обобщающие монографии и учебники по истории китайского искусства и культуры, такие как энциклопедия «Духовная культура Китая» в 5 томах с дополнительным томом, вышедшим в 2010 году. Интерес представляет собой учебное пособие М.Е. Кравцовой под названием «История искусства Китая», а также «Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII–XIII вв.) в Китае» автора В.В. Осенмук. При всей глубине и широте представленного материала, внимание исследователей в них ограничивается исключительно вопросами теории и истории китайского искусства и культуры, в то время как сложная и практически значимая проблема художественного образования, в том числе развитие академической школы так и не нашли своего воплощения. Однако, изучение данных вопросов актуально и значимо для целостного понимания происходящих в китайском академическом образовании процессов и тенденций [2].

Программа Академии Ханчжоу известна как наиболее современная и прогрессивная в Китае в области высшего художественного образования. Многочисленные выпускники Академии, в числе которых можно назвать художников Хуан Биньхуна, Ли Кэжяня, У Гуаньчжуна и Пань Гункая составляют движущую силу современной китайской живописи и показатель эффективности той методики, которая сформировалась в стенах этого ведущего вуза. Академия предлагает обучение по программам бакалавриата, магистратуры, а также предоставляет возможность получения докторской степени по таким специализациям как изобразительные искусства, дизайн, архитектура, мультимедиа и кинематография. Обучение в Академии сочетает в себе теорию и практику, современные технические и культурные дисциплины с традиционными художественными дисциплинами.

В состав Академии входит несколько высших школ, колледж непрерывного образования с отделениями художественного оформления и масляной живописи, а

также межфакультетская секция политических наук, известная также как «Школа марксизма» [3]. В числе первых назовем школы живописи, скульптуры и народного искусства, интермедиа-искусств, архитектуры и дизайна, промышленного дизайна, визуального искусства, ремесле и гуманитарных искусств. Помимо этого, работает Академия китайской живописи и Академия художественного образования.

Школа масляной живописи, главным образом, специализируется на преподавании европейской масляной живописи и исследовании ее технических особенностей. Академические цели состоят в том, чтобы соединить традиционные китайские и западные принципы обучения, выдержав оптимальный баланс между свободой выражения, характерной для национальной культуры, и техническими навыками. Делая акцент на достижениях как в технике, так и в теории масляной живописи, преподаватели стремятся развить фундаментальные знания студентов в ряде предметных областей.

Перед поступлением в Академию искусств абитуриент (после школы) сдает вступительные экзамены, демонстрируя с помощью портфолио, а также выполнения заданий по академическому рисунку, композиции и работы в цвете свой уровень художественного образования. После этого, если комиссия сочтет уровень изобразительной грамотности и способностей оптимальным, будущих студентов зачисляют на 1 курс. В первый год обучения студенты изучают общие дисциплины, например, историю искусства и философия. Одновременно они обучаются творческим дисциплинам, а именно композиции, академическому рисунку и основам живописи. По окончании 1 «базового» курса все студенты сдают экзамены, и по их результатам имеют возможность выбрать одно из трех отделений с более узкой направленностью. Это масляная и акварельная живопись, а также виды печатной графики – эстампы. Обучающиеся также получают право выбрать другую школу и кафедру внутри вуза. Нередко переход осуществляется в Академию китайской живописи на отделение каллиграфии или же дизайн-образования разной направленности (графический дизайн, веб-дизайн, средовой или коммуникативный дизайн и т.д.). Навыки и знания, получаемые в рамках «базовой живописи», дают возможность студенту свободно чувствовать себя в другом направлении обучения.

Таким образом, преподавание в Школе живописи в Академии состоит из двух этапов. Первый, который выше именовался «базовым», подразумевает обучения основам изобразительной грамоты с формированием представлений об основах композиции, рисунка и материалах в живописи. Однако на второй ступени студент может, как перейти в другую Школу, так и остаться, выбрав более узкий профиль. Во втором случае, каждое отделение предлагает разные программы обучения. Так, например, в отделении масляной живописи существует

несколько мастерских под руководством опытных художников-преподавателей:

- мастерская (студия) исторической живописи Чжан Жэньюаня, которая следует традициям масляной реалистической живописи;
- мастерская фигуративной живописи под руководством Чэн Иминя, развивающая новые традиции, соответствующие темам и духу современности (в том числе изучается портрет, фигура);
- мастерская современной живописи с руководителем Ян Чанцзюнем, которая строится на основах формально-условной и образной живописи (живопись по впечатлению);
- мастерская современной (формальной) живописи, которой руководит Цзинь Шицзянь, развивает экспрессивную традицию масляной живописи и нацелена на поиск художественного образа, подчеркивающих ее всеобъемлющую форму (абстрактная живопись).

Студийное обучение включает в себя различные образовательные методики и приемы, которые помогают раскрыть художественную индивидуальность студентов и развивать творческие способности. Основной упор сделан на «базовом обучении», которое не только подразумевает усвоение и внедрение традиций искусства масляной живописи, но и уделяет внимание изучению и осмыслению концепций современного искусства в контексте китайских культурных традиций. Так, здесь даются знания по черчению, применению законов цветоведения, навыкам передачи сюжетной или эмоциональной стороны живописной работы, материалам и техникам масляной живописи. Неразрывно с ними в рамках практической деятельности происходит исследование и экспериментирование в живописи масляными материалами и техниками, и аналогичные эксперименты в гравюре и акварельной живописи.

К числу основных профессиональных дисциплин относится академический рисунок, а именно натюрморт, портрет, фигура, эскиз, анализ знаменитых произведений живописи, прежде всего, западноевропейского искусства, а также перспектива. Живопись маслом в Школе живописи представлена такими жанрами, как натюрморт, портрет, фигура, в том числе, отдельно изучаются традиционные приемы масляной живописи, колористика и теория цвета, композиция с различными упражнениями и выполнениями эскизов. На старших курсах композиция как предмет усложняется, так как студенты получают задания выполнять не только эскизы, но и этюды и творческие композиции по пейзажу, портрету, жанровой живописи. Это необходимо для подготовки выпускных квалификационных работ.

Таким образом, система образования в Академии искусств в Ханчжоу, главным образом опирается на принципы западноевропейского художественного академического образования. В процессе обучения студенты

последовательно осмысливают ключевые принципы формального метода, построенного на непосредственном изучении натуры и ее анализа. Однако говорить исключительно о тотальном заимствовании и развитии только инокультурных традиций не приходится. Академия активно развивает традиции национальной школы. Так, в ходе обучения в Школе живописи студенты обязательно знакомятся с китайской Го-хуа и искусством каллиграфии.

Особое внимание китайской живописи уделено в образовательной деятельности одноименной Академии. В основе программы этого важного элемента структуры вуза в Ханчжоу лежит богатое культурное и художественное наследие КНР. Философия Академии заключена в следующем девизе: «Живопись как дверь в традицию, а каллиграфия как связующее звено между прошлым и настоящим». В процессе обучения студенты учатся чутко чувствовать, понимать и интерпретировать традиции древних мудрецов в соответствии с произошедшими в современной культуре трансформациями. Обязательным моментом для них, согласно концепции «соединения китайского и западного», является также учет регионального компонента при создании живописных произведений, фресок, каллиграфических композиций и гравюр. Именно эти четыре направления и представлены в качестве отделений в рамках Академии китайской живописи.

В настоящее время образовательная система Академии искусств в Ханчжоу представляет собой органичный синтез западной и восточной художественных традиций. На основе советского опыта была выстроена модель образования, базирующаяся на методе реализма, но включение в общемировые процессы позволило сравнивать и черпать новые идеи. Поэтому западное влияние выразилось в том, что содержание и организация обучения в вузе стало максимально разнообразным и сфокусированным на реализации творческого потенциала личности. Более того, наблюдается тяготе-

ние к всесторонности, что является результатом межкультурных и междисциплинарных обменов. Помимо этого, постоянно обновляются за счет заимствований у западного современного художественного образования дисциплин (например, медиа-арт или паблик-арт) и внедряются новые методы преподавания, а также техники и художественные материалы. Подобные процессы в стенах национальной академии во многом способствует ассимиляции Китая на мировой художественной арене и демонстрирует расширение границ понимания мира китайскими художниками и, в конечном счете, снимает профессиональные различия и границы между китайским и иностранным искусством.

Таким образом, в стенах Академии решаются ключевые вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов художественного образования, способных к творческо-креативному мышлению и генерации новых идей [4]. Для повышения уровня академического образования необходима постоянная активизация художественно-творческой деятельности студентов в области искусства. Соответственно, требуется совершенствование программ по живописи, рисунку, композиции, а именно их содержания, форм и методов обучения, опирающиеся на последних научных достижениях в области психологии, педагогики, эстетики и методики обучения изобразительному искусству. При этом в академии Ханчжоу наблюдается тенденция не на подготовку узкой специализации студентов, чем отличалось традиционное художественное образование в академиях Китая, а напротив, вуз стремится к раскрытию творческого потенциала студентов прикладного характера (проектной и дизайнерской деятельности), способности и готовности работать в новых сферах. К сожалению, это ведет к постепенному снижению доли художественно-творческих дисциплин, которые относятся к «чистому академическому искусству», в том числе и живописи с увеличением дисциплин в области визуальных искусств и теории искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаровская П.А. К вопросу о новых явлениях в китайском художественном образовании в XX в. // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология, 2016. № 1. – С. 120-128.
2. Юй Аньдун. Становление художественно-педагогического образования в Китайской Народной Республике // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. № 22. – С. 212–215.
3. 广州美术学院. Академия изящных искусств в Гуанчжоу. – URL: <http://www.gzarts.edu.cn/> (Дата обращения: 12.09.2021). (На китайском языке)
4. 潘璞. 文化民族和现代特色. 北京: 米拉, 1988. 226. Пань Пу. Национальная культура и современные особенности. Пекин: Издательство «Мира», 1988. – 226 с.
5. 陈瑞林 著. 20世纪中国美术教育历史研究: 清华大学出版社 北京, 2006. 286. Чэнь Жуйлинь. Исследование по истории китайского художественного образования в 20 веке: Издательство Университета Цинхуа, Пекин, 2006. – 286 с.

© Ма Синьгэ (mxg604461939@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (ПО АНАЛИЗУ МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»)

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

Д.ф.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN EDUCATION IN RUSSIA: SOLUTIONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS (BASED ON THE ANALYSIS OF MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "PHILOSOPHICAL, SOCIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF MODERN EDUCATION")

**V. Skopa
S. An**

Summary: The article presents and systematizes the topical problems of modern education in Russia based on the analysis of the materials of the conferences. The key blocks that are of interest to the pedagogical community are highlighted: the problem of a person in the aspect of spirituality, the globalization transformation of the education system and subjects of the pedagogical process, ontological and socio-cultural aspects of the educational system. Modern trends in the development of educational systems leave an imprint on the current problematic research of researchers, which is reflected in the revision of static postulates.

Keywords: philosophy of education, pedagogy, modernization, students, teacher.

Аннотация: В статье представлены и систематизированы актуальные проблемы современного образования в России на основе анализа материалов проводимых конференций. Выделены ключевые блоки, вызывающие интерес у педагогического сообщества: проблема человека в аспекте духовности, глобализационная трансформация системы образования и субъектов педагогического процесса, онтологические и социально-культурологические аспекты образовательной системы. Современные тенденции развития образовательных систем закладывают новый вектор в формировании нынешних проблемных изысканий, что находит отражение в пересмотре статичных постулатов как в их сущностном понимании, так и подходов к их изучению.

Ключевые слова: философия образования, педагогика, модернизация, обучающиеся, преподаватель.

В современной России проблемы образования, будь то общее или профессиональное, занимают одно из ведущих мест. Во многом это связано с трансформационными процессами различных систем: социальных, экономических, политических, а также деформацией личности и поиском своего личностного «Я». В этой связи возникает необходимость научного переосмысления проблемного поля в образовательном пространстве с учетом достижений теории и практики науки. Во многом данное действие возможно посредством организации и проведения научных конференций, материалы которых позволяют ретроспективно проанализировать сущностные проблемы и выявить их изменение [8, 9].

Целью данной статьи является обобщение и анализ материалов научных конференций «Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования», проводимых кафедрой философии и культурологии Алтайского государственного педагогического университета более двадцати лет.

Исходя из поставленной цели были определены следующие задачи:

- выявить и систематизировать круг дискуссионных проблем в теории и практике педагогической науки;

— проследить трансформацию проблемных аспектов в системе педагогического образования с учетом влияния объективных и субъективных факторов, при этом выделяя акторов взаимодействия.

На изломе веков, в начале 2000 годов в России обозначились новые проблемы, которые требовали теоретического осмысления и практических решений. В этой связи начался процесс выработки новых подходов в решении стоящих и возникающих проблем. На научно-практических конференциях философы, педагоги, социологи, психологи рассматривали, прежде всего, проблематику человека в аспекте духовности. Исходным утверждалось положение, что духовность – это способности человека переживать возвышенные чувства, восхищаться глубиной и мощью человеческой мысли, испытывать любовь к Родине, дерзать, творить и воплощать в жизнь свои идеалы. История показывает – народы исчезают с арены жизни, если они утрачивают духовность [1].

Духовную культуру общества определяют те же ценности и святыни, которые есть у каждого народа. Ценность – это то, что дорого и свято для человека: великие достижения искусства, религиозные святыни, научные открытия, высоты философской мысли.

Также важно было осознать, что человеку, утратившему свои ценности, культурные и национальные корни, грозит психологическая дезорганизация, утрата внутренних правил, регулирующих и упорядочивающих его стремления к цели. На рубеже веков, на сломе старых устоев и рождении нового мироустройства в России, необходимо было осознание того, что человек – составная часть этноса. Новое явление – глобализация нарушает равновесие сложившихся этносов, в связи с чем должна бы возникнуть единая глобальная система, объединяющая людей, порвавших с исторической памятью. С другой стороны, уже обозначилось: эта система не только не устойчива, но и ведет к разрушению и угрожает существованию человека как вида.

Обсуждение данной проблемы показало, что отрыв сформировавшихся за время длительной эволюции сознания людей и их биологической основы от сложившегося темпа жизни и уровня технологий вызывает внутренний кризис человека, суть которого заключается в разладе с реальным миром, чья среда становится всё более ненатуральной. Этот разлад сопровождается кризисом традиционной религии, искусства, повышением интереса к мистике и всевозможным новым религиозным движениям и сектам, унификацией общества в образе жизни, появлением новых управленцев-менеджеров и «нового плебса», возрождением на новой информационной основе требований массы «хлеба и зрелищ!»

Глобализационные трансформации, как увидели участники наших конференций, приводят к межличностной разобщенности и экзистенциальной опустошенности. Предполагавшаяся как положительная, в целом, тенденций этнического «возрождения» сопровождается, как показало втрое десятилетие XXI века, опасным усилением этноцентризма, этнического фанатизма, нетерпимости к другим культурам. Обозначившаяся в первом десятилетии нашего века тенденция к мультикультурализму, во втором десятилетии показала свою несостоятельность. Анализ проблемы отчуждения в глобализирующемся мире позволяет определить отчуждение как объективно-исторический процесс дегуманизации всех сфер человеческой жизни. Наиболее «отчуждённая» мораль – технократическая, она порождает одиночество, в котором фиксируется главная черта возрастающей дегуманизации – разрыв связей человека с нравственными ценностями, культурой, природой [6].

Мы осознаём, что это процесс перехода к новой идентичности. Всё большее количество учёных – участников наших конференций, констатируют, что место, занимаемое отсутствующей идентичностью, в современном мире заменяется симулякрами. Фромм Э. уже пришёл к парадоксальному выводу: человек не является разрушителем по своей природе, так как он есть существо трансцендирующее, творческое. Его деструктивность – свойство приобретённое, в наше время, ставшее внутренней потребностью человека [10]. Современное искусство вызывает к изощрённому, патологическому. Творческий человек в подобном искусстве, поставленном на поток, превращается в дилетанта. Он может быть творческим, когда он индивидуален. А в данном процессе он утрачивает собственный взгляд на мир, разрушается его субъективность [2].

В начале нулевых годов, когда Россия начала осознавать кризис образования, на наших конференциях осмысливался статус образования, его организационные основы, содержание, роль и место субъектов педагогического процесса. В связи с новыми требованиями делалась попытка определить образовательную стратегию, наилучшим образом отвечающую человеческим ресурсам страны и её культурным особенностям [6]. Постоянный участник наших конференций доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Философия образования» Н.В. Наливайко (г. Новосибирск) подчеркивает, что философский анализ развития системы образования исключительно важен для изучения взаимодействия развития общества и самой системы образования [3, 4]. Вместе с ней новосибирская школа и другие участники конференций сходятся во мнении, что законы образования адекватны законам природы и общества. Любая образовательная система развивается в рамках конкретного общества, в возможных условиях

его функционирования и развития. Оценивать образование следует по его соответствию конкретным социальным условиям и утвердившимся педагогическим традициям, и теориям [3]. Именно образование занимает главенствующее место во всех механизмах, благодаря которым индивид становится членом определённого социума, занимает своё место в иерархии общественных отношений.

Таков анализ стал особенно важен в условиях развёртывания общественных неопределённостей. В резолюциях конференций рекомендовалось опираться на многовековые национальные традиции, отработанные веками применительно к условиям различных исторических эпох и обобщавшихся от поколения к поколению учительства и ученичества, к динамике науки и техники, к развитию экономики. Характер исторической эпохи и адекватность ей системы образования вызывают к жизни те специфические ей черты, которые обеспечивают устойчивость её развития как института соответствующей цивилизации и неповторимости соответствующей культурной определённости общества.

Онтологические аспекты образовательной системы, несущие гуманистические основания новой эпохи – это смыслы, выражающие связь человека со всем окружающим миром. Методологической основой развития образовательной системы является понимание образования как сферы подготовки человека к полноценной, всесторонней жизни в социуме, а сам социум и есть тот социокультурный организм, в который включён человек в своём бесконечном развитии [5]. В силу этого участники конференций рассматривали образование как закономерно обусловленный способ бытия человека, как способ его собственного развития и эволюции в социуме.

Глобализация образования рассматривалась как качественно новое явление, неотделимое от новых парадигм производства знания. Поскольку сутью глобализации является концентрация экономической, финансовой, политической мощи в руках транснациональных корпораций, идёт процесс подчинения образования их интересам [6]. Именно поэтому глобальные тенденции в развитии образования, имея объективный характер, детерминируют подавление развития национально-культурных систем образования, усиливают формы целенаправленного глобализационного давления на эти образовательные системы, что приводит к их деформации. Поэтому глобализацию нельзя рассматривать как более высшую форму интернационализации, ибо интернационализация предполагает существование национального государства, глобализация же отрицает его [].

Современное глобализирующееся постиндустриальное общество, к сожалению, нуждается не в широкой

образованности, а в профессиональной обученности, позволяющей на соответствующем уровне успешно функционировать автономным общественным элементом и связям. Можно быть хорошим специалистом в узкой профессиональной области и в то же время оставаться необразованным человеком. Но философы и педагоги прежде всего понимают, что без образованных людей общество теряет шансы на своё развитие.

Обобщая исследования ученых, представленных на площадках конференций, можно отметить еще одну не мало важную проблему. В современных философских, научных, социологических концепциях мы сталкиваемся с удивительным разнообразием языков, логик, направлений, которые сложно привести «к единому знаменателю», для которых сложно отыскать основу для сопоставления и интеграции. С гносеологических и теоретико-методологических позиций в этом контексте предпринимаются попытки понять: существуют или отсутствуют некие общие основания таких направлений, как аналитическая школа, экономизм К. Маркса, сексиологизм З. Фрейда, игрологизм Й. Хейзинга, трансперсонализм С. Грофа, символизм К. Леви-Стросса и других течений. В докладах и статьях ряда отечественных и зарубежных авторов мы встречаем как сторонников, так и не менее убежденных критиков.

Современные тенденции развития образовательных систем оставляют отпечаток и на нынешних проблемных изысканиях ученых, что находит отражение в пересмотре многих устоявшихся, казалось бы, априорно верных, убеждениях. Так, отдельным проблемным полем стал выступать анализ образования с позиции социокультурного феномена. Здесь раскрыта роль образования в совершенствовании личности, дана характеристика нового направления философии образования – диалогическая этика, исследованы задачи высшего образования в условиях глобальной цифровизации и развития дистанционных образовательных технологий.

Отдельное направление современных исследований касается проблемы, которое раскрывает социально-культурологический аспект образования [9]. В этом ракурсе обосновывается взаимодействие личностного и социального в традиционных и инновационных образовательных парадигмах, исследуется культурологическая составляющая образования. Так же затронуты проблемы личностного становления иностранного студента в процессе его языковой подготовки в российском вузе, обозначены проблемы и определены возможные пути их решения на основе выделения значимых особенностей поликультурной среды вуза, с опорой на принцип диалога культур – иноязычной культуры, родной культуры студента, национальной российской культуры.

Всегда актуальным является практический опыт преподавания в вузах и школах. В сборниках материалов конференции аккумулированы теоретические наработки и новаторские технологии в сфере образования.

Таким образом, подводя итог, можно отметить о неоспоримой теоретической и практической значимости материалов проводимых конференций. Представленные результаты исследований являются стимулом к

новым практическим экспериментам, выдвинутые новаторские гипотезы могут быть использованы в разработке практических инноваций в сфере образования. Эмпирические материалы и выводы – результаты социологических исследований, диагностика, инновационные методики и практические рекомендации могут найти применение образовательными организациями при формировании, реализации, управлении образовательным процессом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Избранные психологические труды. М., 1995. – 479 с.
2. Модернизация российского образования: ресурсный потенциал и подготовка кадров. М., 2002. – С. 223-224.
3. Наливайко Н.В. Философия образования как объект комплексного исследования. Новосибирск, 2002. – 191 с.
4. Наливайко Н.В. Философия образования: некоторые проблемы формирования концепции. Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2000. - 140 с.
5. Психологическая энциклопедия / автор-составитель А.М. Степанов. М., 2006. – 341 с.
6. Рубанцова Т.А. Гуманизация современного образования. Новосибирск: Наука, 2000. – 252 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
8. Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования: материалы II всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, г. Барнаул, 20-21 ноября 2020 г. / под науч. ред. С.А. Ан. – Барнаул: АлтГПУ, 2020. Вып. 2. – 244 с.
9. Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования: материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, г. Барнаул, 19-20 ноября 2021 г. / под науч. ред. В.А. Скопы. – Барнаул: АлтГПУ, 2021. Вып. 3. – 344 с.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2017. – 736 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Ан Светлана Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

ФИЗИЧЕСКАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ И ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ ПОДРОСТКОВ 13-14 ЛЕТ С РАЗЛИЧНЫМИ СТАДИЯМИ ПОЛОВОГО СОЗРЕВАНИЯ

Сухецкий Валерий Константинович

Доцент, УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»
vsukhetski@mail.ru

PHYSICAL PERFORMANCE AND PREPAREDNESS OF ADOLESCENTS 13-14 YEARS OLD WITH VARIOUS STAGES OF PUBLIC MATURITY

V. Sukhetski

Summary: The article presents the results indicating that biological age determines the specificity of physical fitness and working capacity of adolescents. It has been shown that teenage boys 13-14 years old with different stages of puberty differ significantly in terms of physical performance and fitness. In the course of the study, it was found that adolescents of the same calendar age with stages II and III of puberty do not have significant differences in terms of the studied indicators, which allows us to assert a certain similarity between boys of these stages in terms of physical fitness and working capacity. The results obtained must be taken into account to increase the efficiency of the process of physical education of adolescents and to ensure a rational dosage of the applied physical loads in accordance with the functional capabilities of the trainees, based on the characteristics of their biological age.

Keywords: boys, adolescents, physical fitness, physical performance, load power, ergometric indicators, puberty, stages of puberty.

Аннотация: В статье представлены результаты, свидетельствующие о том, что биологический возраст определяет специфику физической подготовленности и работоспособности подростков. Показано что мальчики-подростки 13-14 лет с различными стадиями полового созревания, существенно отличаются по показателям физической работоспособности и подготовленности. В ходе исследования установлено что подростки одного календарного возраста со II и III стадией полового созревания не имеют значимых отличий по изучаемым показателям, что позволяет нам утверждать об определенной схожести мальчиков данных стадий по физической подготовленности и работоспособности. Полученные результаты необходимо учитывать для повышения эффективности процесса физического воспитания подростков и обеспечения рационального дозирования применяемых физических нагрузок в соответствии с функциональными возможностями занимающихся, опираясь на особенности их биологического возраста.

Ключевые слова: мальчики, подростки, физическая подготовленность, физическая работоспособность, мощность нагрузки, эргометрические показатели, половое созревание, стадии полового созревания.

Пубертатный период характеризуется бурным физиологическим скачком, количественного и качественного роста, выраженной перестройкой эндокринной, вегетативной, половой сфер и интенсификацией всех функциональных систем [1; 2; 7; 10; 16; 19]. Развитие половых признаков у школьников начинается в различные календарные сроки и это обстоятельство необходимо учитывать, так как в одной возрастной группе могут находиться дети с разной степенью биологической зрелости [2; 9; 21; 22].

Многие авторы указывают на необходимость дифференцировать физиологические особенности организма в подростковом периоде развития по биологическому возрасту, учитывая стадийность полового созревания [9; 10; 18; 21]. У школьников одного календарного возраста выявлена большая вариабельность индивидуальных антропометрических и физиометрических показателей, адаптивных возможностей, энергетики мышечных волокон, уровня физической работоспособности и подготовленности [3; 4; 5; 13; 18; 20]. В этой связи, выявление особенностей аэробной производительности и физической

подготовленности подростков 13-14 лет в зависимости от биологического возраста представляет немаловажный интерес.

Целью нашего исследования явилось выявление особенностей физической работоспособности и подготовленности мальчиков 13-14 лет с учетом стадий полового созревания.

Исследование проводилось на базе СШ №31, г. Гродно. В нем приняли участие мальчики 7 классов (n=162), отнесенные по состоянию здоровья к основной медицинской группе.

В исследовании использовались функциональные и эргометрические тесты, которые позволяют оценить адаптационные возможности испытуемых в различных зонах мощности. Физическая работоспособность изучалась по тесту PWC_{170} в модификации В.Л. Карпмана [6]. При нахождении индивидуального уровня МПК использовался непрямой способ определения данного показателя по формуле Добельна с учетом возраста и пола

испытуемых. Для оценки эргометрических критериев физической работоспособности использовали работу «до отказа» (t_3 , t_5) нагрузок большой (3 Вт/кг) и субмаксимальной (5 Вт/кг) мощности на основании уравнения Muller [8; 14]. Определялась мощность нагрузок, с различным максимальным временем реализации: 1 с (W_1), 40 с (W_{40}), 240 с (W_{240}), 900 с (W_{900}); интенсивность накопления пульсового долга (ИНПД); коэффициенты, отражающие емкость аэробного и анаэробно-гликолитического источников энергии и их соотношение («b», «a»).

Физическая подготовленность определялась с помощью следующих контрольных тестов: наклон вперед, подтягивание в висе, челночный бег 4x9 м, прыжок в длину с места, шестиминутный бег, бег 20 м с хода, станковая динамометрия.

Определение степени полового созревания (СПС) мальчиков осуществлялось совместно с врачом-эндокринологом по методике, предложенной J.M. Tanner, в модификации Д.В. Колесова и Н.Б. Сельверовой [7]. На основе выраженности первичных и вторичных половых признаков выделялось пять стадий полового созревания: 1 стадия – препубертатный период, 2 стадия – период активации гипофиза, 3 стадия – период активации гонад, 4 стадия – период активного стероидогенеза, 5 стадия – завершения пубертата [1; 2; 12]. В обследуемой выборке подростков 13-14 лет были выявлены все пять стадий полового созревания. Мальчики распределились следующим образом: I стадия – 4, II стадия – 63, III стадия – 57, IV стадия – 35, V стадия – 3 школьника. Результаты подростков с I и V стадиями не анализировались из-за малой численности групп. Среди подростков 13-14 лет доминируют мальчики со II и III СПС, что подтверждается научными исследованиями других авторов [12; 18; 19], а IV и V СПС свойственны для 15-16 летних подростков. Эти данные подтверждают результаты нашего исследования.

Полученные результаты свидетельствуют об отчетливом ($p < 0,05-0,001$) повышении абсолютных значений

PWC_{170} и МПК в динамике полового созревания (от II к IV стадии). Наиболее существенные различия выявлены между мальчиками, находящимися на II и IV, III и IV СПС (табл. 1).

Статистически значимых изменений относительных показателей PWC_{170} у подростков сопоставляемых групп не обнаружено. В динамике полового созревания величины МПК, отнесенные к весу тела, отражают прямо противоположную тенденцию. Различия между II-III и II-IV стадиями полового созревания являются существенными ($p < 0,01-0,001$). Полученные данные находятся в соответствии с результатами других работ, содержащих сведения о том, что по мере полового созревания у подростков возрастает роль анаэробных источников энергии при мышечной деятельности, тогда, как аэробные возможности изменяются пропорционально увеличению массы тела [11; 14; 23; 24]. Снижение относительного показателя МПК на IV СПС согласуется с исследованиями других авторов [12; 14; 15; 26], и связано с результатом дифференцировочных процессов в мышечных волокнах в период пубертата и изменением активности гликолитических ферментов [12; 14; 17].

Эргометрические показатели функционального состояния, характеризующие аэробные и анаэробные компоненты работоспособности, по мере перехода от II к IV СПС изменяются разнонаправлено (табл. 2.).

Предельное время выполнения нагрузки мощностью 3 Вт (t_3) у подростков с IV СПС достоверно ниже ($p < 0,05$), чем у мальчиков с III СПС. В то время как продолжительности реализации работы мощностью 5 Вт (t_5) во всех исследуемых группах было практически одинаковым. Интегральный показатель возможностей механизмов функциональной устойчивости – ИНПД, после нагрузки мощностью 3 и 5 Вт наибольшим ($p < 0,05, 0,01$) был у школьников с IV СПС в сравнении с подростками со II и III СПС.

Разнонаправленность изменений эргометрических

Таблица 1.

Особенности физической работоспособности и МПК подростков 13-14 лет с различными стадиями полового созревания ($M \pm m$).

Показатель	Стадии полового созревания		
	2	3	4
1. PWC_{170} (кгм/мин)	535,65±17,21 ⁺	588,02±17,51 ^x	758,28±33,94 [*]
2. PWC_{170} (кгм/мин/кг)	13,52±0,46	12,76±0,34	13,19±0,51
3. МПК (л/мин)	2,02±0,03 ⁺	2,16±0,04 ^x	2,53±0,06 [*]
4. МПК (мл/мин/кг)	51,20±0,95 ⁺	47,13±0,93 ^x	44,35±0,85 [*]
5. Вес (кг)	40,15±0,96 ⁺	46,35±1,08 ^x	57,25±1,28 [*]

Примечание:*, +, x – достоверность различий между 2 и 4, 2 и 3, 3 и 4 СПС.

показателей в зависимости от стадий полового созревания подтверждается достоверным уменьшением мощности работы, предельное время которого составляет 900 с (W_{900} , $p < 0,05$) и значимым увеличением у подростков с IV СПС продолжительности выполнения нагрузки максимальной анаэробной мощности (W_1 , $p < 0,05$). Коэффициенты, характеризующие емкость аэробного энергообеспечения («а») и преобладание того или иного источника энергии мышц («b»), значимо ниже ($p < 0,05$, $0,01$) у мальчиков с IV СПС, чем на II и III СПС. Это связано с тем, что на IV СПС в соотношении механизмов энергообеспечения наблюдается сдвиг в сторону увеличения доли анаэробных источников в структуре энергетике скелетных мышц [12; 14; 17; 23; 24].

Анализ физической подготовленности подростков 13-14 лет показал, что между группами мальчиков с раз-

ными СПС имеются существенные отличия (табл. 3).

Показатели физической подготовленности по мере полового созревания улучшаются. Мальчики с IV стадией полового созревания достоверно ($p < 0,05-0,001$) превосходили своих сверстников со II стадией по результатам выполнения челночного бега, бега на 20 м с хода, шестиминутного бега, становой динамометрии и прыжка в длину с места. Но уступали по показателю поднятия туловища из положения лежа на спине ($p < 0,001$), что связано со снижением на IV СПС доли медленных окислительных волокон в скелетной мускулатуре, отвечающей за динамическую силовую выносливость мальчиков. Подростки со II и III стадией полового созревания отличались между собой только по показателю становой динамометрии ($p < 0,01$). Между группами подростков с III и IV стадиями по физической подготовленности раз-

Таблица 2.

Эргометрические показатели функционального состояния подростков 13-14 лет с различными стадиями полового созревания ($M \pm m$).

Показатель	Стадии полового созревания		
	II	III	IV
1. t_z , Вт/кг, с	858,51±97,75	938,32±104,95 ^x	628,50±80,30*
2. t_y , Вт/кг, с	42,43±2,33	46,70±2,80	46,50±3,57
3. Коэффициент «а», отн.ед.	5,49±0,19	5,53±0,20 ^x	4,83±0,16*
4. Коэффициент «b», отн.ед.	12,50±0,30	12,67±0,33 ^x	11,51±0,27*
5. W_1 , Вт/кг	10,51±0,39	10,33±0,30 ^x	11,45±0,37
6. W_{40} , Вт/кг	5,01±0,06	5,07±0,07	5,08±0,07
7. W_{240} , Вт/кг	3,55±0,05	3,63±0,07	3,46±0,07
8. W_{400} , Вт/кг	3,22±0,05	3,30±0,07	3,10±0,07
9. W_{900} , Вт/кг	2,76±0,06	2,84±0,08 ^x	2,61±0,07
10. ИНПД _{3Бт/кг} , уд/с	0,44±0,05	0,47±0,09	0,65±0,06*
11. ИНПД _{5Бт/кг} , уд/с	3,75±0,27	3,72±0,26 ^x	4,59±0,27*

Примечание:*, +, x – достоверность различий между 2 и 4, 2 и 3, 3 и 4 СПС.

Таблица 3.

Физическая подготовленность подростков 13-14 лет с различными стадиями полового созревания ($M \pm m$).

Показатель	Стадии полового созревания		
	II	III	IV
1. Наклон вперед, см	0,62±0,81	2,14±1,32	-1,00±1,82
2. Челночный бег 4x9 м, с	10,53±0,07	10,52±0,08	10,33±0,06*
3. Прыжок в длину с места, см	173,00±1,92	176,70±2,75 ^x	190,90±1,56*
4. Шестиминутный бег, м	1261,89±17,83	1275,27±18,74	1319,00±13,88*
5. Становая динамометрия, кг	64,87±2,10 ⁺	74,73±2,09 ^x	99,90±2,86*
6. Бег 20 м с хода, с	3,78±0,03	3,74±0,04 ^x	3,47±0,02*
7. Подтягивание в висе, кол-во раз	2,17±0,42	2,22±0,47	2,60±0,38
8. Поднимание туловища, кол-во раз	45,43±0,99	44,59±1,22 ^x	40,20±1,48*

Примечание:*, +, x – достоверность различий между 2 и 4, 2 и 3, 3 и 4 СПС.

личия были менее выраженными ($p < 0,05$, $0,001$) и зафиксированы лишь по уровню проявления физических качеств, обусловленных анаэробной производительностью организма.

Выявленные различия в отношении показателей физической подготовленности между подростками с разными темпами полового созревания, подтверждают научные данные о влиянии СПС на морфофункциональные показатели и физические качества подростков одного паспортного возраста [8; 16]. Повышенная активность половых желез, увеличение массы тела и изменение нервно-мышечных структур на заключительных стадиях полового созревания создают благоприятные условия для воспитания физических качеств [25]. Увеличение анаэробной производительности организма подростков с IV СПС способствует эффективному развитию силовых, скоростных и скоростно-силовых качеств [9; 12; 13;

14].

Таким образом, физическое состояние подростков 13-14 лет со II и III СПС не имеет значимых отличий, что позволяет нам утверждать об определенной схожести мальчиков II и III СПС по физической подготовленности и работоспособности. Для подростков со II и III СПС, в отличие от мальчиков с IV СПС, свойственны более высокие показатели аэробной производительности организма, динамической силовой выносливости и низкие величины максимальной анаэробной мощности, силы, скоростно-силовых качеств и общей выносливости. Поэтому особенности полового созревания необходимо учитывать для повышения эффективности процесса физического воспитания и обеспечения рационального дозирования применяемых физических нагрузок в соответствии с функциональными возможностями занимающихся.

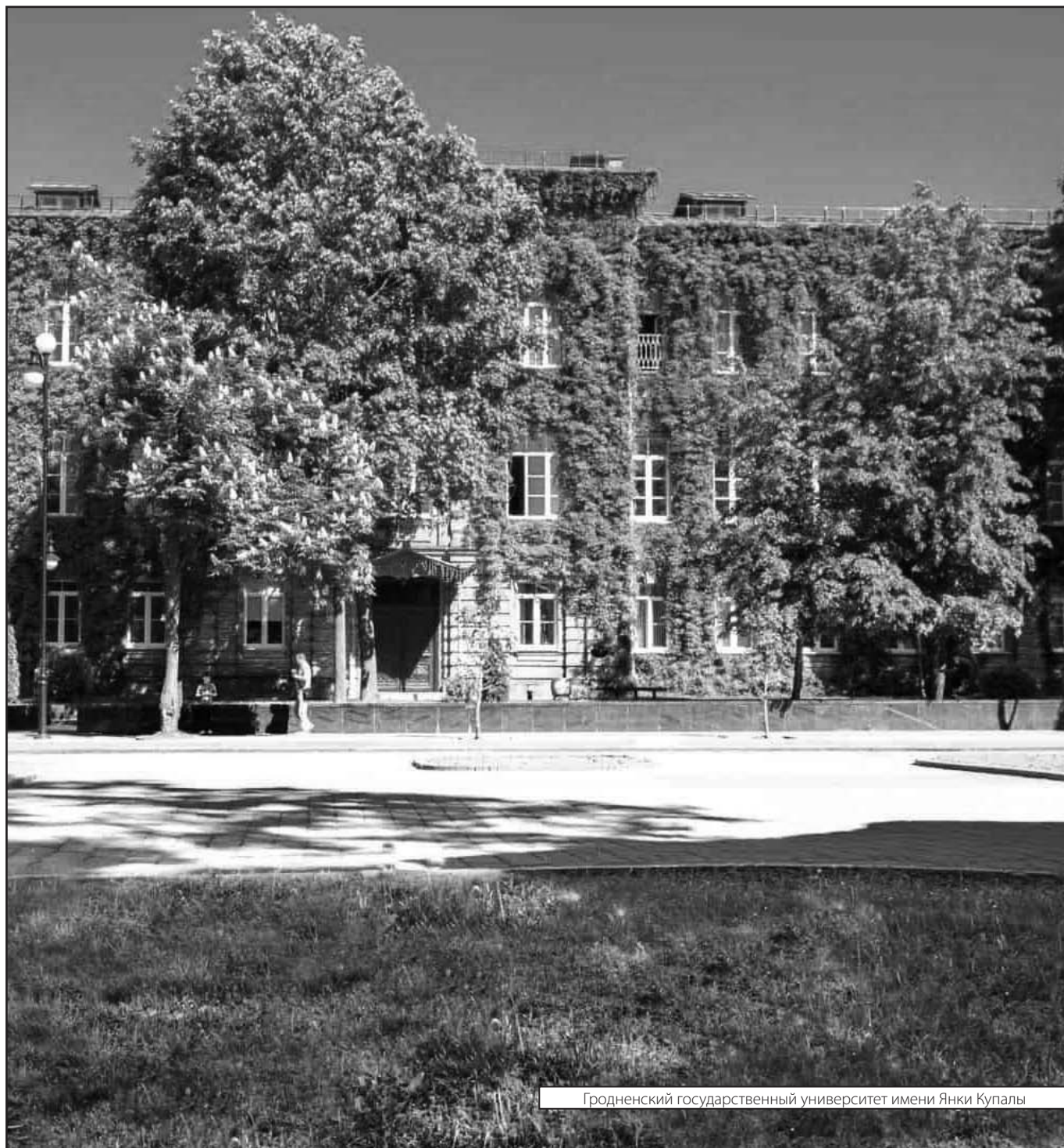
ЛИТЕРАТУРА

1. Безруких М.М. Возрастная физиология (Физиология развития) / М.М. Безруких, В.Д. Сонькин, Д.А. Фарбер. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 416 с.
2. Безруких М.М. Физиология развития ребенка. Руководство по возрастной физиологии / М.М. Безруких, Д.А. Фарбер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2010. – 768 с.
3. Волков В.М. Спортивный отбор / В.М. Волков, В.П. Филин. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – 176 с.
4. Волков Л.В. Система направленного развития физических способностей учащихся в разные возрастные периоды: Автореф. дисс....д.п.н. – М., 1986. – 37 с.
5. Дайлидене Н.К. Состояние здоровья учащихся 7 и 8 классов (не занимающихся спортом) в зависимости от учебного процесса физического воспитания: Автореф. дисс. ...к.м.н. – Вильнюс, 1981. – 23 с.
6. Карпман В.Л. Тестирование в спортивной медицине / В.Л. Карпман, З.Б. Белоцерковский, И.А. Гудков. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 208 с.
7. Колесов Д.В. Физиолого-педагогические аспекты полового созревания / Д.В. Колесов, Н.Б. Сельверова. – М.: Педагогика, 1978. – 224 с.
8. Корниенко И.А. Возрастное развитие энергетики мышечной деятельности / И.А. Корниенко, В.Д. Сонькин, Р.В. Тамбовцева: Итоги 30-летнего исследования. Сообщение I. Структурно-функциональные перестройки // Физиология человека. – 2005. – Т.31, №4. – С. 42-46.
9. Криволапчук И.А. Оптимизация функционального состояния детей и подростков в процессе физического воспитания: монография / И.А. Криволапчук. – Гродно: ГрГУ, 2007. – 606 с.
10. Левина Л.И. Подростковая медицина / Л.И. Левинной. – СПб.: Специальная литература, 1999. – 731 с.
11. Любомирский Л.Е. Нормирование нагрузок в физическом воспитании школьников / Л.Е. Любомирский. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.
12. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. М.: Мир, 1994. – 320 с.
13. Садырин С.Л. Планирование нагрузок на уроках физической культуры в VII - VIII классах общеобразовательной школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук: М., 1991. 23 с.
14. Сонькин В.Д. Развитие мышечной энергетики и работоспособности в онтогенезе / В.Д. Сонькин, Р.В. Тамбовцева – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
15. Сонькин В.Д. Энергетическое обеспечение мышечной деятельности школьников: автореф. дис. ...д-ра биол.наук: 03.00.13 / В.Д. Сонькин; НИИ физиологии детей и подростков АПН СССР. – М., 1990. – 50 с.
16. Тихвинский, С.Б. Детская спортивная медицина / С.Б. Тихвинский, С.В. Хрущев. М.: Медицина, 1991. 560 с.
17. Уилмор Дж. Физиология спорта и двигательной активности / Дж. Уилмор Д. Костилл. – Киев: Олимпийская литература, 1997. – 504 с.
18. Фарбер, Д.А. Физиология подростка / Д.А. Фарбер. – М.: Педагогика, 1988. – 208 с.
19. Фарбер Д.А. Физиология школьника / Д.А. Фарбер, И.А. Корниенко, В.Д. Сонькин. — М.: Педагогика, 1990. – 64 с.
20. Фомин Н.А. Морфофункциональные основы адаптации школьников к физической нагрузке / Н.А. Фомин – Челябинск, 1984. – 86 с.
21. Хоружев А.Г. Критерии нормы и патологии функционального состояния и физической подготовленности человека в постнатальном онтогенезе от 3 до 65 лет: Автореф. дисс. ... д.б.н. – Челябинск, 1994. – С. 18–27.
22. Хрипкова А.Г. Возрастная физиология: Учеб. пособие для студ. небиол. спец. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1978. – 287 с.
23. Armstrong N. Muscle metabolism changes with age and maturation: How do they relate to youth sport performance? / N. Armstrong, A. Barker, A. McManus //

- Br. J. Sports Med. – 2015, 49(13), P. 860-864.
24. Danis A. The effect of training in male prepubertal and pubertal monozygotic twins / A. Danis, Y. Kyriazis, V. Klissouras // Eur J Appl Physiol. – 2003. – Vol. 89, № 3 4. – P. 309-318.
25. Kraemer W.J. Strength training for young athletes / W.J. Kraemer, S.J. Fleck // Champaign, IL: Human Kinetics, 1993. – P. 184-197.
26. Rowland T.W. Aerobic response to endurance training in prepubescent children: A critical analysis / T.W. Rowland // Medicine and Science in Sports and Exercise. – 1985. № 17. – P. 493-497.
-

© Сухецкий Валерий Константинович (vsukhetski@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

BASIC PRINCIPLES FOR IMPLEMENTING A COMPETENCE APPROACH IN AN INCLUSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

N. Kharchenko
N. Kuznetsova
I. Bagdasarova
N. Lutsenko
V. Martsinovskay

Summary: This article is devoted to the competence-based approach in inclusive education. Reforming the higher education system is in a state of transition from an educational paradigm to a competence-based one. It is obvious that for various educational institutions, for the provision of personnel of which higher pedagogical education is directed, it is not the scattered knowledge of young specialists in individual academic disciplines that are more significant, but their generalized skills to solve problems of an everyday and professional nature.

Keywords: inclusive education, competence-based approach, persons with disabilities.

Харченко Николай Леонидович

старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Москва)
 m-rh@mail.ru

Кузнецова Наталья Владимировна

К.п.н., старший преподаватель, Московский государственный областной университет
 natalie2006@mail.ru

Багдасарова Илона Юрьевна

старший преподаватель, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
 artameli@mail.ru

Луценко Наталья Станиславовна

старший преподаватель, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
 nataly.l@inbox.ru

Марциновская Виктория Александровна

старший преподаватель, Российский экономический университет им Г.В. Плеханова
 vitam1981@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена компетентностному подходу в инклюзивном образовании. Реформирование системы высшего образования находится в состоянии перехода от образовательной парадигмы к компетентностной. Очевиден тот факт, что для различных учебных заведений, на обеспечение кадрами которых направлено высшее педагогическое образование, более значимыми являются не разрозненные знания молодых специалистов по отдельным учебным дисциплинам, а их обобщенные умения решать проблемы бытового и профессионального характера.

Ключевые слова: инклюзивное образование, компетентностный подход, лица с ОВЗ.

Общеизвестно, что контексте компетентностного подхода важнейшей является личность педагога, в частности: его социальная позиция, нравственные качества, профессиональные способности. Именно эти черты будущих психолого-педагогических специалистов играют решающую роль в обучении и воспитании учащейся молодежи, в том числе и молодых людей с ОВЗ [2, с. 12]. В нашей концепции компетентностный подход определяет приоритетные цели профессиональной подготовки педагогических кадров для инклюзивного образования, основные пути организации и управления такой подготовкой, основные факторы влияния на ее результаты, а также позволяет раскрыть структуру профессиональной компетентности и определить методы и средства мониторинга уровня ее сформированности.

Для конкретизации вышеназванных компонентов целесообразно исследовать основные конструкторы компетентностного подхода. Согласно концепции подготовки педагогических кадров для реализации инклюзивного образования, к основным положениям компетентностного подхода принадлежат:

1. компетентность – открытая система, характеризующаяся всесторонним развитием личности, формируется в деятельности и ориентирована на удовлетворение запросов инклюзивной образовательной среды;
2. профессионально значимые знания, умения и навыки, личностные качества и опыт, необходимых для выполнения профессиональной деятельности;

3. установление тесной связи высшего педагогического образования с требованиями инклюзивного общества с целью формирования у будущих специалистов профессиональной компетентности [3, с. 104].

В основе компетентностного подхода определяют два ключевых понятия: компетенция и компетентность. В научной литературе многие исследования посвящены определению сущности этих понятий и поиску соотношений между ними, однако анализ свидетельствует об отсутствии единодушного подхода к пониманию их.

Современные ученые понимают «компетенцию», как: обобщенную способность, основанную на знаниях, опыте, ценностях, наклонностях, приобретенных в ходе обучения [11]; совокупность знаний, навыков, умений, сформированных в ходе изучения той или иной дисциплины, а также способности к выполнению определенной деятельности [8, с. 107]; область знаний, круг вопросов, в которых кто-то хорошо осведомлен [4]; знание и умение в определенных областях науки, культуры, техники [1]; совокупность профессиональных знаний и умений, а также способы выполнения профессиональной деятельности [5, с. 45]; совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых в соответствии с определенным кругом предметов и процессов [12, с. 76]; отношения между знанием и действием в практической и профессиональной деятельности [10, с. 108]; знание и понимание (теоретическое знание академической отрасли, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к решению конкретных практических задач), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа) восприятие и жизнь с другими в социальном контексте) [9, с. 202]; требования, предъявляемые к преподавателю, должности или роли в обществе, профессии, сфере деятельности и ожидаемые качества, способности, свойства [7].

Следовательно, в каждом из толкований определяются ресурсы (опыт, знание), что используются человеком для осуществления деятельности в конкретной ситуации и актуализируются в деятельностном и организационном контексте.

Социально-общественная компетенция характеризует качества студента, связанные с его социализацией. В широком смысле эта составляющая важна в диапазоне профессиональной компетентности будущего педагога и дает ему возможность: построить отношения с обществом через детей, родителей, общественные организации, социальные (в т.ч. и социально-реабилитационные), культурные и образовательные учреждения и т.д. В рамках бакалаврской подготовки, выпускник должен свободно строить отношения с ведомствами, организациями и др., которые несут ответственность за профессиональное самоопределение и социализацию учащихся и прежде всего учащихся с ОВЗ.

В узком понимании социально-общественная компетенция базируется на компетенциях, связанных прежде всего с общечеловеческими ценностями, культурой, активной общественной позицией, морально-эстетическими устоями, высокой интеллигентией и манерой поведения, преданной любовью к детям и профессии, гуманным, толерантным поведением, милосердием, признанием равных прав всех детей и многих других.

Формирование социально-общественной компетентности начинается в семье и продолжается в детском саду, школе и вузе. Кроме того, на социальное становление молодого педагога влияет государственное устройство, политика, бытовые условия, окружение, друзья, его психофизическое состояние. В ходе формирования этой компетенции необходимо обращать внимание на развитие нравственных принципов студента, его деловых качеств, готовить к профессиональной самореализации в условиях меняющейся социальной и экономической ситуации в стране.

Социально-общественные компетенции базируются на существенных принципах, которые определяют их характерные признаки, в частности: гуманистическая направленность будущего педагога, личностная мотивированность педагогической деятельности, личностные установки и ответственность; способность воспринимать окружающих, в том числе, и детей как равных; стойка осознанная профессиональная «Я-концепция», направлена на положительное взаимодействие с детьми с ОВЗ.

Учитывая названные характерные особенности, определим компоненты социально-общественной компетенции:

Ценностно-мотивационный компонент – это фундамент для развития любого молодого педагога, движущая сила, толкающая его к саморазвитию, формирует социальные ценности, приоритеты, мотивы, профессиональные ориентиры. Именно этот компонент является основой жизненных принципов будущего специалиста. Ценностно-мотивационный компонент выступает показателем внутреннего состояния педагога, его мотивов, поведения и поступков. К основным качественным характеристикам этого компонента можно отнести воспитанность, толерантность, эмпатию, умение сопереживать, мобилизоваться. Ценностно-мотивационный компонент выступает также основным профорIENTационным фактором.

Познавательный компонент. Все результаты педагогической деятельности, связанные с адекватным познанием окружающей среды, взаимоотношений личности и общества во всей своей полноте и сложности. Социальное познание связано с анализом поведения всех субъектов инклюзивного общества, начиная от государственных органов и учреждений, олицетворяющих госу-

дарственную инклюзивно ориентированную политику, и выступают гарантами равных демократических прав и свобод, заканчивая детьми из ООП, на которых направлена государственная, общественная и социальная поддержка.

Предметно-специальная компетенция. Предметные и специальные компетенции не можно сформировать в полной мере одной учебной дисциплиной или практикой. Процесс формирования их интегрирован и цикличен. В нем имеют значение как содержание каждой профессиональной учебной дисциплины, так и инновационные технологии обучения и преподавания, ориентированные на инклюзивное образование. И так, в предметно-специальную компетенцию входят умение и навыки владения определенными специфическими для каждой специальности методами и средствами обучения и воспитания в условиях инклюзии. Предметно-специальные компетенции, усвоенные студентами, будут способствовать формированию у них активной педагогической позиции, стимулировать развитие и поддержание положительного взаимодействия в условиях инклюзивной образовательной среды как с детьми, так и со всеми членами педагогического коллектива. В сочетании с социально-общественными, коммуникативно-информационными и психолого-педагогическими составляющими владение предметно-специальными компетенциями позволит будущему педагогу сформировать собственный методический стиль и успешное исполнение профессиональных задач в условиях ИОС [6, с. 110].

Предметно-специальная компетенция – категория многогранная, потому важно очертить основные ее компоненты в соответствии с компетентным подходом в отношении подготовки будущего специалиста в области инклюзивного образования.

Ценностно-мотивационный компонент связан с ценностными ориентирами студента со способностью самопозиционироваться в профессиональной деятельности психолого-педагогического специалиста в условиях инклюзивного образования. От этого компонента зависит индивидуальная образовательная траектория бакалавра и внутренняя программа его становления как специалиста в области инклюзивного обучения. Компетенции изучаемого компонента характеризуются глубоким личностным интересом, позитивным психолого-педагогическим влиянием на детей (в том числе и на детей с ОВЗ) в условиях инклюзивного образовательного процесса массовых образовательных учреждений. С помощью ценностно-мотивационного компонента определяют ряд компетенций, определяющих умение использовать собственные индивидуальные ценности и потребности для решения образовательных и бытовых проблем, адекватных целям инклюзивного обучения. К таким компетенциям относятся следующие: формирова-

ние системы собственных ценностных ориентиров, коррелирующих с основными принципами ИО; осознание гуманистической ценности профессиональной деятельности, понимание собственной роли в совершенствовании инклюзивных процессов настоящего, стремление к профессиональному самосовершенствованию и мастерства, развития собственной педагогической активности.

Познавательный компонент. Компетенции этого блока направлены на овладение и развитие интеллектуального роста в области самостоятельной познавательной деятельности, связанной с субъектами ИО. Составляющими этой деятельности являются элементы логической, методологической, обучающей и исследовательской деятельности.

Познавательный уровень характеризуется способностью студентов реализовывать разные способы организации целеполагания, планирования, анализа, самоанализа, рефлексии. Кроме того, он определяет уровень владения разнообразными навыками, необходимыми педагогу при организации инклюзивного обучения, а в частности: получение знаний непосредственно из окружающей среды и субъектов образовательного процесса; способность планировать свою деятельность в нестандартных ситуациях; владение приемами решения учебно-бытовых проблем и т.д.

Следовательно, компетенции этого компонента характеризуют способность педагогически мыслить на основе системы знаний и опыта всех составляющих познавательной деятельности, необходимые для организации и обеспечения качественного инклюзивного обучения. В основу познавательного компонента положено: научные профессионально-педагогические знания инновационных процессов в области инклюзивного образования; психолого-педагогические основы обучения и воспитания детей в условиях инклюзии; знание о психофизических, возрастных и индивидуальные особенности детей с разными нарушениями; знание основ педагогического взаимодействия и управления в условиях инклюзивной образовательной среды.

Информационно-коммуникационная компетенция. Реализация современных личностно ориентированных образовательных методик и технологий невозможна без достаточного уровня информационно-коммуникационной компетенции, когда педагог в ходе образовательного процесса не может организовать гибкое взаимодействие и не способствует взаимопониманию и взаимопомощи в условиях инклюзивной образовательной среды. От информационно-коммуникационной компетенции психолого-педагогических кадров в инклюзивных учебных заведениях зависит благодатный морально-психологический климат образовательной среды, гуманизм и демократизм общения, эффективность общения всех членов инклюзивной образовательной среды, удовлетворенность потребностей детей с

ОВЗ, коллективное сотрудничество педагогов и детей.

Успешная педагогическая деятельность в инклюзивной образовательной среде является залогом взаимодействия всех участников образовательного процесса. Следовательно, успех или неудача определяется умением будущего педагога находить контакт с воспитанниками, учениками, коллегами, администрацией, умением строить отношения на основе доверия и взаимопомощи. Таким образом, информационно-коммуникационная компетенция – неотъемлемая характеристика любого педагога, особенно педагога учреждения с инклюзивным обучением. Умение взаимодействовать на гуманной основе во многих случаях влияет не только на результаты личностных достижений педагога, но и эффективность командной работы, направленной на самоопределение и социализацию ребенка с ОВЗ. Кроме того, исследуемая составляющая профессиональной компетентности входит в информационную и технологическую культуры специалиста и выполняет интегративную роль в объединении социальных, психолого-педагогических и специальных знаний и умений.

Сущность информационно-коммуникационной компетенции, по нашему мнению, можно рассматривать как способность и готовность выпускника высшего педагогического образования вступать в различные контакты (коммуникативная деятельность) с целью решения коммуникативных задач и проблем (информационная деятельность). Умение будущего педагога технологически мыслить, а также наличие у него проективных, прогностических, аналитических и рефлексивных умений реализации информационных процессов (поиск, передача, обработка и т.п.) в собственной педагогической деятельности определяется информационной составляющей.

Согласно компетентностному подходу по формированию готовности педагогических кадров для работы в инклюзивном образовании, ИКТ-составляющую рассматриваем как синтез личностных характеристик, интеллектуальных навыков и опыта, который позволяют будущему педагогу использовать свой коммуникативный потенциал в молодом инклюзивном обществе. В контексте нашей статьи их нужно охарактеризовать более подробно.

Ценностно-мотивационный компонент включает в себя установки и качества, необходимые для эффективного взаимодействия в инклюзивной образовательной среде, готовность к профессиональному самосовершенствованию, потребность в профессиональном росте и самореализации. Характеризуют его: внешние и внутренние предпосылки овладения выпускником коммуникативно-информационной компетентностью; достаточный уровень коммуникативной толерантности и культуры общения; конструктивная диалогическая направленность в командной работе и профессиональном сотрудничестве; развитие прогностических способно-

стей в коммуникативной, информационной и технологической деятельности

Познавательный компонент предполагает совокупность: представлений об основных законах общения, принципах и правилах эффективного взаимодействия, о коммуникативном процессе в целом и о его особенностях в инклюзивной образовательной среде в частности; знаний о структуре, функциях, типах и закономерности общения, об основных коммуникативных моделях, особенностях эффективного общения с детьми и коллегами в условиях инклюзивного образования. Все эти индикаторы направлены на формирование объективных знаний сущности содержания коммуникативной компетентности и связанные с познанием другого человека.

Психолого-педагогическая компетенция – это единство теоретической и практической готовности педагога проводить образовательную деятельность и обеспечивать ее высокую эффективность. Этот тип компетенции определяет уровень подготовки педагога в области педагогики и психологии, его умений учитывать индивидуально-личностные характеристики, потребности и способности детей, а также умение оказывать им психолого-педагогическую поддержку, используя разные методы, приемы, средства и формы взаимодействия, адекватные конкретной ситуации. Психолого-педагогическая компетенция предполагает постоянную готовность специалиста повышать квалификацию в разных видах образовательной деятельности.

В структуре психолого-педагогической компетенции выделяют следующие компоненты:

Ценностно-мотивационный компонент, содержащий в себе установки на усовершенствование личностных качеств педагога, импонирующих детям, вызывают чувство увлеченности и уважения. Этот компонент характеризуют следующие особенности: способность к беспристрастной, толерантной психолого-педагогической поддержке детей; готовность выслушать каждого и умение придерживаться собственного слова; заинтересованность работой в образовательной отрасли; осознание значения психолого-педагогических знаний в профессиональной деятельности; понимание приоритетности субъект-субъектных отношений в учебной среде, собственной роли и места в ней; к взаимопониманию и соблюдению принципов профессиональной этики; готовность к саморазвитию и самосовершенствованию как педагога; способность к самоконтролю и самокритике; умение управлять собственными эмоциями и поведением; педагогический оптимизм, уверенность в себе, педагогическая ответственность.

Познавательный компонент направлен на формирование системы психолого-педагогических знаний, необходимых для обеспечения эффективного образовательного процесса. К основным его характеристикам

можно отнести: владение общими психолого-педагогическими знаниями, в частности: основными теориями и концепциями обучения и воспитания и развития детей; разными формами организации образовательной деятельности; закономерностями всестороннего развития личности ребенка в ходе психолого-педагогического взаимодействия; понимание и соблюдение научно обоснованных принципов организации образовательной деятельности; способность к непрерывному овладению и реализации прогрессивных технологий и методик обучения и воспитания, а также поиска новых оптимальных путей решения насущных психолого-педагогических проблем и задач; владение методами психолого-педагогического исследования.

Бесспорно, все вышеперечисленные знания, способности и потенциальные действия будущего педагога не смогут обеспечить успешное обучение в условиях инклюзии, если учитель существует вне социума, не обладает специальными и психолого-педагогическими компетенциями и не может наладить прочные субъект-субъектные отношения с учениками, родителями и кол-

легами.

Формирование всех составляющих профессиональной компетентности выходит за пределы отдельных учебных предметов и возможно при разработке и внедрении соответствующих технологий. Профессиональная компетентность в контексте нашего исследования касается личностных качеств педагога.

Исходя из анализа составляющих профессиональной компетентности и их компонентов можно считать, что дефиниции «компетенция» и «компетентность» используются для разграничения общего и индивидуального. Компетенции, в этом контексте, как заранее очерченные требования к профессиональной подготовке бакалавра представляют собой заложенную в учебные предметы и процессы интегративную систему определенных установок, ориентаций, знаний, умений, навыков, опыта деятельности, определяющих способность личности интегрировать в своем сознании и деятельности знания из разных учебных дисциплин, опыт, в том числе и собственный, познание теории и практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. Москва : Высшая школа, 1980. 368 с.
2. Ефорова А.Р. Инновационная образовательная среда вуза, как педагогическое условие развития критического мышления студентов / А.Р.Ефорова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2(135). – С. 12-18.
3. Ефорова А.Р. Формирование критического мышления студентов технического вуза как актуальная педагогическая задача в смыслопоисковом обучении / А.Р.Ефорова // Системный подход в вопросах формирования молодежной политики со стороны общества и государства: Труды Всероссийской научно-практической конференции, Свободный, 25–26 марта 2010 года. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2010. – С. 104-107.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Компетенция. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-36950.htm>.
5. Зеер Э.Ф., Шахматова О.Н., Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. Москва: Народное образование, 1999. 156 с.
6. Использование средств информатизации в процессе подготовки педагогов для работы с обучающимися с ОВЗ / Н.Л. Харченко, А. З. Измайлов И.Ю. Багдасарова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 5-2. – С. 110-113. – DOI 10.37882/2223-2982.2021.05-2.34.
7. Нелидкин А.М. Компетентностный подход при гуманитарном образовании. Методы обучения и организация учебного процесса в ВУЗЕ: сборник тезисов докладов II Всероссийской научно-методической конференции. Рязань: Рязанский государственный радиотехнический университет, 2011. С. 93–94.
8. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / под ред. А.Э. Азимова, А.И. Шукина. Москва: Издательство ИКАР, 2009. 448 с. URL: http://szlavintezet.elte.hu/russian/segedanyag/tanari_ma_anyagok/azimov_slovar.pdf.
9. Усов С.С. Применение игровой формы в обучении иностранным языкам / С.С. Усов, М.А. Сафонов // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. – 2020. – Т. 16. – № 51. – С. 202-207.
10. Харченко Н.Л. Основные этапы становления образования лиц с ОВЗ / Н.Л. Харченко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 108-112. – DOI 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.18.
11. Шишов С.Е., Агапов И.Н. Компетентностный подход к образованию как необходимость. Мир образования – образование в мире. 2001. № 4. С. 8–19.
12. On the issue of assessing the quality of teaching in higher education in the context of digital transformation of education / V.N. Yershov, N.V. Yershov, O.A. Kozlov, Yu.F. Mikhailov // The Science of Person: Humanitarian Researches. – 2020. – Vol. 14. – No 4. – P. 76-81. – DOI 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.9.

© Харченко Николай Леонидович (m-rh@mail.ru), Кузнецова Наталья Владимировна (natalie2006@mail.ru), Багдасарова Илона Юрьевна (artameli@mail.ru), Луценко Наталья Станиславовна (nataly.l@inbox.ru), Марциновская Виктория Александровна (vitam1981@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ

Хорева Наталья Сергеевна

Аспирант, Московский государственный
областной университет
natali8968978@yandex.ru

TECHNOLOGIES FOR THE DEVELOPMENT OF CHILDREN'S COMMUNICATIVE AND SPEECH ACTIVITY

N. Horeva

Summary: The problem of communicative formation and speech skills of preschool children is considered. The methodological basis of the article is a description of the technologies used for the development of children's communicative and speech activity. The article also notes the importance of carrying out work on the development of communicative and speech activity of children starting from preschool age. As we already know, the first years of a child's life are already the beginning of the period of personality birth and the development of communicative and speech abilities in the process of communication and interaction with the outside world. Thus, modern children have an increased need for information, as a result of which children strive to communicate with loved ones, Using the presented technologies for the development of children's communicative and speech activity in their work, thereby we are already preparing a preschooler for school, where the ability to perceive this information by ear and comprehend it is an integral and important component of successful learning.

Keywords: communicative-speech activity, prefigurative type, informational type, "Insight" program, listening, guided dialogue.

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования коммуникативно-речевых умений детей дошкольного возраста. Методологическую основу статьи составляет описание используемых технологий для развития коммуникативно-речевой деятельности детей. Также в статье отмечена важность проведения работ по развитию коммуникативно-речевой деятельности детей именно начиная с дошкольного возраста. Как мы уже знаем, первые годы жизни ребенка это уже начало периода рождения личности и развития коммуникативно-речевых способностей в процессе общения и взаимодействия с окружающим миром. Тем самым современные дети обладают повышенной потребностью в получении информации в следствии чего дети стремятся к общению с близкими людьми, Используя в своей работе представленные технологии развития коммуникативно-речевой деятельности детей, тем самым мы уже готовим дошкольника к обучению в школе, где умение воспринимать данную информацию на слух и осмыслить ее, является неотъемлемым и важным компонентом успешного обучения.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая деятельность, префигуративный тип, информационный тип, программа «Озарение», аудирование, управляемый диалог.

Коммуникативное речевое развитие детей начинается формироваться от рождения с помощью общения с близкими людьми.

В последнее время значительно выросло внимание к коммуникативно-речевой деятельности детей дошкольного возраста. Таким образом на первой Всемирной конференции по воспитанию и образованию детей дошкольного возраста «Создание богатства наций», который прошел в Москве 27 – 29 сентября 2010 года, впервые обсуждали вопрос развития детей от рождения до 8 лет. В ходе этой конференции был сделан вывод о том, что в настоящее время отсутствуют данные о современном ребенке, об особенностях его развития и закономерности, следовательно была поставлена и обсуждена проблема в создании единого индекса развития детей для всех государств. И, по нашему мнению, один из важных индикаторов в развитии детей дошкольного возраста является коммуникативно-речевое развитие. [5]

За последние тридцать лет в мире произошли колос-

сальные изменения, а именно постиндустриальный тип развития общества сменился *информационным*, а это значит, что колоссально увеличился объем информации, которую нужно обработать и транслировать в рамках различных культур. Современное общество возвысило детский мир, над миром взрослых, которые обращаются за помощью к детям с просьбой помочь освоить новые информационные технологии (компьютер, телефон и т.д.). благодаря этим новым условиям взрослые учатся у своих детей, тем самым начинается новый тип культуры – *префигуративный*. [8]

Речевая деятельность детей развивается с использованием таких функциями как сенсомоторной, коммуникативной, когнитивной, регулирующей.

Как мы уже знаем, первые годы жизни ребенка это уже начало периода рождения личности и развития коммуникативно-речевых способностей в процессе общения и взаимодействия с окружающим миром. Тем самым современные дети обладают повышенной потребностью в получении информации в следствии чего

дети стремятся к общению с близкими людьми, тем самым само общение позволяет детям включить все свои потенциальные возможности и раскрыть все резервы. Другими словами, тело ребенка подает сигналы о физическом состоянии организма, разум посылает импульсы для принятия и переработки информации, тем самым душа отражает эмоциональное состояние и определяет настрой общения, дух помогает управлять чувствами и мыслями, выстраивать отношения с окружающим миром. Подведя итог выше сказанного, можно сделать вывод о том, что сферы личности принимают участие в развитии речевой деятельности детей.

В наше время отмечается тенденция снижения уровня коммуникативно-речевой деятельности, по нашим наблюдениям это происходит по причине того, что взрослые стали мало общаться и играть с детьми, в следствии чего взрослые предоставили детям возможность смотреть телевизор и получать информацию из других источников.

Воспитательные, образовательные, развивающие цели должны быть реализованы в комплексе как педагогами, так и родителями. Причем не с помощью наставлений, нравочений, а латентным путем при этом используя различные ситуации и режимов взаимодействия, благодаря которым дети впитывают нормы социального поведения. Так же постоянно и много говорится о том, что и семья имеет огромное влияние на формирование, развития коммуникативно-речевой деятельности.

Новые технологии коснулись и образовательной деятельности, и обучения детей, а именно изменение и введение новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), который требует улучшение качества образования, использование новых методов воспитания, а именно перемена процесса образования провоцирует само развитие инновационного процесса. До сегодняшнего дня образование уделяло все внимание на развитие познавательных процессов: умение, знание, навыки (ЗУН). Теперь наше образование ориентировано на развитие методов и технологий воздействий на личность, которая способна к саморазвитию и самоопределению, и в образовательные учреждения стали вводиться новые методы развития и обучения детей. В следствии чего возникают противоречие между уже установленными методами работы и потребностью внедрения инноваций, но ведь у педагогов нет умения осуществлять инновационные методы для того, чтобы правильно использовать инновационные техники (методики) педагог должен свободно ориентироваться в нововведениях.

Я работаю в общеобразовательной школе № 1584 где реализуется инновационная образовательная программа «Озарение».

Новизна Программы в том, что в приоритет ставится *социальная деятельность как общение*, владение которой позволяет договариваться, слушать и слышать собеседника, разрешать конфликты и принимать компромиссные решения. Дети учатся выстраивать межличностные отношения (приятельские, товарищеские, дружеские), в результате у них формируется свое отношение к миру предметов и природы, к социальному миру. Развитие межличностных отношений на занятиях способствует повышению социальной активности и познавательной мотивации. Учитывая, что ФГОС дошкольного образования нацеливает педагога на развитие личности детей в разных видах и формах общения и деятельности, в условиях информационного типа развития общества в качестве ведущей деятельности следует рассматривать общение [Н.А. Горлова], а игру как форму обучения [Д.Б. Эльконин]. [10]

На своих занятиях я применяю такой вид речевой деятельности как модуль «Аудирование». Аудирование - это вид речевой деятельности, предполагающий понимание воспринимаемой на слух не просто речь, а связный текст, т.е. любую текстовую информацию. Аудирование формирует такие умения как слушать текст, понимание содержания текста, умение удерживать в памяти инструкции педагога и выполнять их, так же умение контролировать понимание текста Само аудирование включает в себя: восприятие звуковой формы, слушание и понимание текста, что обеспечивает работу такого механизма как механизм кратковременной памяти, долговременной памяти (Н.И. Жинкин). Сущность формирования смыслового аудирования состоит в том, что это нацелено на развитие личностно – когнитивных способностей. Для аудирования я использую тексты из детской литературы и адаптирую их в зависимости от возраста и уровня развития детей. Аудирование я провожу и в устной форме «Верно – неверно» (карточки зеленого и красного цвета), и в письменной форме, благодаря чему ребенок учится распознавать клетку. [Н.А. Горлова]

Так же в своей работе я использую модуль «Диалог» - который направлен на формирование диалогических умений детей, как способности взаимодействия со сверстниками, так же обращаться к ним с просьбой, задавать вопросы, отвечать на них. Диалогическая речь строится с помощью модельных фраз. Поэтому на всех своих занятиях я использую учебный диалог (Н.А. Горлова), который состоит из условного и управляемого диалога. Диалоги провожу на каждом занятии до 15 минут. Какие формы диалога я использую: общий вопрос, требующий утвердительного ответа; общий вопрос требующий отрицательного ответа; альтернативный вопрос, содержащий тестовое слово; альтернативный вопрос не содержащий тестовое слово; специальный вопрос.

В заключении можно отметить, что если в своей ра-

боте использовать описываемые технологии развития коммуникативно–речевой деятельности детей начиная с дошкольного возраста, то у детей уже сформируется платформа для овладения чтением, а также дети в ко-

торые овладели этими технологиями свободно удерживают в памяти 15 слов и оперируют ими. Так же было замечено, что у некоторых детей прошла зажатость, застенчивость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арушанова А.Г. Речь и речевое общение детей: книга для воспитателей детского сада. М., 1999
2. Веракса Н.Е., Веракса А.Н., Познавательное развитие в дошкольном детстве. – М., 2012
3. Горлова Н.А. коммуникативно–речевое развитие ребенка: норма и отклонение. Специальное образование: научно-методический журнал / Екатеринбург, 2015
4. Горлова Н.А. педагогика личности. Концепция личностного подхода в дошкольном и начальном общем образовании. М.: Издательство «Русайнс», 2021
5. Горлова О.А. Формирование коммуникативно–речевых умений у детей раннего возраста.
6. Кон И.С. ребенок и общество. – М., 2003
7. Козлова С.А., Куликова Т.А. Дошкольная педагогика. – М., 1998
8. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. — М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО "МОДЭК", 2001. — 432 с.
9. Ушакова О.С. Программа развития речи детей дошкольного возраста в детском саду. – М., 2001
10. «Озарение» Основная образовательная программа дошкольного образования (с 2-х месяцев до 8 –ми лет). – М., 2016

© Хорева Наталья Сергеевна (natali8968978@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В НЕПРЕРЫВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Храмова Маргарита Вениаминовна

Адъюнкт, Академия управления МВД России, г. Москва
akademmoskva@yandex.ru

THE MODEL OF EDUCATION OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE USE OF MASS MEDIA IN CONTINUING EDUCATION

M. Khramova

Summary: The introduction actualizes the urgent need to develop a model the education of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation with the use of mass media in continuing education as the basis of the relevant program and the determinant of the ways of education of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The purpose of this article is to substantiate the need to develop a theoretical model of education of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation using mass media in continuing education. In the main part of the article, based on the research of domestic teachers, definitions of the concepts "model", "modeling of the educational process", "modeling of personality" are given, the initial provisions of the model of education of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation using the mass media in continuing education are outlined. The main characteristics of the demonstrated model are also considered, reflecting the totality of interrelations and interdependencies of the subject of research: goals, content, methods, forms and means, estimated values represented by the qualitative and value characteristics of the education of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation using the media in continuing education. The hermeneutic and situational-environmental approaches in pedagogy developed by well-known Russian scientists are analyzed, which are the methodological basis of the demonstrated model of education of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation using the media in continuous. The conclusion of the article contains a general conclusion based on the results of the presentation and justification of the model of education of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation using the media in continuing education.

Keywords: model, education, employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation, mass media, continuing education, hermeneutical approach in pedagogy, situational and environmental approach in education.

Аннотация: Во введении актуализируется назревшая необходимость разработки модели воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании как основы соответствующей программы и детерминанта путей воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Цель настоящей статьи – обоснование необходимости разработки теоретической модели воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании. В основной части статьи с опорой на исследование отечественных педагогов даны определения понятиям «модель», «моделирование воспитательного процесса», «моделирование личности», изложены исходные положения формируемой нами модели воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании. Также рассмотрены основные характеристики демонстрируемой модели, отражающие всю совокупность взаимосвязей и взаимозависимостей предмета исследования: целей, содержания, методов, форм и средств, оценочных значений, представленных качественно-ценностными характеристиками воспитания сотрудников ОВД РФ с использованием СМИ в непрерывном образовании. Проанализированы разработанные известными российскими учеными герменевтический и ситуационно-средовой подходы в педагогике, являющиеся методологической основой демонстрируемой модели воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ в непрерывном образовании. В заключении статьи содержится общий вывод по результатам представления и описания модели воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ в непрерывном образовании.

Ключевые слова: модель, воспитание, сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, средства массовой информации, непрерывное образование, герменевтический подход в педагогике, ситуационно-средовой подход в воспитании.

Модель воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании выступает методологической основой соответствующей программы и детерминантом путей воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) с использованием средств массовой информации (далее – СМИ) в непрерывном образовании. В связи с этим возникла необходимость ее формирования. Разработанная нами модель отражает всю совокупность взаимосвязей и взаимозависимостей предмета исследования: целей, содержания, методов, форм и средств, оценочных значений, представленных качественно-ценностными характеристиками воспитания сотрудников ОВД РФ с использованием СМИ в непрерывном образовании. Педагог А.Н. Дахин, на наш взгляд, дает более общее определение педагогической модели, утверждая, что данный феномен представляет собой спроектированный человеком объект, выступающий в различных форматах (схема, физические конструкции и т.д.), аналогичный интересующему нас объекту (или явлению), который отображает и представляет упрощенную структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта[1]. Моделирование воспитательного процесса, представляющее собой реализацию определенного алгоритма действий – построения, исследования и практической проверки – современная педагогическая наука признает приоритетным и перспективным методом. Воспитание сотрудников ОВД РФ, курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, воспитанников суворовских училищ и кадетских корпусов системы МВД России с использованием СМИ в непрерывном образовании может посредством моделирования отражать в качестве своей цели идеальную модель полицейского, т.е. совокупность профессионально значимых личностных качеств полицейского с учетом социальных ожиданий и высоких профессионально-личностных стандартов полицейской деятельности. Педагог В.И. Загвязинский отмечает, что именно моделирование личности – описание объективных психолого-педагогических требований в сложной социально-педагогической системе – определяет нравственно-ценностное мировоззрение личности, ее цели, потребности, программу жизненных установок [2]. Исходными в формируемой нами теоретической модели рассматриваются следующие положения: 1) Воспитанность сотрудника ОВД РФ является не только структурным элементом профессионально-личностной характеристики полицейского, способного осуществлять образовательную, нравственную и духовную саморегуляцию, но и является ее основным компонентом; 2) Процесс воспитания сотрудников органов внутренних дел напрямую связан с профессиональной деятельностью, отличается поэтапным изменением уровня воспитанности; 3). Уровень воспитания и воспитанности личности сотрудников напрямую зависит от форм, методов и способов воспитания, определяемых посредством качественной, своевременной и эффектив-

ной диагностики.

Отправной точкой разработки модели стало изучение научных трудов исследователей, с которыми мы солидарны, и чьи научные труды повлияли на совершенствование педагогической науки в целом и развитие воспитания личности в частности. Представленная нами модель имеет сложную структуру. Предлагаем ее характеристику.

Целевыми ориентирами теоретической модели воспитания является определение и обоснование педагогических условий для развития личности сотрудника ОВД РФ, курсантов образовательных организаций МВД России, воспитанников военных суворовских училищ МВД России и ведомственных кадетских корпусов с использованием средств массовой информации. Цель нашего исследования корреспондируется с целями и задачами, отстаиваемыми современной педагогической парадигмой: создание педагогических условий для формирования видов опыта, социально-педагогического знания о СМИ, в том числе знания критериев оценки информационного контента, восприятия и эмоционально-ценностного отношения к информации массмедиа, практической деятельности по итогам анализа информации, в том числе деятельности по личностному саморазвитию.

Принципами защищаемой нами модели, исходя из целевой установки, стали социально-педагогические устремления, принцип герменевтичности, аксиологичности, ситуационно-средового проектирования, целостности, научности, диалогизации, легитимности и толерантности к культурным различиям с опорой на научные труды Ш.А. Амоношвили, А.И. Ильина, Н.В. Сердюк, И.С. Складенко, В.А. Сладенина, А.М. Столяренко, Н.В. Ходяковой и др. Указанные принципы корреспондируют с классификацией современных принципов воспитания, представленной исследователями А.К. Быковым, И.А. Липским, Л.Н. Никитиной[3].

Опираясь на тенденцию непрерывности образования, субъектами реализации модели воспитания целесообразно, на наш взгляд, определить следующие категории: сотрудники ОВД РФ, руководящий состав подразделений, профессорско-преподавательский состав образовательных организаций, сотрудники подразделений по работе с личным составом, средства массовой информации.

Центральным аспектом модели является содержательный блок, представленный нами в формате авторской программы воспитания, имеющей определенные признаки: процесс воспитания сотрудников ОВД и обучающихся образовательных организаций МВД России строится на базе педагогического и контрпедагогического контента СМИ, процесс воспитания предполагает введение проблемных ситуаций, требующих осознанных решений, и максимальное использование в воспитатель-

ном процессе образов реальных сотрудников российской полиции-милиции. Реализация содержательного аспекта модели – Программы воспитания сотрудников ОВД РФ с использованием СМИ в непрерывном образовании – проводилась в соответствии с научными идеями педагогов Е.А. Александровой, Н.Б. Крыловой, Н.В. Сердюк, И.В. Ульяновой, отстаивающих герменевтический подход в воспитании.

Герменевтический подход (объясняющий) в воспитании сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ в непрерывном образовании отражает потребность личности сотрудника ОВД РФ достигнуть вершин профессионального успеха через самопознание, самовоспитание, самообразование, саморазвитие, то есть в конечном результате это обеспечит, по справедливому утверждению исследователя Н.В. Сердюк, самоактуализацию личных возможностей [4]. Именно самоактуализация сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в жизни через достижение полезных для себя и других результатов является ключевой характеристикой социально и педагогически зрелой личности. В рамках нашего диссертационного исследования указанный подход позволяет определить цели воспитательного процесса, выявить потребность в воспитании самих сотрудников органов внутренних дел и определить содержание воспитания.

Серьезное влияние на наше мировоззрение в разработке модели нашего исследования оказали труды известных ученых: Г.М. Андреевой, Л.С. Выготского, В.В. Серикова, В.И. Слободчикова, Н.В. Ходяковой, А.В. Хуторского и др, отстаивающих ситуационный, средовой и ситуационно-средовой методологические подходы.

Ситуационно-средовой подход, по мнению педагога Н.В. Ходяковой, обеспечивает процесс воспитания полноценным средовым контекстом жизни и деятельности человека. Он опирается на естественные закономерности развития личности сотрудника органов внутренних дел, представляет процесс воспитания как непрерывную творческую реконструкцию человеком его внутренней позиции, т.е. развитие его субъективных моделей внешнего и внутреннего мира, а также согласование моделей между собой и с реальной жизненной практикой. Воспитательный процесс личности в данном подходе проектируется, как поэтапное развертывание ситуаций четырех типов: 1) ситуация адаптации в социокультурной среде; 2) ситуация ориентировки в деятельности; 3) ситуация ценностно-смысловой ориентировки; 4) ситуация преобразования среды [5]. В качестве этапов воспитательного процесса мы избрали динамическую модель, разработанную исследователем Н.В. Ходяковой [6], которая впервые в отечественной педагогике обеспечила консолидацию ситуационного (Э.Н. Гусинский, М.П. Горчакова-Гусинская, И.А. Колесникова, А.В. Петровский, В.В. Сериков, А.А. Симонова, Ю.И. Турчанинова, Г.П. Щедровицкий) и средового (Н.М. Борытко, А.М. Ко-

ротков, Я. Корчак, А. Маслоу, Ю.С. Мануйлов, В.В. Рубцов, Ю.В. Сенько, С.А. Писарева, А.П. Тряпицына, В.А. Ясвин) подходов с целью создания максимальных условий для всестороннего развития личности сотрудника, что, в свою очередь, позволило воспитательный процесс сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ спроектировать, прогнозируя успешный результат посредством включения субъектов воспитания в данный творческий процесс и посредством проведения постоянной педагогической рефлексии. Проецируя модель педагога Н.В. Ходяковой на предмет нашего исследования, мы представляем, что эффективность развития личности сотрудников органов внутренних дел с использованием СМИ повышается с применением ситуационно-средового подхода, при котором воспитанник, или обучающийся, проходит последовательно четыре возможных этапа:

- 1) «адаптацию в информационной среде» (изучение контента СМИ, инструментария массмедиа на уровне «зрителя» и «читателя» предлагаемой массмедиа информации);
- 2) «самостоятельный выбор тактик поведения в информационной среде» (воспитанник предлагает варианты развития событий при решении кейса с использованием СМИ);
- 3) «осознание смысла транслируемого контента» (презентация своей ценностно-смысловой позиции с использованием СМИ);
- 4) «самоутверждение в позиции продуцирования нового продукта СМИ» (создание своего СМИ-продукта, его реализация). Таким образом, создаются педагогические условия для логически выстроенного воспитательного процесса, на заключительном этапе которого субъекты воспитания самостоятельно проектируют изменения образовательной среды (СМИ), вырабатывают новые ценности и смыслы, контролируют свою активность и рефлексию с целью саморазвития в информационной среде.

Претворение программы в педагогическую реальность предлагается с использованием классических и нетрадиционных педагогических форм: проблемные лекции, лекции-беседы, семинары, практические занятия, просмотр видео с последующим обсуждением, озвучивание с новостным информационным контентом, мониторинг статистики. С опорой на труды А.С. Макаренко, Г.К. Селевко, В.А. Сухомлинского, С.Т. Шацкого и др. мы применяли педагогические технологии. Методы, отраженные в модели, также имеют классический и инновационный характер: метод примера, метод убеждения, метод прямых и параллельных воспитательных воздействий, кейс-метод, метод проектов и метод эмпатии (метод личной аналогии). Педагогические средства, обусловленные целями, задачами и содержанием модели, должны соответствовать современному уровню образования, поэтому целесообразно в воспитательном процессе использовать аудиовизуальные, мультимедийные технологии, педагогическую диагностику и веб-сайты сети Интернет.

Критерии воспитанности с использованием СМИ, опираясь на методологические основания в подходах к определению данного феномена, мы определили следующие: аксиологический, интеллектуальный, перцептивно-эмоциональный и деятельностный. Педагогическое моделирование «обслуживает» и работает на модели-цели, т. е. идеалы, к которым стремится педагогическая практика. Такая, операционально заданная (смоделированная) цель, нуждается в системе управляющего воздействия и корректировке промежуточных результатов [7]. Модель, на наш взгляд, должна обеспечить: 1) определение педагогических условий воспитания сотрудников ОВД РФ с использованием СМИ в непрерывном образовании максимального числа сотрудников ОВД РФ и обучающихся образовательных организаций МВД России; 2) определение содержания информационно-пропагандистской работы в воспитании сотрудников органов внутренних дел, в том числе с эффективным и результативным использованием СМИ; 3) определение путей формирования у сотрудников органов внутренних дел в процессе реализации программы, основанной на теоретической модели, значимой для них личностной компетенции, определяемой как интегральное свойство личности, имеющей целью реализовать личностные качества. Для реализации указанных целей необходимо решить следующие задачи: 1) разработать программу воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ в непрерывном образовании, ориентированную на следующие категории: будущих сотрудников (в кадетских школах в рамках профориентационных занятий), действующих сотрудников (в образовательных организациях высшего образования – в рамках морально-психологической подготовки, дополнительного профессионального образования, профессиональной, служебной и физической подготовки; в территориальных органах МВД России – в рамках занятий по морально-психологической подготовке); 2) создать средовые условия для воспитания сотрудников органов внутренних дел с использованием СМИ в непрерывном образовании; 3) разработать методологические основы выявления и защиты от опасной, деструктивной и контрпедагогической информации в СМИ; 4) разработать систему диагностики уровня воспитания сотрудников ОВД РФ с использованием СМИ в непрерывном образовании.

Предложенная теоретическая модель тесно связана с целью ведомственного и российского национального воспитания – развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование чувства патриотизма, гражданской ответственности и т.д. Более того, ценностные ориентиры данной модели воспитания аутентичны мировым образцам воспитания. Исследователь Ю.Г. Беляев отмечает, что американский психолог П. Уайт перспективой воспитания рассматри-

вает «гражданские добродетели». В программу «воспитания гражданственности» входит воспитание надежды и уверенности в себе и своем окружении, мужества, самоуважения (self-esteem), честности и порядочности, а также способности дружить [8]. Исходным фактором приобретения сотрудниками заданного уровня воспитанности, является личностный опыт, который наращивается и расширяется посредством воспитания и непрерывного образования. В этой связи становится целесообразным проведение диагностики, позволяющей определить стартовый уровень развития всех компонентов воспитанности – интеллектуального, аксиологического (ценностного), перцептивно-эмоционального и деятельностного. Компоненты воспитания будут иметь содержательное и функциональное значение при условии сформированности каждого из четырех. Четыре этапа воспитания сотрудников ОВД с использованием СМИ в непрерывном образовании, представленные в модели, аналогичны этапам педагогического процесса, включающего диагностику воспитанности сотрудников, формирующий аспект, контрольный и оценочно-результативный. Важный этап диагностирующий. В ходе него определяется стартовый уровень личностной воспитанности сотрудников ОВД. Констатируются интеллектуальные, аналитические и рефлексивные характеристики, определяются личностные и ценностные ориентации. Второй этап – формирующий – характеризуется определением и применением методов, форм, приемов и средств воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ в непрерывном образовании. Третий этап – контрольный – позволяет провести анализ результатов эксперимента, дать оценку уровня воспитанности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с применением критериально-диагностического комплекса. Четвертый этап – оценочно-результативный – является заключительным. В его рамках уточняются, корректируются как теоретические, так и экспериментальные данные, обобщаются и демонстрируются результаты эксперимента, формируются предложения по организационно-методическому сопровождению воспитательного процесса. Заключительным аспектом этапа необходимо считать формулирование выводов.

Благодаря ценностным ориентациям сотрудник ОВД формирует отношение к себе, своему поведению, к постановке целей. В то же время при смене ценностных ориентации корректируются все перечисленные процессы. Рефлексия как способность анализировать собственные ориентации обеспечивает сотрудникам ОВД сравнение своих ценностных ориентиров с общепризнанными. Одновременно происходит отбор тех ценностей, которые необходимо использовать в качестве критериев. А далее, по мнению исследователя А.В. Курякова, действия самоконтроля обуславливают готовность к волевому поведению, а способность видеть возможность альтернативного выбора (мотивов, целей, поступков) порождает чувство внутренней свободы и ответствен-

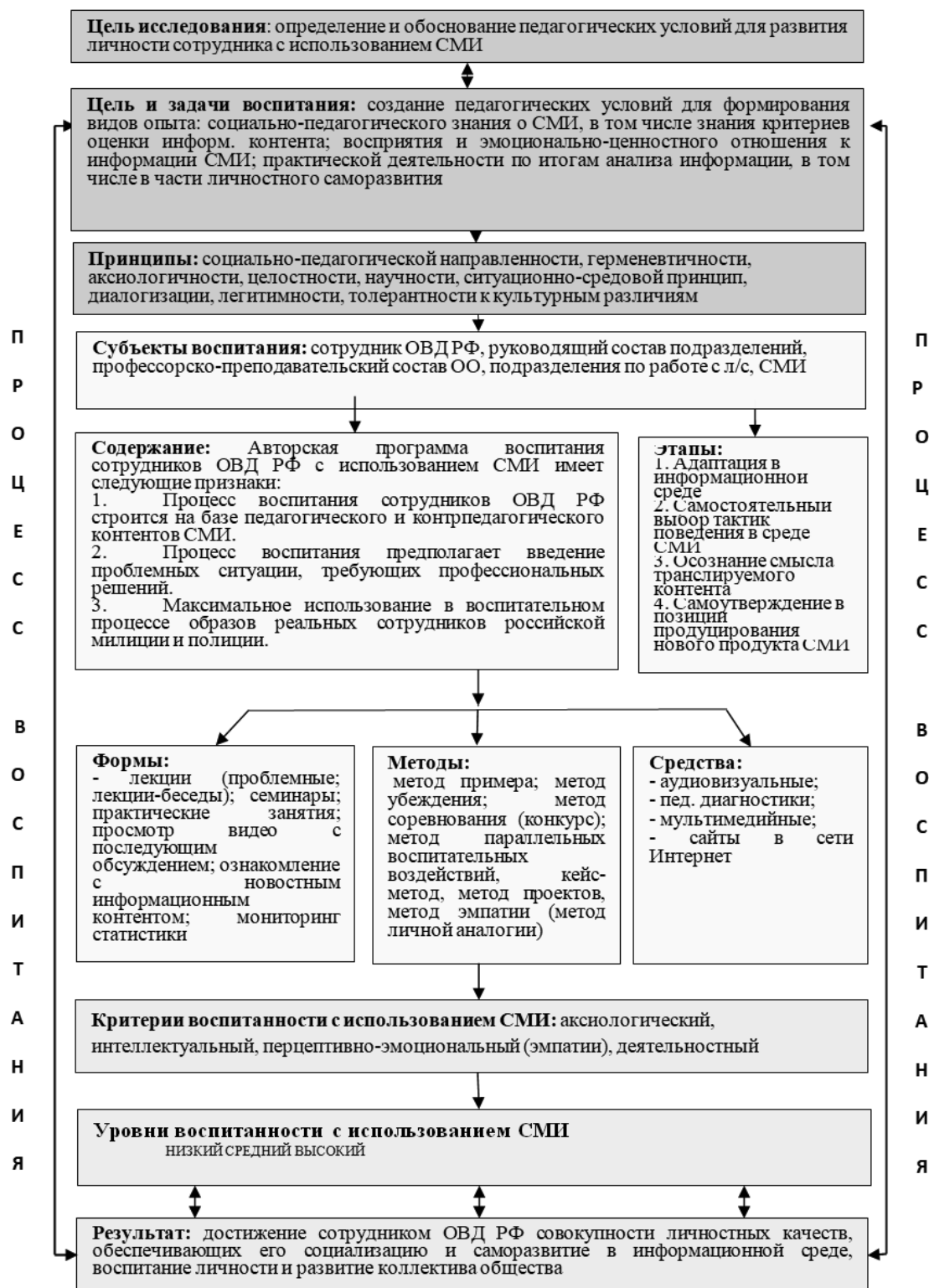

Рис.1. Модель воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании.

ности за результаты принимаемых решений [9]. С целью обеспечения адекватной оценки результатов воспитания необходимо, на наш взгляд, определить ряд критериев, обеспечивающих все основные характеристики

исследуемого предмета.

1. Аксиологический критерий определяет соответствие ценностей и смыслов деятельности (общечеловеческих и специальных) задачам крити-

ческого мышления при приеме информации и отражения контрпедагогической, информации в процессе воспитания сотрудников с использованием СМИ в непрерывном образовании. Специальными ценностями мы полагаем следующие: твердая гражданская позиция, четко выраженное отношение к служебному долгу сотрудника ОВД, честь, верность традициям ведомства, осознание личной ответственности, культура служебной коммуникации.

2. Интеллектуальный критерий демонстрирует присутствие и развитость профессионально значимых качеств и способностей личности: памяти, коммуникабельности, логики, кругозора, эрудиции, потенциал творчества. Устойчивость проявления указанных характеристик в ситуациях информационного отражения контрпедагогических СМИ-продуктов: развитие памяти, быстрота мышления, уровень поведенческого критицизма, интеллектуальной выносливости, самостоятельности при решении служебных задач в процессе мониторинга информационных потоков, убежденность в собственных силах.
3. Перцептивно-эмоциональный критерий представляет знания, умения, навыки, общие и специальные компетенции в восприятии и оценке сущности, содержания, условий возникновения, характера информации СМИ и масштабов влияния СМИ, в том числе контрпедагогической, способы и формы ее отражения, а также эмоциональной устойчивости. Показателями в данном случае будут выступать: полнота, глубина, надежность

специальных профессиональных знаний, умений, навыков и опыта сотрудников ОВД во взаимодействии со СМИ, эффективность и способность их применения в ситуациях отражения контрпедагогической информации, то есть способность качественно и успешно применять их для решения практических интерпретационных задач различной степени сложности.

4. Деятельностный критерий определяется в осознанной способности к ведению продуктивного диалогового общения, партнерского взаимодействия в ходе групповых и командных заданий. Показателями в данном критерии выступают: сформированность коммуникабельных навыков, способность доступно изъяснять свои мысли, правильно интерпретировать информацию СМИ, аудитории, коллег, принимать решения, действовать и добиваться цели. Учитывая наличие и степень выраженности показателей указанных критериев, мы предлагаем различать три уровня воспитанности и способности к отражению (противодействию) контрпедагогической информации в СМИ: низкий, средний и высокий.

Таким образом, представленная модель (рис. 1) воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ в непрерывном образовании является детерминантом выдвигаемых концептуальных идей и проектирования программы воспитания сотрудников органов внутренних дел с использованием СМИ в непрерывном образовании с их обязательным внедрением в учебно-воспитательный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дахин. А.Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и неопределенность /А.Н. Дахин // Педагогика. – 2003 – № 4 – С. 22.
2. Загвязинский В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учеб. Пособие для студентов вузов М., 2001. С. 164.
3. Быков А.К., Липский И.А., Никитина Л.Н. Воспитание: современные парадигмы: монография / под общ. ред. З.А. Багишаева и А.К. Быкова. М., 2006. С. 100–101.
4. Сердюк Н.В. Педагогическая деятельность руководителя органа внутренних дел: развитие герменевтического подхода: монография. М.: Академия управления МВД России, 2013.- С. 223.
5. Ходякова Н.В. Методологические подходы к организации воспитательной работы по развитию личности сотрудника полиции/ URL: / <http://grani.vspu.ru/files/publics/1443370347.pdf> Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 7 (41). Сентябрь 2015 (дата обращения: 18.04.2021).
6. Ходякова Н.В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно-развивающего образования: методологические предпосылки и концепция: моногр. / науч. ред. проф. В.В. Сериков. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 54-92.
7. Дахин А.Н. Моделирование в педагогике / Идеи и идеалы № 1(3), Т 2. 2010. С.15.
8. Беляев Ю.Г. Актуальные вопросы воспитания: век XXI //Отечественная и зарубежная педагогика. 2014 . № 5(20) С.32 (26-39).
9. Куряков А.В. Педагогические условия совершенствования профессиональной подготовки сотрудников собственной безопасности: дис. канд. пед. наук. – Барнаул, 2008. С. 133-134.

© Храмова Маргарита Вениаминовна (akademmoskva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КИТАЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Хуан Янань

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
786735080@qq.com

THE SYSTEM OF VOCATIONAL TRAINING OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS IN CHINA: THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT

Huang Yanan

Summary: The system of vocational training of primary school teachers in China at the present stage of the development of pedagogical education provides for an analysis of the main stages and national specifics of the formation of vocational training of primary school teachers in China. The studied historical and pedagogical analysis of the formation of vocational training of primary school teachers in China allows us to conduct a comprehensive analysis of current trends in professional training of teachers and the conditions that condition the improvement of the quality of pedagogical education for primary school teachers.

Keywords: historical and pedagogical analysis, primary school, teacher, pedagogical education, professional training of teachers, education system, teacher.

Аннотация: Система профессиональной подготовки педагогов начальной школы Китая на современном этапе развития педагогического образования предусматривает анализ основных этапов и национальной специфики становления профессиональной подготовки педагогов начальной школы в Китае. Исследуемый историко-педагогический анализ становления профессиональной подготовки педагогов начальной школы в Китае позволяет провести комплексный анализ современных тенденций профессиональной подготовки педагогов и условий, обуславливающих повышение качества педагогического образования для педагогов начальной школы.

Ключевые слова: историко-педагогический анализ, начальная школа, педагог, педагогическое образование, профессиональная подготовка учителей, система образования, учитель.

История образования в Китае насчитывает несколько тысяч лет, однако собственная система именно педагогического образования начала складываться здесь только в конце XIX в. под влиянием опыта педагогического образования западных стран. Педагогическая система Китая, ее аксиологические аспекты формировалась под влиянием национальных ценностей и традиций. К философско-этическим особенностям культуры Китая, которые имеют большое влияние на ценностно-целевые ориентиры, содержание и формы системы образования Китая на разных этапах его развития, относятся ключевые категории стратегической мысли конфуцианской философии: (путь (*дао*); сила или стратегическая мощь (*ши*); мягкость (*жоу*) и победа (*шэн*)), складывавшиеся тысячелетиями [9, С. 14].

В Китае бытовали и другие модели этической культуры, которые внесли свой вклад в формирование особого типа личности. Даосизм – второе по значимости этическое учение, которое часто рассматривают как нечто противоположное конфуцианству. В даосизме важными являются представления о естественности поведения человека и противоестественности всяких правил, которые ограничивают природное начало в человеке. В даосизме культивируются представления о фатализме, созерцательности, уходе от реалий жизни [1, С. 98-99].

Китайская культура построена на приоритете знания. И это заложено еще со времен Конфуция в VI – V вв. до н.э. Конфуцианец – ученый, интеллектуал, который, пройдя систему экзаменов, становился чиновником и государственным деятелем. Конфуцианство традиционно большое место уделяло вопросу об идеальных отношениях народа и власти. Сдержанность, способность к неторопливому осмыслению происходящего является чертой национального характера и всей культуры Китая в целом. Среди факторов, обеспечивающих стабильное развитие этноса, необходимо назвать постоянную заботу о воспитании граждан и поддержание исторической памяти, национальной культуры и языка. Порядок должен базироваться не на силе и принуждении, а на внутренней самодисциплине, основанной на добродетели, ибо если «если поддерживать порядок угрозой наказания, то народ лишится чувства стыда». Перечисленные уникальные особенности китайской культуры обеспечивают, с одной стороны, жизнестойкость, а, с другой стороны, высокую способность к адаптации к вызовам в инокультурном окружении.

Конфуцианский идеал культурного развития личности определил магистральное развитие, как системы образования, так и всей китайской культуры. Под прямым влиянием конфуцианства в китайской культуре возник особый тип личности – личность с высокой способно-

стью к самоконтролю. Отдельное внимание ученых привлекал образ педагога как этического носителя ценностей и норм китайской культуры. Конфуций считал, для учителя важно не столько трансляция знаний, сколько содействие в формировании моральных качеств («Ли Цзи»); учитель должен сначала исправить свои собственные слова и поступки, стать хорошим примером для учащихся («Лунь Юй: Изы Лу»); должен уважать и любить свою профессию («Учиться без пресыщения, просвещать без усталости»). Конфуций говорил: «Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем», то есть педагог должен обладать педагогическими способностями и навыками, владеть эвристическими методами, позволяющими исследовать культурное наследие прошлого в тесной связи с открытиями в настоящем. Конфуций описал образ учителя: учитель должен быть умеренным, строгим, но не свирепым, уважительным и спокойным («Лунь Юй: Шу Эр») [8, С. 98]. Философ Ван Чун династии Восточная Хань считал, что знания учителей не могут быть ограничены конфуцианскими классиками, учитель должен владеть как знаниями, основанными на наследии прошлого, так и современными знаниями [8, С. 99].

В работах современных китайских педагогов также исследованы вопросы профессиональных качеств учителя. Тао Синчжи (1891–1946) представил требования к профессиональным моральным и личностным качествам и умениям учителя. Он считал, что у учителя должны быть более высокие моральные качества, педагог должен обладать стремлением к истине, демократии, иметь жертвенное отношение к своему труду, способность поддерживать хорошие отношения с учащимися [4, С. 49-51]; педагог должен владеть систематическими и широкими знаниями теории и практики, получать знания не только с помощью книг, но на основе жизненного опыта и практики; содействовать развитию исследовательских и творческих умений в решении задач [2, с. 30-36].

Описывая профессионально-личностные качества педагога, писатель и педагог Е. Шэнтао (1894–1988) отмечал, что современный учитель должен обладать социальной ответственностью, идеальной моралью, должен быть личностью, которая предана образованию, искренне и равно относится к учащимся, совершенствует свою личность. Интерес ученого был направлен на анализ профессионально-педагогических умений и способностей педагога. Современный учитель должен освоить специальные знания, базовые умения и навыки, умение связывать свой предмет с другими предметами. Современный учитель должен уметь творчески использовать инновационные методы и средства обучения, осуществлять индивидуальное обучение, иметь способность к самообучению и саморазвитию [3, с. 52-56].

Сравнивая этические и профессиональные требования к личности учителя в западных странах и Китае, следует отметить, что их отличия отражаются в приоритетности духовно-моральных ценностей личности педагога в китайской педагогической мысли, согласно которой ведущими являются профессиональное понимание, мораль и дух педагога как носителя культурных ценностей образования.

До периода конца XIX в. не существовало учебных заведений, специализирующихся на подготовке учительских кадров, а в роли учителей обычно выступали чиновники в отставке и интеллигенция. Анализ исследований, посвященных истории педагогического образования в Китае (Г.И. Зубкова [5, с. 114-118], Ли Цзюнь [7, с. 13-19] и др.), позволил выделить три основных этапа его развития: зарождение и становление в конце династии Цин (1897–1911); развитие и упорядочение в период Китайской Республики (1912–1948); перестройка и трансформация после создания Китайской Народной Республики (1949 г. – до настоящего времени). Далее охарактеризуем каждый из названных этапов:

Первый этап (1897–1911): Зарождение и становление. В конце правления династии Цин в Китай вторглись западные империалистические державы, и одновременно в страну пришли западные образовательные идеологии. В 1897 г. Шэн Сюньхуай основал в Шанхае Наньангскую академию, которая стала первым педагогическим учебным заведением Китая. В январе 1904 г. Цинским правительством было издано «Предписание по школьному образованию», в котором педагогические заведения были разделены на две категории: начальные и средние педагогические училища. Также были определены задачи подготовки, сроки обучения, возраст поступления в училища. С данного момента педагогическое образование стало самостоятельной частью всей системы образования Китая.

Второй этап (1912–1948): Развитие и упорядочение. В 1913 г. правительство Китайской Республики опубликовало «Положение о высших педагогических институтах», которое являлось первым специальным указом о педагогическом образовании в Китае. В документе обозначались цель, дисциплины, сроки подготовки учителей. Начальные педагогические училища были заменены на педагогические колледжи, средние – на высшие педагогические институты. Это символизировало формирование новой системы китайского педагогического образования. Далее, в 1915 г., на национальной конференции по образованию в Китае были высказаны мнения о том, что не нужно специально готовить учителей, также не стоит тратить 3 года учащихся на учебу. Кроме того, требовалось ликвидировать педагогические учебные заведения [14].

В названный период в педагогических учебных заведениях начали преподавать математику, химию, физику, биологию и другие профильные дисциплины. Педагогика, психология и методика обучения являлись обязательными предметами для всех обучающихся. Одними из первых методических пособий в Китае стали переводные японские пособия. Цинское правительство требовало, чтобы при некоторых значимых педагогических учебных заведениях создавались школы, которые использовались бы в качестве базы практик при подготовке будущих педагогов. В данный период существовало три вида школ: правительственные школы, которые были созданы государственными фондами; общественные школы – общественными фондами; частные школы – частными лицами [5, с. 115].

В 1922 г. по примеру Америки правительством Китая был разработан и обнародован «Порядок введения педагогического образования», предложена учебная система «шесть-три-три». В нем предписывалось объединение педагогических учебных заведений с общими университетами, преобразование некоторых из них в общие университеты [11, с. 20]. Позднее, в 1932 г., Министерство образования Китая в документе «Направления реформы образования державы и методы проведения» констатировало, что «нынешнее педагогическое образование будет отменено» [10]. Безусловно, названный период был непростым для педагогического образования Китая, но оно совершенствовалось: была более четко определена цель подготовки учителей, появился научно-практический интерес к методической подготовке учителя, начинали разрабатываться учебные пособия с учетом реалий китайского образования. Важно, что именно в данный период была заложена прочная основа для дальнейшей модернизации, трансформации, открытости системы педагогического образования.

Третий этап (1949 г. – до настоящего времени): Перестройка и трансформация. После основания Китайской Народной Республики, ориентирующейся на пример системы образования СССР, правительство Китая пригласило немало педагогов из СССР для участия в развитии системы педагогического образования. В 1956 г. было решено восстановить начальное и среднее педагогическое образование. Сложилась китайская трехуровневая система педагогического образования (начальное, среднее и высшее педагогическое образование).

Для того чтобы повысить качество подготовки учителей, Министерство образования Китая призвало ученых, специалистов переводить учебные материалы СССР, таким образом появилось много советских методических пособий, что способствовало развитию педагогической подготовки учителей Китая. Десятилетний мятеж во время «культурной революции» в Китае (1966–1976) привел к определенному хаосу, в том числе и в системе педа-

гогического образования. В 1980 г. на государственной национальной конференции по педагогическому образованию были обобщены и проанализированы уроки и опыт его реализации, пересмотрены цели деятельности педагогических учебных заведений – восстановление и создание более надежной системы педагогического образования.

В конце XX в. в Китае, как и во всем мире, начинается перестройка структуры педагогического образования. В 1999 г. Министерство образования Китая опубликовало документ «Мнения о регулировании структуры педагогических учебных заведений», в котором были представлены требования реформирования сети педагогических учреждений, повышения уровня подготовки учителей, перехода от трехуровневой системы педагогического образования к двухуровневой. Таким образом, Китай начал регулировать структуру педагогического образования по двум направлениям: сокращение, даже отмена средних педагогических училищ; расширение высших педагогических университетов и институтов. В 2001 г. Министерство образования Китая составило план, в котором указано, что до 2003 г. количество педагогических учебных заведений уменьшается с 1353 до 1000, в том числе 300 педагогических вузов, 500 средних педагогических училищ, до 2010 г. будет отменено среднее педагогическое образование.

Среднее педагогическое образование играло важную роль в развитии образования Китая, подготовило много педагогических кадров для школ, способствовало популяризации обязательного образования в Китае. С 1949 г. по 1978 г. среднее педагогическое образование пережило несколько потрясений, но в общем продемонстрировало тенденцию к росту, независимо от количества выпускников, количества и масштаба училищ, числа учителей. В целом, с 1978 по 1998 гг. количество средних педагогических училищ немного уменьшилось, но количество учащихся в них увеличились в 6 раз [13]. С 1999 г. при реализации идеи создания открытой системы педагогического образования и повышения уровня подготовки учителей в Китае среднее педагогическое образование испытало невиданную в своей истории реформу. Многие провинции начали постепенно закрывать средние педагогические училища, например, в провинции Шандун в конце 2006 г. был создан документ, в котором объявлено о аннулировании средних педагогических училищ до конца 2011 г. Регулирование средних педагогических училищ проходит по двум путям:

- а) «внутреннее повышение», т.е. преобразование и слияние средних педагогических училищ в педагогические вузы (университеты, институты и высшие специальные учебные заведения), при этом они все еще остаются в системе педагогического образования; «внутреннее повышение» может не только поднять уровень подготовки в средних пе-

дагогических училищах, но и сохранить богатый опыт в учебной деятельности и отличное культурное наследие;

- б) внешняя трансформация, при этом многие средние педагогические училища преобразовались в непедагогические учебные заведения или объединились с непедагогическими вузами; преобразование радикально изменило характер училищ, привело к потере ресурсов педагогического образования; обычно училища как отделения при комплексных вузах могут и дальше заниматься подготовкой учителей, но, конечно, педагогическое образование не является главной задачей.

В 1999–2005 гг. всего реорганизовано 565 средних педагогических училищ, в том числе 56 училищ превратилось в высшие педагогические специальные учебные заведения, это составляет 7%; 71 училище реорганизовано в комплексные институты (9%), 35 училищ реорганизовано в комплексные университеты – 4%, 36 училищ реорганизовано в институт учителей – 4%, 85 училищ реорганизовано в профессиональные вузы – 10%; 56 училищ стали учреждениями переподготовки и повышения квалификации учителей – 7%; 228 училищ превратилось в средние школы и другое – 29% [12]. Далее количество средних педагогических училищ уменьшается с каждым годом, до 2013 г. в Китае только осталось 110 средних педагогических училищ, т.е. уменьшилось до 56% по сравнению с 2007 г., в 7 раз по сравнению с 1999 г., в 10 раз по сравнению с 1978 г.

В декабре 1996 г. на пятой национальной конференции по педагогическому образованию была предложена новая образовательная политика, признающая приоритетный статус педагогического образования, ориентированная на повышение его качества и эффективности, оптимизацию структуры. Чтобы повысить уровень образования учителей, в 1999 г. по приказу Министерства образования КНР педагогическое образование перешло от трехуровневой системы к двухуровневой, было отменено начальное педагогическое образование.

Для всестороннего улучшения качества подготовки учителей Министерство образования КНР совместно с другими государственными департаментами разработало «План действий по активизации педагогического образования (2018–2022 годы)» и «Мнение Министерства образования о реализации Программы подготовки выдающихся учителей 2.0». Ключевыми качествами выдающихся учителей были названы: способность к организации образовательной деятельности и управлению ею, отличное знание предмета, практическая мудрость, рефлексивная компетентность, исследовательская компетентность.

Современная система педагогического образования

Китая находится под влиянием образовательной идеологии «обучение в течение всей жизни», и сегодня создана система интеграции образования учителей до и после трудоустройства: 1) педагогическое образование в учебных заведениях; 2) послевузовское педагогическое образование, то есть система повышения квалификации учителей. Современные педагогические учебные заведения в Китае представлены на двух уровнях: среднее и высшее педагогическое образование. К уровню среднего педагогического образования относятся колледжи и училища, которые сегодня значительно сокращены [15].

Средние педагогические учебные заведения с трехлетней продолжительностью обучения готовят воспитателей детских садов и учителей начальных школ. Подготовка учителей начальных и средних школ осуществляется педагогическими университетами и классическими университетами, которые выступают ведущей базой подготовки учителей.

В современной системе высшего педагогического образования реализуются три модели подготовки учителей: 4-летняя программа бакалавриата, 2- или 3-летняя программа магистратуры, 3- или 4-летняя программа аспирантуры (с 2019 г. длительность обучения в аспирантуре в Китае составляет 4 года, но допустимо досрочное окончание обучения). Согласно Китайскому образовательному ежегоднику от 2015 года [6], в 2014 г. здесь насчитывалось 173 высших педагогических учебных заведения и 125 средних педагогических учебных заведений. Еще 338 общих высших учебных заведений реализовывали программы педагогического образования. Так, общее количество выпускников по специальности «Педагогическое образование» в 2014 г. составило 617,8 тыс.; 47,1 % из них подготовили общие высшие учебные заведения. Послевузовское педагогическое образование – это система повышения квалификации учителей, которую организуют педагогические и классические университеты, колледжи, созданные общественными силами или административными департаментами образования. Сюда можно также отнести региональные школы и педагогические колледжи, учреждения дистанционного обучения. Послевузовское педагогическое образование предлагает учителям новейшие методы обучения и образовательные технологии, помогает им продолжать повышать квалификацию и адаптироваться к условиям реформирования и развития образования, требованиям времени, обеспечивает тесную взаимосвязь теории образования и образовательной практики. За более чем 100 лет развития китайская система педагогического образования изучала и адаптировала японскую, американскую и советскую модели, одновременно находясь в постоянном поиске собственной модели образования «с китайским характером».

Необходимо отметить, что частые изменения в по-

литике педагогического образования Китая порой приводили к его дестабилизации. Существенное влияние внешних политических сил на развитие педагогического образования Китая можно охарактеризовать как неоднозначное: оно то способствовало, то препятствовало данному развитию. Тем не менее современная система педагогического образования Китая уже демонстрирует значительный прогресс, выступая важной частью мировой системы образования.

Таким образом, анализ научной, научно-методической и нормативно-правовой литературы по проблеме истории развития профессиональной подготовки педагогов начальной школы Китая, позволяет **сделать следующие выводы:**

— профессиональная подготовка педагогов началь-

ной школы опосредована аксиолого-педагогическими идеями, формирующими педагогические парадигмы образования: в Китае, наряду с современной гуманистической парадигмой образования, сохраняют значимость национальные идеи конфуцианства; к настоящему времени важными являются идеи «образования в течение жизни» (life-long education);

— профессиональная подготовка педагогов начальной школы связана с развитием педагогических учебных заведений, которое прошло через три этапа: период педагогического училища, период педагогического колледжа, период образовательного института и аспирантуры при классических университетах, что отражает базовые тенденции для системы педагогического образования Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авходеева Е.А. Сохранение национально-культурной идентичности в условиях открытого культурного пространства: на примере Китая: дис. ... кандидата философских наук / Е.А. Авходеева. — Волгоград, 2016. — С. 98-99.
2. Ду Хайпин. Рассуждение о качестве учителя Тао Синчжи / Ду Хайпин // Вестник шаосинского педагогического колледжа. — 1992. — № 3. — С. 30–36.
3. Жэнь Суминь. О идеях качества учителя и педагогического образования / Жэнь Суминь // Исследование образования. — 1996. — № 8. — С. 52–56.
4. Зи Чжэнь. Взгляды Тао Синчжи по качеству учителя / Зи Чжэнь // Вестник наньгунского университета (педагогическая наука). — 2006. — № 4. — С. 49–51.
5. Зубкова Г.И. История становления педагогического образования в Китае / Г.И. Зубкова // Казанский педагогический журнал. — 2007. — № 3. — С. 114–118.
6. Китайский образовательный ежегодник 2015 года // Министерство образования Китая. URL: http://www.moe.edu.cn/jyb_sjzl/moe_364/zgjynj_2015/201711/t20171102_318252.html
7. Ли Цзюнь. Китайская модель педагогического образования — опыт и просвещение, ведущие к глобальной реформе / Цзюнь Ли, Тянь Сяохун, Чэнь Пайпей и др. // Фуданский образовательный форум. — 2017. — №15(2). — С. 13–19.
8. Лю Нань. Сравнительный анализ системы педагогического образования в России и Китае: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Лю Нань. — М., 2018. — С. 98-99.
9. Распертова С.Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия: дис. ... канд. фило-соф. наук: 24.00.01 / Распертова Светлана Юрьевна. — М., 2011. — С. 14
10. Хуо Ипин. Высшее образование в современном Китае / Хуо Ипин. — Шанхай: Восточно-Китайское университетское изд-во, 1999. — 314 с.
11. Чжан Чанг. Эволюция и особенности политики образования учителей в Китае в течение столетия / Чжан Чанг // Журнал Хэбэйского пед. ун-та. — 2001. — № 4. — С. 20.
12. Чжоу Юйтун. История китайского современного образования / Чжоу Юйтун. — Сямэнь: Фуизяньское пед. изд-во, 2007.
13. Чжу Сюйдун. Исследование развития учреждения подготовки учителя в Китае / Чжу Сюйдун. — Пекин: Пекинский пед. ун-т, 2017. — 439 с.
14. Чжу Ювэй. История современной китайской академической системы (часть III). / Чжу Ювэй. — Шанхай: Изд-во Восточно-Китайского пед. ун-та, 1990. — 844 с.
15. Jun L.I. The Chinese model of teacher education: Retrospects and prospects over a century / Jun L.I. //Frontiers of Education in China. — 2012. — № 7(3). — С. 428.

© Хуан Янань (786735080@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

Шмидт Екатерина Кондратьевна

Начальник группы психологической работы, Омский
автобронетанковый инженерный институт
danusy@list.ru

PROBLEMS OF SOCIAL AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF CADETS OF MILITARY UNIVERSITIES

E. Schmidt

Summary: The relevance of the problem of pedagogical support of socio-professional adaptation of cadets of military universities is dictated by the peculiarities of the organization and implementation of the educational process in an educational environment. Modern approaches to the organization of the educational process of higher education are diverse and require special understanding on the part of not only the organizing party, but also the students themselves. One of the main factors influencing the success of the adaptation process by junior cadets, of course, is the military team. The article deals with problematic issues of socio-professional adaptation of junior cadets of higher military educational institutions. Difficulties arising during this period and the directions of pedagogical support that contribute to their resolution. The results of the study of this problematic issue are presented, the study made it possible to determine the actual problems of cadets during the period of socio-professional adaptation. The conditions of successful socio-professional adaptation of cadets of junior courses of higher educational institutions of the Ministry of Defense are revealed.

Keywords: social and professional adaptation, cadets, pedagogical support.

Аннотация: Актуальность проблемы педагогического сопровождения социально-профессиональной адаптации курсантов военных вузов продиктована особенностями организации и реализации образовательного процесса в условиях образовательной среды. Современные подходы в организации образовательного процесса высшей школе многообразны и требуют особого осмысления со стороны не только организующей стороны, но и самих воспитанников. Одним из главных факторов, влияющих на успешность прохождения процесса адаптации курсантами младших курсов, безусловно, является воинский коллектив. В статье рассматриваются проблемные вопросы социально-профессиональной адаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений. Трудности, возникающие в данный период и направления педагогического сопровождения, способствующие их разрешению. Представлены результаты изучения данного проблемного вопроса, проведенное исследование позволило определить актуальные проблемы курсантов в период социально-профессиональной адаптации. Раскрываются условия успешной социально-профессиональной адаптации курсантов младших курсов высших учебных заведений Министерства обороны.

Ключевые слова: социально-профессиональная адаптация, курсанты, педагогическое сопровождение, воинский коллектив.

Введение

Вооруженные Силы Российской Федерации должны находится в постоянной боевой готовности. Выполнение возложенных на них задач по охране государственных интересов требует совершенствования учебно-профессиональной работы со всеми категориями военнослужащих, обосновывает необходимость серьезной подготовки военных специалистов, позволяющей им, осознано и надежно действовать в любых повседневных и экстремальных ситуациях военной службы.

Ежегодно тысячи молодых людей, начинают свой путь в образовательных учреждениях Министерства обороны, осваивают новую для себя социальную роль – курсанта военного вуза. Большинство из них сталкиваются в той или иной степени с проблемами социально-профессиональной адаптации, которые связаны не столько с предметной и методической подготовкой курсантов, сколько с социализацией молодого человека

в новой для себя среде. Значение социально-психологической адаптации возрастает в условиях необычайно высоких темпов социальных изменений, затрагивающих основные стороны жизни личности и протекающих в относительно короткие временные промежутки. Особенно интересна для исследователей такая сфера жизни человека, как профессиональная деятельность. Вступая в общественные отношения с представителями определенного профессионального сообщества, принимая на себя определенную социально-профессиональную роль, личность тем самым вовлекается в процесс профессиональной социализации.

Профессиональная подготовка офицерского состава в значительной степени определяет способность действовать в любой обстановке, решая сложные и разноплановые задачи по защите Отечества [7]. Современное общество предъявляет высокие требования к профессиональным и личностным качествам военнослужащих Российской армии, что определяет актуальность профессионального образования будущих офицеров. Успеш-

ность обучения курсантов в высших военных учебных заведениях является важной задачей, потому что от этого напрямую зависит эффективность профессиональной деятельности будущего офицера. Но учитывая особенности образовательного процесса, связанного с определенными трудностями, ведь учебно-профессиональная деятельность сочетается с выполнением курсантами служебных обязанностей, имеется ряд специфических условий и факторов, которые необходимо учитывать всем участникам процесса. Одним из важных факторов, оказывающих влияние на успешность протекания процесса адаптации у курсантов младших курсов, безусловно, является воинский коллектив.

Жестко регламентированные условия получения военного профессионального образования, служебная деятельность, новые не привычные бытовые условия (такие, например, как проживание в казарме) вызывают у значительной части курсантов затруднения в адаптации при обучении в военном вузе. Навык продуктивно взаимодействовать с коллективом может в значительной степени помочь в снижении негативных явлений, с которыми сталкиваются курсанты младших курсов в процессе адаптации. Необходимо правильно оценивать роль коллектива в этом сложном процессе, с которым курсанты младших курсов сталкиваются ежедневно.

Многие исследователи в области военной педагогики и психологии неоднократно доказывали неоспоримое и всестороннее влияние воинского коллектива на личность военнослужащего. Это может выражаться в помощи принятия правил и норм поведения в военной среде, освоения военной специальности и многом другом. В данном случае умение налаживать эффективное взаимодействие с коллективом и внутри него в большой степени облегчает и ускоряет процесс адаптации курсанта в новом для него качестве военнослужащего, обучающегося в высшем военном учебном заведении.

Особое место в педагогических исследованиях адаптации индивида занимают проблемы социальной, учебной и профессиональной адаптации – ввиду того, что общение, учебная и трудовая деятельность являются основными формами жизнедеятельности человека как социального феномена, определяющими онтогенетическое развитие личности.

Следует отметить что, педагогическое сопровождение адаптации, по мнению таких исследователей как О.А. Воскресенского, Л.А. Жилиной, Т.В. Павлушиной, С.В. Сергеевой как целенаправленный педагогический процесс, отражающий систему взаимодействия всех субъектов педагогического сопровождения и направленный на создание условий для обеспечения успешной адаптации курсантов, путем реализации комплекса предупреждающих, просветительских, диагностических

и коррекционных мероприятий может оказать значительное благоприятное влияние на данный процесс [1].

Материалы и методы исследования

Существует много научных подходов к рассмотрению проблемы социально-профессиональной адаптации и приводится широкий спектр определений данного понятия, характеризующих аспекты различные его сущности, многообразие взглядов ученых на границы сферы его применения, подходы к объяснению внутренних механизмов действия – психических, социальных, физиологических – и место социально-профессиональной ориентации молодежи.

Анализируя разнообразные подходы ученых к определению социально-профессиональной адаптации, границ применения данного понятия и места социально-профессиональной адаптации в системе профессиональной подготовки молодежи, можно условно выделить несколько направлений, точек зрения, с которых рассматривается процесс и результаты социально-профессиональной адаптации. Сам термин социально-профессиональной адаптации содержит в себе два понятия: социальная и профессиональная адаптация. Прежде чем определить сущность исследуемого нами понятия, необходимо рассмотреть оба явления, из которых оно складывается.

Е.Н. Сметанин рассматривал социальную адаптацию как состояние взаимоотношений личности и социальной среды, характеризующееся наличием субъективных и объективных обстоятельств, позволяющих личности без особых внешних и внутренних (психологических) конфликтов продуктивно осуществлять профессиональную деятельность, удовлетворять свои социогенные потребности» [2]. В других источниках мы встречаем такие определения данного понятия: социальная адаптация – это процесс активного приспособления, освоения, личностью или группой новых социальных условий или социальной среды [3].

Социальная адаптация – это процесс приспособления человека к меняющейся социальной среде с помощью различных социальных средств. Это сложный социально-психологический механизм социализации личности, включающий, в частности, освоение людьми новых социальных ролей, формирование мотивационной сферы, восприятие индивидами себя, своего окружения и многие другие психологические явления, состояния, образования. Это будет являться сущностью социальной адаптации [11].

Механизмы социальной адаптации наиболее наглядно описаны исследователями, изучающими учебно-профессиональную адаптацию (О.Л. Бушуева, В.В. Гусев,

Н.Ф. Маслова, Е.М. Павлютенков) [9].

По мнению исследователей, профессиональная адаптация – это процесс вхождения человека в профессию и гармонизация взаимодействий его с профессиональной средой, характеризуется дополнительным освоением возможностей, знаний и навыков, формированием профессиональных качеств. Проблемы профессиональной адаптации связаны с освоением профессиональных навыков и с пониманием специфики служебной деятельности [8].

С точки зрения включения личности в особые отношения социально-профессиональная адаптация выступает как интегративный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные биосоциальные функции: адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма; адекватная система отношений и общения с окружающими; способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха; способность к самообслуживанию и взаимобслуживанию в семье и коллективе, изменчивость (адаптивность) поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других [4].

Если рассматривать сущность социально-профессиональной адаптации через призму профессионального взаимодействия личности с окружением. Профессиональная адаптация – процесс вхождения человека в профессиональную деятельность, освоение условий, требований труда, ориентация в новом коллективе, его нормах и правилах и достижение им в оптимально короткое время требуемой производительности труда [6].

Анализируя представленные определения, можно сделать вывод о том, что социально-профессиональная адаптация рассматривается как процесс изменения взаимодействующих сторон (личности и коллектива) в профессиональной среде. Личность, входя в новое социальное окружение, определенным образом меняет систему своих отношений. В свою очередь, коллектив реагирует на появление нового члена, корректируя свои нормы и правила поведения [10].

Рассмотрев составляющие сущности, можно сделать вывод о том, что социально-профессиональная адаптация – это целостный процесс социализации и профессионализации. Социально-профессиональная адаптация – процесс включения, приспособления человека к профессиональной деятельности, условиям труда, новому коллективу и достижение им в оптимально короткое время требуемой производительности труда [5].

Проходя те же этапы социально-профессиональной адаптации, что и студенты гражданских вузов, курсанты военных учебных учреждений испытывают ряд допол-

нительных трудностей, связанных с необходимостью выполнять служебные задачи, начиная с первых дней обучения в военном вузе. На процесс привыкания к новой обстановке, новому коллективу, новой учебной деятельности, получению большого объема новых знаний накладывается профессиональная деятельность как военнослужащего с предъявлением определенных требований к курсанту, что в значительной мере осложняет процесс социально-профессиональной адаптации.

Изучив сущность социально-профессиональной адаптации, можно сделать вывод о том, что это процесс многогранный и многоаспектный, а значит, трудности, с которыми могут столкнуться курсанты, разнообразны.

Исходя из этого, в рамках своего исследования мы постарались сформулировать проблемы, с которыми наиболее часто сталкивается курсант военного вуза на первоначальном этапе своего профессионального пути следующим образом:

- вхождение курсанта в новый коллектив, необходимость взаимодействия с людьми разных возрастных категорий, разного уровня образования, разных стилей воспитания и различного жизненного опыта, разных личных интересов;
- необходимость соблюдения строгой субординации, жесткая регламентация взаимоотношений, предписанных Уставом внутренней службы;
- необходимость ставить интересы коллектива в приоритет, а не следовать личным побуждениям и интересам;
- необходимость выполнения учебно-боевых (профессиональных) задач только в составе отделения, экипажа, взвода, зависимость личного успеха от коллектива;
- зависимость успешного выполнения задач коллективом от каждого члена, что вызывает тревогу и эмоциональное напряжение каждого курсанта, так как он несет ответственность не только за свои личные достижения, но и успешность всего коллектива.

Для подтверждения высказанных нами возникающих в процессе социально-профессиональной адаптации трудностей, было проведено исследование с участием курсантов военного вуза.

Результаты исследования

Для изучения влияния воинского коллектива на процесс социально-профессиональной адаптации курсантов военного вуза в практической части работы использована авторская анкета, в которую включены блоки вопросов по изучению факторов, затрудняющих социально-профессиональную адаптацию курсантов, а также вопросы об отношениях в воинском коллективе,

субъективная оценка курсантов своей принадлежности к коллективу, а также для изучения процесса адаптации был выбран опросник Л.Н. Собчик «Индивидуально-типологический опросник» модифицированный К. Сугоняевым, в основе которого целостное понимание личности с позиции теории ведущих тенденций: биологической и характерологической структуры и уровень социальной активности.. Всего в анкетировании приняли участие 279 курсантов первого курса автотехнического и танкотехнического факультетов.

Изучение проводилось в конце первого семестра, конец октября начало декабря, в конце первого этапа социально-профессиональной адаптации курсантов.

Проведенное изучение уровня адаптированности курсантов позволило выявить курсантов с признаками дезадаптации, данный показатель был повышен у 6,2% курсантов. Полученные данные показали, что не всех курсантов процесс социально-профессиональной адаптации протекает успешно. Курсанты испытывают трудности во вхождении в профессиональную среду военного вуза, что может выражаться в неспособности выстраивать эффективные личные и профессиональные отношения в воинском коллективе. Результат диагностики уровня адаптации представлен на рисунке 1.

В работе проведенном исследовании мы стремились уточнить и более подробно изучить аспекты, вызывающие особые трудности в процессе социально-профессиональной адаптации у курсантов. Для чего было проведено анкетирование.

Анкетирование проводилось анонимно, курсанты могли выбрать несколько вариантов ответов, но не более трех. В результате были получены следующие ре-

зультаты.

Курсантам было предложено оценить, как они освоились в новых условиях учебы, быта и жизни в воинском коллективе, легко и быстро освоились – 41,6% опрошенных, с затруднениями – 45% курсантов, 13,4% – до сих пор не освоились. Трудности с освоением в новом коллективе и учебном заведении 15,8% курсантов связывают с тем, что они не коммуникабельны, не коллективисты по натуре и больше предпочитают одиночество, 16,7% – трудно привыкают к распорядку дня, 13,4% – трудно привыкают к воинской дисциплине, 15,8% – скованны из-за низкой успеваемости, 16,7% – стеснительны из-за своей низкой физической подготовки. Необходимость подчиняться и беспрекословно выполнять волю командира курсанты оценили 46,8%–легко, 53,2% высказались, что им трудно. Оценивая взаимоотношения в военно-учебном заведении, курсанты ответили: нравятся – 62,7%, нет – 23,1%, не знаю – 14,2% курсантов участвовавших в опросе. Считают себя значимым в коллективе – 66,4% курсантов, сомневаются в своей значимости – 19,3%, а 14,3% курсантов, считаю, что они не значимы в коллективе. Полученные данные подтверждают наличие трудностей у курсантов, связанных с взаимоотношениями в коллективе, с установлением эффективных отношений, способствующих социализации каждого члена коллектива и их профессиональной самореализации. Возникающие трудности во взаимодействии с коллективом могут ограничивать способности каждого курсанта проявлять себя должным образом при выполнении учебных и служебных задач, негативно сказываться на эмоциональном состоянии каждого курсанта, а значит и на климате в коллективе в целом.

Оценив степень удовлетворенности отношениями с командирами (оказание необходимой помощи коман-

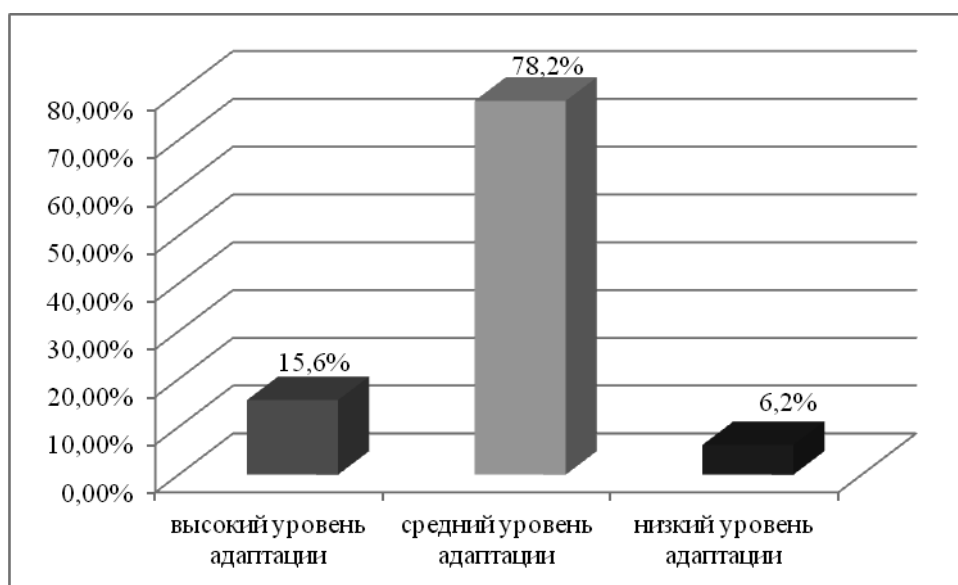

Рис. 1. Оценка уровня адаптации курсантов

диром в решении проблемных вопросов, проявление понимания, внимания к проблемам курсантов), респонденты ответили, что полностью довольны отношениями – 72,9%, частично довольны отношениями с командирами – 19,3%, и не удовлетворены отношениями – 7,8%. Не эффективно выстроенные отношения с командирами повлекут за собой несвоевременное оказание помощи курсанту в случае возникших трудностей в учебной или служебной деятельности, нарастание эмоционального напряжения и неудовлетворенности социальным и профессиональным аспектами жизни в вузе.

Согласно данным опроса респонденты указали с кем у них бывают конфликты наиболее часто: с одногруппниками – 19,3%, с начальником курса – 4,3%, с заместителем командира взвода – 21,8%, конфликтов не бывает – 78,2%. Среди наиболее частых причин возникновения конфликтов курсанты назвали: недобросовестное отношение к учебе и службе – 15,8%, стиль и методы руководства заместителя командира взвода – 12,6%, стиль и методы руководства начальника курса – 9,2%, личные отношения между курсантами – 15,8%, для конфликтов нет причин – 84,2%. Наличие конфликтов отрицательно сказывается на отношениях в коллективе, мешая выстраивать эффективные отношения. На что следует обратить особое внимание при организации мероприятия педагогического сопровождения, чтобы уменьшить вероятность возникновения негативных факторов в виде конфликтов, влияющих на возможности курсантов к развитию и самореализации в профессиональном плане.

В процессе изучения влияния коллектива на социально-профессиональную адаптацию курсантов при анкетировании был задан вопрос считают ли курсанты себя значимыми членами коллектива, опрошенные дали следующие ответы: чувствую себя полноправным членом коллектива – 78,2%, со мной редко считаются, эпизодически участвую в делах коллектива – 12,4%, я в коллективе сам по себе – 9,4%. Значительная часть курсантов является активными участниками всех мероприятий, проявляют интерес к жизни коллектива и чувствуют себя его неотъемлемой частью. Но есть курсанты, для которых жизнь коллектива не достаточно важна, на формирование у них интереса должно быть направлено педагогическое воздействие командиров и преподавателей. Также есть курсанты, не включенные в жизнь воинского коллектива, испытывающие дискомфорт и тревогу, им требуется помощь не только со стороны командиров и преподавателей, но других специалистов в целях развития коммуникативных навыков, формирования эффективной стратегии поведения.

Изучая процесс социально-профессиональной адаптации, мы постарались выяснить, что же могло бы оказать положительное влияние на протекание процесса социально-профессиональной адаптации курсантов, по

их мнению, для этого был задан вопрос, чем более всего привлекает учеба в военном вузе? И были получены следующие ответы: хорошей организацией учебного процесса – 28,7%, требовательностью и заботой руководства вуза – 19,3%, интересным преподаванием предметов – 41,6%, хорошим профессорско-преподавательским составом – 41,6%, хорошей учебной материальной базой – 72,8%, участием в проведении различных мероприятий в вузе – 54,6%, хорошим коллективом, товарищами – 66,4%, хорошими бытовыми условиями – 32,4%, требовательностью и заботой командиров подразделений – 78,2%. Основываясь на этих ответах, можно выстраивать педагогическое сопровождение курсантов, опираясь на то, что для них важно и значимо и что оказывает положительное влияние на процесс адаптации в социальной и профессиональной среде военного вуза.

Заключение

Многочисленные исследования в области военной психологии и педагогики неоднократно доказывали очевидное и всемерное влияние коллектива на личность военнослужащего, которое может выражаться в оказании помощи принятия правил и норм поведения в военной среде, освоении военной специальности и многом другом. Способность налаживать эффективное взаимодействие с коллективом и военнослужащими разных рангов в значительной степени могут облегчить и ускорить процесс адаптации курсантов в новом для них профессиональном коллективе высшего военного учебного заведения.

Учитывая, поведенное исследование можно предположить, что наиболее эффективным вхождение в социально-профессиональную среду оказывается в случае, когда курсанты получают помощь и поддержку со стороны не только профессорско-преподавательского состава и командиров, но и самого курсантского коллектива можно выделить следующие направления педагогического сопровождения процесса социально-профессиональной адаптации:

1. Организация педагогического сопровождения, направленная на личность каждого курсанта, способствует формированию и развитию профессиональных и коммуникативных компетенций, оказание помощи в принятии каждым курсантом профессиональных и социальных правил и норм поведения. Оказывает благоприятное влияние на социально-профессиональную адаптацию курсанта как члена воинского коллектива.
2. Организация педагогического сопровождения должна быть направлена на обучение младших командиров продуктивному и результативному взаимодействию с коллективом. Лишь грамотно выстроенные отношения командиров с коллективом будут способствовать успешной учебно-

профессиональной и служебной деятельности, а значит и быстрому вхождению всех членов коллектива в военно-профессиональную среду.

3. Организация педагогического сопровождения воинского коллектива, способствует формированию эффективных внутриколлективных отношений, создает положительный психологический климат в коллективе, что помогает каждому курсанту выполнять учебно-профессиональные и служебные задачи, удовлетворяя потребности в профессиональной самореализации. Служит развитию воинского коллектива как структурной единицы системы Вооруженных Сил.

На основании данного исследования можно сделать вывод о том, что педагогическое сопровождение должно быть направлено как на личность курсанта, командиров курсантских подразделений, преподавательский состав, так и на воинский коллектив. Необходимо организовать обучение эффективному взаимодействию всех субъектов образовательного процесса. Также усилия сопровождающих социально-профессиональную адаптации курсантов должны быть направлены на профилактику негативных проявлений дезадаптации и просвещение всех участников данного процесса. Что в значительной степени сделает процесс протекания социально-профессиональной адаптации курсантов значительно успешней и легче.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бучнева О.А. Модель педагогического сопровождения адаптации иностранных курсантов-первокурсников к образовательной среде военного вуза // О.А. Бучнева, Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 5 – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22402> (дата обращения: 10.12.2021).
2. Сметанин Е.Н. Адаптация населения к современной экономической ситуации / Е.Н. Сметанин // Социс. – 1998. – № 4. – С. 18, С. 15.
3. Краткий словарь системы психологических понятий / Под ред. А.В. Петровского. М.: Наука, 1990. – 494с.
4. Загвязинский В.И., Закирова А.Ф. Педагогический словарь.– М.: «Академия» 2008. – 352с.
5. Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: НМЦ СПО, 1999. – 538с.
6. Дружинин Н.Е. Словарь по профориентации и психологической поддержке. – Кемерово: ЛОГОС, 2003. – 268с.
7. Адаптации здоровье / под общ.ред. Э. М. Казина. – Кемерово, 2003. – 301с.
8. Руднева Е.Л. Социально-профессиональная адаптация старшеклассников в системе лицейского образования. – Кемерово, 2000. – 164с.
9. Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М. Возрастная и педагогическая психология: учебное пособие для студентов всех специальностей педагогических вузов. – М.: Педагогическое общество России, 2003. – 512с.
10. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 304с.
11. Гутман Е.В. Социально-педагогическое сопровождение профессионального становления специалиста в негосударственном вузе: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Гутман Евгения Владимировна; [Ин-т педагогики и психологии проф. образования РАО]. – Казань, 2015. – С. 4.

© Шмидт Екатерина Кондратьевна (danusy@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА?

Вавичкина Татьяна Анатольевна

К.филол.н., доцент, Российский университет
дружбы народов (Москва)
vavichkina-ta@rudn.ru

LINGUISTIC SITUATION IN THE ARAB WORLD: MANIFESTATION OF GLOBALIZATION OR NATURAL STAGE OF THE ARABIC LANGUAGE DEVELOPMENT?

T. Vavichkina

Summary: The article is devoted to the analysis of the linguistic situation in the Arab countries, where against the background of the globalization processes there is being enhanced the role of the English language. There appears a completely new form of the Arabic language, that is Arabizi. The relevance of the research is due to the need to study the current state of the Arabic language in the context of globalization and digitalization. The study is based on the comments of Arabic-speaking people on YouTube. In the course of the research, in addition to general scientific methods, there were used the method of purposive sampling and the statistical method. The author comes to the conclusion that the emergence of Arabizi as a written version of the oral form of the Arabic language is not the result of the English language expansion, but it represents a pressing need for a living language to fill the niche that has arisen.

Keywords: globalization, Arabic, Arabizi, literary language, dialects, oral and written forms of the language.

Аннотация: Статья посвящена анализу языковой ситуации в арабских странах, где на фоне глобализационных процессов укрепляется роль английского языка. Появляется совершенно новая форма бытования арабского языка – Арабизи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения современного состояния арабского языка в условиях глобализации и цифровизации. Материалом исследования послужили комментарии, оставленные арабоязычной аудиторией на YouTube. В ходе работы над материалом исследования помимо общенаучных методов использовались метод целенаправленной выборки и статистический метод. Автор приходит к выводу, что появление Арабизи, как письменного варианта устной формы арабского языка, является не результатом экспансии английского языка, а представляет собой насущную потребность живого языка закрыть образовавшуюся нишу.

Ключевые слова: глобализация, арабский язык, Арабизи, литературный язык, диалекты, устная и письменная форма языка.

Влияние и возрастающая роль иностранных языков, в частности английского, в Арабском мире в последнее время настолько существенны и очевидны, что даже вызывают опасения у представителей арабского лингвистического сообщества и становятся предметом обсуждения на международных конгрессах [27]. Арабские ученые обеспокоены тем, что процесс глобализации приводит к доминированию одних языков и ослаблению позиций других [11], [16], [25]. Так, доктор Ас-Сиддик, директор суданского института арабского языка имени Абдаллы ат-Теййиба считает, что в арабском мире сегодня существует проблема арабизации научных трудов. Результаты проводимых научных исследований представляются не по-арабски, а это значит, что арабский язык должен стать языком науки, знаний и научных разработок [11]. Это заявление перекликается с основными целями, для решения которых ежегодно в Дубае созывается Международная конференция по арабскому языку. В основном документе конференции говорится о потребности проводить научные исследования на арабском языке и об арабском языке, поощрять общение

между учеными, специалистами и исследователями на арабском языке. Особенно отмечается необходимость продвигать использование арабского языка во всех сферах жизнедеятельности граждан арабских стран, внедрять его в административную сферу, образование, на рынок труда и в средства массовой информации [19]. В заключительном заявлении последней восьмой конференции (девятая конференция была заявлена на апрель 2020 г., но не состоялась по причине пандемии коронавируса) отмечается актуальность всех обозначенных ранее целей конференции. Подчеркивается необходимость укрепления позиций арабского языка как важнейшего средства единства, сплоченности и силы арабской нации, ее идентичности [14].

Следует отметить, что нынешний процесс проникновения и закрепления английского языка на Ближнем Востоке и в странах Северной Африки связан не только с неизбежным заимствованием иностранных слов, развитием и распространением новейших технологий и современных средств коммуникации. Он, безусловно, но-

сит и прагматичный характер. Родители предпочитают обучать детей иностранным языкам, и прежде всего английскому, чтобы обеспечить им в дальнейшем лучшее будущее [8], [27]. В странах Персидского залива модно употреблять в своей речи на арабском языке английские слова, дабы подчеркнуть свою элитарность, высокий социальный статус [8].

Некоторые исследователи считают, что о степени проникновения английского языка в повседневную жизнь арабов можно судить по такому явлению, как Арабизм. Это язык современной арабской молодежи (в основном школьников и студентов). Он используется при коммуникации в социальных сетях и посредством мессенджеров [9], [23]. Арабский язык шифруется латинскими буквами, а для обозначения специфических звуков, аналогов которым нет в европейских языках, используются цифры [1], [31].

В качестве примера можно привести сообщения со страницы одного из ливанских блогеров ElieM. Chahine (eliechahine.wordpress.com):

*Hello, **Ba3ed ma fi Official Date, bas yen3araf chi, I'll update the post. GdLuck!***

*It depends, **bas this time ma fi nateyij m3ala2a nezlit online, so you better call the ministry to make sure and check your number***

*Hello, **Lezim ykouno bel school ekhdino menik bas adamte l talab w hek***

*Hello, sorry not yet, i guess **bas yekhlaso l nateyijkelon la ye3lno aymata l dawra l tenye***

salam 7abib aya se3a bokra btsdor nateyj l sanawiye wplz eno wala 3eb bdna chi bbarem math llgs aw phzq aw chimie la fere3 lgs 3eb maynazlo

В этих сообщениях молодые люди интересуются, как и когда можно узнать официальные результаты выпускных экзаменов. Английские и арабские слова, вперемишу с цифрами, удивительным образом сплетаются в единый клубок, образуя предложения на трудно идентифицируемом языке. Конечно, кто-то из посетителей сайта задает вопросы по-арабски, используя традиционную графику, кто-то по-английски. Но основная масса молодежи использует этот непонятный для обывателей макаронический язык!

Запись, сделанная на Арабизм, представляет собой транскрибирование, то есть последовательное написание и гласных и согласных звуков [4]. Поскольку никаких общепринятых норм записи устной речи нет, каждый автор сам решает, как ему записать свое сообщение [21]. Чтение и понимание подобного сообщения, в отличие от сообщения, написанного арабскими буквами, очень затруднено и представляет собой определенный ребус. Так, молодые саудовцы, обосновывая свое использование Арабизма, называли его секретным кодом, позволяю-

щим уйти от суждений старшего поколения [9].

Речь идет вовсе не о вынужденном использовании латиницы при отсутствии арабской раскладки клавиатуры, как это было на заре глобального распространения мобильных технологий и массового вхождения разных стран мира в необъятное интернет-сообщество [10], [22], [31]. Сейчас в арабских странах, как, впрочем, и в любой точке мира, где есть доступ к интернету и компьютерно-опосредованной связи, таких проблем технического характера нет. Более того, крупные компьютерные корпорации предлагают пользователям свою продукцию, поддерживающую все больше и больше языков. Индустрия компьютерных технологий постоянно совершенствуется и улучшает качество предоставляемых услуг и сегодня можно с помощью определенных программ не только преобразовывать слова, набранные латинскими буквами, в их ближайшие арабские эквиваленты (Smart Arabic Keyboard, 3Arrib и др.), но и осуществлять поиск, набирая арабские слова латиницей (например, Yamli Arabic Search).

Таким образом, выбор в пользу инородной графической записи скорее продиктован желанием выделиться в обществе, продемонстрировать свое знание иностранного языка, а тем самым и подчеркнуть свою образованность, нетипичность, особый статус [9], [17]. Немаловажным является и психологический аспект данного выбора. Сделать ошибку в иностранном слове или в написании слов родного языка латиницей менее постыдно [9]. Не секрет, что в арабских странах уровень владения литературным арабским языком крайне низок [7], [29].

Существенное значение для обсуждаемой проблемы имеет тот факт, что носители арабского языка в быту говорят на диалектах. Они существенно отличаются на всех языковых уровнях от литературного, а значит, письменного, арабского языка [12], [30]. Эти отличия столь существенны и значимы, что специалисты говорят о существовании двух разных языков – литературного арабского языка и диалекта (который в каждой арабской стране свой) [5], [6]. Арабский ребенок с рождения слышит, а затем начинает говорить на разговорно-обиходном языке, а поступив в школу, начинает изучать литературный арабский язык как совершенно другой, чуждый язык, существенно отличающийся от используемого им в повседневном общении, что сравнимо с изучением иностранного языка в школе [23], [29]. Об этом же говорят исследования израильских ученых, которые занимались когнитивным статусом разговорной и литературной (а значит, письменной) форм арабского языка и их обработкой в головном мозге носителей арабского языка [18], [28]. Отмеченная двойственность говорит о том, что процесс расхождения и удаления друг от друга разговорной и литературной форм одного – арабского – языка зашел слишком далеко. Даже на когнитивном

уровне эти две формы воспринимаются носителями арабского языка как отдельные языки (L1 и L2).

Таким образом, языковая ситуация, сложившаяся в Арабском мире, заставляет задуматься: так ли сильно влияние какого-либо иностранного языка, и прежде всего английского, на такой консервативный язык, как арабский; не является ли появление Арабизи реализацией насущной потребности арабского общества писать на том языке, на котором оно говорит.

Для решения поставленных задач был необходим исследовательский корпус, содержащий образцы текстов носителей арабского языка на арабском языке, Арабизи и европейских языках. Источником материала послужили комментарии-сообщения, оставленные арабоязычной аудиторией на YouTube. Были выбраны 3 видеоматериала исторического и политического характера каналов BBC News (8 296 комментариев), Nat Geo Abu Dhabi (9 996 комментариев), Step News Agency (6 516 комментариев). Все комментарии (24 808) были подвержены предварительной обработке: (I) удалению невербальных сообщений и (II) определению языка. Сообщения на иностранных языках также были проанализированы: сообщения не арабских пользователей были отнесены к категории неинформативных. Далее методом целенаправленной выборки были выделены примеры сообщений на Арабизи. После этого был произведен синтаксический анализ. Затем все высказывания были разделены на графические слова для последующего анализа. Из полученного корпуса были исключены (1) ссылки, смайлики, URL-адреса, (2) иноязычные вкрапления, (3) неинформативные слова.

В результате исследования было выявлено, что 3 718 сообщений от общего количества (24 808) носили невербальный характер (состояли только из смайликов, URL-адресов, пунктуационных знаков) либо были написаны не носителями арабского языка. Эти сообщения, исходя из целей исследования, были квалифицированы как неинформативные. Остальные сообщения были представлены на английском (23), французском (46), испанском (14), арабском (20 630) и других (5) языках. Только 372 комментария из общего количества вербальных сообщений (21 090) были написаны на Арабизи.

Статистический анализ показывает, что 97,8% пользователей предпочитают писать сообщения по-арабски (20 630). Доля сообщений арабов на иностранных языках, когда из текста сообщения была понятна национальная принадлежность автора, составила 0,417% (88 сообщений). 372 комментария на Арабизи составили 1,76% от общего количества вербальных сообщений (21 090).

Из полученных результатов видно, что предпочтение отдается сообщениям на арабском языке. Это можно

объяснить содержанием и характером высказываний. Сообщения, написанные по-арабски, отличаются более глубоким содержанием, содержат элементы размышлений. Наоборот, сообщения на Арабизи более лаконичные и, как правило, выражают оценку или эмоции. Эти выводы созвучны результатам, которые приводят в своих исследованиях арабские ученые: Арабизи в основном используется в неформальных и спонтанных ситуациях [23]. С другой стороны, полученные нами результаты могут подтверждать отмеченную в арабских исследованиях тенденцию к сокращению использования Арабизи [9].

Если говорить о лексическом составе анализируемых сообщений на Арабизи, то доля иностранных вкраплений на 1783 слова составила 3,196% (57 слов). Никаких искажений слов под влиянием иностранных языков в ходе исследования не выявлено, что может быть объяснено (а) исключительной консервативностью арабского языка либо (б) его типологическими особенностями, проявляющимися, прежде всего, в специфике морфологического строения слова, в особом, уникальном для семитских языков, неконкатенативном словообразовании [13]. Кроме того, при анализе арабского текста, написанного на Арабизи, нельзя быть уверенным в правильности интерпретации, поскольку написание сугубо субъективное. Arabizi, как вид письменной речи, находится в стадии становления, о чем говорит отсутствие общепринятых единых принципов транслитерации. Один и тот же пользователь может в пределах одного сообщения передавать один и тот же звук разными знаками и, наоборот, один и тот же графический знак использовать для разных фонем [1].

В заключении следует сравнить языковую ситуацию, сложившуюся в арабских странах, и проблемы европейских языков, столкнувшихся с глобализацией и экспансией английского языка. Само по себе проникновение иностранных слов является естественным и неизбежным процессом любой языковой системы. Вызывает беспокойство ученых европейских стран тот факт, что англицизация лексики, значений слов, пунктуации и грамматики, а также структуры и стиля предложений иногда принимает бессмысленные формы [20]. Носители языка отдают предпочтение английским словам, при наличии собственных номинативов [3]. Во Франции, Словакии, Польше приняты законы, направленные против засорения национального языка [2]. Таким образом, проблема европейских языков сводится к защите своей самобытности, как основы самобытности лингвокультурного сообщества. Арабские ученые тоже обеспокоены вопросом сохранения идентичности. Но ситуация с арабским языком, как видно из предложенного исследования, совсем иная. Проблема не в гибридизации языка и не в глобализации англоязычных технологий, которая заставила современное арабское поколение полагаться на использование латинского алфавита в качестве ос-

новой системы письма в электронной среде. Проблема в появлении самой письменной формы диалектов. А вариативность написания арабских слов на Арабизи, скорее всего, является следствием разнообразия диалектного фонда. Арабизи, как фиксация устной речи жителей арабских стран, демонстрирует нам реальное различие разговорных языков региона и заставляет задуматься о серьезности языковой ситуации. Сам факт появления этого феномена говорит о том, что искусственное сдерживание естественного развития арабского литературного языка достигло критической отметки. Разговорная и письменная формы некогда одного языка, сегодня максимально удалились друг от друга. И в силу этого литературный язык уже не может обслуживать сферу устного общения. Существующая письменная форма просто не соответствует устной речи. Об активности и значимости диалектов как самостоятельных языков говорят и

современные исследования. Появились работы по разработке конвертеров для транслитерации комментариев с Арабизи на национальные языки [24]. Ученые дают даже специальные названия Арабизи, подчеркивая его национальную специфику: Tunizi для тунисского варианта [15], NArabizi для североафриканского (алжирского) Арабизи [26].

Таким образом, мы видим не искажение арабского языка в результате происходящих на мировом уровне глобализационных процессов, а насущную потребность письменной фиксации живого разговорного языка. Усилия арабских лингвистических сообществ, направленные на укрепление позиции арабского литературного языка через поощрение научных исследований на арабском языке и рекомендации обсуждать научные темы на нем, вряд ли смогут повлиять на реальный узус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавичкина Т.А. Основные особенности языка арабоязычного контента Интернета // *Litera*, 2020. № 12, С. 29-38. [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34372 DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34372
2. Евтихова И.М., Лебедева А.В. "Denglisch" в современном немецком языке // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*, 2016. № 2 (68), С. 54-62. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/denglisch-v-sovremennom-nemetskom-yazyke> (дата обращения: 17.08.2021).
3. Котлярова Т.Я. Вкрапления и заимствования из английского языка во франкоязычном интернет-пространстве: языковая политика и узус // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2020. №1, С. 254-258. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vkrapleniya-i-zaimstvovaniya-iz-angliyskogo-yazyka-vo-frankoyazychnom-internet-prostranstve-yazykovaya-politika-i-uzus> (дата обращения: 15.08.2021).
4. Кямилев С.Х. К вопросу об оптимизации систем транслитерации арабоязычных текстов // *Арабистика Евразии*. 2018. №1, С.13-28. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-optimizatsii-sistem-transliteratsii-arabografichnyh-tekstov> (дата обращения: 08.08.2021).
5. Мишуров Э.Н. Диглоссия в арабоязычном ареале (социологическая и структурно-типологическая характеристика коррелирующих идиомов) // *Арабский язык: современное состояние и перспективы развития: сборник научных статей. МГИМО (У) МИД РФ М., 2011. С. 107–117.*
6. Мишуров Э.Н. Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка. М.: Флинта, 2019. 428 с.
7. Al Abyad Q.A. Evaluating the level of students of the Arabic language departments in the Faculties of Basic Education in discovering the grammatical error // *Journal of the College of Education for Women*, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://jcoedu.uobaghdad.edu.iq/index.php/journal/article/view/786/717> (дата обращения: 17.08.2021).
8. Al Anzarouti A.F., Popoola Kareem Hamed. An Investigation into the Linguistic and Cultural Difficulties Faced By Bahraini Students Studying Arabic in International Schools in the Kingdom of Bahrain // *Technium Social Sciences Journal*, 2020, 9(1), pp. 632–640. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.47577/tssj.v9i1.1117> (дата обращения: 17.08.2021).
9. Alghamdi H., Petraki E. Arabizi in Saudi Arabia: A Deviant Form of Language or Simply a Form of Expression? // *Social Sciences*, 2018, 7(9): 155. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.3390/socsci7090155> (дата обращения: 07.08.2021).
10. Allehaiby Wid H. Arabizi: An Analysis of the Romanization of the Arabic Script from a Sociolinguistic Perspective // *Arab World English Journal*, 2013, 4 (3), pp. 52-62. [Электронный ресурс] URL: <https://awej.org/images/AllIssues/Volume4/Volume4Number3Sept2013/5.pdf> (дата обращения: 14.08.2021).
11. BBC News: What are the most important challenges facing Arabic in your countries? 2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/arabic/interactivity-39712792> (дата обращения: 27.07.2021).
12. Boudelaa S., Marslen-Wilson W.D. Morphological structure in the Arabic mental lexicon: Parallels between standard and dialectal Arabic // *Language and Cognitive Processes*, 2013, 28(10), pp. 1453-1473.
13. Boudelaa S., Marslen-Wilson W.D. Structure, form, and meaning in the mental lexicon: evidence from Arabic // *Language, Cognition and Neuroscience*, 2015, 30(8), pp. 955-992.
14. Final Report of the eighth International Conference of Arabic Language (2019). [Электронный ресурс] URL: <https://www.alarabiahconferences.org/wp-content/uploads/2019/04/%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%82%D8%B1%D9%8A%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%AA%D8%A7%D9%85%D9%8A-%D9%84%D9%84%D9%85%D8%A4%D8%AA%D9%85%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%AB%D8%A7%D9%85%D9%86-%D9%84%D9%84%D8%BA%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9-2019%D9%85-%D8%AF%D8%A8%D9%8A.pdf> (дата обращения: 27.07.2021).

15. Fourati C.H., Messaoudi A., Haddad H. TUNIZI: A Tunisian Arabizi sentiment analysis Dataset. ICLR 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/341040129_TUNIZI_a_Tunisian_Arabizi_sentiment_analysis_Dataset (дата обращения: 30.07.2021).
16. Grajek M. Two Iraqi universities supporting English language learning. AL-Fanar Media, 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.al-fanarmedia.org/ar/2017/01/جامعةتان-عراقيتان-تدعم-تعليم-اللغة-الانجليزية> (дата обращения: 10.07.2021).
17. Hamed A. The Dialectic of Reciprocal Impact between Arabic and English: Egyptian Colloquial Arabic as a Model // Journal of Scientific Research in Arts Language & Literature, 2020, 7(21), pp. 121-143. DOI: 10.21608/jssa.2020.40314.1157
18. Ibrahim R., Aharon-Peretz J. Is literary Arabic a second language for native Arab speakers? Evidence from semantic priming study // Journal of Psycholinguistic Research, 2005, 34(1), pp. 51-70.
19. International Conference of Arabic Language (2012) [Электронный ресурс] URL: <https://www.alarabiahconferences.org/%d9%88%d8%ab%d9%8a%d9%82%d8%a9-%d8%a8%d9%8a%d8%b1%d9%88%d8%aa/> (дата обращения: 17.08.2021).
20. Jahn E. Denglish Instead of German? The Changing Use of Language in Germany // German Domestic and Foreign Policy. Springer, Berlin, Heidelberg, 2015. [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1007/978-3-662-47929-2_8 (дата обращения: 11.08.2021).
21. Kareem D. Arabizi Detection and Conversion to Arabic // Proceedings of the EMNLP 2014 Workshop on Arabic Natural Language Processing (ANLP). Doha, Qatar, 2014, pp. 217-224.
22. Kenali A.M.S., Yusoff N.M.R.N., Kenali H.M.S., Kamarudin M.Y. Code-Mixing Consumptions among Arab Students // Creative Education, 2016, 7, pp. 931-940.
23. Khatteb Abu-Liel A., Eviatar Z., Nir B. Arabic teenagers' attitudes to electronic writing in Arabizi // Journal of Cultural Cognitive Science, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1007/s41809-020-00057-2> (дата обращения: 21.07.2021).
24. Klouche B., Benslimane S.M. Arabizi Chat Alphabet Transliteration to Algerian Dialect. In: Hatti M. (eds) Artificial Intelligence and Renewables Towards an Energy Transition. ICAIRES 2020. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 174. Springer, Cham. 2021, pp.790-797. [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-63846-7_76 (дата обращения: 10.07.2021).
25. Matia Abd as-S. Hegemony in the Arab World: English as a Model, 2016. [Электронный ресурс] URL: https://www.alukah.net/literature_language/0/107632/ (дата обращения: 17.08.2021).
26. Muller B., Sagot B., Seddah Dj. Can Multilingual Language Models Transfer to an Unseen Dialect? A Case Study on North African Arabizi, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://arxiv.org/abs/2005.00318> (дата обращения: 15.08.2021).
27. Munser Z. The Supreme Council for the Arabic Language criticizes the linguistic policy in Algeria, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.echroukonline.com/%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%B9%D9%84%D9%89-%D9%84%D9%84%D8%BA%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9-%D9%8A%D9%86%D8%AA%D9%82%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%8A> (дата обращения: 15.08.2021).
28. Nevat M., Khateb A., Prior A. (2014). When first language is not first: a functional magnetic resonance imaging investigation of the neural basis of diglossia in Arabic // European Journal of Neuroscience, 2014, 40(9), pp. 3387-3395.
29. Ribeiro Daquila J.P. Promoting Arabic Literacy in Primary Schools in the United Arab Emirates through the Emirati Dialect // Sci 2020, 2, 93. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.3390/sci2040093> (дата обращения: 11.08.2021).
30. Schiff R., Saiegh-Haddad E. Development and Relationships Between Phonological Awareness, Morphological Awareness and Word Reading in Spoken and Standard Arabic // Front Psychol. 2018 Apr 9; 9:356. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00356. PMID: 29686633; PMCID: PMC5900036.
31. Yaghan M.A. "Arabizi": A Contemporary Style of Arabic Slang // Design Issues, 2008, 24 (2), pp. 39–52. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1162/desi.2008.24.2.39> (дата обращения: 15.08.2021).

© Вавичкина Татьяна Анатольевна (vavichkina-ta@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «ДЕЛОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ван Хайцзяо

Аспирант, Иркутский государственный университет
waxia1987@126.com

FEATURES OF THE "BUSINESS AGREEMENT" GENRE FROM THE POINT OF SPEECH ACTS (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Wang Haijiao

Summary: The article is devoted to describe the features of the «business agreement» genre as a kind of official business style. The purpose is to compare the features of the «business agreement» genre in Russian and English. The main methods are comparative, analytical and descriptive. The author concludes that a business agreement (business contract) refers to a special genre of business documentation that has certain structural, lexical and morphological features. The author points out that locutionary and illocutionary speech acts exist in the text of the contract in Russian and English.

Keywords: features of speech acts, business contract, business agreement, Russian language, English language, locutionary act, illocutionary act.

Аннотация: Статья посвящена описанию особенностей жанра «деловое соглашение» как разновидности официально-делового стиля. Целью работы является сопоставление особенностей жанра «деловое соглашение» на русском и английском языках. Основные методы работы: сравнительно-сопоставительный, аналитический и описательный. Автор приходит к выводу, что деловое соглашение (деловой договор) относится к особому жанру деловой документации, обладающему определенными структурными, лексическими и морфологическими особенностями. Автор отмечает наличие локутивных и иллюкутивных речевых актов в тексте договора на русском и английском языках.

Ключевые слова: речевые акты, деловой договор, деловое соглашение, русский язык, английский язык, локутивный акт, иллюкутивный акт.

Введение

Речевые жанры в современной лингвистике находятся на пике исследовательского интереса. Актуальность работы объясняется стремлением языкознания к изучению речи в прагматическом аспекте, включающем анализ ситуации общения, интенций коммуникантов и компонентов коммуникации, особенно в сопоставительном аспекте.

Целью работы является сопоставление особенностей жанра «деловое соглашение» на русском и английском языках. Для достижения заданной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть особенности понятия «деловой договор» и «деловое соглашение».
2. Сопоставить особенности речевого акта письменной деловой коммуникации в английском и русском языке на материале деловых договоров.

Основные **методы** исследования: сравнительно-сопоставительный, аналитический и описательный. Описательный метод был использован при характеристике основных особенностей жанра «деловое соглашение» в

теоретических источниках. Аналитический метод применялся при различении терминов «деловой договор» и «деловое соглашение». Сравнительно-сопоставительный метод способствовал выявлению особенностей жанра делового договора в английском и русском языках.

Теоретической базой исследования стали работы лингвистов И.П. Рябковой и А.Н. Кожевниковой, А.А. Демина, Е.А. Васильева, посвященные описанию делового договора как жанра делового общения, сопоставлению некоторых особенностей деловой речи в английском и русском языках. Кроме этого, были использованы труды И.И. Чироновой, Henry Jenkins, которые подробно описали особенности терминологии английского языка.

Научной новизной данной работы является рассмотрение делового соглашения как жанра письменной деловой речи в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале договоров русского и английского языка.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы на лекциях и практических занятиях в вузах гуманитарного направ-

ления при рассмотрении темы «официально-деловой стиль», «жанры письменной деловой речи». Кроме этого, материалы статьи могут быть использованы при подготовке курса «Деловой английский язык для студентов юридического направления».

Как отмечают исследователи И.П. Рябкова и А.Н. Кожевникова, российское и британское право относятся к разным правовым семьям: российское право – к романо-германской правовой семье, британское и американское право – к англосаксонской (Рябкова, Кожевникова, 2018). Принадлежность к разным системам права объясняет различия в речеактных особенностях жанров делового общения. Прототипическим жанром письменной деловой речи является договор.

Согласно определению в ГК РФ, под *договором* в России понимается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (Гражданский кодекс РФ, 2021). В Великобритании *договором* называют обещание (promise) или ряд обещаний, неисполнение которых влечет за собой применение соответствующих санкций (Васильева, 2004).

В работе А.А. Демина вводится предложение внести изменения в п. 1. ст. 421 ГК РФ и ввести в научный оборот термин «иные соглашения», которые не влекут за собой обязательств, лишь гражданско-правовые последствия (Демин, 2013). В данной статье понятия «договор» и «деловое соглашение» будут рассматриваться как синонимичные, поскольку такое соотношение терминов является общепринятым (Брагинский, Витрянский, 2020).

Lutz-Christian Wolff сформулировал основные правила, которых необходимо придерживаться при составлении договоров:

1. язык договора должен быть понятным для лиц, не имеющих юридического образования;
2. договор должен быть структурирован;
3. предложения должны быть простыми и доступными для понимания, не перегруженными общепринятыми членами, однородными сказуемыми, многосоюзием;
4. текст договора необходимо разделять на параграфы;
5. терминология и структура договора должны быть последовательными (Wolff, 2013).

Обратимся к характеристике речеактных особенностей жанра «деловой договор» или «деловое соглашение» в английском и русском языке. Следует отметить, что «деловое соглашение» относится к жанру деловой документации, который отличается употреблением лексики официально-делового стиля: слова употребляются

в прямом значении, используются термины, характерные для юридической деятельности, а также номенклатурная и процедурная лексика (Рамазанова, 2017).

В качестве примера можно привести **лексемы в прямом значении**: *устав, ответственность, обязуется, поручение, совершить, articles (устав), agreement (соглашение)*; **термины**: *договор купли-продажи, общество с ограниченной ответственностью, момент совершения сделки, artificial person (юридическое лицо), terms and conditions (условия и положения договора)*; **номенклатурную лексику**: *генеральный директор (наименование должности), бензин АИ-92 (наименование товара), ОАО «Газпром», CLP Center of Legal Proceedings, Limited Liability Company (номенклатура наименований)*; **процедурную лексику** в соглашениях: *нести ответственность, сделка, расчет, расторжение, обеспечение, bargain (сделка), deal (сделка), rescission (расторжение договора)* и др (Балыбердина, 2008).

Необходимо отметить, что в деловых соглашениях недопустимо употребление многозначных слов, архаизмов, неологизмов, экспрессивно-окрашенных лексем, равно как неологизмов и жаргонизмов. При этом необходимо соблюдать нормы лексической сочетаемости слов в деловых соглашениях. В договорах на русском языке нормы лексической сочетаемости наблюдаются в следующих случаях: *предоставить кредит, осуществить контроль, направить на рассмотрение, оказать содействие, обладать правом*. Договоры на английском языке также составляются с учетом лексической сочетаемости слов: *hereinafter called (далее называемый), considered as done (считается выполненным), company undertakes (компания обязуется)*.

Структурные элементы деловых соглашений на русском и английском языках являются схожими: наименование договора, преамбула (обозначение сторон), *subject of the contract (предмет договора), delivery time and terms of delivery (сроки и условия поставки), price per unit and total price (цена и общая сумма контракта), quality of goods or services (качество товара или услуг), payment terms (условия платежа), claims (претензии), force majeure (форс-мажор), judicial addresses of the Sides (юридические адреса сторон), signatures of the seller and the buyer (подписи продавца и покупателя)* (Балыбердина, 2008).

Проанализируем морфологические особенности жанра «деловое соглашение». Как отмечает А.А. Демин, в договорах на русском языке преобладают имена существительные: *оказание услуг, устав, исполнитель, стороны, перечень, часть, договор, дни, акт, экземпляр* (Демин, 2013), что соответствует признакам официально-деловой речи.

В результате анализа 30 форм договора на русском и английском языках, нам удалось установить, что в формах договора преобладают формы единственного числа, а также абстрактные имена существительные: *оказание, обеспечение, исполнение, отражение*.

Морфологические особенности составления договоров на русском и английском языках будут выделены в соответствии с теорией речевых актов Дж. Остина (Остин, 1986). Автор работы выделяет три уровня речевых актов:

1) **локутив** – речевой акт, его грамматическая структура и значение; 2) **иллокутив** – характеристика намерения говорящего, создателя текста; 3) **перлокутив** – воздействие, которое оказывает акт (письменная и устная речь) на собеседника (Там же).

В договорах на английском языке также фигурируют имена существительные и прилагательные: *fundamentals* (основные положения), *results* (результаты), *one week* (неделя), *Sellers* (продавец), *in the quantity, assortment, at prices* (в количестве, в ассортименте, по ценам) и др. В тексте договора недопустимо совершение синтаксических и грамматических ошибок. Деловое соглашение должно отличаться краткостью, быть логичным, конкретным и обоснованным (Бортников, Михайлова, 2017).

Морфологические особенности официально-делового стиля характеризуют наполнение **локутивного акта** – непосредственного произнесения, в данном случае написания делового соглашения.

Попробуем дать оценку **иллокутивного акта**, отражающего коммуникативную цель говорящего. Деловое соглашение представляет собой *promissiv* – обещание как вид речевого акта. Каждая из сторон, участвующих в соглашении, обязуется исполнить условия договора – оказать услугу, предоставить товары, помещение и проч., в то время как другая сторона – оплатить соответствующую услугу или товар.

Коммуникативной целью продавца услуги или товара будет не только продажа товара или услуги на взаимовыгодных условиях, но и сохранение долговременных отношений между организацией и покупателем. В качестве примера можно привести следующие сочетания слов, часто повторяющиеся в договорах: *secure full safety* (обеспечить полную сохранность), *should conform to the technical conditions* (должно соответствовать техническим условиям) и др.

Коммуникативной целью покупателя является получение товара или услуги на выгодных условиях, в соответствии с выполнением поставленных сроков, соответ-

ствием требований, предъявляемых к качеству товара или услуги, а также сохранением фиксированной цены, указанной в письменном деловом соглашении (договоре). Эти условия характеризуются в пунктах договора: цена и общая сумма договора, сроки поставки, качество товара, упаковка и маркировка. Следует отметить, что стороны юридического (делового) договора могут обсудить условия выполнения соглашения о сотрудничестве до того, как передадут условия спора судье для принятия обязательного решения.

Следует отметить, что поставщики развлекательных услуг, СМИ, создатели кино не имеют возможности предварительно обсудить условия оказания услуг с заказчиком, поэтому их коммуникативные цели могут не соответствовать ожиданиям последнего (Jenkins, 2007).

Стоит заметить, что коммуникативно-интенциональные условия содержатся в основных пунктах договора, а перформативы (предложения к действию) обычно указываются в технических условиях, в дополнительных соглашениях, в приложениях к договору.

В этом случае речь идет о структуре, цвете, размере, конкретных сроках поставки определенных товаров и иных важных моментах делового соглашения, в которые возможно внести изменения: *amendments and supplements to the present Contract are valid only if made in writing and signed by duly authorized representatives* (изменения и дополнения к настоящему соглашению действительны в том случае, если они совершены в письменной форме и подписаны уполномоченными сторонами) (Бортников, Михайлова, 2017).

Перлокутивный акт в договоре не выражается. Тем не менее, иллокутивные акты, стоящие за намерением исполнителя или продавца выполнить условия настоящего делового соглашения, однозначно указывают на ожидаемую перлокуцию: *подрядчик обязуется выполнить, приступить к выполнению работ в следующие сроки, использовать предоставленные Заказчиком материалы, sellers should consider the received claim* (продавец обязуется рассмотреть полученную декламацию).

Следует отметить, что тексты соглашений на русском и английском языках имеют отличительные особенности. Как отмечает И. И. Чиронова, особое внимание следует уделить различию терминологической области «договорное право» в английском и русском языках. Как мы уже выяснили, термин договор в английском языке реализуется в следующих понятиях: *agreement* (соглашение), *contract* (контракт), *treaty* (договор), *deal* (сделка) (Чиронова, 2009). При этом в семантике слова *agreement* может отсутствовать сема «юридическая ответственность», поэтому если речь идет о «деловом соглашении»,

то принято обозначать его лексемой *treaty*. В российском законодательстве сделка является наиболее распространенной юридической формой, применяемой в различных действиях гражданского оборота, а в английском языке понятия *contract* и *deal* совпадают в значении и подчиняются требованиям, характерным для совершения договора (Чиронова, 2009).

При заключении договоров на русском языке, необходимо, чтобы стороны были согласны с каждой из упоминаемых позиций. Этим достигается локутивный речевой акт совершения делового соглашения. При подписании договоров на английском языке большую роль играет согласие сторон в совершении соглашения. При этом основные моменты сторонами могут быть приняты, а в остальных они могут отличаться. Этим в значительной мере обеспечивается перлокутивный акт, который обычно вербализуется в отдельном документе – Акте о выполнении делового соглашения (Акте о выполненных работах). Иначе говоря, важную роль играет прагматический аспект деловой речи в английском языке и вербально-семантический в русском языке. Важно отметить, что в российском законодательстве определен перечень существенных условий для подписания договора (предмет, условия выполнения договора, сроки, стоимость), а в английском законодательстве нет понятия «обязательные условия», поэтому для каждого конкретного договора они могут быть свои. Однако в большинстве деловых соглашений, как мы уже определили, основные позиции договора совпадают.

В английском языке существует условие, без которого договор не является заключенным – это доктрина *consideration*. Суть последней в том, что offerent, предлагающий заключить договор, юридически подтверждает свое обещание возместить риски, связанные с материальным или правовым ущербом в случае неудовлетворения условий договора. Встречное удовлетворение может быть достаточным и соразмерным (*adequate consideration*), символическим, несправедливым (*nominal consideration*)

или достойным, адекватным (*good consideration*). Кроме этого, встречное удовлетворение может быть получено до наступления сделки (*executed*), но имеющее ценность для обоих партнеров (компаний), вступивших в деловые отношения.

Заключение

Таким образом, нам удалось рассмотреть речеактные особенности жанра «деловое соглашение» на русском и английском языках.

Нам удалось выявить лексические и морфологические особенности составления договоров на русском и английском языках. Кроме этого, мы подробно остановились на составных пунктах договоров, проанализировали основные сходства и различия составляющих делового договора.

Речеактные особенности были выявлены в соответствии с теорией речевых актов Джона Остина. Мы подробно остановились на характеристике локутивных и иллюкутивных особенностей делового договора на русском и английском языках.

Необходимо отметить, что договор в английском законодательстве отличается условием, которое проявляется в важности совершения сделки и отрицания общепринятых пунктов договора в английском законодательстве. Также английский договор отличается значимостью встречного удовлетворения, полного, частичного или адекватного, устраивающего обоих партнеров, вступивших в деловые отношения.

Перспективы дальнейшего исследования: работа может быть продолжена более детальным рассмотрением смысловых различий в английском и русском законодательстве в области рассмотрения терминологической базы подписания деловых соглашений или деловых договоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2020. 845 с.
2. Васильева Е.А. Гражданское и торговое право зарубежных государств. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2004. Т. 1. 560 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: в 4-х ч.: текст с изм. и доп. на 1 марта 2021 г. М.: ЭКСМО, 2021. 704 с.
4. Демин А.А. Договор и соглашение: соотношение понятий // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти: ВУИТ, 2013, Вып. № 2 (78). С. 25-34.
5. Документальная лингвистика: Учебно-методическое пособие / В.И. Бортников, Ю.Н. Михайлова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 132 с.
6. Контракты на русском и английском языках: хрестоматия / Сост. Ю.В. Балыбердина. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 208 с.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986. С. 22-129.
8. Русский язык в деловой документации: Учебно-методическое пособие. / Сост. П.К. Рамазанова. Махачкала, 2017. 141 с.
9. Рябкова И.П., Кожевникова А.Н. Лингвоструктурные особенности договора в российском, американском и британском праве: сопоставительно-перевод-

- ческий аспект // Многоязычие в образовательном пространстве. 2018. № 3. С. 140-148.
10. Чиринова И.И. Сопоставительный анализ терминологической области «договорное право» в английском и русском языках // Филологические науки в МГМИМО: Сб. научных трудов. Вып. 38 (53). М.: МГМИМО-Университет, 2009. С. 120-132.
11. Jenkins H. Genre theory and implicit contracts. May 03, 2007. [Electronic resource]. URL: http://henryjenkins.org/blog/2007/05/genre_theory_and_implicit_cont.html (circulation date: 06.12.2021).
12. Wolff L. The Law of Cross-Border Business Transactions. Wolters Kluwer, 2013. 584 p.

© Ван Хайцзяо (waxia1987@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Иркутский государственный университет

АНТРОПОКОМПОНЕНТ ГЮЛ «ЦВЕТОК, РОЗА» В ТЮРКСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ

ANTHROPOCOMPONENT GUL "FLOWER, ROSE" IN TURKIC PERSONAL NAMES

N. Hajiakhmedov

A. Isaeva

A. Hajiakhmedova

Summary: The article discusses the linguistic and cultural features of simple and complex personal names with the phytonymic component of *gyol* "flower borrowed from the Persian language; rose" in Turkic languages. In accordance with the localization of the *gul* element "rose, flower," all complex-set personal names having this anthropoformant are divided into three groups: 1) names in which the anthropoformant is fixed in the preposition of complex names, 2) names in which the anthropocomponent is fixed in the postposition of complex names and 3) names in which the *gul* element is used as in The branched system of semantic relations, represented in the structure of complex personal names, is a witness that the *gul* is a symbol of beauty, grace and tenderness.

Keywords: anthroponym, personal name, anthropocomponent, Turkic languages.

Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович

Д.филол.н., профессор, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
nur1@yandex.ru

Исаева Альпият Садрутдиновна

К.филол.н., доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (г. Махачкала)
alpiat.isaeva@yandex.ru

Гаджихмедова Аида Нурмагомедовна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет) (г. Москва)
ajka13@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются языковые и культурные признаки простых и сложносоставных личных имен с заимствованным из персидского языка фитонимическим компонентом *гюл* «цветок; роза» в тюркских языках. В соответствии с локализацией элемента *гюл* «роза, цветок» все сложносоставные личные имена, имеющие данный антропоформант, разделены на три группы: 1) имена, в которых антропоформант зафиксирован в препозиции, 2) имена, в которых антропокомпонент зафиксирован в постпозиции и 3) имена, в которых элемент *гюл* используется как в препозиции, так и в постпозиции сложносоставного имени. Разветвленная система семантических отношений, представленных в структуре сложносоставных личных имен, свидетельствует о том, что *гюл* является символом красоты, изящества и нежности.

Ключевые слова: антропоним, личное имя, антропокомпонент, тюркские языки, фитофорные имена.

Актуальность изучения данной проблемы продиктована необходимостью более глубокого раскрытия богатого культурного фона и оценочной составляющей в структуре сложносоставных личных имен, включающих в свой состав антропокомпонент *гюл/гул/гуьл* «цветок; роза».

Целью исследования является выявление и описание языковых и культурных признаков сложносоставных личных имен с компонентом *гюл* «цветок; роза» в тюркских языках.

Для достижения поставленной цели предполагалось решение следующих задач: 1) выделить системно-языковые особенности сложносоставных антропонимов с компонентом *гюл* в кумыкском и других близкородственных тюркских языках на основе существующих антропонимических словарей 2) дополнить и уточнить список языковых признаков антропонимических единиц признаками культурного фона.

Научная новизна исследования заключается в материале, привлеченном для изучения сложносоставных личных имен с компонентом *гюл* «цветок; роза», а также в сравнительном изучении и комплексном подходе к исследованию данной семантической группы антропонимических единиц: описано языковое и культурное содержание данных антропонимов.

Из «цветочных» имен, представленных в антропонимических системах тюркских языков, обращает внимание лексема *гюл*, заимствованная из персидского языка. В фитофорных именах именно эта лексема чаще других используется в качестве антропокомпонента при образовании сложносоставных личных имен. Однако для обозначения цветка в кумыкском и некоторых других тюркских языках используется и слово *чечек*. Обе лексемы легли в основу создания антропонимических единиц *Гюл* и *Чечек*. Антропоним *Гюл* «цветок», несомненно, «отражает древнетюркские представления: у некоторых тюркоязычных народов «существовали весенние празд-

ники цветов, которые исследователями объясняются из культа божеств, олицетворяющих умирающую и вновь воскресающую растительность» [6, с. 233-234]. «Персидское заимствование *гюл* «цветок; роза», обладающее большим чувственным и экспрессивным потенциалом, впоследствии потеснил компонент *чечек* женских личных имен. Антропокомпонент *гюл* стал широко употребляться в тюркских женских именах, укрепляя исторически проявившуюся тенденцию к вовлечению растительных образов в антропонимическую систему» [2, с. 96].

Оба фитонима — *гюл* и *чечек* — образовали в кумыкском языке и в ряде других тюркских языков сложно-составное имя *Гюлчечек/Гулчичак*. В кумыкском языке антропокомпонент закреплен в препозиции сложно-составного имени. В турецком языке позиция антропокомпонента в данном цветочном имени не закреплена: *Gülçiçek — Çiçekgül*.

Гюл «цветок; роза» самостоятельно как личное имя во многих тюркских языках не используется: в кумыкском языке это имя сохранилось только в фамилии *Гюлев*. Антропоним *Чечек* «цветок» в кумыкском языке встречается в качестве самостоятельного личного имени значительно реже. Наиболее популярным и часто встречающимся в структуре кумыкских сложносоставных имен элементом, отражающим эмоциональный, ласкательный оттенок, является слово *гюл* «цветок; роза».

Антропокомпонент *гюл* «роза» часто встречается в сложносоставных женских именах у каракалпаков [1, с. 138] и туркмен [8, с. 77-78]. Широко распространен он у казахов [9, с. 75]; 7, с. 35-37], татар [4], кумыков [2; 3] и киргизов. «В эпитетах сложных женских имен отражаются национальные черты народа, его отношение к женщине» [1, с. 139].

Производных одноосновных имен, образованных от онима *гюл* «цветок; роза», посредством словообразовательных и формообразовательных аффиксов, в тюркских языках немного: кумык. *Гюллю*, турец. *Güllü*, татар. *Гуллу/Гуллу* (аффикс обладания *-лы, -ли, -лу, -лю*) «цветочная», кумык. *Гюллер/Гуллар* «цветы», турец. *Güller* (форма множественного числа от *гюл/gül*), татар. *Гулдай* «подобная цветку, словно цветок» (сравнительная форма онима *гюл/гюл*). В казахском именнике мы обнаружили редупликатив *Гулгул/Гульгул* «много цветов». Простая форма женского личного имени *Гуля*, образованная от хорошо усвоенного тюркскими языками персидского слова *гул* «роза; цветок», встречается во многих тюркских языках.

Форма 1-го лица единственного числа закрепилась в качестве самостоятельного имени в следующих простых и сложносоставных антропонимах с компонентом *гул* «роза; цветок»: кумык. *Гюлюм*, казах., кирг., каракалп.

Гулим, турец., узб. *Gülim* (*гул* «роза, цветок» + аффикс 1-го лица единственного числа *-им*) «мой цветочек; моя розочка»), азерб. *Гюльсевим* (*гюл* «роза, цветок» + *сев* «милая» + аффикс 1-го лица единственного числа *-им*) «мой (милый) цветочек; моя розочка»; узб. *Гулойим* (*гул* «цветок» + *Ой/Ай* «Луна» + аффикс 1-го лица единственного числа *-ым*) «мой лунный цветок»; казах. *Акгулим* (*ак* «белый», который является символом чистоты и непорочности + *гул* «роза; цветок» + аффикс 1-го лица единственного числа *-им*) «мой белый цветочек»; азерб. *Гюльсевим* (*гюл* «роза, цветок» + *сев* «любимый» + аффикс 1-го лица единственного числа *-им*) «мой белый цветочек».

Показатель принадлежности может присоединяться и к первому компоненту сложносоставного имени: казах. *Гулимжан* (*гул* «роза, цветок» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-им* + *жан* «душа») «мой душевный цветок», казах. *Гулимхан* (*гул* «роза, цветок» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-им* + *хан* «княгиня») «мой дорогой (досл. княжеский) цветок» и т.п.

Аффикс принадлежности может не только присоединяться к антропокомпоненту *гул* «роза, цветок», но и к определяющим его другим компонентам сложносоставного имени в какой бы позиции антропонима они не употреблялись:

- а) в препозиции по отношению к антропокомпоненту *гул* «роза, цветок»: казах., туркм. *Айымгул*, узб. *Ойимгул* (*Ай/Ой* «Луна» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-ым/-им* + *гул* «цветок, роза») «мой лунный цветок», *Жанымгул* (*жан* «душа» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-ым* + *гул* «роза, цветок») «мой душевный цветок»; татар. *Гулимбика* (*гул* «цветок, роза» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-им* + *бика* «девушка; дама, госпожа», татар. *Гулимнур* (*гул* «цветок, роза» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-им* + *нур* «сияние, луч») «мой лучезарный цветок»;
- б) в постпозиции по отношению к антропокомпоненту *гул* «цветок, роза»: казах., туркм., узб. *Гулайим* (*гул* «роза, цветок» + *Ай* «Луна» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-ым*) «мой лунный цветок»; казах. *Гулназым* (*гул* «роза, цветок» + *наз* «кокетство» + аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-ым*) «мой кокетливый цветок»; азерб. *Гюльсевим* (*гюл* «роза, цветок» + *сев* «милая; прекрасная» + аффикс принадлежности *-им*) «мой милый цветочек».

Значительно реже встречаются личные имена с показателем 3-го лица единственного числа, который может присоединяться как к антропокомпоненту *гул* «роза, цветок» (*Гулинар, Гулирайхон, Гулижан, Гулхон Гулияр, Гулюсар, Гулюстан*), так и к определяемому антропоком-

поненту имени (*Жазыгуль, Гюлалы, Гулбаги, Гулджани*).

Показатель принадлежности может употребляться как в первой, так и во второй части сложносоставного имени: *Гулназы* (*гул* «роза, цветок» + *наз* «кокетство» + афф. принадлежности 3-го лица единственного числа *-ы*) «(его/ее) кокетливый цветок», *Жаныгул* (*жан* «душа» + афф. принадлежности 3-го лица единственного числа *-ы* + *гул* «роза, цветок») «(его/ее) душевный цветок», *Жазыгул* (*жаз* «весна» + афф. принадлежности 3-го лица единственного числа *-ы* + *гул* «роза, цветок») «(его/ее) весенний цветок».

Среди сложносоставных имен встречаются не только двухкомпонентные, но и трехкомпонентные антропонимы: *Айгулжан* (*Ай* «Луна» + *гул* «роза, цветок» + *жан* «душа») «душевный лунный цветок», *Гулайхан* (*гул* «роза, цветок» + *Ай* «Луна» + *хан* «госпожа») «красивая как роза лунная госпожа», *Гулбаниниз* (*гул* «цветок; роза» + *бани* «госпожа» + *наз* «нежность») «нежная госпожа-цветок», *Гулнорахон* (*гул* «роза, цветок» + *нор* «гранат» + *хон* «госпожа») «красивая как гранатовый цветок», *Гулдархан* (*гул* «роза, цветок» + *дар* руководитель: руководитель страны, правитель; предводитель; хозяин + *хан* «госпожа») «красивая как цветок, роза госпожа-руководитель».

Антропокомпонент *гул* «роза, цветок» может обрамлять личное имя с двух сторон: казах., кирг. *Гулширингул* (*гул* «роза, цветок» + *ширин* «сладкая» + *гул* «роза, цветок»), турец. *Gülpikegül* (*gül* «роза, цветок» + *pik* «госпожа» + *gül* «роза, цветок») «красивая как роза госпожа».

Таким образом, в тюркских языках представлены как простые, так и сложносоставные личные имена с компонентом *гул* «роза, цветок». Они образуются морфологическим способом и сложением основ без аффиксации и с аффиксацией.

По месту локализации антропоформанта *гул* «роза, цветок» все сложносоставные личные имена делятся на три группы: 1) сложносоставные имена с фиксированным постпозитивным антропокомпонентом *гул*; 2) сложносоставные имена с фиксированным препозитивным антропоформантом *гул* и 3) сложносоставные имена с препозитивной и постпозитивной локализацией антропокомпонента *гул*.

Цветочные имена со сложной структурой в тюркских языках можно распределить по семантическим классам. Рассмотрим эти семантические классы личных имен с компонентом *гул* «роза, цветок» в связи с комбинаторикой составляющих сложное имя компонентов.

Антропокомпонент *гул* используется исключительно в постпозиции в следующих именах, в которых определяющий компонент выражен фитонимом: кумык. *алма*

«яблоко, яблоня» + *гул* «цветок; роза» > *Алмагул* (досл. яблоневоый цветок); башк. *зайтун* «олива» + *гул* «цветок; роза» > *Зайтунгул* «оливковый цветок», азерб. *heyva* «айва» + *gul* «цветок; роза» > *Heyvagul* «айвовый цветок». Эти фитонимы используются в сложносоставных антропонимах только в препозиции. Позиция антропокомпонента *gül* «цветок» в имени, образованном от онима *elma* «яблоня», в турецкой антропонимической системе не ограничена: *Elmagül* (*elma* «яблоня» + *gül* «цветок») — *Gülelma* (*gül* «цветок» + *elma* «яблоко»), а в именах *Lalegül* (*lale* «тюльпан» + *gül* «цветок») «красивая как тюльпан», *Gençegül* (*gençe* «последыш» + *gül* «цветок; роза») позиция антропокомпонента ограничена.

Следующие фитонимические названия в некоторых тюркских языках используются как в препозиции, так и в постпозиции сложносоставных имен с компонентом *гул* «цветок; роза»: *нар* «гранат», *жузум* «виноград», *жемис* «ягодка; фрукт», *бодом* «миндаль». Например: азерб., кумык. *Наргул* — *Гюлнар* «гранатовый цветок»; турец. *Bademgül* — *Gülbadem*, казах., кирг. *Жузумгул* — *Гулжузум* «виноградный цветок», казах. *Жемисгул* — *Гулжемис* «цветочно-фруктовый букет», узб. *Бодомгул* — *Гулбодом* «цветок миндаля», *Бақшагул* — *Гулбақша* «садовый цветок»; казах. *Райхангуль* — *Гульрайхан* «цветок базилика».

В кумыкском языке мы не обнаружили одновременное использование антропоформанта *гул* «цветок; роза» в препозиции и постпозиции сложносоставных имен с фитонимическим компонентом.

В следующих именах элемент *гул* «цветок; роза» используется только в препозиции сложносоставных имен с фитонимическим компонентом: кумык., татар. *Гюлшат* (*гул* «роза, цветок» + *шат* «радостный») «жизнерадостная», татар., казах. *Гулрайхан* (*гул* «роза, цветок» + *райхан* «базилик»).

Трудно согласиться с мнением Р.С. Кадырова, который считает, что имя *Nargül* в турецком языке относится к «группе имен, в которых элемент *gül* «роза, цветок» находится только в постпозиции» [5]. Собранный нами фактический материал турецкого языка свидетельствует о том, что комбинаторика онимов *нар* «гранат» и *гул* «роза, цветок» в создании сложных имен не ограничена позицией того или иного компонента: в турецком антропонимиконе легко найти имена *Nargul* и *Gulnar*.

Рассматриваемый биоморфный код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами. Фруктовые деревья, которые используются в качестве номинации личных имен, цветут красиво, а фрукты имеют приятный запах, сладкий вкус, красивый и нежный вид, что и послужило основой для номинации личных имен.

В следующих сложносоставных антропонимах, выра-

жающих пространственные отношения, антропокомпонент *гул* «роза, цветок» используется:

- а) только в препозиции: кумык. *Гюлбав* (*гюл* «цветок» + *бав* «сад») «цветочный сад», *Гюлбахча* (*гюл* «роза, цветок» + *бахча* «бахча») «бахча роз, цветов», казах. *Гулмайдан* (*гул* «роза, цветок» + *майдан* «поляна») «цветочная поляна», казах. *Гулжазира* (*гул* «роза, цветок» + *жазира* «широкий простор, широкая степь»);
- б) только в постпозиции: кирг. *Тенизгул* (*тениз* «море» + *гул* «цветок; роза») «морской цветок», башк. *Таугул* (*тау* «гора» + *гул* «цветок; роза») «горный цветок», башк. *Уралгул* (*урал* «уральский» + *гул* «цветок; роза») «уральский цветок», казах. *Ватангул* (*ватан* «родина» + *гул* «цветок; роза») «цветок отечества», кирг. *Кыргызгул* (*кыргыз* «кыргызский» + *гул* «цветок; роза») «кыргызский цветок»; татар. *Давлетгул* (*давлет* + *гул* «роза, цветок»);
- в) в препозиции и постпозиции: азерб., казах., татар. *Багдагул* — *Гюлбагда* «садовый цветок»; кирг. *Гульдарья* — *Дарьягул* «морской цветок».

Семантическую группу сложносоставных личных имен с антропокомпонентом *гюл/гул*, выражающую временные отношения между компонентами, составляют следующие имена: казах. *Жазгул* (*жаз* «весна» + *гул* «цветок; роза») «весенний цветок», казах, кирг. *Жайлыгул* (*жайлы* «летний» + *гул* «роза, цветок») «летний цветок», кирг. *Омургул* (*омур* «жизнь» + *гуль* «роза, цветок») «жизненный цветок», *Тангул* (*тан* «заря» + *гул* «роза, цветок») «утренний цветок». Антропокомпонент используется только в постпозиции.

Названия метеорологических и природных явлений отмечены в личных именах, в которых антропокомпонент занимает постпозицию: турец. *Tangül*, татар. *Тангул* (*танг* «заря» + *гул* «цветок») «утренний цветок» (родилась на заре), татар. *Бурангул* (*буран* «буран» + *гул* «роза, цветок») «родился во время бурана», казах. *Жайсангул* (*жайсан* «теплый летний дождь» + *гул* «роза, цветок») «благородный цветок», башк. *Аязгул* (*аяз* «чистый, прозрачный, ясный» + *гул* «роза, цветок»).

В роли первого компонента «цветочных» имен используются субстантивы, указывающие на отношение к разным металлам. Общeturкское слово *алтын* «золото, золотой» + *гюл* «цветок» > *Алтынгюл* «золотой цветок», *инжи* «жемчуг» + *гюл* «цветок» > *Инжигюл* «жемчужный цветок», узб. *кумус* «серебро» + *гул* «цветок» > *Кумусгул* «серебряный цветок», *темир* «железо» + *гул* «цветок» > *Темиргул* «железный цветок». Антропокомпонент используется только в постпозиции сложносоставных имен.

Отношение к небесным светилам представлены в следующих именах, образованных от онимов *Ай* «Луна»,

Гюн «Солнце», *Юлдуз* «звезда», *Зухра* «Венера» в разных фонетических вариантах:

- а) общeturкских сложносоставных именах, в которых антропокомпонент *гул* используется в препозиции и постпозиции: азерб. *Айгюл* и *Гюлай* (*Ай* «Луна» + *гюл* «цветок») «лунный цветок, лунолика, луноцвет»; казах. *Айымгул* и *Гулайым* (*Ай* «Луна» + афф. -ым + *гуль*), турец. *Gülgün* (*gül* + *gün* «солнце») «солнечный цветок»;
- б) в именах кирг., казах. *Жылдызгул/Жулдызгул* (*жылдыз* «звезда» + *гул* «цветок») «звездный цветок», казах. *Гулзухра* (*гул* «цветок» + *Зухра* «Венера») позиция антропокомпонента ограничена: он используется только в препозиции. Эти имена хранят следы поклонения древних тюрков небесным светилам.

Названия важнейших мусульманских праздников отражены и в «цветочных» личных именах: а) антропокомпонент *гул* используется как в первой, так и во второй части следующих имен: казах., кирг. *Байрамгул* — *Гульбайрам* «праздничный цветок», узбек. *Наурузгул* — *Гулнауруз* «праздник весны»; б) антропокомпонент используется только во второй части сложных имен: кирг. *Оразгул* «постный цветок», кумык., казах. *Жумагул* «пятничный (праздничный) цветок»; кирг., казах. *Тойгул* «свадебный цветок»; каракалп., казах. *Курбангул* «жертвенный цветок».

Сложносоставные личные имена с компонентом *гул* репрезентируют родственные отношения. Антропокомпонент может находиться: а) только в инициальной части сложного имени: кумык. башк. *Гюлкыз* «цветку подобная», азерб. *Абугул* «отцовский цветок», б) только во второй части сложносоставного имени: азерб., кумык. *Генжегюл* «генже «последний ребенок» + *гюл* «роза, цветок»; в) в обеих частях сложного имени: турк. казах. *Бибигул* — *Гулбиби* «цветок сестры», казах. *Балагул* — *Гулбала* «ребенок, подобный цветку», кирг., туркм., турец. *Анагул* — *Гулана* «мамин цветок», туркм. *Гульбаба* — *Бабагуль* «папин цветок».

Личных имен с колоративами в тюркских языках достаточно много. В сложносоставных именах чаще всего встречаются следующие колоративы: *кызыл/гызыл* «красный», *ак* «белый», *кара* «черный», *сари* «желтый», *ал* «алый», *ала* «пестрый, разноцветный», *боз* «бурый»: казах. *Акгул* «белый цветок», *Акгулим* «мой белый цветок», *Кызылгул/Гызылгул* «красная роза», турец. *Sarıgül* (*sarı* «желтый» + *gül* «роза, цветок») «желтая роза». Локализация колоронима *sarı* «желтый» в турецком языке не ограничена позицией в составе сложного имени: турец. *Sarıgül* — *Gülsarı*.

Сложносоставные имена с формантом *гул* «роза, цветок» пестрят религиозными компонентами. Религиозный

компонент в таких именах в основном находится перед антропокомпонентом *гул*: *Исламгул* «цветок ислама», кумык. *Жумагул* «праздничный цветок», *Айтгул* «праздничный цветок», башк. *Имангул* «цветок веры», *Гулаят* (*гюл* «роза, цветок» + *аят* «стих Корана»), *Гюлженнет*, *Гюлжанат* «райский цветок», казах. *Танригул* «цветок Всевышнего», татар. *Аджигул* «цветок полонника» и др.

В составе имен данной лексико-семантической группы встречаются личные имена пророка, его сподвижников, родственников, религиозных деятелей: кумык. *Гюлмагьаммат* «цветок Мухаммада», *Гулали* «цветок халифа», *Гулзайнаб/Гулзейнеп* «красивая как роза Зайнаб», *Гулпатимат/Гулбатима* «красивая как роза Патимат», *Гулмариям* «красивая как роза сподвижница пророка Исы», *Гулхадидиша* «красивая как роза Хадиджат (жена пророка Мухаммада)». Антропокомпонент занимает препозицию по отношению к личному имени.

Среди имен рассматриваемой семантической группы много эпитетов, указывающих на внешние (а) и внутренние (б) качества человека, большой популярностью пользуются имена:

- а) кумык. *Гюлбет* (*гюл* «роза» + *бет* «лицо») «лицо, подобное розе», *Гюлгёз* (*гюл* «роза, цветок» + *гёз* «глаз») «цветочные глаза», *Эркегюл* (*эрке* «разбалованная» + *гюл* «роза, цветок»), *Назикгюл* (*назик* «нежная» + *гюл* «роза, цветок») «нежная роза», *Тазагул* (*таза* «чистая» + *гул* «роза, цветок»), *Арувгюл/Аругул* (*арув/ару* «красивая» + *гюл* «роза, цветок») «красивый цветочек», *Сарагюл* (*сара* «лучшая, отборная, высокого качества» + *гюл* «роза, цветок») «лучший цветок», *Гюлшат* (*гюл* «роза, цветок» + *шат* «радостная») «радостная роза», *Гюлжамал* (*гюл* «роза, цветок» + *жамал* «красивая») «красавица»;
- б) *Арзугюл* (*арзу* «желание, желанный» + *гюл* «роза, цветок») «желанный цветок», *Нурлугуль* (*нур* «свет, сияние» + афф. обладания *-лу* + *гюл* «роза, цветок») «сияющий цветок», *Назлыгуль* (*назлы* «кокетливая, игривая» + афф. обладания *-лы* + *гул* «роза, цветок») «игривый цветок», *Насипгул* (*насип* «счастье» + *гул* «роза, цветок») «счастливый цветок», *Бактыгюл* (*бакъты* «счастье» + *гюл* «роза, цветок») «счастливая роза»; *Шаттыкгул* (*шаттык* «радость» + *гул* «роза, цветок») «радостный цветочек», *Кутлыгюл* (*кутлы* «счастливая» + *гюл* «роза, цветок») «счастливый цветок», *Жаксыгул* (*жахшы* «хороший, красивый» + *гул* «цветок») «красивый цветок», *Балгул* (*бал* «мед» + *гул* «роза, цветок») «медовый цветок», *Гюлайбат* (*гюл* «роза, цветок» + *айбат* «счастливая») «счастливая роза» и др.

В «цветочных» личных именах можно обнаружить

достаточно много дезидеративов. В тюркских языках много личных имен, содержащих суеверные представления людей. Так, в семьях, в которых часто умирали дети, новорожденным с целью обмануть «нечистую силу», давали имена-обереги: *Тураргул* (*тур* «остаться» + афф. будущего некатегорического времени *-ар* + *гул* «роза, цветок») досл. «останется цветок», *Турсунгул* (*тур* «остаться» + афф. повелительного наклонения *-сун* + *гул* «роза, цветок») досл. «пусть останется цветок», *Ольмесгул* (*олмес* повелительная форма глагола *оьл* «умирать» в отрицательной форме + *гул* «цветок», *Яшагюл* (повелительная форма глагола *яша* + *гул* «цветок, роза», казах. *Гулболсын* (*гул* «цветок, красота, изящество» + *болсын* «пусть будет») «пусть цветку будет подобна!», *Калгул* (*кал* «останься»: форма повелительного наклонения) + *гул* «цветок, роза») досл. «оставайся цветок» и др. Как видим, разветвленную систему личных имен образуют сложно-составные имена с глагольным компонентом, в которых антропокомпонент *гул* «цветок, роза» занимает постпозицию.

Сложносоставных личных имен с постпозитивным глагольным антропокомпонентом в тюркских языках немного: *Гюлберди* (*гюл* «цветок, роза» + форма прошедшего категорического времени *берди* «дал»), *Гюлтай* (*гюл* «цветок, роза» + *тай* «уйди») досл. «уйди цветок». Имя *Гюлтай* (досл. уйди цветок) является дезидеративом. Это имя давали в семьях, где рождались одни девочки.

В башкирском языке мы обнаружили лишь одно имя, в котором антропокомпонент *гюль* употребляется как в препозиции, так и в постпозиции сложновербального имени: *Тамангул* (*таман* «хватит» + *гул*) — *Гултаман* (*гул* + *таман* «хватит, достаточно»). Эти имена-пожелания получили метафорическое переосмысление «девочек достаточно». Они давались с пожеланием иметь сына после рождения нескольких девочек. К таким именам относятся и личные имена *Гулбес* (*гюл* «роза + бес «хватит, достаточно») «девочек достаточно». *Гултаман* (*гюл* «роза, цветок» + *таман* «достаточно, хватит») «девочек достаточно».

Таким образом, в тюркских языках широко представлены сложносоставные личные имена с антропокомпонентом *гюл* «цветок; роза». Функциональную предназначенность большинства рассматриваемых имен следует определить, как наилучшие пожелания родителей ребенку вырасти красивым, здоровым, крепким и пожелания родителей самим себе. Все эти имена выражают красоту, изящество, сладость, нежность. Цветы, представляющие собой в народном сознании эталон красоты, привнесли в ономастические системы тюркских языков культурную семантику: женщина должна быть прекрасной и привлекательной как цветы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Элемент *гюл* «цветок роза» в составе каракалпакских женских имен // Ономастика Средней Азии. - М., 1978.
2. Гаджихмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. - Махачкала: ООО Дагпресс Медиа, 2008.
3. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь личных имен кумыков. Более 5000 имен. —Махачкала, 2018. — 330 с.
4. Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте. Казань, 2009
5. Кадыров Р.С. Фитофорные имена в турецкой антропонимике // Научный вестник Крыма. — 2020. — №. 6 (29).
6. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. - М., 1976.
7. Оразбаева Э.Б., Ниятбайтеги К.А. Об особенностях семантики казахских женских личных именах // General question of world science. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference. 2019. — С. 35-37.
8. Сапарова Г. Женская антропонимия туркмен Хасарли. - Антропонимика. М., 1970.
9. Султаньяев О.А. Об основах положительной экспрессии в казахских именах. — Антропонимика. М., 1970.

© Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович (nur1@yandex.ru), Исаева Альпият Садрутдиновна (alpiat.isaeva@yandex.ru),
Гаджихмедова Аида Нурмагомедовна (ajka13@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ч. ДИККЕНСА "THE POSTHUMOUS PAPERS OF THE PICKWICK CLUB")

FEATURES OF THE TRANSLATION OF ENGLISH SPACE INTO RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE ROMAN CH. DICKENS "THE POSTHUMOUS PAPERS OF THE PICKWICK CLUB")

**I. Gerasimenko
A. Burdina**

Summary: The article is devoted to the difficulties of conveying of English low colloquialisms in its translation into Russian, which have so far been marginalized both in linguistics and in translation theory. The research topic contributes to understanding the necessity of a more detailed study of the composition of English low colloquialisms in order to identify the most suitable methods of translation. The aim of the study is to study the most frequent techniques and determine the appropriateness of their use.

Keywords: English low colloquialism, translation techniques, equivalence, assimilation, omission.

Герасименко Ирина Владимировна

*К.филол.н., доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
gerasim001@mail.ru*

Бурдина Анастасия Григорьевна

старший преподаватель, Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

Аннотация: Статья посвящена сложностям передачи английского просторечия при его переводе на русский язык, которым до сих пор уделялось мало внимания как в лингвистике, так и в теории перевода. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более детального изучения состава просторечной лексики с целью выявления наиболее подходящих приемов перевода. Целью исследования является изучение наиболее частотных приемов и определения уместности их использования.

Ключевые слова: английское просторечие, приемы перевода, эквивалентность, уподобление, опущение.

Введение

Под переводом подразумевают точное воспроизведение исходного текста, источника информации. Важным условием при этом является необходимость сохранения единого смысла, содержания и стиля изложения информации. С.В. Тюленев трактует перевод как «вид языковой деятельности человека, в процессе которого благодаря специальной обработке текста, существующего на одном языке, создается текст, репрезентирующий его на языке перевода» [Тюленев, 2004: 9–10]. Э.Г. Азимов и А.Н. Шукин определяют перевод как «вспомогательный вид речевой деятельности, в процессе которой осуществляется передача содержания текста средствами другого языка; преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении смысла этого произведения» [Азимов, Шукин, 2009: 193]. Л.С. Бархударов интерпретирует перевод как «межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке» [Бархударов, 1975: 5]. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова предлагает следующее толкование понятия перевод: «Передача

информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка» [Ахманова, 1966: 304]. В.С. Виноградов также дает несколько определений данного понятия, среди которых под переводом понимают «вызванный общественной необходимостью процесс и результат передачи информации (содержания), выраженных в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного текста на другом языке» [Виноградов, 2001: 14].

В переводе, как и в любой деятельности, переводчик сталкивается с различными трудностями и приспосабливается к условиям работы. По мнению Р.К. Миньяра-Белоручева «к факторам, осложняющим работу переводчика, относятся:

1. Повышенное влияние формальных и семантических компонентов исходного речевого произведения на переводчика. Отсюда – значительное число буквальных переводов и даже буквализмов у начинающих переводчиков.
2. Письменное оформление перевода, фиксирующее все смысловые и стилистические ошибки переводчика.

Последний фактор приводит к тому, что многие даже высококвалифицированные устные переводчики показывают слабые результаты в письменном переводе» [Миньяр-Белоручев, 1980: 156].

Стоит заметить, что в процессе любого перевода устного или письменного возникает проблема передачи конкретного содержания, которое представлено при помощи средств одного языка, прибегая к возможностям другого. Однако по ряду причин, а именно вследствие различий между системами исходного языка и языка перевода, определенных особенностей создания текстов на каждом из языков, а также условий и целей осуществления перевода в конкретной ситуации, сохранение неизменного плана содержания может быть лишь относительным, т.е. часть значений текста оригинала теряется в процессе перевода.

Также немаловажную роль играют традиции и обычаи нации, ее история и территориальные особенности. Это и приводит к невозможности точного перевода. Поэтому главной задачей переводчика становится выбор наиболее подходящего способа перевода с целью передачи эмоционально-стилистической окраски текста и сохранения неизменного плана содержания.

Л.С. Бархударов отмечает, что «основная проблема, с которой сталкивается переводчик при передаче референциальных значений, выражаемых в исходном тексте, – это несовпадение круга значений, свойственных единицам иностранного языка и языка перевода. Не существует двух различных языков, у которых смысловые единицы – морфемы, слова, устойчивые словосочетания – совпадали бы полностью во всем объеме своих референциальных значений. Хотя сами выражаемые значения («понятия») в большинстве своем совпадают, но способы их выражения – их группировка, членение и объединение, их сочетание в пределах одной формальной единицы (или нескольких единиц), как правило, в разных языках расходятся более или менее радикальным образом» (см. об этом подробнее: [Бархударов, 1975: 73].

Но, тем не менее, существуют языковые единицы, перевод которых очень затруднен в силу их существования только в языке оригинала, ярким примером в данном случае выступают просторечия. Вопрос о переводе английских просторечий в настоящее время открыт, поскольку существует большое количество точек зрения относительно того, что включает в себя английское просторечие, и как его следует переводить. Невозможно создать универсальный перечень приемов перевода, поскольку необходимость и правильность их использования субъективны. Это значительно затрудняет процесс перевода и требует понимания не только возможностей, но и ограничений, связанных с существующими

методами перевода безэквивалентной лексики.

С целью изучения особенностей и приемов передачи английского просторечия при переводе на русский язык, мы обратились к роману Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» [1]. Данный роман пронизан остроумием, повлиявшим на оригинальность национального характера и образа мышления, известного в мире, как «английский юмор» и является романом о клубе путешественников по Англии и наблюдающих «человеческую природу», в котором ярко проявляется языковая специфика различных социальных слоев населения английского общества.

Исследование текста романа

При помощи метода сплошной выборки мы выявили просторечия и рассмотрели способы перевода языковых единиц, сигнализирующих о социальном статусе человека, к которым прибегали в своей работе А. Кривцова и Е. Ланн, которые для большей репрезентативности и наглядности материала были нами представлены в виде таблицы (Таблица 1).

На основе проанализированного материала мы выяснили, что наиболее частотным способом перевода в этом коллективе авторов является приблизительный и контекстуальный способы перевода, они составляют 68% и 23% исследуемых случаев соответственно. Остальные способы перевода обладают следующими процентными характеристиками: семантический неологизм – 10%, полукалька – 13%, функциональный аналог – 3%, калька – 13%.

Кривцова и Е. Ланн в своем переводе романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», для сохранения формы и содержания специфических реалий, предпочли применить такие способы, как приблизительный и контекстуальный перевод в большинстве случаев.

Мы также выявили способы перевода языковых единиц, сигнализирующих о социальном статусе человека, к которым прибегали в своей работе А. Горнфельд и Г. Шпет, также представленные в виде таблицы 2.

Проанализировав исследуемый материал, мы выявили два наиболее частотных способа перевода реалий в данном коллективе авторов: приблизительный – 58% и опущение – 25%. Остальные способы перевода имеют следующее процентное соотношение: семантический неологизм – 6%, контекстуальный – 13%, полукалька – 6%, функциональный аналог – 10%. Случаев полного сохранения текста оригинала не выявлено.

Отличительными особенностями работы коллектива переводчиков Горнфельда и Г. Шпета являются исполь-

Таблица 1.

Ч. Диккенс	Перевод А. Кривцовой и Е. Ланна	Способ перевода
Go to work (Dickens: 13).	За дело (Кривцова, Ланн: 18).	Приблизительный
Ain't you, though--ain't you? (Dickens: 14).	Так, значит, не шпионы?(Кривцова, Ланн: 19)	Контекстуальный
Damn that boy (Dickens: 210).	Несносный мальчишка (Кривцова, Ланн: 67).	Приблизительный
Thank'ee (Dickens: 30).	Благодарю вас (Кривцова, Ланн: 31).	Калька
d'ye hear? (Dickens: 64)	слышишь? (Кривцова, Ланн: 75)	Калька
Give the gen'lm'n the ribbons (Dickens: 69).	Поддай джентльмену вожжи (Кривцова, Ланн: 80).	Калька
'jst kitch hold on him (Dickens: 69).	Придержи-ка ее (Кривцова, Ланн: 80).	Функциональный аналог, Приблизительный
T'other side, sir, if you please (Dickens: 69).	С этой стороны пожалуйста, сэр (Кривцова, Ланн: 80).	Приблизительный
Let 'em go (Dickens: 70).	Пошел! (Кривцова, Ланн: 82)	Приблизительный
Blowed if the gen'lm'n worn't a-gettin' up on the wrong side (Dickens: 69).	Провалиться мне на этом месте, если джентльмен не собирался влезть не с той стороны (Кривцова, Ланн: 81).	Приблизительный
No, 'tain't (Dickens: 73).	Плохая (Кривцова, Ланн: 85).	Контекстуальный
'I'm afeerd on it (Dickens: 73).	Боюсь (Кривцова, Ланн: 85)	Приблизительный, Семантический неологизм
I woan't have nothin' to say to 'un (Dickens: 73).	Не о чем тут толковать (Кривцова, Ланн: 86).	Приблизительный, Семантический неологизм
I'm sure ye did (Dickens: 74).	Ясное дело украли (Кривцова, Ланн: 87).	Контекстуальный
Reg'lar good land that (Dickens: 78).	Прекрасный участок (Кривцова, Ланн: 92).	Приблизительный
Father—devil (Dickens: 91).	Отец... дьявол (Кривцова, Ланн: 94).	Калька
Beautiful morning, ain't it? (Dickens: 92)	Чудесное утро, не правда ли? (Кривцова, Ланн: 95)	Полукалька
Ah, ah! --stupid!--'Now, butterfingers!--'Muff!--'Humbug' (Dickens: 102).	«Ах, ах! глупо!», «Дырявые руки», «Растяпа», «Хвастун» (Кривцова, Ланн: 104).	Приблизительный, Семантический неологизм, Конекстуальный
I knows I has (Dickens: 113).	Да, это я знаю (Кривцова, Ланн: 116).	Контекстуальный
a-kissin' and huggin'-- (Dickens: 114).	целовал и обнимал... (Кривцова, Ланн: 117).	Полукалька
Here's your fare (Dickens: 13).	Получите (Кривцова, Ланн: 19).	Приблизительный
Mars by day, Apollo by night—bang the field-piece, twang the lyre (Dickens: 17).	Марс Днем, Аполлон ночью – грохот орудий, бряцание лиры (Кривцова, Ланн: 23)	Полукалька, Приблизительный
The stranger pilgrims' feet wore away the old steps (Dickens: 19).	Древние ступени стерты ногами пилигримов (Кривцова, Ланн: 25).	Приблизительный
Suit me excellently, five precisely--till then--care of yourselves (Dickens: 20).	Очень удобно, – ровно в пять – а пока всего хорошего (Кривцова, Ланн: 26).	Приблизительный
Beg your pardon, sir (Dickens: 22).	Прошу прощения, сэр (Кривцова, Ланн: 29).	Приблизительный
I want your assistance, my dear fellow, in an affair of honour (Dickens: 34).	Дорогой друг, мне нужна ваша помощь в деле чести (Кривцова, Ланн: 41).	Приблизительный
Pray be quiet (Dickens: 38).	Успокойтесь (Кривцова, Ланн: 46).	Приблизительный, Контекстуальный
I honour your gallantry (Dickens: 39).	Я высоко ценю вашу храбрость (Кривцова, Ланн: 47).	Приблизительный
Permit me to say, Sir (Dickens: 292).	И позвольте мне сказать, сэр (Кривцова, Ланн: 298).	Приблизительный
I shall feel proud of your acquaintance, Sir (Dickens: 39).	Я польщен знакомством с вами, сэр (Кривцова, Ланн: 47).	Приблизительный
Will you allow me to ask you, sir (Dickens: 210).	Разрешите вас спросить, сэр (Кривцова, Ланн: 229).	Полукалька, Приблизительный

Таблица 2.

Ч. Диккенс	Перевод А. Горнфельда и Г. Шпета	Способ перевода
Go to vork (Dickens: 13).	За дело (Горнфельд, Шпет: 18).	Приблизительный
Ain't you, though--ain't you?(Dickens: 14)		Опущение
Damn that boy (Dickens: 58).	Несносный малый! (Горнфельд, Шпет: 50)	Приблизительный
Thank'ee (Dickens: 30).		Опущение
d'ye hear? (Dickens: 64)		Опущение
Give the gen'lm'n the ribbons (Dickens: 69).		Опущение
'jst kitch hold on him (Dickens: 69).		Опущение
T'other side, sir, if you please (Dickens: 69).	Извольте зайти с той стороны, сэр (Горнфельд, Шпет: 57).	Контекстуальный,
Приблизительный		
Let 'em go (Dickens: 70).	Пошел! (Горнфельд, Шпет: 58)	Приблизительный
Blowed if the gen'lm'n worn't a-gettin' up on the wrong side (Dickens: 69).	Черт меня побери, если этот джентльмен не свалится! (Горнфельд, Шпет: 57).	Приблизительный, Контекстуальный, Функциональный аналог
No, 'tain't (Dickens: 73).	Скверная (Горнфельд, Шпет: 57).	Контекстуальный
I'm afeerd on it (Dickens: 73).	Я боюсь (Горнфельд, Шпет: 57).	Приблизительный, Семантический неологизм
I woan't have nothin' to say to 'un (Dickens: 73).		Опущение
I'm sure ye did (Dickens: 74).	Я в этом уверен (Горнфельд, Шпет: 59).	Приблизительный
Reg'lar good land that (Dickens: 78).		Опущение
Father—devil (Dickens: 91).		Опущение
Beautiful morning, ain't it? (Dickens: 92)	Что за утро! Не правда ли? (Горнфельд, Шпет: 77)	Приблизительный
Ah, ah! -- stupid'--'Now, butterfingers'--'Muff'--'Humbug' (Dickens: 102).	О, о! – дурак – ротозей мазила пентюх! (Горнфельд, Шпет: 86)	Приблизительный, Семантический неологизм
I knows I has (Dickens: 113).	Это я знаю! (Горнфельд, Шпет: 97)	Приблизительный
a-kissin' and huggin'--(Dickens: 114).	целовал и обнимал... (Горнфельд, Шпет: 98)	Полукалька
Here's your fare (Dickens: 13).	Получите (Горнфельд, Шпет: 18).	Приблизительный
Mars by day, Apollo by night--bang the field-piece, twang the lyre (Dickens: 17).	Марс днем, Аполлон ночью, – грохот орудий, бряцание лиры (Горнфельд, Шпет: 21).	Полукалька, Приблизительный
The stranger pilgrims' feet wore away the old steps (Dickens: 19).	Плиты, истертые ногами богомольцев (Горнфельд, Шпет: 22).	Функциональный аналог
Suit me excellently, five precisely--till then--care of yourselves (Dickens: 20).	Время вполне подходяще. Значит ровно в пять (Горнфельд, Шпет: 23).	Приблизительный
Beg your pardon, sir (Dickens: 22).	Извините, сэр (Горнфельд, Шпет: 25).	Приблизительный
I want your assistance, my dear fellow, in an affair of honour (Dickens: 34).	Мне нужно ваше содействие, дорогой друг, в деле чести (Горнфельд, Шпет: 34).	Приблизительный
Pray be quiet (Dickens: 38).	Успокойтесь (Горнфельд, Шпет: 39).	Контекстуальный Приблизительный,
I honour your gallantry (Dickens: 39).	Я уважаю вашу храбрость и восхищен вашим поведением (Горнфельд, Шпет: 4).	Приблизительный, Функциональный аналог
Permit me to say, Sir (Dickens: 292).		Опущение
I shall feel proud of your acquaintance, Sir (Dickens: 39).		Опущение
Will you allow me to ask you, sir... (Dickens: 210).	Не разрешите ли вы мне, сэр, спросить (Горнфельд, Шпет: 242).	Приблизительный

зование приблизительного способа перевода как основного, сравнительно частое опущение реалий, полное отсутствие языка оригинала, приблизительное равенство контекстуального способа перевода и способа функционального аналога.

Проанализировав изученные способы перевода языковых единиц, сигнализирующих о социальном статусе человека, мы выявили 7 основных способов, использованных в переводе романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

На основе проанализированного материала можно отметить, что наиболее частотным способом стал приблизительный перевод, который был выше в переводе А. Кривцовой и Е. Ланна, хотя у обоих коллективов авторов эти способы являются доминирующими. Переводчики использовали такой способ как приблизительный перевод в большинстве случаев, так как он достаточно прост в применении. Примерно одинаковой популярностью у переводчиков пользуется способ контекстуального перевода, посредством которого содержание передается при помощи трансформированного соответствующим образом контекста. Значительно чаще способ опущения реалий используются А. Горнфельдом и Г. Шпетом. Оба коллектива авторов практически не прибегают к способу семантического неологизма.

Заключение

А. Кривцова и Е. Ланна своим переводе романа ре-

шив проблему сохранения формы и содержания, предпочли произвести перенос реалий в принимающий язык приблизительным способом перевода при максимально верном сохранении семантического содержания и колорита переводимых единиц, сигнализирующих о различном социальном статусе человека. Отличительными особенностями работы переводчиков является активное использование приема контекстуального перевода, а также калькирования лексических единиц.

А. Горнфельд и Г. Шпетв своем переводе романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» также выбрали путь сохранения семантического содержания реалий посредством приблизительного способа перевода, который составляет чуть менее всех случаев передачи единиц, сигнализирующих о различном социальном статусе человека на русский язык. Вторым по частоте использования способом перевода таковых единиц авторы выбрали опущение, что является важной отличительной особенностью работы этого коллектива переводчиков.

Одинаковой популярностью у переводчиков пользуется метод создания семантического неологизма. Значительно чаще способ функционального перевода лексических единиц используются А. Горнфельдом и Г. Шпетом. В свою очередь в переводах А. Кривцовой и Е. Ланна совершенно отсутствует способ опущения лексических единиц. Оба коллектива авторов практически не прибегают к толкованию языковых единиц и их адаптации в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1966. 608 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международ. отношения», 1975. 240 с.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
5. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. Главы I XXIX. М.: Правда, 1981. 480 с.
6. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. Главы XXX LVII. М.: Правда, 1981. 480 с.
7. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: Роман: Сокращ. Пер. с англ. под ред. А. Горнфельда и Г. Шпета. Нов. Ред. М. Тюнькиной / Коммент. Г. Шпета. М.: Издательство Независимая Газета, 2000. 823 с.
8. Сниженная лексика в английском языке [Электронный источник] // http://otherreferats.allbest.ru/languages/00190320_0.html (дата обращения: 10.04.2019)
9. Тюленев С.В. Теория перевода: учебное пособие. М.; Гардарики, 2004. 336 с.
10. Dickens Ch. Our Mutual Friend. Wordsworth Editions Limited Cumberland House, Crib Street, Ware, Hertfordshire SG 1 2 9 ET, 1997. 777 p.
11. Dickens Ch. The Pickwick Papers. Wordsworth Editions Limited Cumberland House, Crib Street, Ware, Hertfordshire, 2000. 862 p.

© Герасименко Ирина Владимировна (gerasim001@mail.ru), Бурдина Анастасия Григорьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА КОРОТКОГО РАССКАЗА

SHORT STORY IN A COMMUNICATIVE SYSTEM 'WRITER – READER'

T. Golikova

Summary: The article compares the interpretation of the term "short story" in Russian and American literary criticism. It also tells about the properties of the text of a short story – the properties that unite it with other literary texts, and the properties inherent in this literary genre only. Particular attention is paid to the informative capacity and personality of the short story. In conclusion, an assumption is made about the specific features of the vocabulary in the text of the short story.

Keywords: short story, literary communication, a communicative aspect of meaning, informative capacity, imagery, one-time reading, personality.

Голикова Татьяна Олеговна

К.филол.н., доцент, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва
tatianagolikova73@yandex.ru

Аннотация: В статье сравнивается трактовка термина «короткий рассказ» в отечественной и американской литературной критике. Также рассказывается о свойствах текста короткого рассказа – свойствах, объединяющих его с другими художественными текстами, и свойствах, присущих только этому литературному жанру. Особое внимание уделяется информативной емкости и индивидуальности короткого рассказа. В заключение делается предположение о специфических чертах лексики в тексте короткого рассказа.

Ключевые слова: короткий рассказ, литературная коммуникация, коммуникативный аспект значения, информативная емкость, образность, одномоментное прочтение, индивидуальность.

Будучи художественным текстом, короткий рассказ представляет собой продукт литературной коммуникации, при которой происходит «снятие энтропии, то есть некоторой неопределенности в знании, эстетико-познавательного плана» [1. С. 26-27].

Процесс обмена информацией при литературной коммуникации приобретает специфические черты. Прежде всего, коммуникативная система 'писатель – читатель' является односторонней. Хотя передаваемое сообщение и ориентировано на адресата (читателя), вряд ли имеет смысл говорить о наличии канала обратной связи 'читатель – писатель'. С этим связана необходимость четкой структуризации сообщения, что ведет к высокой степени его грамматической и семантической оформленности.

Отличительной чертой литературной коммуникации является неоднозначность, дискуссионность ее соотношения со сферой прагматики. Вопрос о прагматическом аспекте художественного текста и его составляющих, по мнению Т.А. Ван Дейка, не имеет простого ответа в силу ряда причин. Во-первых, при передаче информации в коммуникативной системе 'писатель – читатель' совсем не всегда работает основное прагматическое правило классического коммуникативного акта. Автор речи не стремится к тому, чтобы его сообщение оказало строго определенное влияние на реципиента и изменило его «внутреннюю систему» (internal system) в желаемом направлении [11. С. 39]. Во-вторых, литературное взаимодействие часто лишено прямого практического интереса, так как ни автор, ни читатель не связывают передачу информации со своим конкретным общением в реальном мире [11. С. 41]. В-третьих, литературная коммуника-

ция нарушает все классические Грайсовы принципы речевого поведения: качества (она не строго соответствует действительности), количества (она явно избыточна), отношения (она не всегда последовательна и часто двусмысленна) и др. [11. С. 45].

Все это наводит на мысль об особых, очень специфических прагматических целях автора художественного текста. Эти цели, если они имеются, должны сильно отличаться от целей участников простых, конвенциональных коммуникативных актов, они должны быть достаточно сложными и нестандартными. Проблема прагматической интенции автора литературного произведения, по видимому, требует отдельного тщательного рассмотрения.

С нашей точки зрения, писатель не может не стремиться своим произведением воздействовать на читателя. Однако говорить о прямом прагматическом эффекте художественного текста вряд ли правомерно.

В терминах классической прагматики, эффект определяется как рассчитанное, намеренное, целенаправленное «воздействие на чувства, мысли и действия аудитории» [5. С. 88]. Конечная цель подобного воздействия состоит в том, чтобы вызвать искомые последствия в поведении. Литературная коммуникация далеко не всегда связана с созданием такого однозначного эффекта. Главными характеристиками передачи информации от писателя к читателю, наверное, являются не столько намеренность, целеустремленность, сколько интерпретация, проявление собственного взгляда на мир. Соответственно и характеристики текста как передаваемого сообщения будут определяться не столько его эффективностью,

действенностью, целенаправленностью, сколько факторами эстетического и содержательного порядка. Поэтому в дальнейшем для описания специфики информации, передаваемой в ходе литературной коммуникации, мы не будем употреблять термин «прагматический аспект значения», но будем пользоваться более емким термином «коммуникативный аспект значения».

Итак, если в коммуникативной системе 'писатель – читатель' прагматический аспект значения расплывчат и крайне трудно определим, то семантика текста и входящих в него компонентов должна быть сложной и многоплановой. Следовательно, свойством короткого рассказа как одного из продуктов литературной коммуникации является глубина и многоплановость семантики языковых средств. Это есть базовый признак, объединяющий данное произведение с другими художественными текстами.

Рассмотрим теперь собственные признаки короткого рассказа. Основной специфической чертой данного типа текста, выделяемой целым рядом исследователей, служит краткость, что следует из самого названия литературного жанра. «Отсюда – однолинейность сюжета, целенаправленность на одно событие, один характер, который является в критический, переломный момент своей судьбы, обнажая таким образом всю свою сущность» [3. С. 5-6]. Формальным критерием определения типа текста служит общее количество слов: обычно менее 10 000 согласно словарю Вебстера.

С точки зрения теории коммуникации свойство краткости, видимо, проявляется в характеристиках сжатости изложения при высокой информативной емкости языковых единиц. Передача того огромного внутреннего смысла, который содержится в законченном литературном произведении, при объеме текста менее 10 000 словоупотреблений вряд ли была бы возможна, если бы кроме чисто формальной сжатости, укороченности, автор не пользовался бы собственно художественными средствами компрессии языкового материала. Таким средством служит создание образности на базе усложнения структуры текста, придания ему дополнительной содержательной нагрузки. В этой связи, Ю.М. Лотман справедливо замечает, что «усложненная художественная структура, создаваемая на материале языка, позволяет передать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной, собственно языковой структуры» [2. С. 17].

В свою очередь, это усложнение структуры текста, соединяясь с небольшим объемом художественного произведения, предоставляет все возможности для одномоментного прочтения, то есть для «приема информации» не отдельными порциями, а сразу целиком, когда в идеальных условиях отсутствуют какие-либо значительные

помехи. Здесь уместно привести высказывание классика американской литературы Эдгара По о том, что только краткий художественный материал, внимательное прочтение которого занимает от получаса до двух часов, позволяет автору «полностью владеть душой читателя», так как не существует внешнего влияния, вызванного усталостью или посторонним вмешательством [8. С. 5].

Само понятие «короткий рассказ» не является однозначным ни в современном литературоведении, ни в современной лингвистике. Впервые оно было введено американским критиком Б. Мэтьюз в 1901 году [10]. Совершенно очевидно, что имеются серьезные расхождения в трактовке данного понятия в русской и американской традиции.

В отечественном литературоведении существуют несколько терминов для обозначения короткого прозаического произведения: рассказ, новелла и другие, – которые относятся к описанию как современной литературы, так и литературы прошлого. В качестве специфических черт жанров малой прозы одни авторы указывают «статичность» изображаемого характера в рассказе и «динамичность» сюжета в новелле [4], другие авторы, напротив, говорят о стремительности развития событий в рассказе и неподвижности характера в новелле [7. С. 193-194]. Часто отмечается, что жанровые признаки рассказа и новеллы трудны для определения. Термин 'короткий' рассказ стал широко употребляться в русской литературной критике лишь в последние десятилетия и, по всей видимости, служит названием для достаточно ограниченного круга произведений. В ряде случаев возможно противопоставление классического рассказа, восходящего еще к литературе XIX века и имеющего черты повести, и короткого рассказа как более современной малой формы.

В американской традиции понятие 'short story' включает в себя и рассказ, и новеллу, а в литературной критике оно чаще всего противопоставляется классическому роману. Б. Мэтьюз выделяет короткий рассказ в качестве самостоятельного жанра литературы на основании ряда особенностей, к которым относятся: оригинальность и лаконизм автора, индивидуальность и цельность текста, отточенность оформления и четкость построения произведения в целом [10. С. 22-25].

Наиболее интересным представляется свойство индивидуальности. Б. Мэтьюз считает его ключевым для понимания специфики короткого рассказа. В таком произведении автор свободен от некоторых условностей большой прозы: он не всегда должен стремиться к объективности изложения, а также к многоплановому развитию сюжетной линии. Вместо этого, от писателя ожидают индивидуального, неповторимого, собственно авторского взгляда на мир и чувства героя [10. С.22-23].

Наверное, не лишено основания предположение, что короткий рассказ как бы заостряет характерные, специфические черты творческой манеры писателя. Например, именно в коротких рассказах наиболее выпукло проявляется метод айсберга Хемингуэя: писатель, по его же собственным словам, может «опустить настоящий конец рассказа» [9. С. 364], предоставить читателю право интерпретации, и произведение от этого не пострадает. Напротив, для романа, даже хемингуэевского романа, как правило, характерна логичная концовка, которую практически невозможно опустить, так как она служит важным организующим элементом произведения. Читатель романа просто не справится с огромным количеством фактов, событий, описаний, сюжетных ходов, если они не будут подведены к некоторой общей черте, логическому завершению. В коротком рассказе он может многое домыслить сам.

Думается, что еще в большей степени, чем в хорошем романе, в коротком рассказе автор может проявлять свой индивидуальный, нестандартный подход, обусловленный его неповторимым видением реальности.

Свойство индивидуальности не следует смешивать с индивидуально-авторской манерой письма и стилем писателя. Безусловно, метод айсберга применяется также и в романах Хемингуэя, например в романе *The Sun Also Rises*, где рассказывается вовсе не об одной фиесте, а о драматической судьбе потерянного поколения. Любое художественное произведение невозможно без индиви-

дуального, но в целом характерного для того или иного писателя творческого метода. Видимо, до определенной степени стиль автора – это константа создаваемой им художественной формы во всех ее проявлениях.

И все же, есть основания полагать, что малая форма, в частности форма короткого рассказа, дает наиболее широкие возможности для передачи личностно окрашенного, субъективного отношения. Большая форма – роман, повесть – требует не одномоментного прочтения, а долгого и вдумчивого чтения. Она более концептуальна, объективна, эпическа; ее цели и задачи гораздо шире и глубже, чем цели и задачи короткого рассказа. В коротком же рассказе, по выражению А.Н. Толстого, автор «весь как на ладони» [6]. Его герой предстает перед нами в переломный, глубоко индивидуальный момент своей судьбы. Сжато, лаконично и содержательно раскрывая внутренний мир своего героя, писатель изображает неповторимые нюансы собственного видения мира.

Выбор жанра короткого рассказа является очень частым для литературы современной эпохи.

Рассматривая данное произведение как тип текста, невозможно не сказать о его лексике. Можно предположить, что характеристика индивидуальности короткого рассказа может иметь результатом высокую степень вариативности, контекстуальной обусловленности лексических единиц, появление в семантике целого ряда слов индивидуальных черт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 137 с.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
3. Марова Н.Д. Некоторые вопросы лингвистической интерпретации художественного текста (проблема перспективы повествования): Дисс. канд. филол. наук. – М., 1968. – 350 с.
4. Наумов А. Жанр и действительность // Звезда Востока, 1964. – № 6. – С.134-151.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие. //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
6. Толстой А. Что такое маленький рассказ? // Литературная газета, 1955, 19февраля, С. 2.
7. Эльяшевич А. Характеры и сюжеты // Звезда. – 1957. – № 10. – С. 193-205.
8. Current Garcia E., Patrick W. What is a Short Story? – Chicago: Scott Foresman and Company. – 502 p.
9. Hemingway E. Selected Stories. – Moscow Progress Publishers, 1971. – 398 p.
10. Matthews B. The Philosophy of the Short Story. – NY, 1901. – 83 p.
11. Van Dijk T.A. Pragmatics and poetics // "Pragmatics of Language and Literature" (ed. By T.A. van Dijk). – Amsterdam, North Holland Publishing Company / New York, American Elsevier etc., 1976. – P. 26-51.

© Голикова Татьяна Олеговна (tatianagolikova73@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ ПРОЕКТА «СЛОВО ГОДА» ПО ВЕРСИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА ОКСФОРДСКИХ СЛОВАРЕЙ С 2011 ПО 2020 ГОДЫ

THE ORIGIN OF WORDS OF "THE WORD OF THE YEAR" PROJECT BY OXFORD DICTIONARIES FROM 2011 TO 2020

**Ye. Gorbunova
E. Kovalenko
A. Lomakova**

Summary: The object of the research paper is the sociocultural component of the meaning of the lexical items involved in the project "The Word of The Year" by Oxford Dictionaries from 2011-2020. The subject is the classification of these lexical items based on the principle of public sphere. The article is aimed at discovering the origin of 96 words of the project from 2011-2020 and their public sphere to explain the sociocultural changes in the English-speaking community. The results of the study confirm the tenet that the vocabulary of a language presents a system affected by the cultural and social changes in the society, a system which displays a sensitive reaction to the changing interpersonal and social relations. The changes in the vocabulary run parallel to the social and cultural changes in a language community.

Keywords: project "The Word of the Year, linguocultural community, cultural connotation, public spheres.

Проект «Слово года» – кампания, проводимая во многих странах мира, нацеленная на выявление наиболее значимых и популярных языковых единиц. В Великобритании один из таких проектов осуществляется под эгидой издательства Оксфордских словарей экспертной группой из списка слов-номинантов, которые, в свою очередь, отбираются специальной программой по критерию частотности употребления за период одного года.

В данной статье изучается проблема происхождения слов, участвовавших в проекте в период с 2011 по 2020

Горбунова Елена Федоровна

*К.п.н., доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)
avgvred@rambler.ru*

Коваленко Екатерина Николаевна

*К.филол.н., доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)
ekovalenkonk@mail.ru*

Ломакова Анна Викторовна

*К.культурологии, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)
anna_lomakova@mail.ru*

Аннотация: Объектом исследования является социокультурный компонент значения лексических единиц английского языка, получивших статус «Слова года» согласно результатам исследований, проводимых издательством Оксфордских словарей с 2011 по 2020 годы по версии издательства Оксфордских словарей, предметом исследования является классификация слов проекта «Слово года» по принципу их соотносительности с разными сферами общественной жизни. Цель исследования – выявить происхождение и принадлежность 96 слов проекта в период с 2011 по 2020 год к разным группам слов по сфере общественной жизни и выявить значимость лексических единиц, маркированных как Слово Года, для раскрытия социокультурных изменений, происходящих в англоговорящем языковом сообществе. Результаты исследования подтверждают положение о том, что словарный состав языка является системой, зависимой от культурных и социальных преобразований в обществе, и очень чутко реагирует на изменения в тональности межличностных и социально-детерминированных отношений, и изменения в словарном составе языка происходят параллельно с изменениями в общественной и культурной жизни того или иного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: проект «Слово года», лингвокультурное сообщество, культурная коннотация, сферы общественной жизни.

год. Объектом исследования является социокультурный компонент значения лексических единиц английского языка, получивших статус «Слова года» согласно результатам исследований, проводимых издательством Оксфордских словарей с 2011 по 2020 годы по версии издательства Оксфордских словарей, предметом исследования является классификация слов проекта «Слово года» по принципу их соотносительности с разными сферами общественной жизни. Материалом исследования послужили 98 слова проекта, отобранные методом сплошной выборки [7].

Настоящее исследование выполнено в рамках лингвокультурного подхода, который базируется на общей идее взаимозависимости и взаимообусловленности языка и этнокультурного мира человека. Ученые отмечают сложность соотнесения феноменов «язык» и «культура». Язык является одновременно и частью культуры, и внешним для нее фактором. Кроме того, существует двусторонняя связь между языком и сознанием. Категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

Язык является важнейшим средством человеческого общения, орудием формирования и выражения мысли. С одной стороны, язык ограничивает человека своим инструментариумом, вынуждая пользоваться очерченным набором предметов. С другой стороны, по словам С.Г. Тер-Минасовой, человек непрерывно постигающий мир, движется вперед сам и развивает язык (данный феномен проявляется на уровне лексики с введением новых номинаций), иногда разрушая существующие правила [6].

Развитие языка может идти не только по пути создания новых лексических единиц, но и путем преобразования значения уже существующих в языке слов, в результате чего слова могут приобретать новые коннотации, в том числе культурные, имеющие национальную специфику. По мнению В.А. Масловой, «культура проникает в языковые знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры. Таким образом, соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации [3].

Исследования лингвистов так же показывают, что механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения той или иной лексической единицы. Коннотации могут быть основаны на ассоциациях, идущих от присущего слову исходного значения, однако иногда они могут быть мотивированы какими-либо свойствами обозначаемых этими словами реалий (качества и свойства предметов или явлений, громкость звука, скорость движения предмета и т.д.). Часто коннотации выступают формой ценностного освоения мира, так как содержат в своем значении оценочность, которую представитель конкретной лингвокультуры дает окружающей его действительности, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка, создающая картину мира данной лингвокультуры [3].

В связи с этим оправданной является позиция многих лингвистов, которые предлагают изучать язык в тесной связи с культурой народа, который на нем говорит. В частности, отечественный ученый, доктор филологических наук, профессор В.В. Воробьев пишет о необходи-

мости изучения взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе его функционирования, а именно национальных форм бытия общества, воспроизводимых в системе языковой коммуникации и основанных на его культурных ценностях, и всего, что составляет "языковую картину мира" [1].

Если принять за основу постулат В.А. Масловой о том, что «в большинстве случаев человек имеет дело не с самим миром, а с его репрезентациями, с когнитивными картинками и моделями, и что мир, таким образом, предстает сквозь призму культуры и языка народа, который его видит» [3], то становится ясно, что языковая картина мира определенной лингвокультуры будет неразрывно связана с реальной картиной мира с одной стороны, и с культурной картиной мира с другой. Таким образом, любое слово становится потенциальным носителем культурной информации. Данный потенциал может быть реализован в том или ином объеме в зависимости от коммуникативной ситуации и общего социально-политического, исторического и культурного контекста, в котором данное слово существует в конкретный момент времени.

Язык является сложно организованной знаковой системой, состоящей из совокупности разнотипных единиц. Слово – наиболее типичный языковой знак, направленный на выполнение основной знаковой функции – информативной [5]. Будучи при этом саморазвивающейся системой, язык находится в постоянном движении и развитии. Изменения в словарном составе языка выступают как маркер, отражающий все наиболее важные и устойчивые изменения в образе жизни и менталитете народа, общественной и культурной жизни. Действительно, изучая язык народа, можно проследить всю его историю, узнать о важнейших событиях, происходивших в жизни общества, которое тоже является сложноорганизованной системой.

Для анализа сложноорганизованных систем в науке было выработано понятие «подсистема», часть какой-либо более крупной, общей системы, характеризующаяся относительной целостностью [2]. Подсистемами общества принято считать сферы общественной жизни, выделенные следующими четырьмя сферами и элементами, которые они в свою очередь содержат: экономическая (производство; распределение; обмен; рынки; деньги; формы собственности; бюджет; налоги; безработица и т.д.) политическая (государство; власть; политика; выборы; гражданское общество; политические партии; формы государственной власти; и т.д.), социальная (социальные группы; структура общества; национальные отношения; социальная мобильность и социальная лифты и т.д.) и духовная (культура; искусство; образование; вера; мировоззрение; мораль; наука; религия; нравственность; этика; эстетика и др.) [4].

Общепринято выделять следующие отношения, в которых участвуют люди в рамках этих сфер:

- экономическая: отношения в процессе производства, обмена и потребления; отношения в процессе предпринимательской деятельности; отношения по праву.
- политическая: отношения по поводу власти и управления обществом; отношения между большими группами населения по вопросам управления, национальных отношений; отношения человека и государства.
- социальная: взаимоотношения социальных классов между собой, порядок и принципы этих взаимоотношений.
- духовная: отношения людей, в основе которых лежат духовные ценности (культура, образование, религия, мировоззрение, наука и пр.); отношения в процессе создания, распространения и усвоения этих ценностей.

Анализ слов проекта «Слово года» с точки зрения их соотносительности со сферами общественной жизни позволил получить следующие результаты, представленные в таблице 1 (всего было проанализировано 96 слов).

Таблица 1.

Процентное соотношение слов проекта по сфере общественной жизни

Сфера общественной жизни	% слов
Политическая	19,4
Экономическая	12,2
Социальная	42,9
Духовная	25,5

Как видно из таблицы 1, 12,2% (12 слов) относятся к экономической сфере общественной жизни, 19,4 % (19 слов) к политической сфере общества, 42,9% (42 слова) к социальной сфере и 25,5 % (25 слов) к духовной сфере. Данные результаты вполне ожидаемы и объясняются значимостью данных сфер для жизни современного человека либо наличием каких-то событий, сыгравших в жизни общества важную роль в тот или иной промежуток времени. Полный перечень лексических единиц, которые были выбраны словом года за последние 10 лет, представлены в таблице 2, где они классифицированы согласно сферам общественной жизни, которые они характеризуют.

Как видно из представленной таблицы, не все сферы общественной жизни являются одинаково продуктивными в плане словообразования в целом, а так же мы видим, что в каждом отдельно взятом году на первый план выходила та или иная сфера, с которой и были связаны наиболее важные изменения в общественной жизни. Так, например, в 2019 году языковые изменения были

связаны с единственной сферой – социальной, в рамках которой на первый план вышла проблема взаимоотношения человека и окружающей среды. В 2020 году данная сфера снова становится лидирующей по количеству новых слов, но уже в связи с тем влиянием, которое оказало на систему общественных взаимоотношений появление нового опасного вируса. В остальных случаях мы имеем дело с более менее равномерным распределением слов между всеми сферами общественной жизни.

Так, например, в 2011 году появились новые слова, характеризующие все сферы. В экономической сфере, словом года в Великобритании становится термин «squeezed middle», означающий человека со средним или низким уровнем доходов, что связано с мировым экономическим кризисом, от последствий которого пострадали в том числе и жители Великобритании. Из слов политической сферы в 2011 году стоит отметить термин «an Occupy», обозначающее международное протестное движение. Данное движение родилось в США и известно под названием «Захватите Уолл Стрит». Целью его было привлечение внимания к финансовым преступлениям и призыв к реформированию экономики США. К данному движению очень скоро присоединились многие страны мира, а сам термин быстро вошел в повседневную речь британцев в том числе.

Особняком среди экономических и политических терминов в этом году стоит слово «bunga bunga», которое можно отнести к словам, принадлежащим к духовной сфере. Условно его можно перевести как «гедонистические вечеринки «бунга-бунга» Берлускони», поскольку оно обозначает один из любимых способов времяпровождения скандально известного итальянского политического деятеля Сильвио Берлускони. Именно в 2011 году С. Берлускони предстал перед судом по обвинению в организации оргий на своей загородной вилле. Подобное событие не могло не привлечь внимание международной общественности и средств массовой информации, благодаря чему английский язык обогатился новой лексической единицей.

В 2012 году победителем проекта стало слово «omnishambles», означающее в переводе «полный беспорядок». Этот неологизм впервые появился в политическом комедийном сериале *The Thick of It* («В гущу событий») еще в 2009 году, но вошел в разговорную речь на три года позже. По словам координаторов проекта, данное слово как нельзя лучше подошло к описанию ситуации, сложившейся в экономике, политике, социальной сфере Великобритании в 2012 году и стало в дальнейшем основой для создания других слов, характеризующих, в том числе, поступки отдельных политических деятелей Британии и США, что, несомненно, отражает сатирический и иронический склад ума британцев и их чувство юмора.

Среди других слов, часто использовавшихся британцами в этом году, стоит отметить такие, как «second screening» (просмотр телевизора с одновременным использованием компьютера или смартфона) и «nomophobia» (боязнь остаться без мобильного телефона). Оба слова пришли из сферы современных технологий и показывают, насколько сегодня люди оказываются зависимыми от мобильных телефонов, фактически ставших неотделимой частью как социальной, так и духовной жизни современного общества.

В 2013 году английский язык обогатился рядом лексических единиц, принадлежащих духовной и экономической сферам. Духовная сфера представлена словами «twerk» («тверк», известный в хип-хоп-культуре танец), «binge-watch» (проводить часы перед телевизором). Экономическая сфера включила в свой состав лексические единицы «bitcoin» (электронная валюта), а социальная сфера породила понятие «showrooming» (смотреть товары в магазинах перед тем, как заказать их через Интернет).

2014 год дал английскому языку слово «indyref», означающее референдум, проведенный в Шотландии по вопросу отделения от Великобритании и приобретения статуса независимого государства. Однако, несмотря на всю политическую, экономическую и социокультурную значимость данного события, первое место было отдано слову «vape» (электронная сигарета). Рост популярности электронных сигарет связывают с открытием в Лондоне в 2014 году первого вейп-кафе, и рядом протестных акций в США и Великобритании, связанных с запретом на курение электронных сигарет в помещении. Это способствовало быстрому и массовому вхождению слова «vape» и его производных в повседневную речь британцев и вывело его на первое место по частотности употребления в данный период, а так же стало обозначать новую модель социального поведения.

В 2015 году победителем проекта впервые стало не слово в прямом понимании этого смысла, а знак-эмотикон, означающий «смеяться до слез». Данный эмотикон был выбран по результатам исследования, проведенного издательством «Оксфорд Юниверсити Пресс» совместно с компанией-разработчиком мобильных технологий «СвифтКи». Исследование показало, что частотность использования данного эмотикона в 2015 году по отношению к другим знакам составляет 20 % в Великобритании и 17% в США соответственно. Эмотиконы в настоящий момент перестали быть частью языкового кода подростков, и используются повсеместно людьми разного возраста и социального статуса как способ преодоления барьеров в общении.

Среди других слов 2015 года стоит особо отметить слово «Brexit», относящееся к решению Великобритании выйти из Евросоюза. Оно заняло третье место по частот-

ности употребления в повседневной речи британцев в этом году и относится в первую очередь к политической сфере. Производное от него слово «Brexiteer» (человек, поддерживающий выход Великобритании из ЕС) будет отмечено как одно из самых частотных в 2016 году, что подтверждает значимость данного политического решения для жителей Великобритании.

Также в 2015 году было отмечено активное употребление местоимения множественного числа «they» (они), которым заменялись в речи так называемые гендерно-маркированные местоимения единственного числа «он»\«она». Данное грамматическое явление является отражением социокультурного процесса под названием «политическая корректность», которая требует обеспечивать равноправие, в том числе лингвистическое, представителей разных полов. В 2016 году в английском языке появляется еще один политически корректный термин – «Latinx», который также призван нивелировать гендерные различия, поскольку он обозначает «любого человека латиноамериканского происхождения независимо от пола». Таким образом, мы наблюдаем тенденцию ко все большему сокращению и без того слабо выраженной в английском языке грамматической категории рода. Данные языковые процессы отражают специфику социальной структуры современного общества, особенности взаимоотношений между людьми различных социальных слоев и групп.

Словом года в 2016 году стало «post-truth» («пост-правда»). Этим термином обозначают обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям людей. Это слово стало популярным на фоне таких значимых политических событий 2016 года, как Референдум о выходе Великобритании из ЕС и выборы президента США, что привело к увеличению частоты использования слова в СМИ и далее в повседневной речи британцев. Данное слово стало ассоциироваться с определенным направлением в политике государств, которое получило название «политика постправды», в основе которой лежит использование заведомо недостоверной информации, а объективная истина меняется в зависимости от политической обстановки в данный конкретный момент.

В 2017 году словом года было признано слово «youthquake», которое Оксфордский словарь английского языка толкует как характеризующее молодых людей, стоящих за политическими переменами. Как отмечают редакторы словаря, данное слово связано со всеобщими выборами 2017 года в Великобритании, когда лейбористы добились лучших результатов, чем ожидалось, благодаря поддержке молодежи.

Неологизм «cakeism» (2018 год) представляет собой переосмысление английской пословицы «you can't have

your cake and eat it (too)» (на двух стульях не сидят) и используется активными сторонниками выхода Британии из ЕС и отражает стремление Великобритании провести эту процедуру в максимально комфортных для себя условиях. Среди других номинантов представлены слова, появившиеся благодаря развитию современных интернет-технологий, такие как «orbiting» (следить за чьей-либо жизнью в социальных сетях), Incel (член интернет-сообщества жено- или мужененавистников), которые в целом характеризуют социальную сферу и влияющие на нее процессы.

В 2019 года словом года стало “climate emergency” (ситуация, требующая срочных действий для уменьшения или прекращения климатических изменений и предотвращения потенциально необратимого ущерба окружающей среде в результате этого). Этот год стал определенной вехой обеспокоенности общественности изменениями климата и его последствиями. Все другие слова данного года также выражают озабоченность общественности проблемами экологии: climate action – действия, предпринимаемые частным лицом, организацией или правительством для уменьшения или противодействия выбросу углекислого газа и других парниковых газов, чтобы ограничить влияние глобального потепления на климат Земли; climate crisis – ситуация, характеризующаяся угрозой опасных необратимых изменений глобального климата; climate denial – отказ от предположения, что изменение климата, вызванное деятельностью человека, происходит или что оно представляет собой значительную угрозу благополучию человека и цивилизации; eco-anxiety – озабоченность по поводу нынешнего и будущего ущерба окружающей среде, вызванного деятельностью человека и изменением климата; ecoside – уничтожение окружающей природной среды преднамеренными или неосторожными действиями человека; extinction – факт или процесс исчезновения вида, семейства или другой группы животных или растений; Flight shame – нежелание путешествовать по воздуху или дискомфорт при этом из-за вредных выбросов парниковых газов и других загрязняющих веществ с самолетов; Global heating – термин, принятый вместо «глобального потепления» для передачи серьезности изменений климата, вызванных деятельностью человека, и настоятельной необходимости решения этой проблемы.

В 2020 году в проекте «Слово года» нашли отражение несколько главных событий. В политической сфере – это импичмент президента США Дональда Трампа, в социальной сфере – формирование движения «Black Lives Matter» (общественное движение, выступающее против расизма и насилия в отношении чернокожих, в особенности против полицейского насилия) и пандемия коронавируса.

Импичмент президента Дональда Трампа способствовал повышению частотности употребления лексемы

Acquittal. Пик популярности слова пришелся на февраль, когда завершился процесс по делу об импичменте Дональду Трампу.

Пандемия коронавируса – потенциально тяжелой острой респираторной инфекции, обогатила английский язык такими словами как Covid-19, Coronavirus, используемыми для обозначения вируса SARS-CoV-2 virus. Изменения в социальной жизни: практика сохранения определенного физического расстояния от других людей или ограничения доступа и контактов между людьми (особенно членов семьи и друзей), чтобы избежать заражения или передачи инфекционной болезни, или как часть инициативы общества для сдерживания ее распространения, а также введение принудительного карантина в ответ на распространение Covid-19. Данные процессы обогатили словарный состав английского языка такими словами и выражениями как «social distancing», «lockdown». Для обозначения всплеска распространения вируса, связанного с увеличением числа заболевших среди членов Белого дома в октябре 2020 г., было использовано слово «Superspreader», быстро получившее популярность благодаря СМИ. Следует отметить, что ослабление карантинных мер также нашло отклик в языковом сознании англоговорящего сообщества и привело к появлению нового значения слова «reopening» – процесс возобновления работы ранее закрытых музеев, кафе, кинотеатров и пр.

Распространение по миру движения «Black Lives Matter» отражает сложные социальные процессы, протекающие сегодня не только в США, но и во многих европейских странах, где проживает большое процент мигрантов, принадлежащих к другим расам. Расовая дискриминация является одним из самых болезненных социальных явлений, которое при этом оказывает серьезное влияние на политическую, экономическую и духовную сферы общества, поскольку не ограничивается борьбой участников только лишь с предвзятым отношением представителей европеоидной расы ко всем остальным расам мира и с несправедливым устройством современного общества.

Проведенный анализ слов, получивших в разные годы статус «Слово года», подтверждает положение о том, что словарный состав языка (в частности, английского языка) является системой, зависимой от культурных и социальных преобразований в обществе, и очень чутко реагирует на изменения в тональности межличностных и социально-детерминированных отношений. Положение о том, что каждое поколение пополняет языковой корпус новыми словами, а также словами с переосмысленным значением, может быть уточнено / скорректировано в пользу утверждения о том, что изменения в словарном составе языка происходят перманентно, параллельно с изменениями в общественной и культурной жизни того или иного лингвокультурного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология : (Теория и методы) / В.В. Воробьев. - М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. - 331 с.
2. Карта слов и выражений русского языка: интернет-портал. URL:<https://kartaslov.ru/значение-слова/подсистема> (дата обращения 05.12.2021).
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
4. Основные сферы общественной жизни : образовательный сервис. URL:<https://zaochnik.com/spravochnik/filosofija/sotsialnaja-filosofija/osnovnye-sfery-zhizni-obschestva> (дата обращения 05.12.2021).
5. Русский язык: учебное пособие / О.И. Гордеева, З.И. Резанова. – 2-е изд-е, испр. и доп. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 164 с.
6. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 262 с.
7. Word of the Year: интернет-портал. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year> (дата обращения 05.12.2021).

© Горбунова Елена Федоровна (avgvred@rambler.ru), Коваленко Екатерина Николаевна (ekovalenkonk@mail.ru),
 Ломакова Анна Викторовна (anna_lomakova@mail.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
 Кемеровского государственного университета

ФОРМУЛА ЗАГОЛОВКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Горелова Ольга Владимировна

К.филол.н., доцент, Тихоокеанский
государственный университет
gorelovaolvl@mail.ru

THE TITLE FORMULA AS A REFLECTION OF THE GENRE SPECIFICS OF THE FAR EASTERN METRIC BOOKS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

O. Gorelova

Summary: The article is devoted to the analysis of the genre structure of the Far Eastern metric books of the second half of the XIX century. The author examines the forms of the main parts of the documents of the metric books. The specificity of metric books as a document of registration records is considered. The form of metric records has an invariant structure, the characteristics of a single invariant model of the header part are given. The number of components in the titles of the Far Eastern metric books was not constant. The article presents several options for the design of the header part of the documents, due to the functional and stylistic features, the tradition of maintaining this type of document. The title was an obligatory part of the metric book as an official document, characterizes metric books as a special clerical genre of the second half of the XIX century. Five variants of the book title design are analyzed. An attempt is made to describe the general structural components of the headings of the Far Eastern metric books.

Keywords: metric book, structure, genre, formula, formulary, oikonym, appellative, ecclesionym.

Аннотация: Статья посвящена анализу жанровой структуры дальневосточных метрических книг второй половины XIX века. Автор рассматривает формуляры основных частей документов метрических книг. Рассматривается специфика метрических книг как документа регистрационного делопроизводства. Формуляр метрических записей имеет инвариантную структуру, даны характеристики единой инвариантной модели заголовочной части. Количество компонентов в заголовках дальневосточных метрических книг не было постоянным. В статье представлено несколько вариантов оформления заголовочной части документов, обусловленных функционально-стилистическими особенностями, традицией ведения данного типа документа. Заголовок являлся обязательной частью метрической книги как официального документа, характеризует метрические книги как особый делопроизводственный жанр второй половины XIX в. Проанализированы пять вариантов оформления заголовка книги. Предпринята попытка описания общих структурных компонентов заголовков дальневосточных метрических книг.

Ключевые слова: метрических книга, структура, жанр, формула, формуляр, ойконим, апеллятив, экклезионим.

Метрические книги были введены Петром I в 1722 году для установления обязательной регистрации рождения, бракосочетания и смерти граждан. XIX век в истории ведения метрических книг занимает особое положение: 22 ноября 1837 года была утверждена обновленная форма метрических книг, которая просуществовала всю дальнейшую историю метрик вплоть до начала XX в., что позволяет говорить о традиционной, фактически неизменной, структуре метрических книг. «Исследование памятников деловой письменности, – по замечанию Л. М. Городиловой, – показало, что наиболее устойчивым элементом любого жанра является структура текста, тогда как набор и состав формул со временем может меняться. Сохранение структуры текста обусловлено сложившимися традициями местного делопроизводства, в основе которых лежали образцы московских приказов. Употребление формул, как и отбор лексических средств, зависели от языковой и делопроизводственной компетентности писцов» [1, с. 63].

В структуре дальневосточных метрических книг выделяются три основные части: 1) заголовок (общий заголовки книги и заголовки частей книги); 2) основная часть включает в себе содержание метрической книги (в ней выделяется три раздела: о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших); 3) заключительная часть.

Нередки для дальневосточных метрических книг случаи приписок дополнительных данных, которые являются важным элементом регистрационных записей. В основном это пометы о выдаче метрического свидетельства в части первой метрических книг «О родившихся»: *Метрическое свидетельство выдано 21 июня 1873 г. за № 1266 и здесь же Новое метрическое свидетельство выдано отъ «18» апрѣля 1898 года за № 1709 (1, л. 36 об.)*. Пометы о дополнительных делопроизводственных записях являются одним из важных компонентов метрических книг. Также дополнительными данными могли быть приписки об исправлениях и примечания о ведении метрических книг: *Примѣч. Въ этой книгѣ в Юнѣ мѣсяцѣ*

подъ ст. мужскаго пола 72й записанъ младенецъ женскаго пола «Павла», а потому, при составленіи точныхъ свѣдѣній о числѣ родившихся за сей годъ по поламъ, нужно считать случаевъ рожденія и крещенія не 217, а 216 (человекъ) мужскаго пола, а женскаго вмѣсто 196, считать 197 = итогъ – 413 человекъ (88, л. 31 об.).

Анализ структуры метрических книг показывает, что их строение обусловлено стремлением церковнослужителей максимально точно заполнить предписанную форму, но в результате отсутствия у многих авторов (писцов) четких навыков регистрационного делопроизводства формуляр метрических записей имеет инвариантную структуру.

В настоящей статье рассмотрим формуляр заголовочной части документов метрических книг, составленных во второй половине XIX в. Сравнение содержательных компонентов дальневосточных метрических книг свидетельствует о том, что в структуре данного документа присутствует единое организующее начало. В связи с этим мы можем говорить о единой инвариантной модели как для заголовочной части, так и для каждой из основных частей.

Важной структурно-семантической частью документа являются заголовки. «Самоназвание, – по мнению А.Н. Качалкина, – являлось важнейшим элементом документа, одной из определяющих черт его стиля – это как бы извлечение их текста ведущих понятий содержательной и оформляющей части документа. Употреблением определенного названия автор стремился представить дело как можно объективнее» [2, с. 71]. Дальневосточные метрические книги начинаются заголовками, которые обычно оформлялись на отдельной странице несмотря на то, что велся точный, даже скрупулезный учет листов, а особенно печатных бланков, если таковые были (*Въ сей книзѣ пронумерованныхъ прошнурованныхъ и пропечатанныхъ восемьдесятъ два листа* (82). *Въ реэстрѣ заготовленныхъ книгъ подъ № 264^{мб} записана мая «8» дня 1876 г. Присутствующий священникъ Афанасій Шастинъ* (6, л. 66 об.) или *Комиссіей по экономии бумаги изъ книги изъята 14 чистыхъ листовъ* (6, л. 146 об.) Заголовки священнослужители записывали ко всему документу в целом, а также к каждой части книги, соответствующей виду регистрации (о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших). Для заголовков метрических книг характерен определенный набор структурных формул, хотя единого образца для оформления заглавия метрик по церквям, приходам и миссиям не наблюдается. В документах одних церквей заголовки довольно обширные, в других – лаконичные, включающие название церкви и год ведения метрических записей. Ср., например: Метрическая книга Охотской церкви за 1867 год, Метрическая книга хабаровской церкви св. Марии Магдалины (г. Хабаровск) 1870 г. (16); Метрическая книга

Михайловской церкви (Приморской области) Николаевского собора за 1877 годы (1а); Метрическая книга Гольдской миссии, Церкви Казанской Божией Матери для записи вновь просвѣщенных Св. крещениемъ изъ язычниковъ Гольдовъ и других инородцевъ в 1878 году (1а); Метрическая книга Данная изъ Камчатской духовной консисторіи Причту Хабаровской Церкви на записку родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ На 1867 годъ (1а); Метрическая книга Данная изъ Камчатской Духовной Консисторіи причту Средне-Уссурийской Церкви на записку родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ На 1867 годъ (1а); Метрическая книга данная изъ Камчатской Духовной консисторіи причту Хабаровской Иннокентьевской церкви дл# записи родившихся# бракомъ сочетавшихся# и умершихъ на 1878 годъ (6).

В целом для формулы заголовка метрических книг характерны следующие компоненты: название книги (жанровая характеристика), экклезионим (название церкви или прихода, а также в ряде случаев указание, откуда была выдана метрическая книга: данная из <...>, ойконим (наименование населенного пункта, в котором находилась церковь), апеллатив, указывающий, кому была выдана книга (обычно используется существительное в форме единственного числа дательного падежа *притчу*), наименование разделов книги (указание на то, с какой целью была выдана книга: для записи, на записку), дата (указание на год (реже годы), в течение которого производились записи), количество листов, составляющих книгу. Схематично формулу заголовка можно представить следующим образом: I [название книги] + II [экклезионим] + III [ойконим] + IV [кому] + V [экклезионим] + VI [цель] + VII [разделы книги] + VIII [год] + IX [количество страниц]. Количество компонентов в заголовках дальневосточных метрических книг не было постоянным. Находим пять вариантов оформления заголовка книги.

1. I [название книги] + II [экклезионим] + III [год] + IV [количество страниц]: Например: I [Метрическая книга] + II [Охотской церкви] + III [за 1867 год] + IV [на 13 листахъ] (1); I [Метрическая книга] + II [Хабаровской Иннокентьевской церкви] + III [за 1877 год] + IV [на 67 листахъ] (4);
2. I [название книги] + II [экклезионим] + III [ойконим] + IV [год] + V [количество страниц]. Например: I [Метрическая книга] + II [хабаровской церкви св. Марии Магдалины] + III [(г. Хабаровск)] + IV [1870г] + V [на 30 листахъ] (16);
3. I [название книги] + II [экклезионим] + III [ойконим] + IV [экклезионим] + V [год]. Например: I [Метрическая книга] + II [Михайловской церкви] + III [(Приморской области)] + IV [Николаевского собора] + V [за 1877 годы] (1а);
4. I [название книги] + II [экклезионим] + III [кому] + IV [экклезионим] + V [цель] + VI [разделы книги] + VII [год]. Например: I [Метрическая книга] + II [Данная изъ Камчатской духовной консисторіи] + III [При-

чту] + IV [Хабаровской Церкви] + V [на записку] + VI [родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ] + VII [На 1867 годъ] (1а);

5. I [название книги] + II [экклезионим] + III [кому] + IV [экклезионим] + V [цель] + VI [разделы книги] + VII [год] + VIII [количество страниц]. Например: I [Метрическая книга] + II [Данная изъ Камчаткой Духовной консисторіи] + III [Причту] + IV [Средне-Уссурийской Николаевской церкви] + V [на записку] + VI [родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ] + VII [на 1877 г.] + VIII [на 98 л] (9).

Достаточно редко (относительно метрических книг Дальнего Востока) формула заголовка могла содержать указание на лицо и должность человека, ведущего записи или отвечающего за ведение метрической книги: I [Метрическая книга] + II [Данная изъ Камчатской Духовной Консисторіи] + III { [Исправляющему должность Миссионера Гольдской Миссиі] + [Священнику Александру Протодіаконову] } + IV [на записку родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ] + V [На 1867 годъ] (2, л. 146).

Формула заголовка частей книги была краткой и традиционно состояла из следующих компонентов: I [название книги] + II [год] + III [номер части] + IV [название части]. Например: I [Метрической книги] + II [на 1878 годъ] + III [часть первая] + IV [о родившихся] (4, л. 3); I [Метрической книги] + II [за 1867 г.] + III [часть вторая] + IV [о бракосочетавшихся] (1. л. 13). Также заголовки частей книги могли иметь усеченную формулу: I [номер части] + II [название части]. Например: I [часть первая] + II [w родивших#], I [часть втора#] + II [w бракосочетавших#], b[часть трети#] + [w умершихъ] (7).

Заключительная часть также была озаглавлена: I [название части] + II [экклезионим] + III [разделы книги] + IV [год]. Например: I [Вхдомость] + II [Усть-Уссурийской

Петро-Иннокентьевской церкви] + III [о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ] + IV [за 1867 годъ] (1, л. 76 об. – 77). Или I [название части] + II [название книги] + III [экклезионим] + IV [год]. Например: I [Экстрактъ] + II [Къ метрической книгѣ] + III [Хабаровской св. Маріи Магдалины церкви] + IV [за 1867 годъ] (1, л. 29 об. – 32).

Итак, общее содержание заголовков метрических книг, как одного из основных элементов жанровой специфики документа, неоднородно. В записях метрических документов чаще всего отсутствует лексическая презентация жанра, поэтому принадлежность документа к метрическим книгам мы можем установить по его коммуникативной направленности и структуре, т.е. использованию устойчивых конструкций, лексическому наполнению, характерному для письменного документа данного жанра. Выявлено несколько вариантов (шесть вариантов заголовка книги, два варианта заголовка заключительной части) оформления заголовочной части документов: писцы выбирали языковые средства, следуя традиции ведения данного типа документа, но часто усекали основную формулу, применяя более краткие варианты. Заголовок являлся обязательной частью метрической книги как официального документа, поэтому в одном из вариантов присутствует во всех проанализированных метрических книгах. Общими структурными компонентами для заголовков дальневосточных метрических книг второй половины XIX в. являлись название книги, экклезионим (название церкви или прихода, в котором велись метрические записи), год заполнения, количество страниц, но также наблюдаются различия в структурно-лексическом наполнении. Жанрообразующие особенности метрических книг (в том числе и заголовочная часть) непосредственно связаны с историей данного документа в России, т. к. традиция ведения метрических документов складывалась на протяжении нескольких веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городилова Л.М. Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии / Л.М. Городилова. – Хабаровск : ГОУ ВПО ХГПУ, 2003. – 262 с.
2. Качалкин А.Н. Имя русского документа / А.Н. Качалкин // Русская речь. – 2002. – № 1, С. 71–76.
3. Качалкин А.Н. Книга как жанр деловой письменности допетровской эпохи / А.Н. Качалкин // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1989, С. 86–95.
4. Качалкин А.Н. Книга как жанр деловой письменности допетровской эпохи / А.Н. Качалкин // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1989, С. 86–95.
5. Майоров А.П. Формуляр и лексическая содержательность явочных челобитных / А.П. Майоров // История русского языка и источниковедение. – М. : Наука, 1987. – С. 142–150.
6. Кожин А.Н. Описательные типы текста в деловой письменности XVIII в. / А.Н. Кожин // История русского языка и источниковедение. – М. : Наука, 1987. – С. 116–122.
7. Метрическая книга Гольдской миссии за 1871 – 1884, 1886 – 1888, 1891 – 1891 годы, на 269 листах (И-85, фонд 44, дело 2)
8. Метрическая книга Охотской церкви за 1867 год (на 13 листах) (И-85, фонд 44, дело 1)

9. Метрическая книга Софийской Казанской Божьей Матери церкви, Мариинской Успенской церкви за 1877 год на 43 листах (И-85, фонд 44, дело 7)
10. Метрическая книга Хабаровской Иннокентиевской церкви за 1877 год на 67 листах (И-85, фонд 44, дело 4)
11. Метрическая книга Хабаровской Иннокентиевской церкви за 1877 год на 133 листах (И-85, фонд 44, дело 6)
12. Метрическая книга Хабаровской Иннокентиевской церкви за 1891 год на 211 листах (И-85, фонд 44, дело 88)
13. Метрическая книга Хабаровской церкви Святой Марии Магдалины (г. Хабаровск) 1870, на 30 листах (И-85, фонд 44, дело 16)
14. Метрическая книга церквей Хабаровского края (Хабаровской церкви Святой Марии Магдалины, Усть-Уссурийской Петро-Иннокентиевской церкви, Средне-Уссурийской Михаило-Архангельской часовни, Верхнее-Уссурийской Илиинской часовни, Гольдской миссии) на 305 листах (И-85, фонд 44, дело 1а)

© Горелова Ольга Владимировна (gorelovaolvi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В НАУЧНОЙ СТАТЬЕ¹

Екимов Марк Анатольевич

Аспирант, Череповецкий государственный университет

markus9339@mail.ru

THE METATEXTUAL FUNCTIONS OF KEYWORDS INSIDE A RESEARCH ARTICLE²

M. Ekimov

Summary: This article describes the metatextual functions of keywords inside research articles. The metatext itself has several definitions, including the definition of a text about or inside another text. Following that definition, the keyword group which precedes the body of a research paper can be defined as the secondary text or a text about another text. The research material contains 20 articles in Russian language published in VAK peer-reviewed journals, including 10 articles from journals of human sciences and 10 articles from journals of natural sciences. At the first stage of the research all words and phrases, which are included in keyword groups preceding every article, were extracted from body texts. This stage was followed by the quantitative processing of the extracted information and the comparative analysis of keywords and keyphrases mention frequency. The results showed that keywords distribution per article was on average 5.05 words per article. Keywords are generally characterized by the high repeatability inside the text. At the same time the total amount of all keywords mentions varies in texts. The tags, or the words which are defined preliminary as keywords but are not mentioned in the body text of an article, play a specific role inside any keywords group. The use of tags as keywords is more typical for humanities research articles than for natural science research articles.

Keywords: metatext, metatextual functions, research article, keyword group, tags.

Аннотация: В статье рассмотрены метатекстовые функции ключевых слов в научной статье. Одно из пониманий метатекста – текст о/в тексте. С этой точки зрения предваряющий научную статью набор ключевых слов также может быть рассмотрен как вторичный текст, текст о тексте. Исследование проводилось на материале 20 русскоязычных статей, опубликованных в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ: 10 статей из журналов гуманитарной направленности, 10 статей из журналов естественнонаучной направленности. В ходе исследования из текста каждой статьи были извлечены слова и словосочетания, которые были включены в набор ключевых слов, предваряющих научную статью. Проведена количественная обработка полученного материала, а также сравнительный анализ, связанный с частотой встречаемости слов и словосочетаний, заявленных в качестве ключевых. Результаты показали, что распределение ключевых слов на одну статью в среднем составляет 5,05. Для ключевых слов, как правило, характерна достаточно высокая повторяемость в тексте. Количество всех упоминаний ключевых слов в тексте варьируется и может различаться от текста к тексту. Особую роль в наборе ключевых слов играют так называемые теги – слова, заявленные как ключевые, однако при этом ни разу не встречающиеся в основном тексте научной статьи. Как правило, использование тегов более характерно для статей гуманитарного цикла, чем для статей естественнонаучного цикла.

Ключевые слова: метатекст, метатекстовые функции, научная статья, набор ключевых слов, теги.

Введение

Термин «метатекст» в отечественной филологии появился во второй половине XX века в рамках лингвистики текста. Авторами первых исследований в этой сфере были такие учёные, как Р.О. Якобсон, А.А. Потебня, М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман, уделявшие особое внимание проблеме «смысл — текст» и трактовавшие текст как конструкцию, созданную для передачи представлений о какой-либо предметной области. В современной науке границы понятия «метатекст» варьируются у разных учёных от определения «метатекст — это

текст о тексте/в тексте» или «метатекст — авторское повествование об авторском повествовании» [1].

В автореферате докторской диссертации Н.П. Перфильевой термин «метатекст» имеет два значения: 1) «семантическая квалификация высказывания» или его обработка говорящим относительно плана выражения текста (с помощью вербальных или невербальных знаков); 2) компонент текста в виде множества вербальных или невербальных знаков, передающих «рефлексию говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения» [2].

1 Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00290 «Устный и письменный нарратив как вторичный текст: особенности порождения разными категориями носителей русского языка»).

2 This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 20-012-00290 “Oral and written narrative unit as a secondary text: features of a creating process by different categories of the Russian language native speakers”).

В современной лингвистике, согласно Е.Б. Иванникову, представлены два подхода к определению такого термина, как «метатекст». Согласно первому, «узкому», подходу, метатекст представляет собой суждение говорящего о своём языке, реализованное в виде высказывания, которое «репрезентирует метаязыковое сознание говорящего» как часть языкового сознания. Под метатекстом в этом же случае понимается вторичный текст или компонент текста, «ориентированный на интерпретацию говорящим языковой действительности». Второй, «широкий» подход предусматривает ориентированность метатекста на языковой код: это понимание термина «метатекст» в современной лингвистике появилось благодаря трудам А. Вежбицкой, которая относилась к «метатекстовым конструкциям» разнообразные способы проявления речевых тактик, говорящего и слушающего [3].

Фундаментальным трудом в этом плане считается статья «Метатекст в тексте» 1978 года, в которой Анна Вежбицка изучала авторский монологический текст, описывая ситуацию, при которой автор воспроизводил монологический текст, а реципиент воспринимал этот текст. По словам Вежбицкой, внимательный реципиент мог не только восстановить структуру текста и понять сущность каждого предложения, но и составить некоторые комментарии к тексту (план текста, тема каждого раздела, все возможные оговорки и резюмирование), причём реципиентом может быть иногда и сам автор. Авторский монологический текст она называла «двухтекстом», состоящим из высказывания о предмете (собственно текста как такового) и высказывания о высказывании (комментариев реципиента) [4].

Обратимся к метатекстовым элементам в научном тексте. А.А. Гаврилова отмечает, что метатекстовые компоненты могут использоваться, в частности, автором научного текста для того, чтобы обеспечить читателям возможность понимания научного текста, а также всесторонне и детально объяснить его проблематику. Говоря о его особенностях и свойствах, она подчёркивает, что метатекстовые компоненты могут находиться как отдельно от текста, так и присутствовать в самом тексте [5].

Ссылаясь на результаты исследования таких авторов, как М.Н. Кожина, Л.В. Славгородская и В.Е. Чернявская, Гаврилова отмечает наличие в научных текстах свойств и признаков, которые являются типичными для диалога с читателем и могут быть отнесены к метаэлементам. Они появляются в случае, когда автор видит в читателе «не пассивного реципиента, а потенциального партнёра», участника диалога, который активно участвует в осмыслении информации [6].

Ссылаясь на М.Н. Кожину, Н.К. Рямцеву, И.А. Магер-

рамова и И.А. Красавцеву, Гаврилова относит к метатекстовым компонентам научного текста все элементы, конструкции и обороты связи (в том числе вводные слова), которые эксплицируют для читателя ход изложения (переход от темы к теме) и обращают внимание на определённые моменты содержания [7]. К метаязыку научного стиля исследователи относят также общенаучную лексику и терминологию [8].

Далее мы рассмотрим метатекстовые функции ключевых слов, выделение которых в качестве особого структурного компонента является необходимым этапом при подготовке научной публикации.

Наиболее общее определение ключевых слов сводится к тому, что «ключевыми словами» называют слова и словосочетания, наиболее значимые и существенные для понимания текста [9] и являющиеся средством передачи основного содержания текста.

Среди функций ключевых слов выделяется поддержка разных ментальных процессов от понимания и интерпретации текста до его запоминания [10].

Автор, подбирая ключевые слова для научной статьи, должен обеспечить понимание текста и его восприятие читателями. Согласно Т.Н. Москвитиной, смысл текста формируется на основе структуры, которая выводится в соответствии со знаниями реципиента, на основе его опыта и принадлежности к какой-либо культурной общности [11]. Разница в опыте и знаниях сводится к тому, что в аудиторию научной статьи входят и опытные специалисты, и молодые учёные, и обычные люди, интересующиеся наукой. Помимо этого, подбор ключевых слов облегчает поиск необходимой научной информации в базе данных, поскольку по конкретным ключевым словам возможно отыскать необходимую статью, связанную с некоей темой [12].

Определяя функции и отличительные характеристики набора ключевых слов к научной статье, Т.Н. Москвитина подчёркивает следующее:

1. Обычно НКС содержит от 8 до 10 ключевых слов, что соответствует объёму оперативной памяти человека. Минимальный по длине в парадигме научных текстов набор КС стремится отразить в наиболее чистом виде так называемое семантическое ядро статьи.
2. НКС не только формирует смысл текста и обеспечивает его хранение в памяти, но и отражает предметную область развёртываемого текста. Ключевые слова маркируют тему текста и служат «опорными точками» в интерпретации структур частей научного текста (отдельных предложений и синтагм).

3. На базе НКС возможно воспроизвести исходный целостный связный текст с сохранением его исходного стиля и без наличия каких-либо смысловых искажений. Более того, восстановление научного текста оказывается менее сложным процессом, чем восстановление художественного, поскольку научный текст строится по законам логики и предусматривает однозначную интерпретацию.
4. Логически упорядоченные ключевые слова передают общее содержание текста, а также помогают читателю ориентироваться в текстовом пространстве и выбирать те тексты, которые ему более нужны для изучения (т. е. читатель может по набору ключевых слов определить, соответствует ли его интересам данный текст или нет) [13].

М.Н. Кожина, комментируя диалогичность научно-го текста, отмечала, что при подготовке статьи по естественным наукам автор оперирует реальными фактами и данными, а при подготовке статьи по гуманитарным наукам внимание автора смещается в сторону анализа разных концепций и мнений по тому или иному вопросу [14].

Это же отражается и на подборе ключевых слов: среди них могут встречаться так называемые «теги» или «метатеги» [15]. Согласно И.А. Абрамову, «тег» отличается от ключевого слова тем, что **не встречается** в тексте, но при этом характеризует данный текст. «Тег», как правило, имеет **собирательное** или **обобщающее** значение (т. е. понятие более высокого порядка) и позволяет связать конкретную статью с иными публикациями по подобной тематике. Абрамов приводит в качестве примера статью по организации грузовых перевозок с ключевыми словами «*организация перевозок*» и «*транспортировка грузов*», а также с тегами «*транспортная логистика*» и «*логистическая система*» [16].

Проведенное нами ранее исследование показало, что доля тегов в русскоязычных статьях составляет 17,8% от общего количества ключевых слов, в то время как в англоязычных статьях этот параметр находится на отметке в 10,55%. Более того, соотношение тегов в статьях гуманитарной тематики и тегов в статьях естественнонаучной тематики отличается у русскоязычных и англоязычных авторов: в русскоязычных статьях достаточно большой перевес тегов в гуманитарных статьях (14 тегов против 4), в то время как это соотношение у англоязычных авторов немного меньше (6 против 5), но также с перевесом в пользу гуманитарных статей [17, 18].

Для изучения метатекстовых функций ключевых слов в научной статье в качестве исследовательского материала были взяты 20 русскоязычных научных статей по естественным и гуманитарным наукам, опубликованных в рецензируемых журналах ВАК не раньше 2010 года³. Из всех указанных ниже статей были извлечены ключевые слова, заявленные к каждой из статей.

Статьи гуманитарного цикла:

1. Дуров В.И. Ирландский национализм и Великая война: начало раскола Ирландии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18, вып. 3. – С. 351–356.
2. Загороднюк Н.И. Тюремные библиотеки Тобольской губернии в XIX веке // Библиосфера. – 2018. – № 4. – С. 70–74.
3. Катунин Д.А. Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 2 (10). – С. 18–44.
4. Клочков В.В. Английский абсолютизм в истории права: мифы и реальность // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2009. – № 3 (Тематический выпуск). – С. 199–203.
5. Комарова Л.В. Концепт регион как объект социально-философского анализа // Общество и право. – 2012. – № 2 (39). – С. 223–225.
6. Костылев Ю.С. Языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской печати // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 139–142.
7. Кутарев О.Ю. К вопросу о появлении четырёхлетнего плана в фашистской Германии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 73–77.
8. Метелева Е.Р. Уточнение содержания понятий «город», «городское развитие» и «управление городским развитием» // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 3. – С. 160–164.
9. Палунин Д.Н. Адаптация лучших зарубежных практик в области риск-менеджмента к условиям деятельности российских промышленных компаний // Лидерство и менеджмент. – 2019. – Т. 6, № 2 (апрель – июль). – С. 117–130.
10. Пронин В.В., Ревякин Ю.Т., Ситников А.С. Профессиональный футбол как культурный феномен современного социума // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 4 (119). – С. 239–243.

3 Все приведённые статьи были использованы в рамках подготовки выпускной квалификационной работы по программе магистратуры, защищённой автором в 2021 году, на тему: «Проблема выделения ключевых слов в русскоязычном и англоязычном научном тексте: сопоставительный анализ» (Череповец: Череповецкий государственный университет, 2021. – 200 с.).

Статьи естественнонаучного цикла:

11. Бабий В.И. Дифракционные эффекты при измерении скорости звука в жидкостях // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2009. – № 6 (Тематический выпуск). – С. 169–174.
12. Балонишников А.М., Балонишникова В.А. Копыльцов А.В. Прогнозирование временных рядов методами Фармера – Сидоровича и Бокса – Дженкинса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 138. – С. 7–16.
13. Бориков В.Н., Баранов П.Ф. Концепция системы контроля и управления технологическим процессом формирования микроплазменных покрытий // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2011. – Т. 318. – № 5. – С. 120–125.
14. Вейбер В.В., Богдан С.А., Кудинов А.В., Марков Н.Г. Концепция построения платформы для интеграции производственных данных нефтегазодобывающей компании // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2011. – Т. 318. – № 5. – С. 126–131.
15. Калинин Н.А. Математическое моделирование параметрических преобразователей частоты для среднего ИК-диапазона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 138. – С. 16–24.
16. Кравцов А.В., Попок Е.В., Юрьев Е.М. Изучение механизма превращения СО на Zn-Cu-Al-катализаторе с помощью квантово-химических методов расчётов // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2011. – Т. 318. – № 3. – С. 69–72.
17. Макаров Л.М. Внезапная сердечная смерть и остановка сердца на трибунах во время проведения футбольных матчей. Мнения международных экспертов // Медицина экстремальных ситуаций. – 2016. – № 4 (58). – С. 58–62.
18. Мартынов А.А., Самсыгин В.К., Соколов Д.В., Улитовский Д.И., Коковин А.А. Расчёт и моделирование преобразователя постоянного напряжения с промежуточным резонансным высокочастотным инвертором // Труды Крыловского государственного научного центра. – 2018. – Т. 386, № 4. – С. 139–148.
19. Миронова Н.Н. Приближённое аналитическое решение линеаризованного по скорости уравнения Навье-Стокса в сфероидальной системе координат // Научные ведомости. Серия «Математика. Физика». – 2010. – № 11 (82). – Вып. 19. – С. 135–137.
20. Торро В.О., Кузнецов Е.В., Ремезов А.В. Обоснование необходимости создания комплексных механизированных систем из мехкрепей различных

типов // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2016. – № 6. – С. 30–34.

Результаты исследования

Из текстов указанных выше статей было извлечено 101 ключевое слово (с учётом одинаковых слов, встречающихся в разных статьях), распределение КС на одну статью в среднем составляет 5,05. Зафиксировано 1200 упоминаний КС в текстах 20 статей (в среднем по 60 упоминаний на статью). Из 101 ключевого слова 18 были охарактеризованы как теги, поскольку не упоминались ни разу в тексте статьи (17,8% от общего количества КС) – 14 тегов в статьях гуманитарного цикла и 4 тега в статьях естественнонаучного цикла.

Ключевые слова могут обозначать, в зависимости от темы исследования, объект или предмет, цели или задачи, область исследования, обозначаемые границы и т.д. На основании набора ключевых слов у реципиента может сформироваться примерная картина того, чему будет посвящена статья и какие аспекты явления или проводимого исследования будут раскрываться в ней.

В качестве примера можно взять набор ключевых слов из статьи авторов Мартынова, Самсыгина, Соколова, Улитовского и Коковина: *преобразователь постоянного напряжения, высокочастотный резонансный инвертор, трансформатор, индуктивность, ёмкость, фильтр, добротность резонансного контура*. Представленный набор ключевых слов излагает перед реципиентом примерную картину того, о чём будет идти речь в статье. На основании набора ключевых слов и соответствующих логических и ассоциативных связей между этими словами реципиент может сделать вывод о необходимости чтения статьи.

Поскольку для ключевого слова характерна достаточно высокая упоминаемость в тексте, то автор за счёт повторения тех или иных слов в тексте обращает внимание читателей на наиболее существенные и важные для понимания текста фрагменты. Суммарное количество упоминаний в одной статье может варьироваться: так, в статье авторства Д.А. Катунина все заявленные ключевые слова суммарно упоминаются 136 раз, в то время как для статьи авторства В.И. Бабия это число составляет только 34 упоминания.

Стоит также отметить, что частотность ключевых слов в тексте не является одинаковой: как правило, одно слово или словосочетание встречается в тексте статьи намного чаще других ключевых слов, заявленных к данной статье. Так, в статье Е.Р. Метелевой из набора ключевых слов наиболее часто употребляемым является слово

город (74 упоминания), используемое в разных контекстах (словосочетания *городское развитие* и *управление городским развитием* представлены 12 и 15 раз соответственно).

При этом могут иметь место случаи, когда в качестве подобных «лидеров» по упоминанию могут быть два слова или словосочетания. Так, в статье авторов Мартынова, Самсыгина, Соколова, Улитовского и Коковина чаще других упоминается словосочетание *высокочастотный резонансный инвертор*, представленное 55 раз в тексте, а на втором месте с небольшим отставанием идёт словосочетание *преобразователь постоянного напряжения* (44 упоминания).

Во избежание неоправданно частых повторов в пределах одного предложения или абзаца автор может использовать в тексте слово, которое технически не является ключевым, поскольку отсутствует в соответствующем структурном блоке, однако его значение в отрыве от статьи может быть абсолютно идентично значению слова, находящегося в блоке ключевых слов. Явный пример – это словосочетание *Иосип Броз Тито*, заявленное в наборе ключевых слов к статье Ю.С. Коростылёва. С учётом того, что в тексте статьи встречается также просто сокращение *Тито*, под которым был известен югославский президент, на выходе было получено ровно 100 упоминаний словосочетаний *Иосип Броз Тито* и слова *Тито* в тексте статьи. «*Тито*», согласно контексту, является прозвищем югославского президента, сросшимся с данной ему при рождении фамилией Броз, и упрощает в некоторой степени восприятие текста читателем.

В текстах могут быть представлены и более сложные примеры. Так, в отношении ключевого словосочетания *преобразователь постоянного напряжения* в тексте статьи Мартынова и др. можно найти словосочетание *преобразователь с высокочастотным инвертором*, которое, как и КС, указывает на тот же самый подразумеваемый объект. Отличием является то, что оно как бы открывает другую сторону объекта или другие свойства, дополняя уже имеющуюся картину.

Другой пример присутствует в тексте статьи Д.Н. Палунина, где ключевому словосочетанию *управление рисками* соответствует слово *риск-менеджмент*, которое обозначает по сути то же самое явление (словосочетание «управление рисками» является фактической калькой с этого словосочетания).

В статье Мартынова и других можно найти слово *инвертор*: сравнивая его с ключевым словосочетанием *высокочастотный резонансный инвертор*, можно сказать, что «инвертор» вне текста относится к типичному объекту без каких-либо особенностей и конкретных отличительных

свойств, однако в контексте статьи оно указывает на тот самый объект с определёнными свойствами и особенностями (конструктивными, функциональными и т.д.). Ту же роль у Мартынова играет и слово *преобразователь* в тексте.

Помимо этого, в текстах В.О. Торро, Е.В. Кузнецова и А.В. Ремезова заявленному ключевому слову (словосочетанию) *комплексная механизированная система* аналогично соответствуют более короткие *механизированный комплекс* или *комплекс*, которые по структуре и размеру являются более простыми элементами, но обозначают в контексте одно и то же. Автор, подбирая подобные своеобразные синонимы для предваряющих статью словосочетаний из двух и более компонентов, значительно упрощает восприятие текста для реципиента.

Может иметь место такая ситуация, когда автор в начале статьи упоминает ключевое словосочетание, которое является по своей сути неким термином, и раскрывает его содержание для читателя, давая исчерпывающее определение или подробно описывая структуру, принцип действия или какие-либо важные свойства объекта или явления, которому соответствует данный термин. В дальнейшем автор может использовать вместо этого словосочетания более простое наименование в виде слова. На примере статьи Мартынова прослеживается раскрытие понятия «высокочастотный резонансный инвертор»: автор, отвечая на подразумеваемый вопрос читателя о том, что скрывается за этим понятием, даёт развёрнутый ответ:

«...приводятся результаты разработки преобразователей с промежуточным высокочастотным инвертором, работающим в резонансном режиме. Высокочастотный инвертор в этих преобразователях преобразует электрическую энергию постоянного тока источника в электрическую энергию переменного тока. Выход инвертора через резонансную ёмкость (C_r) и резонансную индуктивность (L_r) подключен к первичной обмотке высокочастотного трансформатора...»

С точки зрения метатекстовых функций, здесь автор приводит объяснения для читателя, которому предстоит изучать материал данной статьи. Благодаря подробному описанию указанного в цитате объекта читатель может понять, о каком именно инверторе будет в дальнейшем идти речь, и может построить для себя более чёткую и ясную картину исследования. По тексту далее чаще встречается обычное слово *инвертор*, чем словосочетания типа *высокочастотный инвертор* или *высокочастотный резонансный инвертор*. Можно сказать, что в плане выражения подобные слова, выступающие в качестве замены словосочетаниям, позволяют кратко обозначить объект в целом (типичный «стереотипный» объект без каких-либо отличительных признаков), а в

плане содержания они включают в это обозначение все свойства описываемого в статье объекта.

В тексте могут встречаться аббревиатуры и сокращения, расшифровка которых в пределах того или иного текста соответствует этим самым ключевым словам: аббревиатуры и сокращения по своей сути являются более короткими, чем полные наименования явлений, объектов и предметов, однако в плане содержания от полных наименований не отличаются никоим образом. Так, КС *механизованная крепь* в тексте статьи В.О. Торро, Е.В. Кузнецова и А.В. Ремезова сокращается до слова *мехкрепь*, относящегося к той же самой крепе. Что касается аббревиатур, то таковыми примерами, оказывающими благотворное влияние на восприятие реципиентом текста, могут быть такие аббревиатуры из статьи Л.М. Макарова, как *ОС (остановка сердца)* и *АНД (автоматические наружные дефибрилляторы)*.

Наконец, роль тегов в статье можно также считать генерализирующей, поскольку это понятия более высокого порядка, несущие обобщающий и собирательный характер. Исходя из этого, использование тега в научной статье по гуманитарным наукам, кажется более обоснованным и логичным, чем в научной статье по естественным наукам. В частности, в статье Д.А. Катунина теги *социолингвистика* и *языковая политика* чётко обозначают раздел науки, с которым связано проведённое исследование и исследуемое явление (на примере Хорватии), которое не называется в тексте, но подразумевается и описывается в деталях. Использование тегов в статьях естественнонаучного цикла является более редким явлением в связи с природой: редким примером использования тега в исследовательском материале является слово *сфероид* в статье Н.Н. Мироновой на тему уравнения Навье-Стокса, подразумевающее форму частиц, движение которых описывается вышеозначенным уравнением.

В целом можно говорить, что метатекстовые функции ключевых слов преимущественно связаны со стремлением автора обратить внимание читателя на какие-то объекты и предметы в статье.

Заключение

Исходя из вышеозначенных положений о метатексте, метатекстовых элементах и функциях ключевых слов, по итогам данного исследования были сделаны следующие выводы.

Набор ключевых слов перед основным текстом научной статьи позволяет сформировать для потенциального читателя примерную картину того, чему будет по-

священа данная статья и какие аспекты проведённого исследования будут отражены в тексте статьи. Это позволяет реципиенту принять решение о том, стоит ли ему читать данную статью для получения нужной ему информации.

Для ключевых слов, как правило, характерна достаточно высокая повторяемость в тексте, что позволяет концентрировать внимание читателя на каком-либо существенном смысловом компоненте. Само количество всех упоминаний ключевых слов в тексте варьируется и может различаться от текста к тексту. Как правило, из набора ключевых слов чаще всего в тексте упоминается какое-то одно слово, однако могут иметь место случаи с двумя ярко выраженными «лидерами» из числа КС по количеству упоминаний.

Для некоторых КС характерным является наличие неких слов и словосочетаний, обозначающих то же самое явление, но представленных внешне другим образом. Они могут либо описывать какую-либо иную сторону или иные свойства объекта, которому соответствует исходное КС, либо в более сжатом виде репрезентировать упомянутый объект. В плане выражения допустимо использование каких-либо слов, образованных на основе ключевых (ими могут быть сложносокращённые слова или аббревиатуры).

Использование терминов в качестве ключевых слов может коррелировать с диалогичностью как одним из свойств научного стиля речи. Автор в начале статьи может дать определение одному из ключевых слов или словосочетаний, которое является по сути термином и связано с темой исследования. Таким образом, он как бы отвечает на подразумеваемый вопрос читателя о теме, предмете или объекте исследования.

Автор может употреблять в тексте не само упомянутое КС, а какое-либо синонимичное ему слово или аббревиатуру. Реципиент, учитывая контекст, сможет таким образом понять, что речь идёт не о типичном «стереотипном» объекте, а о конкретном явлении или предмете, которое в пределах текста и обозначено ключевым словом.

Теги в тексте научной статьи выполняют генерализирующую функцию: не встречаясь прямо в тексте, они характеризуют его и играют роль некоего обобщающего понятия, позволяя реципиенту понять, о чём в целом идёт речь.

Как правило, использование тегов более характерно для статей гуманитарного цикла, чем для статей естественнонаучного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкова С.А. Метатекст // Знание. Понимание. Умение. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (дата обращения: 20.12.2021). С. 249.
2. Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. – Новосибирск, 2006. С. 3-4.
3. Иванников Е.Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – №1. – С. 338.
4. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 8. Лингвистика текста. – 1978. – С. 402–421.
5. Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – С. 5.
6. Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – С. 31–32.
7. Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – С. 34.
8. Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – С. 37–38.
9. Москвитина Т.Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте // Вестник ЧГПУ. – 2009. – №11. – С. 279.
10. Булатова Э.В. К вопросу о ключевых знаках журналистского текста / Э.В. Булатова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 80. – № 21 (312). – С. 92.
11. Москвитина Т.Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте // Вестник ЧГПУ. – 2009. – №11. – С. 277–278.
12. Москвитина Т.Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте // Вестник ЧГПУ. – 2009. – №11. – С. 282.
13. Москвитина Т.Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте // Вестник ЧГПУ. – 2009. – №11. – С. 281–282.
14. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи // Русский язык за рубежом. – 1981. – № 6. – С. 81.
15. Абрамов Е.Г. Подбор ключевых слов для научной статьи // Научная периодика: проблемы и решения. – 2011. – №2. – С. 36.
16. Абрамов Е.Г. Подбор ключевых слов для научной статьи // Научная периодика: проблемы и решения. – 2011. – №2. – С. 36.
17. Екимов М.А. Особенности подбора ключевых слов в русскоязычных научных статьях (на материале журналов по истории из списка ВАК) // Вестник магистратуры. 2020. № 1-5 (100). – С. 65-71.
18. Екимов М.А. Особенности подбора ключевых слов в англоязычных статьях (на примере исторических журналов, входящих в Scopus) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4. № 2. С. 47–55.

© Екимов Марк Анатольевич (markus9339@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Череповецкий государственный университет

ОБИДА: ИСТОРИЯ СЛОВА

Исазаде Валида Джавид гызы

Д.филол.н., профессор, Бакинский славянский университет
farsifarsi@yandex.ru

Эфендиев Исрафил Исмаилович

Д.филол.н., профессор, Дагестанский государственный медицинский университет (Махачкала)
israf@yandex.ru

OFFENSE: THE HISTORY OF THE WORD

**V. Isazade
I. Efendiev**

Summary: The article is concerned with the semantic analysis of the word 'offense' which is widely used in legal texts of the Old Russian period and which afterwards has come into the modern Russian language. The study of the semantic history of the term word 'offense (grievance)' has revealed significant changes in the structure of its semantics and content. It was pointed out that the analysis of the language of legislative acts revealed a large number of common language words which were used for giving definitions to legal concepts. Herewith, the terminological specialization of many ancient words reflected the ideas and perceptions connected with both creation of legal provisions and violation thereof.

Keywords: offense, legislative language of legislature, term, crime, emotive meaning, determinologization.

Аннотация: Статья посвящена семантическому анализу слова *обида*, широко распространенного в юридических документах древнерусского периода и вошедшего впоследствии в современный русский язык. Обращение к семантической истории слова-термина *обида* выявило значительные изменения в его смысловой и содержательной структуре. Отмечается, что анализ языка законодательных актов выявляет большое количество слов из общего языка, используемых для определения юридических понятий. При этом терминологическая специализация многих древних слов отражает идеи и представления, связанные как с созданием правовых норм, так и их нарушением.

Ключевые слова: обида, язык законодательства, термин, преступление, эмоциональное значение, детерминализация.

Анализ языка одних из ранних письменных памятников русского права Договоров русских князей с греками, заключённых в X в. и представленных в древнейших списках XIV–XV вв., выявляет существование в русском языке большого числа слов, заимствованных из общего языка и используемых для обозначения правовых понятий. Терминологическая специализация многих древних слов отражала идеи и представления, связанные как с созданием правовых норм, так и их нарушением.

«В языке договоров проглядывает мысль и быт русского народа того времени – тускло, но всё-таки проглядывает <...>», – писал И.И. Срезневский [15, с. 17].

Смысловые связи с древнейшими этико-нравственными нормами и воззрениями предшествующих эпох отражены во многих словах, употребляющихся в современном русском языке. К ним относится и слово *обида*, получившее распространение в правовой сфере в древнерусский период и дошедшее до наших дней.

В последние десятилетия XX в. слово *обида* оказалось в центре внимания лингвистов в работах, посвящённых концептуальному анализу фрагментов русской картины мира, в семиологических исследованиях, связанных с историей отдельных слов. Между тем, по справедливому замечанию А.М. Молдована, на «диахронический аспект обсуждаемой темы до сих пор внимания не обращалось» [6, с. 263].

В законодательных документах раннего периода

существовал целый ряд слов, служивших для наименования разного рода преступлений (убийства, грабежи, разбои, неплатежи, долга и др.), обозначавшихся словом *обида*, семантическая история которого с самого начала тесно пересекалась с терминологической.

Преступление в ранний период рассматривалось не как нарушение установленного государством порядка-закона, а как материальное зло, или причинение вреда. К древним обычаям восходили и различные виды наказаний, суть которых в «причинении какой-нибудь неприятности преступнику, какого-нибудь страдания» [11, с. 294-295].

Семантический объём слова *обида* включал обозначения многих уголовных преступлений и гражданских правонарушений, между которыми не было чёткого разграничения. «В этом наименовании отражается взгляд на преступление как на материальный вред. Кто-нибудь «обижен», то есть претерпел нечто неприятное. Это и есть преступление», – отмечал В.М. Сергеевич в своих «Лекциях и исследованиях по древней истории права» [11, с. 240, 273]. Представление об обиде как о неприятном поступке, опирается, по мнению А. Зализняка, на семантическую трактовку этого слова, данную М. Фасмером [19, т. 3, с. 100]. «Согласно М. Фасмеру, слово *обидеть* произошло из *об – видеть* (*ob – videti*), где предлог *об* – имеет значение «вокруг обигая, минуя». Русская *обида*, тем самым выросла из идеи «обделить взглядом, не посмотреть», т.е. «обойти вниманием» [3, с. 103]. В таком обобщённом значении термин *обида* используется

в одном из главных памятников письменного делового языка Древней Руси – «Русской Правде», явившейся, по словам В.О. Ключевского, «довольно верным отражением русской юридической действительности XI и XII вв.» [4, т. 1, с. 255]. В статьях «Русской Правды», содержащих нормы уголовного права, термин *обида* охватывал такие преступления, как нанесение побоев, грабеж, кражу, увод, похищение, убийство и др.: «Аще убьют огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убици, в людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен»; «Аще уведеть чужь холоп любо робу, платити ему за обиду 12 гривен» [9, т. 1, с. 47, 48]; «А че кто конь погубить, или оружие, а за обиду платити ему 3 гривны» [9, т. 1, с. 66].

В.О. Ключевский писал: «...если Русская правда и принимала ответственность за преступление..., то ответственность только внешнюю, материальную... Правде, впрочем не чужды и нравственные мотивы» [4, т.1, с. 247].

«Нравственный» мотив был связан с наносимым оскорблением, так как обидеть можно было не только действием, но и отношением, словом: «Аще утнетъ личем, а не вынем его либо рукоятью, то 12 гривне за обиду» [9, т. 1, с. 47]; «Аще ли перст утнетъ которыи либо 3 гривны за обиду» [9, т.1, с. 47].

В древнерусских памятниках слово *обида* (как и относительный глагол *обидети*) обозначало, по мнению А.М. Молдована, «нанесение физического поражения или ущерба, материальное притеснение, ущемление прав: вражда, ссора, насилие, оскорбление, унижение, бесчестие и т.п., то есть собственно несправедливое деяние» [6, с. 264]. В «Поучении» Владимира Мономаха одна из рекомендаций звучала так: «И худого смерда и убогие вдовице не дал есть сильным обидети» [18, с. 45].

В «Русской Правде» и княжеских уставах нарушения правил морали передавались специальными глаголами: *преобидети* (устав), *пообидети* (суд церковный) и др. [9, т. 1, с. 49].

Семантика несправедливости в «Словаре древнерусского языка» М.М. Срезневского отражена и в значениях производных: *обидливый* <несправедливый>, *обидчик* <оскорбитель>, *обидник* <обидчик>, *обидник и грабитель* <неправедник, хищник>, совмещающих нередко и другие значения. Ср. также: *обидный* <спорный> «А обидному делу меж нас судъ и исправа». М.М. Срезневский приводил мнение Н.М. Карамзина (в «Истории государства Российского») о выделении у слова *обидный* значения <обиженный>: «Псковъ ихъ съ обидными людьми приялъ въ серебрь» [16, т. 2, ч. 1, с. 504].

С несправедливыми деяниями были связаны и религиозные значения слова *обида* и его производных. В «Словаре трудных слов из богослужения», составленном

О. Седаковой, находим: *обида* <корысть, обман>: *во обиде и б держащихъ его предста Ему, и обогати его посреди притесняющих и обирающих его (праведного) (премудрость) предстала ему и обогатила его; обидимый* –1. Притесняемый, тот, с кем совершают несправедливость *Господь милует и творит суд за всех притесняемых*. 2. Угнетённый, изнурённый и праведного Лета, изнурённого совместной жизнью с (людьми) нечестиво беззаконными, он избавил (2 Пем. 2.7). *Обидливый* <несправедливый, неправдимый> [10, с. 210]. Ибо Бог не справедлив, чтобы он забыл дела ваш и труд любви (Евр. в. 10).

Для выражения субъекта и объекта преступления, обозначаемого термином *обида*, использовались специальные слова *обидитель* и *обидимый*: «За учинённую обиду повинень обидитель 9 вечей платить» [10, с. 235].

В законодательных источниках XV – XVI вв. появляются новые наименования усложняющейся системы преступлений, например, государственных (*крамола*), должностных (*лихоимство, подпись*), уголовных (*лай, мошенничество*) и др. В Судебнике 1497 г. термин *обида* утрачивает значение родового наименования для разных преступлений и заменяется термином *лихое дело*. Сужение семантического объёма термина *обида* и использование его для обозначения конкретного вида преступления относятся к XVII – XVIII вв.

Процесс формирования общегосударственной терминологии уголовного и гражданского права в XVII веке привёл к выпадению ряда старых и появлению новых терминов. Существенные изменения происходили в значениях отдельных терминологических единиц. В юридических текстах слово *обида* приобретает чёткий и установленный в правовой сфере смысл. Так, в «Соборном Уложении» (1649 г.) термин *обида* используется в значении «нанесение материального ущерба» и более узком – «оскорбление»: «А будет от кого учинится какая обида человеком трём или четверым <...> и ис тех обиженных людей похочет кто обиды своей искати <...>» [9, т.3, с. 132]; «А будет кто кому учинит какое насильство или бой, или раны, или какие-нибудь убытки и обиды <...>» [9, т. 3, с. 136]; «А будет кто к кому-нибудь приставит в деревенской в какой-нибудь обиде и учинили де ту обиду люди <...>» [9, т. 3, с. 140]; «А будет в челобитных написаны будут имена властелинские, и старческие, и попов, и дьяконов, а обиды какие починили в вотчинах их<...>» [9, т. 3, с. 159].

Значение ущемления материальных и моральных прав отмечается у слова *обида* и в других законодательных источниках XVII – XVIII века. Например: «И кому купецким людем случитца побити челом великому государю о своих обидах на кого ни есть на всяких чинов людей <...> и чтоб всем купецким людем давати суд и управе на тех людей...» [9, т.4, с. 130]; «А по именному велико-

го государя царя и великого князя Алексея Михайловича указу <...> разных городов лучших и середных торговых людей торговом с иноземцы устроении с ними говорили, и как великого государя казне пошлинной со всяких товаров без обид к большому збору <...>» [9, т. 4, с. 133].

Потерпевший материальный и моральный ущерб в законодательных текстах представлен как обиженный: «И дабы озлобленный и обруганный свою надлежащую сатисфакцию или удовольствие имел <...> тогда должен он командиру оною места жалобу принести, который должен иное дело приняв выслушать, и обиженному пристойное удовольствие учинить» [9, т. 4, с. 358].

В «Артикуле воинском» (1715) термин обида чаще используется как синоним к слову оскорбление: «Когда один или многие солдаты даны бывают – для охранения от всяких насильств и обид <...>» [9, т.4, с. 332]; «А есть ли хозяин ли его люди поставленному на квартиры солдату всякую обиду учинят» [9, т. 4, с. 343].

В «Правилах нравоучения, явившихся дополнением к «Артикулу воинскому», уточняется значение термина обида: «Оскорбление или обида есть, кто кого вредит в праве, как то: поросит, пренебрежёт, унижит, задерёт...». Степень тяжести нанесённого ущерба зависела от вида обиды («словом», «письмом», «действием»), а характер преступления, именуемого обидой, определялся тем, «было ли намерение обидеть, или оскорбить, или вредить» (Там же). В одном из Правил указывалось: «Справедливый человек, не оскорбляет, не обижает» [8, с. 328].

Примеры употребления слова обида в правовых документах XVII – XVIII вв. свидетельствуют о наличии значений, связанных лишь с разного рода несправедливыми деяниями, наносящими обиду, но не вызываемыми ими чувствами. «Эмоциональная реакция на деяния, наносящие пациенту материальный или моральный ущерб, возникающее у него чувство обиды начинает фиксироваться в русском языковом сознании только с XVIII в.» [6, с. 264].

Появление эмотивного значения у слова обида и утрата им специального терминологического значения нашли отражение и в других лексикографических источниках. Например, «Словарь русского языка XVIII века» определяет обиду во втором значении как «незаслуженное огорчение, оскорбление, а также чувство, вызванное таким огорчением» [13, вып. 15, с. 238].

Законодательные источники XIX в. передают узкое терминологическое значение слова обида, использовавшегося для обозначения конкретного проступка – личного оскорбления человека словом или делом. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных»

(1845), сыгравшем особую роль в систематизации уголовного законодательства России, предусматривались наказания за обиды, связанные с оскорблением чести «<...> нанесение обиды на словах или на письме <...> наименование обиды действиями и т.д.» [9, т. VIII, с. 411].

В научных изданиях, как и в нормативных текстах, термин обида используется в значении «нанесение материального и морального ущерба». Например, в работе М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе»: «Ожидающий его у могилы ближайший родственник убитого, от его имени прощает ему обиду». «Стоит ему выйти за порог приютившего его двора, и обязанность хозяина охранять гостя от врагов и мстить за его обиду, как за обиду родственника» [5, с. 36, 37]. «Насколько имущественные обиды дают повод к проявлению легализованного обычая самоуправного захвата, на столько личные вызывают кровомщение» [5, с., 70-72].

Лексикографические источники не всегда последовательны в фиксации значения, отражающего эмотивную реакцию на несправедливые действия.

Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля нет указания на эмотивное значение у слова обида, толкуемого прежде всего как «несправедливое действие» «всякая неправда, тому, кто должен переносить её, всё, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или поношение. Кривосуд обида: брань, побои, обида, насмешка, дурной отзыв о ком, лишение кого достоинства, имущества, барышей» [1, т. 2, с. 583].

Вместе с тем приводимые в Словаре примеры, а также пословицы и поговорки, включающие слово обида и его производные, указывают на появление значения эмотивной реакции на обиду: «Всякому своя обида горька. За шутку не сердись, в обиду не вдавайся. В тесноте живут люди, а в обиде гибнут»; обидное житье, плохое, обидный, приговор, почитаемый неправым, обидные речи, оскорбителя и т.д. [1, т. II, с. 583].

Значение эмоционального состояния у слова обида не отмечается и в «Словаре церковнославянского и русского языка». Ср.: 1) оскорбления на словах или на деле: «молитесь за творящих вам обиду»; 2) убыток: «Эта цена будет ему не в обиду» [14, т. 3, с. 25].

В примерах, использованных художественной литературой, начиная с XVIII в., обнаруживается, что значения, связанные с нанесением обиды (причинением ущерба), постепенно вытесняются значением чувства, возникающего в ответ на обиду. Например, «Требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов» (Д.И. Фонвизин). «Соседам то и дело обиды наносил он смело» (А. Пушкин).

«Веленью божию, о, муза, будь послушна, обиды не страшась, не требуя венца, хвалу и клевету приемли равнодушно...»; «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид» (М. Лермонтов). «Бездушный чурбан, не чувствующий даже обиды» (М. Лермонтов). «Вот это обида, обида кровная» (А. Островский). «Наталья жила у отца, ей всё казалось, что Григорий вернётся к ней, сердцем ждала, не вслушиваясь в трезвый на шепот разума; исходила ночами в жгучей тоске, крушилась, растоптанная неожиданной, незаслуженной обидой» (М. Шолохов) и др.

Толковые словари конца XX в. фиксируют эмотивное значение слова *обида*, хотя с указанием на его неосновной характер. Например, в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой семантическая структура этого слова представлена следующим образом: <Несправедливость, несправедливый поступок, поведение по отношению к кому-либо, незаслуженное оскорбление>; <чувство, вызываемое несправедливым, оскорбительным отношением к себе> [12, т. 2, с. 533]. На периферийность значения эмоциональной реакции в семантической структуре слово *обида* указывает «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: <несправедливо причинённое огорчение, оскорбление, а также вызванное им чувство> [7, с. 428].

На неоднозначность чувства, выражаемого словом *обида*, указывает Д.О. Добровольский: «Обида – это чувство, совмещающее в себе претензии к другим с жалостью к самому себе, это чувство возникает, когда человек, образно говоря, недополучает от своего окружения того количества любви (в самом широком смысле), которое ему причитается [2, с. 166]. Эти значения выявляют современные поэтические тексты:

*И не прими на душу грех,
Когда ты мрачный и разбитый,
Там, за стеною, чей-то смех
Сочесть завистливо обидой.*
(Е. Евтушенко)

*Успех другого не сочти обидой
Уму чужому втайне не завидуй,
Чужую глупость втайне пожалей*
(Е. Евтушенко)

*Не в силах изменить свою природу,
Я поименно помню всех врагов.
Обиды – шрамы ноют в непогоду.*

К прощенью я, простите, не готов.
(Э. Рязанов)

Новое эмотивное значение слово *обида* в качестве основного представлено в «Русском семантическом словаре» (Под общей ред. Н.Ю. Шведовой): <чувство задетого или оскорблённого самолюбия. Носить в себе обиду. Держать обиду в сердце, в душе и т.д.> [См.: 6, с. 270].

Развитие эмотивного значения у слова *обида* сопровождается трансформацией специальных значений, расширением сферы употребления и появлением новых производных. Увеличивается круг слов, в сочетании с которыми реализуются значения различных эмоциональных состояний, связанных с *обидой*: *испытывать обиду, свежая обида, жгучая обида* и др. «Кроме того, в тот миг меня всё ещё переполняла обида и хотелось чем-то себя занять» (В. Пелевин). «Злоба и обида сильно кололи душу. Моё самолюбие было уязвлено самым жестоким образом» (А. Рубанов). Словосочетания *личная обида, кровная обида*, обозначавшие ранее юридические понятия, также выражают чувства и эмоции [См.: 6, с. 270-271].

Отметим, что в своих переосмыслениях и перетолкованиях многих слов жаргонная лексика не обошла (т.е. «не обидела») и слово *обида*, и его дериваты. Так, используемое в разговорной речи слово *обиженный* <тот, кто обижен>, в жаргонной лексике употребляется как <преступник, преследуемый другими осуждёнными>. Слово *обиженный* в тюремной сфере обозначает человека «обиженного», затаившего в себе злобу и выражающую «обиду» в действиях, наносящих существенный вред другим (Материал взят из наблюдений автора).

Обращение к семантической истории слова-термина *обида* выявило значительные изменения в его смысловой и содержательной структуре. Слово *обида* использовалось в языке русского права, начиная с раннего периода как специальное родовое название разных преступных деяний – уголовных, материальных, моральных. К концу XVII века терминологическое значение слова *обида* сузилось до обозначения конкретного вида преступления, чаще всего – *оскорбления*. Появление и дальнейшее закрепление в семантической структуре слова *обида* значения чувства, связанного с ощущением несправедливости нанесённой обиды, сопровождалось трансформацией специальных значений, изменением их сочетательных свойств и стилистических параметров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великого-русского языка. Т. I – IV. М., 1989.
2. Добровольский Д.О. К сопоставительному анализу культурно-специфических концептов (на материале русского и немецкого текстов)// Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. М., 2006.

3. Зализняк А.А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. В 9-ти томах. М., 1987.
5. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Том 5. М., 1890.
6. Молдован А.М. Семантическая эволюция обиды в современном русском языке // Язык как материя смысла. Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. М., 2007, с. 263 – 272.
7. Ожегов С.И. и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., допол. М., 1999.
8. Правиков А.Ф. Памятник из законов, в дополнении, значащихся в прежних частях материй вновь сложившимся узаконениям. СПб. 1806, ч. 2.
9. Российское законодательство X – XI вв. В 9-ти томах. М., 1984 – 1989.
10. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008.
11. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории права. 2-е издание, дополненное. СПб., 1889.
12. Словарь русского языка в 4-х томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., 1981 – 1984.
13. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1 – 15. СПб., 1984 – 2005.
14. Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым Отделением Акад. наук. Т. 1 – 4. СПб., 1847.
15. Срезневский И.И. Русское слово. М., 1986.
16. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3-х томах. Репринтное изд-е. М., 1989.
17. Татищев В.Н. История России. В 7 томах. Т. 1. М.-Л., 1962.
18. Федорова М.Е., Сумникова Т.А. Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1985.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 – 4. М., 1986.

© Исазаде Валида Джавид гызы (farsifarsi@yandex.ru), Эфендиев Исрафил Исмаилович (israf@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Бакинский славянский университет

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

LINGUOECOLOGICAL ASPECT OF POLITICAL DISCOURSE RESEARCH

**K. Kokorina
E. Soboleva**

Summary: The article represents a study of the linguo-ecological component of political discourse as one of the special types of discourse that affects the literary form of language. The material for the analysis was the public speeches of Russian politicians over the past 10 years. The work is based on fundamental research of Russian scientists on linguoecology and the theory of political discourse. In the article, the authors analyze lexical units that directly affect the linguo-ecological situation in political discourse, namely: outdated vocabulary, foreign language borrowings, slang, jargon, invective vocabulary. According to the results of the study, it was concluded that most often these types of lexical units are used to implement the emotive function, to impart evaluativeness to the utterance, as well as to get closer to the potential target audience. The use of lexical units, that are not characteristic of the literary norm of the language, by the elite strata of society could become an evidence of transformation literary form, which leads to a blurring of the boundaries between the norms of the literary form of the language.

Keywords: linguoecology, political discourse, political communication, foreign language borrowings, slang, jargon, invective vocabulary.

Кокорина Ксения Александровна

Преподаватель, Военный университет Министерства
обороны РФ (г. Москва)
small.ksen@gmail.ru

Соболева Елена Владимировна

Преподаватель, Военный университет Министерства
обороны РФ (г. Москва)
sobalen@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой работу по исследованию лингвоэкологической составляющей политического дискурса как одного из особых видов дискурса, влияющих на литературную форму существования языка. Материалом анализа послужили публичные выступления российских политиков за последние 10 лет. Работа основана на фундаментальных исследованиях отечественных ученых по лингвоэкологии и теории политического дискурса. В статье авторами рассматриваются лексические единицы, напрямую влияющие на лингвоэкологическую ситуацию в политическом дискурсе, а именно: устаревшая лексика, иноязычные заимствования, сленг, жаргонизмы, инвективная лексика. По результатам исследования были сделаны выводы о том, что чаще всего данные виды лексических единиц используются для реализации эмотивной функции, для придания высказыванию оценочности, а также для сближения с потенциальной целевой аудиторией. Использование лексических единиц, не свойственных литературной норме языка, элитарными слоями социума может говорить о своеобразных трансформациях литературной формы, которые ведут к размыванию границ между нормами употребления лексики.

Ключевые слова: лингвоэкология, политический дискурс, политическая коммуникация, иноязычные заимствования, сленг, жаргонизмы, инвективная лексика.

В современную эпоху стремительного прогресса все чаще в фокусе внимания общественности оказываются проблемы, связанные с экологией различных сфер жизнедеятельности. Вместе с этим, текущая система научного знания, развивающаяся в рамках антропоцентрической макропарадигмы, смогла вобрать в себя аспекты экологизации.

Согласно данным словаря С.И. Ожегова «ЭКОЛОГИЯ, -и, ж. 1. Наука об отношениях растительных и животных организмов друг к другу и к окружающей их среде. Э. растений. Э. животных. Э. человека. 2. Состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и к окружающей среде. Э. леса. Э. водоема, почвы. Э. человека или социальная э. (взаимодействие человека, общества и окружающей среды). Э. культуры (перец.)» [8]

Кроме того, основными разделами экологии как науки принято считать следующие: общая экология, биоэко-

логия, социальная экология, промышленная экология, сельскохозяйственная экология, прикладная экология, экология человека, медицинская экология. В результате взаимопроникновения одних научных областей в другие и связанных с ними определенными трансформациями и преобразованиями в науке наблюдается формирование междисциплинарных отраслей научного знания, имеющих в своей основе экологический аспект. В современной лингвистике такой научной областью стала лингвистическая экология или эколингвистика.

Профессор А.П. Сковородников [13: 196], отмечая междисциплинарный статус лингвоэкологии, обращает внимание на ее тесное взаимодействие с рядом таких научных направлений, как лингвокультурология и социоллингвистика, этнолингвистика и этнопсихология, юридическая лингвистика и лингвоконфликтология. Помимо этого, немаловажным остается аспект культурно-исторической взаимосвязи народов и языков. Предметом эколингвистики ученый [13: 196] определяет «состояние

языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания и функционирования (в том числе социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на языковое сознание социума и, как следствие, на язык и его речевую реализацию), и, соответственно, способы и средства защиты языка и речи от негативных воздействий, с одной стороны, и пути и средства их обогащения и развития, с другой».

Вместе с тем отмечается, что сам подход к изучению фактов языка и речи с точки зрения эколингвистических исследований обусловлен социальной оценкой, выделенных для анализа единиц языка и речи, с учетом определенных социально-исторических факторов, особенностей развития самого языка, социокультурных норм, а также социально-политические и экономические факторы в контексте пантопохронии, то есть с позиции пространства и времени.

Можно говорить о том, что актуальность исследования языка и речи в русле эколингвистики обусловлена определенными процессами, происходящими в языке и с самим языком. «Смещение коммуникации в сторону неэкологичности» [13: 196] характеризуется такими процессами, как чрезмерная актуализация иноязычных заимствований в языке, стилистическое снижение речи и использование инвективных единиц, нарушение языковых норм, а также «оскудение словарного запаса в языковом сознании» [13: 196]. Так, в современной геополитической обстановке исследования экологичности политического дискурса приобретают особый интерес.

Это обусловлено несколькими факторами. В-первых, политический дискурс, будучи институциональным видом дискурса, имеет крайне динамическую природу. К характерным чертам политического дискурса Е.И. Шейгал [15] в работе «Семиотика политического дискурса» относит такие структурообразующие признаки, как институциональность, информативность, смысловую неопределенность, авторитарность

Кроме того, сама коммуникативная среда, в которой функционирует дискурс, определяет некоторые особенности, характерные данному виду дискурса. Так, его коммуникативная направленность вызвана социальной средой объективации дискурса. Вследствие этого реализация самого дискурса, его механизмов, стратегий, тактик во многом зависят от коммуникативной ситуации и социально-политической обстановки. В связи с использованием в работе термина «политический дискурс», нами было принято решение использовать определение политического дискурса, данное А.Н. Барановым, который определяет политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса или

формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [2:246].

На основе анализа текстов русскоязычного политического дискурса нами был выделен ряд аспектов, касающихся эколингвистической тематики, а именно: наличие заимствований, англицизмов в политическом дискурсе, фигурирование лексических единиц инвективного характера, сленга, жаргонизмов, нарушение языковых норм, а также обратный процесс, связанный с объективацией в речи политических деятелей устаревших лексических единиц.

Так, рассматривая устаревшие слова и выражения, фигурирующие в политическом дискурсе, необходимо отметить тот факт, что данный пласт лексики используется в качестве тропических средств, которые чаще всего служат для придания высказыванию эмотивной окраски, усиления эмфазы ключевой темы высказывания, а также, для придания тексту красочности и выразительности.

Следующий пример иллюстрирует вышесказанное: *«Глубоко убежден, такой рывок способно обеспечить только свободное общество, которое воспринимает все новое и все передовое и отторгает несправедливость, косность, дремучее **охранительство** и бюрократическую **мертвечину** — все то, что сковывает людей, мешает им в полной мере раскрыться, реализовать себя, свои таланты, а значит, и ограничивает устремленность в будущее всей нашей страны»* [4].

Необходимо отметить тот факт, что современное языкознание определяет процесс перехода лексических единиц в категорию устаревших слов как архаизацию. Так, согласно Стилистическому энциклопедическому словарю русского языка [5: 22] процесс архаизации в том или ином языке связан с наличием в последнем равноправных вариантов одной лексемы, которые также могут иметь стилистическую вариативность. При наличии определенных языковых изменений происходит расширение функционального поля одной лексемы за счет сокращения функционального поля ее варианта, что приводит к их контрастивному варьированию. Кроме того, можно заметить тот факт, что у редко употребляемого варианта меняется статус в языке. Так, сокращается количество употреблений данного варианта в качестве нейтрального, в то время как осознанное количество употреблений данного варианта в качестве заведомо устаревшего, возрастает.

Это также применимо к политическому дискурсу: *«В этом году наше заседание прошло невероятно насыщенно и с большим накалом. Наверное, многие сейчас в мире **истосковались** по живому общению и по обсуждению острых тем»* [3]. Используемая лексема «истосковались» относится к разряду устаревшей лексики и означа-

ет «соскучиться, ожидать чего-либо долго».

Следующим пластом лексики, вызвавшим внимание в контексте лингвистической экологии политического дискурса, являются заимствования, в частности, англицизмы. Социокультурное развитие, экономические изменения и глобализация современного общества обуславливают внедрение в русский язык большого количества иностранных заимствований, в первую очередь, это относится к англицизмам.

Как правило, употребление иноязычных заимствований в политическом дискурсе связано с номинацией понятий, возникших в эпоху глобализации. Однако, многие англицизмы, ставшие нормой политического дискурса, могут быть заменены на русскоязычные эквиваленты без видимого ущерба с позиции смысла высказывания, «собственно русскими словами и оборотами или давно «обрусевшими» заимствованиями: направление, тенденция, вектор, правило, привычка, мода, положение, запрос и т.д.» [13: 208]. К примеру, высказывания политиков пестрят такими лексемами, как *истеблишмент* (власти, представители власти), *лобби* (влияние монополий), *тренды* (тенденции) и другими: *Поэтому Путину еще предстоит столкнуться с тем, что американские консерваторы называют «культурными войнами», войной не с самим истеблишментом, но с питающим истеблишмент консервативным этосом большинства* [1].

Следующие примеры, также иллюстрирует употребление англоязычной номинации «*fake news*» взамен имеющегося русскоязычного выражения «фальшивые новости»:

Я. Чурикова: **Окей**. Обсудили. Это всё горячие темы.

Д. Медведев: Я понимаю. Вы ещё про **fake news** не спросили. Это, наверное, тоже важно [9].

Д. Медведев: Известный пример касается трагедии, которая произошла на пожаре, и некоторые другие случаи, когда **фейки** такие были присланы нам из-за границы, но тем не менее они стали цитироваться вполне **респектабельными** СМИ [9].

Кроме того, в данных примерах также присутствует лексема «*респектабельный*» (достойный, уважаемый), которая, в свою очередь, является англоязычным заимствованием (*respectable* – уважаемый). Лексема «*окей*» является общеупотребительным выражением согласия в английском языке. Приведенные примеры говорят о том, что в политическом дискурсе повсеместно наблюдается объективация иноязычных заимствований как обусловленных процессами экономического, социального и культурного развития общества, так и без определенной причины. В данном случае, англоязычные варианты могут быть заменены номенами родного языка без потери смысловой нагрузки политического высказывания.

В агрессивных формах политического дискурса все чаще наблюдается объективация выражений сленгового и жаргонного характера. Лексические единицы, которые с позиции стилистической принадлежности можно отнести к сленгу или жаргонизмам, употребляются политическими деятелями с целью придать своему высказыванию экспрессивность и оценочность, а интенсивное их употребление только усиливает эмфазу высказывания.

Выделенный нами пример служит доказательством того, что жаргонное выражение, употребляющееся в уголовной среде, «нести пургу» (говорить, писать вздор, что-либо абсурдное) используется в дискурсе В. Путина с целью негативной оценки работы своего пресс-секретаря: «*Вон Песков сидит напротив, мой пресс-секретарь, он несёт иногда такую «пургу», я смотрю по телевизору и думаю: чего он там рассказывает?*» [10].

Необходимо также отметить тот факт, что в политическом дискурсе наблюдается и объективация лексических единиц профессионального жаргона. В следующем примере Президент В. Путин употребляет выражение «пройти обкатку», которое в профессиональной среде механиков означает «проверить пригодность механического устройства путем череды пробных запусков»: «*В результате глобальной террористической угрозы может критически возрасти, охватить новые регионы, тем более, что в лагерях «Исламского государства» **проходят обкатку** боевики многих стран, в том числе из европейских*» [11].

По мнению отечественного лингвиста А.А. Реформатского, «могут быть заимствования и внутри одного языка, когда общий литературный язык заимствует что-либо из диалектов, профессиональной речи, жаргонов и наоборот» [5: 476]. Этот же процесс проявляется и в институциональных видах дискурса, в частности, политическом дискурсе, куда проникают не только лексические единицы жаргонного характера, но также сленга.

К примеру, Д. Медведев в своем дискурсе активно использует не только иноязычные заимствования, но и молодежный сленг «*Тогда, правда, не было **цифры**, но фотоаппараты-то были*» [9]. В данном примере **цифра** означает цифровые фото-, аудио- и видеоустройства. Все это происходит с целью попытки политических деятелей «сблизиться с народом», показать, что политик и его целевая аудитория говорят на одном языке, а значит, живут одними ценностями.

В связи с развитием полемических форм коммуникации в политическом дискурсе широкое распространение получает и инвективная лексика. Принимая во внимание тот факт, что эмотивная дискурсивная практика агрессивной направленности воспринимается объектами коммуникации в качестве вербального способа

выражения протеста по отношению к определенным социальным ситуациям, политический дискурс также стал своего рода плацдармом для использования лексем инвективного характера.

Так, к примеру, в процессе дебатов В. Жириновский неоднократно прибегал к использованию лексических единиц данной группы, выражая крайнюю степень эмоциональности и оценочности, а также, создавая мощный общественный резонанс: *«Замолчи, замолчи, дура, замолчи! <...> Ну, если она тупая, если мозгов нет?! <...> Что за идиотка, убери её отсюда! Убери эту проститутку, эту грязь отсюда, убери! Чёрная грязь! Отвратительная баба! [Распущенная женщина] последняя! <...> Сумасшедшая дура!»* [6].

Однако, в этой связи необходимо упомянуть о том, что употребление инвективной лексики в дискурсе, а тем более в политическом, находит отражение не только на имидже адресата высказывания, но также, оскорбляя адресата, политик как продуцент высказывания негатив-

но характеризует и самого себя. Кроме того, распространение лексики инвективного характера в политическом дискурсе может иметь негативный эффект по отношению к литературной форме языка.

Проанализировав определенные пласты лексических единиц политического дискурса, которые не входят в литературную форму существования языка, можно сделать вывод о том, что подобные факты намеренного использования лексики далекой от литературных норм давно укоренились в институциональном дискурсе политической сферы деятельности. Использование подобной лексики элитарными слоями социума может говорить о своеобразных трансформациях литературой формы языка, где происходит размытие границ между нормами употребления лексики, которые, также могут привести и к культурным изменениям. Таким образом, дальнейшая перспектива эколоингвистических исследований видится нам в исследовании других видов институционального дискурса, а также в анализе идеостилей.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Мягкая сила» Владимира Путина / Известия // Электронный ресурс <http://izvestia.ru/news/517657> (дата обращения: 25.11.2021).
2. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
3. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» / kremlin.ru // Электронный ресурс http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/66975 (дата обращения: 20.11.2021).
4. Инаугурационная речь Путина – полный текст / business-gazeta.ru // Электронный ресурс <https://www.business-gazeta.ru/news/381326> (дата обращения: 20.11.2021).
5. Котюрова М.П. Субъектность речи (текста) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Изд-е 2, испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 517-523.
6. Ксения Собчак остудила Владимира Жириновского стаканом воды / Коммерсант // Электронный ресурс <https://www.kommersant.ru/doc/3560419> (дата обращения: 05.12.2021).
7. Ниясов А.Г. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / Литературный мир. – 2009. (URL : <http://www.litmir.net/br/?b=1349178p/=24>).
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 2017. (URL : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36129>).
9. Онлайн-конференция Дмитрия Медведева с интернет-пользователями / Правительство России // Электронный ресурс <http://government.ru/news/36208/> (дата обращения: 25.11.2021).
10. Путин рассказал, что иногда Песков «несет пургу» / РИА-Новости // Электронный ресурс <https://ria.ru/20180310/1516075772.html> (дата обращения: 25.11.2021).
11. Путин: попытки вооружать террористов крайне опасны / РИА-Новости // Электронный ресурс <https://ria.ru/20150928/1288405865.html> (дата обращения: 05.12.2021).
12. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – Москва, 2001 – 536 с.
13. Сковородников А.П. О предмете эколоингвистики применительно к состоянию современного русского языка / Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. — С. 194–222.
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000. — 431 с.

© Кокорина Ксения Александровна (small.ksen@gmail.ru), Соболева Елена Владимировна (sobalen@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.Т. АКСаКОВА КАК ОСОБЕННЫЙ КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

Косянова Ольга Михайловна

*Д.п.н., профессор, Оренбургский государственный педагогический университет
dekanat12@yandex.ru*

SEMANTIC GROUPS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE WORKS OF S.T. AKSAKOV AS A SPECIAL COMPONENT OF THE WRITER'S IDIOSYNCRASY

O. Kosyanova

Summary: The article examines the features of the use of phraseological units in the works of S.T. Aksakov, identifies semantic and grammatical groups of phraseological units, analyzes the system connections of phraseological units in the context of the works of S.T. Aksakov, examines the vocabulary of limited use included in the phraseological units and reflecting the colloquial flavor of the Orenburg province, creating the specifics of the writer's idiosyncrasy.

Keywords: writer's idiosyncrasy, phraseological units, semantic and grammatical groups of phraseological units, specifics of use.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования фразеологических единиц в произведениях С.Т. Аксакова, выделяются семантико-грамматические группы фразеологизмов, анализируются системные связи фразеологизмов в контексте произведений С.Т. Аксакова, рассматривается лексика ограниченного употребления, вошедшая в состав фразеологизмов и отражающая разговорный колорит Оренбургской губернии, создающая специфику идиостиля писателя.

Ключевые слова: идиостиль писателя, фразеологические единицы, семантико-грамматические группы фразеологизмов, специфика использования.

Фразеология как отдельная лингвистическая дисциплина с начала своего существования (середине прошлого века) в процессе своего развития и становления решала различные задачи. Учеными – лингвистами были описаны и разработаны основные разделы этой дисциплины (В.В. Виноградов), выделены признаки фразеологических единиц, отличающие фразеологизмы от слова или словосочетания (Н.М. Шанский, Ю.П. Солодуб), описана структура и семантика фразеологических единиц (В.П. Жуков, А.М. Чепасова), рассмотрены особенности употребления фразеологических единиц в живом речевом потоке (В.Н. Телия) и т.д. В настоящее время весьма актуальным направлением фразеологической науки становится исследование писательской фразеологии, предполагающей изучение особенностей функционирования фразеологических единиц в художественном прозаическом или поэтическом тексте, или, по определению В.Н. Телии, употребление фразеологических единиц «в процессах организации высказывания» [7, с. 45].

Следует согласиться с позицией Н.М. Шанского, который, рассуждая о специфике идиостиля того или иного писателя, особое внимание уделял умению художника слова только ему присущим способом использовать в своих произведениях фразеологические единицы. Н.М. Шанский писал, что «исследование фразеологических оборотов как компонента идиостиля писателей позволяет решить целый ряд очень важных и сложных вопросов, касающихся

значимых единиц языка в целом, характера лексического значения слова, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, ряда проблем орфографии, стилистики, художественной речи и т.д.» [9, с.4].

Сергей Тимофеевич Аксаков, которому в 2021 году исполняется 200 лет со дня рождения, находится в одном ряду с самыми знаменитыми писателями девятнадцатого века, «золотого века» русской литературы [2, с.15]. По справедливому замечанию В. Кузнецова, «фразеологический строй художественного языка Аксакова поражает своей простотой и обычностью. Необыкновенно простые, «миллионжды» повторявшиеся слова, но в каком-то удивительно обаятельном порядке» [3, с.32]. Действительно, фразеологические единицы в текстах произведений С.Т. Аксакова очень частотны, практически не встречаются повести или рассказы, в которых не было бы зафиксировано ни одного фразеологизма. Проблемы идиостиля писателя рассматривались в работах Максимовой Т.Ю., Ревзиной О.Г. и других исследователей [6; 7]. Нам представилось очень интересным рассмотреть особенности идиостиля писателя С.Т. Аксакова в контексте фразеологии.

В ходе исследования произведений Сергея Тимофеевича Аксакова «Степан Михайлович Багров», «Михайла Максимович Куролесов», «Женитьба молодого Багрова»,

«Молодые в Багрове», «Жизнь в Уфе» «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Странные случаи на охоте» и др. было выявлено 530 фразеологических единиц. Весь собранный языковой материал в процессе аналитического исследования был рассмотрен в двух аспектах: с точки зрения семантики фразеологических единиц, и с точки зрения особенностей употребления фразеологических единиц в художественных текстах С.Т. Аксакова, то есть как компонент идиостиля писателя.

Рассматривая фразеологические единицы, функционирующие в произведениях С.Т. Аксакова, с точки зрения их семантики, мы взяли за основу классификацию, предложенную А.М. Чепасовой, которая разделила фразеологизмы на семантико-грамматические классы: предметные, процессуальные и т.д. [8, с.12]. Аналитическое исследование фразеологических единиц, обнаруженных в произведениях С.Т. Аксакова, позволило констатировать, что наибольшую группу составляют предметные фразеологизмы (примерно третья часть от общего количества выявленных фразеологических единиц), далее по частотности употребления следуют процессуальные фразеологизмы (1/5 часть); достаточно часты модально-междометные фразеологизмы (1/4 часть) и в равных долях представлены призначные, местоименные, количественные качественно-обстоятельственные фразеологизмы, обнаруженные в произведениях С.Т. Аксакова. Нельзя утверждать, что такое распределение семантико-грамматических групп фразеологизмов в произведениях С.Т. Аксакова является особенностью его авторского индивидуального стиля. Скорее всего, такое же соотношение характерно для большинства прозаических произведений, так как в них авторы описывают то или иное количество действующих персонажей, предметов, их окружающих, мест, где происходит действие и т.д. По справедливому замечанию Щуркиной В.А. «персонажи живут, совершают различные действия, описывая которые писатель наполняет художественный текст гибкостью, динамикой, которая варьируется от полной статичности до стремительного разворота событий» [10, с.56]. Данные факторы, собственно, и обуславливают доминирование в художественном тексте предметной и процессуальной лексики, а также фразеологизмов с предметным и процессуальным значением. Сравнительно небольшой процент употребления фразеологизмов других групп обусловлено, с нашей точки зрения, тем, что они призваны по-разному определять качество, признаки и количество предметов, явлений, событий или характеризовать признаки действий и т.д., то есть выполнять вспомогательные, уточняющие, конкретизирующие и т.д. функции. Так для фразеологизмов, функционирующих в произведениях С.Т. Аксакова, традиционно частотны фразеологизмы, обозначающие человека. Фразеологической единицей может быть обозначено одно лицо: *Он был белой вороной, потому что очень люби трудиться и не обращал внимания, когда ему кто-то делал по этому поводу за-*

мечание. Его невозможно было оторвать от работы. [1, с. 21]. Фразеологизм – *белая ворона* имеет значение - человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, не похожий на них.

Фразеологизмом может быть обозначено некое множество лиц как совокупное целое: *К кругу потомственных дворян он себя не причислял, хотя вкусы и привычки у него были соответствующие.* [1, с.35]. Фразеологизм *потомственные дворяне* восходит к фразеологизму *столбовые дворяне* и имеет значение - потомственные дворяне знатных родов, занесенных в 16 – 17 вв. в столбцы (родословные книги), в отличие от дворян более позднего происхождения.

Примерно четвертая часть фразеологизмов предметной группы составляют фразеологизмы, обозначающие или называющие какие-либо вещи, явления и т.д. Например: *Бока пролежишь, дожидаясь белого дня.* [1, с.46]. Фразеологизм *белый день* имеет значение «днем, когда светло» и обладает особой структурной слитностью. Однако следует отметить, что контекстуально в произведении С.Т. Аксакова выражение «белый день» приобретает несколько иное значение – «собственно светлая часть дня».

Несмотря на констатацию того факта, что в основном использование фразеологических оборотов С.Т. Аксаковым традиционно, все же внутри исследуемых семантико-грамматических групп фразеологизмов, представленных в произведениях С.Т. Аксакова, некоторые индивидуальные особенности идиостиля авторов все же были выявлены. В частности, проведенное исследование показало, что внутри предметных фразеологизмов довольно многочисленными и разнообразными оказались фразеологизмы, которые обозначают или отвлеченные понятия, или некую этическую, качественную характеристику предмета или явления. Например: *У Багрова-старшего был свой взгляд на вещи. Чтобы переубедить его, нужно было очень сильно постараться. Но не эмоциями, а рассуждениями и выводами.* [1, с. 32]. Фразеологизм *взгляд на вещи* имеет значение – мировоззрение, философская позиция. Или: *Здравый смысл его никогда не покидал. Его присутствие ощущалось в каждом слове, в каждом движении деда.* [1, с.6] Фразеологизм *здравый смысл* имеет значение – рассудочность.

Объяснение данному факту можно найти в том, что, как правило, автор художественного произведения, в своем тексте использует больше отвлеченных понятий, используя для этого не только лексику, но и фразеологические единицы отвлеченного характера.

Следует также отметить, что среди предметных фразеологизмов, функционирующих в произведениях С.Т. Аксакова, довольно часты случаи преобразования фразеологических единиц. Этот процесс можно объ-

яснить тем, что в творчестве С.Т. Аксакова присутствует большое количество описаний, наименований новых предметов и явлений, так как действие регулярно перетекает из одного места в другое. Автор использует не только готовые фразеологизмы, но и предлагает свои варианты употребления того или иного фразеологизма. Так, например, в различных главах фразеологизм «гений места», что указывает на человека, знающего свое дело, стремящегося доводить все до конца, переложен в несколько других фразеологизмов. Например: *Евгения Вячеславовича можно назвать гением места: он проработал в клубе больше тридцати лет.* [1, с.54]

Все его считали человеком недалеким, немного глупым, а на самом деле он был мастером местного разлива и мог поспорить в своем мастерстве со многими маститыми людьми. [1, с.65]

Анализ всей цепочки фразеологизмов, аналогичных фразеологизму «гений места», дал следующие результаты: *гений места – мастер местного разлива – гений родины – умник сельский – голова села Светлое.*

Как правило, производные фразеологизмы, употребленные С.Т. Аксаковым, приближены к местным темам, что придает им еще большую ценность. Особый интерес в этом отношении представляют языковые единицы группы «процессуальные фразеологизмы». В первую очередь, следует отметить те фразеологические единицы, которые в своем составе имеют слова ограниченного употребления, свойственные, например, речи охотников, рыбаков и т.д. Интересно, что С.Т. Аксаков сам в своих произведениях называет ту группу лиц, которые используют эти слова, используя вводные конструкции типа «по словам охотников», «как говорят охотники» и др.. Кроме того, довольно часто автор сам дает пояснение фразеологизму с малоизвестной лексемой в составе. Например: *«Стрельба тетеревов в осень по-голу, или по чернотопу, как говорят охотники, а также по первозимью, по неглубокому еще снегу, имеет свой особый характер»* [1, с.79]; *«Говорят охотники также про себя или другого в случае ошибки: «Какую вяху дал»* [1, с.123]; *«Точно так же выстрелив с поперека в летящего бекаса, шагах в сорока от меня, я дал промах; бекас крикнул, наддал и понесся еще быстрее»* [1, с.124]; *«Я послал охотника с ястребом верхом поискать в наездку русаков, которые тогда совершенно выцвели, а сам поехал стрелять тетеревов»* [1, с.78]; *«Я видал охотников (даже испытал на себе), которым впоследствии стоило большого труда освободиться от панического страха дать пудель, то есть промахнуться»* [1, с.88].

Анализ группы процессуальных фразеологизмов показал, что среди них довольно часто встречаются фразеологизмы-антонимы, такие как *палки в колеса – дать зеленый свет*. Они составляют семьдесят пять процен-

тов от общего количества фразеологизмов-антонимов. Связано это с тем, что герои произведений С.Т. Аксакова переезжают с места на место очень часто и с ними постоянно происходят определенные события: с кем-то они дружат, с кем-то ссорятся, кого-то нанимают в работники, с кем-то знакомятся и заводят деловые отношения. Соответственно, для того чтобы придать тексту образность, эмоциональность, яркость, автор использует фразеологизмы-антонимы, которые способствуют более интенсивному описанию событий. Фразеологизмы-антонимы используются автором как отдельно друг от друга, так и в одном предложении для сопоставления отношения героев к какому-либо другому лицу. Например; *Тимофей привык к тому, что ему всегда совали палки в колеса.* [1, с. 35]; *Николаю нравилось, что папа обеспечил ему везде зеленый свет.* [1, с.38]; *Никто и не сомневался в том, что для своих внуков дед сделает все, чтобы после его смерти и Никите, и Матвею везде был зеленый свет, а вот чтобы ненавистному Сашеньке везде и всюду совали палки в колеса.* [1, с.35].

Следует отметить, что из пятисот тридцати проанализированных фразеологических единиц, функционирующих в произведениях С.Т. Аксакова, сто фразеологических единиц вошли в антонимические ряды, и около двухсот фразеологизмов имели синонимы. Например: *поминай как звали – пропал бы ты без вести* («Охота с острогою»); *изо всех сил – что есть мочи* («Охота с острогою») – *в одну минуту* («Ловля шатром тетеревов и куропаток») и др.

В компонентном составе фразеологизмов, использованных в текстах С.Т. Аксакова, есть устаревшие по отношению к нашему времени слова и словоформы, такие как: *напитаться кровию, паче зеницы своего ока, среди бела дня* и др. Например: *«Но нет, чувствую, что моя злоба, выходя из пределов, возбуждает меня ко мщению. Иду напитаться кровию лютейшего врага моего»* [1, с.47]; *«Алексей Степаныч находился в необходимости соглашаться на такую строгую докторскую опеку, потому что получал частые приказания от своего отца беречь жену паче зеницы своего ока»* [1, с.59]; *«Мелкие чиновники и дворяне перед ним дрожкой дрожат, потому что он всякого, кто осмеливался делать и говорить не по нем, хватал среди бела дня. Сажал в погреб или овинные ямы и морил холодом и голодом на хлебе да на воде, а некоторых без церемоний дирал немилосердно какими-то кошками»* [1с. 64].

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод, что фразеологические единицы, использованные автором в его произведениях, во многом определяют особенности идиостиля С.Т. Аксакова. Довольно значительная часть предметных и процессуальных фразеологизмов, которыми обозначены или описаны вещи, события, люди, действия, которые персонажи

произведений С.Т. Аксакова совершают, чувства, которые они испытывают, авторская оценка в форме фразеологизма, обозначающего поведение, поступки человека присутствуют в текстах произведений С.Т. Аксакова, отражая особенности его восприятия окружающего мира, создавая в какой-то степени образ самого автора с его пристрастием к охоте, рыбалке, к русскому меткому слову. Предметные фразеологизмы

и образованные от исходных фразеологизмов синонимические ряды, а также фразеологизмы-антонимы, относящиеся большей частью к процессуальным фразеологическим единицам, используются в произведениях С.Т. Аксакова с целью придания текстам эмоциональности, яркости, образности, создания особого колорита. Подобное явление является особенностью идиостиля писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков С.Т. Семейная хроника. Вступительная статья А.В. Губнева. – М., 2000. – 123с.
2. Ковтунова И.И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – М.: Просвещение, 1986. – 268 с.
3. Кузнецов В. Возвращение «Багрова внука». Записки о творчестве С.Т. Аксакова. – 125с.
4. Максимова Т.Ю. С.Т. Аксаков. Анализ художественных произведений писателя. – М.: Дрофа, 2001. – 128 с.
5. Молчанова О.Т. Художественный текст. Проблема идиостиля писателя. – М.: Наука, 2000. – 432с.
6. Ревзина О.Г. Очерки истории языка русской литературы. Опыт описания идиостилей. – М.: Художественная литература, 1995. – 185 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 288с.
8. Чепасова А.М. Динамичность фразеологизмов русского языка // Динамика фразеологического состава языка. Тез. докл. междунар. научн. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. – С.80-81.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 2000. – 233с.
10. Щуркина В.А. Записки о языке С.Т. Аксакова. – М., 2001. – 145с.

© Косянова Ольга Михайловна (dekanat12@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Оренбургский государственный педагогический университет

ЯЗЫКОВЫЕ МИФОЛОГЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИКИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

LINGUISTIC MYTHOLOGEMS IN THE MIRROR OF TOPONYMY OF THE ROSTOV REGION

*M. Kravchenko
O. Kravchenko*

Summary: The purpose of the research is to study the representations and images of language formed by the ordinary metalanguage consciousness of native speakers. The material for the study was metalanguage statements (reflexives), which contain semantic evaluation and interpretation (including elements of folk etymology) of lexemes belonging to the thematic group of toponyms of the Rostov region. Among the lexemes of this thematic group, the main attention is paid to the study of oikonyms. The analysis of the manifestations of metalanguage reflection of native speakers shows that linguistic myths, classified as mythologems based on the allocation of a semantic feature, according to which the etymology of a toponym is determined, act as a kind of markers of metalanguage activity carried out by ordinary metalanguage consciousness.

Keywords: metalanguage reflection, mythologems, toponyms, oikonyms, reflexives.

Кравченко Михаил Александрович

*К.филол.н., доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения
mak@rgups.ru*

Кравченко Оксана Викторовна

*К.филол.н., доцент, Ростовский государственный экономический университет
Oksanka_2007@mail.ru*

Аннотация: Цель исследования заключается в изучении представлений и образов языка (о языке), формируемых обыденным метаязыковым сознанием носителей языка. Материалом для исследования послужили метаязыковые высказывания (рефлексивы), в которых содержатся семантическая оценка и интерпретация (включая элементы народной этимологии) лексем, относящихся к тематической группе топонимов Ростовской области. Среди лексем указанной тематической группы основное внимание уделяется изучению ойконимов. Анализ проявлений метаязыковой рефлексии носителей языка показывает, что своеобразными маркерами метаязыковой деятельности, осуществляемой обыденным метаязыковым сознанием, выступают лингвистические мифы, классифицируемые типу мифологем на основании выделения семантического признака, в соответствии с которым определяется этимология топонима.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, мифологемы, топонимы, ойконимы, рефлексивы.

Как известно, одной из основных особенностей языкового сознания является его способность к рефлексии. Причем рефлексивность сознания направлена не только на концептуализацию внешнего мира, но также на формирование «осознанных», «отрефлектированных» представлений о внутреннем мире человека. Более того, в фокус исследовательского внимания языкового сознания попадает собственно язык, благодаря чему обеспечивается реализация так называемой «автореферентной» функции языка. Тем самым язык обретает уникальное для семиотических систем свойство – способность к самоописанию и самоинтерпретации. Ту часть языкового сознания, содержание которой определяется рефлексией над языком и связанными с ним явлениями, принято называть метаязыковым сознанием (о соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» см. в [Кравченко М.А., Кравченко О.В., 2015]). Именно когнитивный потенциал метаязыковой рефлексии лежит в основе метаязыковой деятельности носителей языка.

Метаязыковая деятельность может принимать самые разнообразные формы. Так, метаязыковая деятельность призвана помогать в решении широкого спектра про-

фессиональных задач в области лингвистики, литературоведения, журналистики, рекламы, связей с общественностью, политических коммуникаций, маркетинга, юриспруденции, в сфере литературного и иных видов словесного творчества. Однако заблуждением было бы считать, что проявления метаязыковой рефлексии ограничиваются рамками профессиональной деятельности лингвистов, журналистов, рекламистов, копирайтеров и писателей. Метаязыковая деятельность может осуществляться не только на профессиональном уровне, но и на «любительском» уровне рядовыми носителями языка.

Метаязыковая деятельность рядовых носителей языка свидетельствует о наличии глубокого интереса к феномену языка на бытовом уровне. Корпус рефлексивов (метаязыковых высказываний в широком значении этого термина), являющихся продуктом метаязыковой деятельности рядовых носителей языка, выступает в качестве специального предмета лингвистических исследований. Лингвистические исследования, направленные на изучение любительских, наивных высказываний о языке или его компонентах, принято объединять в рамках теории, называемой наивной лингвистикой [Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингви-

стика, 2008], стихийной лингвистикой [Булыгина, Шмелев, 2000], обыденной лингвистикой [Шумарина, 2011, 14]. При этом наиболее устоявшимся является термин «наивная лингвистика».

Настоящее исследование выполнено в русле отечественной теории наивной лингвистики. Его цель заключается в изучении представлений и образов языка (о языке), формируемых обыденным метаязыковым сознанием носителей языка. Материалом для исследования послужили метаязыковые высказывания (рефлексивы), в которых содержатся семантическая оценка и интерпретация (включая элементы народной этимологии) лексем, относящихся к тематической группе топонимов Ростовской области. Среди лексем указанной тематической группы основное внимание уделяется изучению ойконимов.

Обращение к топонимике для решения поставленных в исследовании задач носит целенаправленный и осознанный характер. По нашему мнению, онимы, в отличие от большинства апеллативов, сохраняют семантическое свойство мотивированности, которое сообщает им внутреннюю иконичность и позволяет реализовать в языке образное начало. Можно сказать, что онимы представляют собой своего рода «живые» слова, тогда как имена нарицательные в соответствии со знаменитым поэтическим изречением Н.С. Гумилева – «мертвые» (ср. стихотворение Н.С. Гумилева «Слово»). В этой связи естественным выглядит интерес обыденного метаязыкового сознания к образным компонентам языка.

Следует отметить, что топонимика Ростовской области неоднократно выступала в качестве объекта лингвистических исследований. Так, топонимы региона изучались в структурно-семантическом аспекте [Отин, 2012; Бессмертный, Меринова, Петров, 2021], этимологическом и лингвогеографическом аспектах [Акиндинов, 1992; Манджиева, Кичикова, 2017], когнитивном аспекте [Полубоярин, 2009]. Настоящая работа решает иные задачи. Топонимика региона исследуется с точки зрения порождения метаязыковых высказываний, в аспекте изучения метаязыковой рефлексии. Для этого нами были отобраны рефлексивы, в которых форма и (или) семантика топонимов подвергается специальной интерпретации со стороны рядовых носителей языка. Как показал анализ собранного материала, объектом рефлексии могут выступать самые разнообразные формальные и семантические характеристики знака. Для того чтобы сузить и конкретизировать поле исследования мы отдельно проанализировали рефлексивы, содержащие информацию о происхождении ойконимов. Таким образом, если объектом нашего исследования являются метаязыковые высказывания о топонимах Ростовской области, то в качестве предмета исследования выступают рефлексивы, описывающие происхождение этих топонимов.

Методика исследования носит синтетический характер в том смысле, что для анализа используются как традиционные, так и экспериментальные методы. К традиционным методам относятся методы наблюдения и описания языковых фактов. Результаты, полученные благодаря этим методам, дополняются данными семантического эксперимента. Порядок проведения последнего предполагал анкетирование респондентов на предмет выбора наиболее вероятной этимологии ойконимов, а также порождение у интервьюируемых свободных метаязыковых высказываний о происхождении ойконимов. В качестве референтной группы были выбраны студенты-бакалавры начальных курсов языковых направлений подготовки Таганрогского педагогического института имени А.П. Чехова. Указанный выбор обусловлен стремлением, с одной стороны, избежать участия в эксперименте лингвистов-профессионалов, что могло оказать существенное влияние на его «чистоту» (лингвиста-профессионала, решающего языковую задачу, нельзя отнести к числу рядовых носителей языка), с другой, – задействовать в эксперименте респондентов с достаточно развитым языковым чутьем и способностями, чтобы в последствие иметь возможность сравнить полученные результаты эксперимента с данными наблюдений над метаязыковой рефлексией рядовых пользователей языка.

С точки зрения объема и текстовой организации, рефлексивы в наивной лингвистике, изучающей проявления обыденного метаязыкового сознания, принято разделять на рефлексивы-высказывания и рефлексивы-тексты. Первые инкорпорированы в крупные тексты и выступают в качестве их составных частей (как правило, не очень больших, тематически второстепенных или вспомогательных в раскрытии основной темы). Вторые организованы как отдельные тексты, все пространство которых занимают метаязыковые комментарии. В них языковым явлениям дается метаквалификация и присваиваются метаимена. Рефлексивы-тексты, конечно, более характерны для профессиональных сфер. Так, тексты лингвистических исследований реализуются в виде текстов-рефлексивов.

В наивной лингвистике, наоборот, преобладают рефлексивы-высказывания. Рефлексивы-тексты сравнительно редки. В результате метаязыковой деятельности рядового носителя языка рефлексив-текст зачастую приобретает черты мифа. В последние несколько десятилетий лингвистические мифы стали специальным предметом исследований [Кашкин, 2002; Гудков, 2009; Шумарина, 2011, 157-193]. Научный лингвистический текст и лингвистический миф при относительной структурной близости кардинально отличаются в содержательном плане. Содержательные различия объясняются неоднородностью феномена метаязыкового сознания, которое может выступать как в научном, так и в обыденном вариантах. Лингвистическая статья создается в процессе научной

метаязыковой рефлексии, лингвистический миф – продукт обыденного метаязыкового сознания.

Наблюдения над собранным в целях выполнения настоящего исследования эмпирическим материалом позволили установить любопытную закономерность: метаязыковые высказывания о топонимах зачастую принимают форму рефлексивов-текстов. Наблюдается отчетливая тенденция к расширению метаязыковых комментариев об этимологии ойконимов до объемов лингвистического мифа. При этом лингвистический миф существует в форме легенды (легенд) о происхождении топонима. Как правило, содержание легенды не имеет веских лингвистических и исторических оснований, а иногда полностью противоречит реальной этимологии слова, что не мешает её устойчивому бытованию в народной среде. Наличие большого количества легенд, объясняющих происхождение топонимов, по нашему мнению, свидетельствует о том, что мотивированность и языковая образность изучаемого класса слов способствует раскрытию потенциала мифопоэтического творчества носителей языка. Названный потенциал реализуется через деятельность обыденного метаязыкового сознания.

Выявленные лингвистические мифы целесообразно классифицировать в зависимости от мифологем, которые положены в их основание. Под мифологемой мы понимаем семантический признак, детерминирующий этимологию топонима, эксплицитно выраженный в рефлексиве-тексте.

Анализ собранного языкового материала показал, что наиболее распространенной является антропонимическая мифологема. Суть данной мифологемы заключается в отнесении ойконима к имени (фамилии, прозвищу) человеческой личности. Тем самым имя населенного пункта позиционируется как производное от имени «героя», в той или иной степени связанного с этим населенным пунктом. Мифологема развивается в более или менее разработанную легенду, которая во многих случаях далека от реального происхождения топонима. Существование антропонимической мифологемы мы проиллюстрируем наиболее типичными и известными в донской топонимике мифами. Общим местом этих мифов является попытка на базе некоторого звукового сходства соотнести ойконим с именем легендарной или исторической личности. При этом факт заведомо ложной этимологии не становится препятствием для формирования и распространения легенды.

1. *Семикаракорск*. В соответствии с местной легендой город обязан своим именем роду Каракоровых. Легенда гласит (некоторые её варианты представлены даже в стихотворной форме) о семи братьях Каракоровых, которые в допетровские времена обосновались на Дону,

спасаясь от преследований в отношении старообрядцев. Наряду с мифом о Каракоровых бытует менее популярная легенда о донском атамане Семене Каракоры – основателе города. В обоих случаях антропонимическая мифологема вырастает из наивного толкования звукового облика ойконима. В действительности современный звуковой облик ойконима *Семикаракорск* представляет собой результат трансформации слов тюркского происхождения под влиянием фонетической системы русского языка. Тюркская этимология топонима считается доказанной. Некоторые споры ведутся только вокруг её тюркоязычных вариантов. В настоящий момент наиболее вероятной считается версия происхождения ойконима от слов «кага» – «черный» и «qale» – «крепость». Данная версия подтверждается археологическими данными: вблизи Семикаракорска археологи обнаружили остатки одной из крупнейших хазарских крепостей.

2. *Егорлыкская*. Местная легенда связывает ойконим с именем Егора Лыкова. Сведения об основателе населенного пункта ограничиваются исключительно пространством мифа. При этом, этимология топонима достаточно прозрачна (что, однако, не помешало рождению и распространению мифа). Ойконим, бесспорно, восходит к гидрониму *Егорлык*. Имя реки документально зафиксировано уже в глубокой древности. С высокой долей вероятности оно образовано от тюркского корня «agri» – «кривой» (по-видимому, мотивировано признаком извилистости русла реки).

3. *Батайск*. В соответствии с легендой, перекочевавшей в краеведческие очерки, ойконим *Батайск* происходит от имени знаменитого монгольского хана Батыя (Бату). Легенда утверждает, что в далеком XIII веке в районе современного города располагалась ставка хана Батыя, а топоним образовался в результате соединения имени полководца с тюркским словом «su» - «вода, ручей». Таким образом, согласно мифу, *Батайск* переводится как «ручей Батыя». Следует отметить, что особую устойчивость антропонимической мифологеме придает возможность связи топонима не просто с некой легендарной личностью, а с личностью исторической. В этом случае миф претендует на прохождение исторической верификации. Однако апеллирование мифа к историческим реалиям не делает его объективным. Легенда о топониме *Батайск* не подтверждается ни лингвистическими, ни историческими данными. Название города имеет гидронимическое происхождение (ср. гидроним *Мокрый Батай*). Происхождение гидронима, в свою очередь, объясняется исходя из тюркской этимологии. Специалисты в области этимологии предлагают несколько вариантов интерпретации, но ни один из них не связан с именем монгольского хана.

4. *Самбек*. Вокруг ойконима *Самбек* сформировался целый ряд легенд о Петре I и эпохе завоевания бере-

гов Азовского моря. Фонетическая форма топонима не давала оснований для создания антропонимической мифологемы. Однако образ первого российского императора настолько мифологизирован в окрестностях города Таганрога (село Самбек расположено в нескольких километрах от Таганрога), что обыденное метаязыковое сознание смогло его связать с указанным топонимом. По легенде, своим существованием топоним обязан словам Петра I. Здесь легенда распадается на две основные версии. По одной из них император обозначил место современного села как «там, где он сам бёг» (т.е. отступал от наступающих турецких войск). В соответствии с этой версией *Самбек* трансформировался из «сам бёг». По другой версии, апеллирующей ко второму слогу онима «бек» (тюркский корень «бек» обозначает «господин», «правитель»), император, находясь в этих местах, сказал по какому-то поводу: «Я сам бек», имея в виду «Я сам господин». Таким образом, легенда утверждает, что имя Самбеку дало высказывание Петра I. Языковая мифологема *Самбека* представляет собой своеобразную мифологему-перформатив. Реальная этимология топонима *Самбек* связана с тюркизмами со значением «овраг», «низина». Этот вариант этимологии подтверждается характером рельефа местности поселка, а также тем фактом, что на Юге страны существует несколько населенных пунктов с именем Самбек.

Топонимика Ростовской области может представить большое количество других примеров реализации антропонимической мифологемы. Подобная «продуктивность» этой мифологической модели определяется, по нашему мнению, двумя основными факторами.

Во-первых, антропонимический принцип номинации населенных пунктов является одним из самых распространенных. В этом смысле топонимика Ростовской области не относится к исключениям. Иллюстрацией этому является далеко не исчерпывающий список ойконимов Ростовской области, имеющих антропонимическую основу: *Константиновск* (в честь Великого князя Константина Николаевича – сына императора Николая I); *Милютинская* (в честь Д.А. Милютина – министра Правительства императора Александра II); *Шолоховский* (в честь писателя М.А. Шолохова); *Гуково* (по фамилии основателя – казачьего сотника Гукова); *Зверево* (по фамилии основателей – помещиков братьев Зверевых); *Красный Сулин* (по фамилии основателя – полковника Андрея Сулина); *Миллерово* (по фамилии основателя – казачьего старшины, немца по происхождению, Ивана Миллера). Под влиянием многочисленных примеров ойконимов с относительно прозрачной этимологией метаязыковое сознание рядовых носителей языка переносит по закону аналогии антропонимический принцип на другие топонимы, развывая мифологему на фоне ложной этимологии.

Во-вторых, «продуктивность» антропонимической

мифологемы опирается на механизм коллективного бессознательного. Миф о создателях городов является одним из базовых архетипов человеческой культуры (ср. знаменитые мифы об основании Рима, Афин, Киева). В поисках ответа на вопрос о происхождении топонима обыденное метаязыковое сознание может интуитивно обращаться к антропонимической модели.

Антропонимическая мифологема является наиболее «продуктивной», но не единственной мифопоэтической моделью восприятия топонимов наивными лингвистами. Наблюдения над корпусом собранных примеров, а также данные проведенного семантического эксперимента убедительно продемонстрировали, что в ряде случаев обыденное метаязыковое сознание создает мифологемы, построенные на других семантических признаках. При этом особенно интересным выглядит тот факт, что в ходе мифотворчества может оспариваться реальное антропонимическое происхождение топонимов. Отказ обыденного метаязыкового сознания от антропоцентрического восприятия этимологии топонимов может быть продиктован, с одной стороны, низким прецедентным потенциалом личности, от имени которой образован ойконим, с другой стороны, высокой образностью и экспрессивностью иных семантических ассоциаций, возникающих в процессе восприятия формы топонима.

К числу альтернатив антропонимической мифологеме в мифопоэтическом творчестве наивных лингвистов следует отнести мифологему природного пространства. Последняя формируется на базе широкого спектра семантических признаков, отражающих особенности географического положения, рельефа местности, природно-климатических условий, характерных для населенного пункта. Таким образом, в основу номинации топонима кладутся признаки, относящиеся к характеристике природного пространства. Как правило, это происходит за счет семантических ассоциаций, возникающих при восприятии формы топонима.

Типичным примером реализации мифологемы природного пространства являются наивные представления о происхождении ойконима *Синявское*. Лингвистический миф считает ойконим производным от прилагательного *синий* (при этом явные нарушения правил словообразования во внимание не принимаются). Обыденное метаязыковое сознание видит в данной номинации отражение признака цвета, якобы, характерного для природного пространства населенного пункта. Внутренняя форма топонима объясняется следующим образом: село Синявское, расположенное в дельте реки Дон вблизи Азовского моря, окружено пейзажами, в которых доминирует синий цвет. Стойкость указанной мифологемы в метаязыковом сознании объясняется не только её внутренней образностью, но также влиянием традиций номинации топонимов: в русском языке сотни

ойконимов происходят от прилагательных, обозначающих цветовые характеристики. Тем самым мифологема формируется в том числе под действием закона языковой аналогии. Обыденное метаязыковое сознание принялось развивать семантическую ассоциацию природного пространства, а реальное антропонимическое происхождение топонима было вытеснено за пределы лингвистического мифа (топоним *Синявское* образован от фамилии основателя населенного пункта - русского адмирала Алексея Наумовича Сенявина (Синявина), командовавшего Азовской флотилией в годы одной из русско-турецких войн).

Примером реализации мифологема природного пространства может служить народная этимология топонима *Морозовск*. Реальное происхождение номинации имеет антропонимическую природу и, по всей вероятности, связано с фамилией первопоселенца. Однако под влиянием внутренней формы топонима и данных об особенностях природно-климатических условий (город Морозовск расположен на севере Ростовской области и в зимний период является одним из самых «холодных» районов области) в народном сознании ойконим воспринимается как «город морозов». Пример с развитием лингвистического мифа вокруг топонима *Морозовск* свидетельствует также о том, что активной метаязыковой рефлексии на предмет осмысления происхождения подвергаются не только топонимы, имеющие многовековую историю, и этимология которых скрыта исторической завесой, но также слова, появившиеся в языке относительно недавно (ойконим *Морозовск* образован в XX веке).

К числу устоявшихся мифологем следует также отнести мифологему культурного пространства. Подобно мифологеме природного пространства, в своем развитии она опирается на семантические признаки, эксплицирующие характеристики топоса. Но эти признаки имеют не природное, а культурное происхождение, т.е. созданы

в результате деятельности человека. Интересный пример реализации мифологема культурного пространства представляет собой легенда о происхождении топонима *Богудония*. Богудонией называется один из исторических районов города Таганрога. Лингвистический миф, отталкиваясь от внутренней формы топонима, видит в нем производное от словосочетания «Богом данный». Кроме фонетического сходства, легенда питается тем фактом, что район является религиозным центром города, в котором расположен соборный храм. К тому же, уже согласно собственно исторической легенде, храм расположен на месте, на котором стояла палатка Петра I во время основания города. Следующее звено в цепочке ассоциаций приводит к восприятию места как Богом избранного, Богом данного.

Реальное происхождение топонима оказывается гораздо более прозаичным. Оно имеет антропонимические корни и воспроизводит в несколько измененном виде непривычную русскому уху и языковому сознанию фамилию Боудон (отставной поручик Александр Боудон был одним из организаторов рыболовецкой артели, которая располагалась в этом районе города).

В заключении отразим основные выводы проведенного исследования. Нами было установлено, что изучение топонимики позволяет выявить проявления метаязыковой рефлексии носителей языка. Своеобразными маркерами метаязыковой деятельности, осуществляемой обыденным метаязыковым сознанием, выступают лингвистические мифы о происхождении топонимов. Механизм лингвистического мифотворчества опирается на феномен народной этимологии. Лингвистические мифы классифицируются по типу мифологем. Основанием для классификации становится семантический признак, в соответствии с которым определяется этимология топонима. Наиболее распространенными являются антропонимическая мифологема и мифологемы природного и культурного пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиндинов Е.Б. Тюркская топонимия Ростовской области: автореферат дисс. кандидата филол. наук / Казанский гос. университет. – Казань, 1992. – 19 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня. Вып. 1. – М.: «Азбуковник», 2000. – С. 9-18.
3. Бессмертный И.В., Меринова Ю.Ю., Петров В.В. К вопросу о классификации гидронимов Ростовской области // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 2. – С. 82-87.
4. Гудков Д.Б. Лингвистический миф в национальной мифологии // Вестник ЦМО МГУ, 2009, №1. – С. 79-85.
5. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 4-34.
6. Кравченко М.А., Кравченко О.В. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. №9 (51): в 2-х частях. Ч.1. – С.105-108.
7. Манджиева Э.Б., Кичикова Н.А. Гидронимы калмыцкого происхождения на территории Юга России // Известия ВГПУ. Филологические науки, 2017. С. 86-90.
8. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул, 2008. – 480 с.
9. Отин Е.С. Гидрономия Дона: монография: в 2-х томах. Т.2: Нижний Дон. – Донецк: Юго-Восток, 2012. – 791 с.

10. Полубоярин С.В. Психолингвистический эксперимент как метод изучения концептуального содержания онимов (на примере концепта Дон) // Вопросы психолингвистики, 2009, №9. - С. 183-187.
11. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 328 с.

© Кравченко Михаил Александрович (mak@rgups.ru), Кравченко Оксана Викторовна (Oksanka_2007@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ростовский государственный университет путей сообщения

О ПОДДЕРЖКЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Кривенко Ольга Александровна

Ассистент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный
государственный университет», г. Магадан
northmagadansevere491@yandex.ru

ON SUPPORT OF CULTURAL AND LANGUAGE DIVERSITY IN MAGADAN REGION

O. Krivenko

Summary: The article examines methods of supporting cultural and linguistic diversity in Magadan region, arising through the cooperation of a number of interested organizations and their decision-making in order to successfully develop and implement language programs aimed at the further development and functioning of the languages of the indigenous minorities of the North.

Keywords: languages of indigenous peoples, methods of supporting and preserving the languages of small ethnic groups, projects, programs, activities that contribute to the preservation and development of languages of indigenous peoples in Magadan region.

Аннотация: В статье рассматриваются методы поддержки культурно-языкового многообразия Магаданской области, возникающие посредством сотрудничества ряда заинтересованных в этом организаций и принятия решений в целях успешной разработки и внедрения языковых программ, направленных на дальнейшее развитие и функционирование языков коренных малочисленных народов Севера в регионе.

Ключевые слова: языки коренных малочисленных народов, методы поддержки и сохранения языков малых этносов, проекты, программы, мероприятия, способствующие сохранению и развитию языков КМНС.

Постепенный языковой сдвиг и редкое использование родного языка продолжает оставаться проблемой для коренных народов Севера Магаданской области, свободно говорящие носители языка становятся старше и не могут передать свои знания более молодым поколениям. Более молодые представители коренных этносов переезжают в города и городские округа, где меньше возможностей учиться и говорить на своем родном языке. В этой связи потеря языка и возрождение языков КМНС, находящихся под угрозой исчезновения, вызывает беспокойство.

Исследованием развития историко-этнографических процессов Магаданской области, изучением родных языков, проблемами сохранения традиционных знаний, адаптации коренных к современным условиям в разные годы занимались У.Г. Попова, С.П. Нефедова, Е. Н. Каратыгина, Л.Н. Хаховская, А.А. Бурыкин, А.Л. Арефьев [9; 6; 4; 11; 2; 1]. Следует отметить, что большинство из них сходятся во мнении, что сохранение языков КМНС является ключевым залогом дальнейшего развития родного языка. Исследователи неоднократно подчеркивали проблему сохранения языков коренных народов, за последние несколько лет большие усилия были приложены учеными региона, работающими вместе с экспертами в области языка и культуры, чтобы задокументировать и обозначить проблемы сохранения и развития языков коренных этносов.

По данным Всероссийской переписи населения 2010

года «доля коренных жителей, считающий язык своего народа родным, составляла в 2010 году в среднем 23% (от 100% у камчадалов до 0,3% у ительменов). О владении родным языком при переписи населения заявили 100% камчадалов, 40% коряков, 22% эвенов, 20% юкагигов, 17% чукчей, 9% эскимосов, 0,3% ительменов. Чуванцы и орочи указали владение только русским языком [10]».

Приведенные статистические данные переписи населения показывают, что лишь немногие представители КМНС владеют своим родным языком [3], то есть процесс языкового сдвига у представителей коренных малочисленных народов Севера в сторону русского языка продолжается. Считается, что процесс утраты языков КМНС обычно происходил в связи с закрытием поселков и национальных округов, носители языка уезжали в другие населенные пункты области, где постепенно происходила их ассимиляция с русскоговорящим населением. Поэтому в настоящее время вызывает вопросы степень сохранности родных языков на территории области в местах традиционного проживания коренных народов.

Современная языковая политика Магаданской области нацелена на то, чтобы языки коренных малочисленных народов Севера продолжали функционировать и развиваться. В рамках языковой политики региона реализуются разные методы и подходы поддержки культурно-языкового разнообразия Магаданской области. Правительство Магаданской области предпринимает важные шаги в поисках модели для эффективной под-

Таблица 1.

Владение языками населением коренных малочисленных народов Российской Федерации по отдельным субъектам Российской Федерации.

Магаданская область										
	Численность населения соответствующей национальности	Указавшие родной язык	в том числе назвали родным языком							Не указавшие родной язык
			русский	эвенский	корякский	чукотский	юкагирский	эвенкийский	другой язык	
Указавшие национальную принадлежность	152066	151963	145347	647	382	56	13	11	5507	103
Эвены (ламуты)	2635	2633	1980	642	-	-	-	10	1	2
Коряки	900	900	516	2	382	-	-	-	-	-
Ительмены	613	613	611	-	-	-	-	-	2	-
Чукчи	285	285	231	-	-	53	-	-	1	-
Камчадалы	280	280	280	-	-	-	-	-	-	-
Орочи	76	76	73	2	-	-	-	-	1	-
Юкагиры	71	71	58	-	-	-	13	-	-	-
Чуванцы	57	56	56	-	-	-	-	-	-	1
Эскимосы	33	33	32	-	-	-	-	-	1	-
Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше)	147116	147016	141510	1	-	3	-	1	5501	100
Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность	4930	1302	1260	3	-	1	-	-	38	3628

держки развития языков коренных народов.

Комплекс разработанных мер для обеспечения поддержки культуры и языков коренных народов, указывают на то, что Магаданская область в лице правительства региона готова работать в этом направлении.

На территории Магаданской области действует постановление от 4 июля 2019 г. № 476-пп «Об утверждении государственной программы Магаданской области «Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области», направленное на создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития, сохранения культурного наследия, этнических языков и духовных традиций коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области [8].

В связи с постоянно растущим риском возможного исчезновения языков коренных народов мира, образовательные учреждения города и области становятся активными сторонниками, предлагающими ценные ресурсы для правительства Магаданской области, участвующего в инициативах по возрождению языков КМНС.

Несмотря на то, что работа с языковым материалом по сути своей трудна и носит традиционно объектно-ориентированный характер, правительство уделяет особое внимание сохранению языка как нематериального культурного наследия, подчеркивая жизненно важную связь между языком и культурой.

Процесс поддержки языкового многообразия принял различные формы в зависимости от условий, в которых он происходит. Современные лингвисты и историки Магаданской области стали все больше участвовать в программах поддержки языка, проводить работу с общинами коренных народов. Однако такая поддержка языкового многообразия достигается не только за счет лингвистических и исторических исследований. Эффективное языковое возрождение достигается за счет интегрированных стратегий, в которых участвуют сообщества и разного уровня учреждения области, ведь основной способ возрождения языка - появление новых его носителей, функционирование и развитие языка должно быть инициировано внутри языкового сообщества для того, чтобы оно стало действительно успешным. Тем не менее, преимущества повышения осведомленности и понимания языковых угроз и функционирование языка за пределами сообществ, могут сыграть важную

роль в реализации стратегии поддержки языкового многообразия Магаданской области.

В целях поддержки языков КМНС, общины коренных народов продолжают действовать в рамках программы «Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области», обучая коренных жителей их родному языку как второму, а затем расширяют образовательные диапазоны, включая в процесс обучения людей старшего возраста с целью передачи языка из поколения в поколение. В этой связи уделяется внимание развитию грамотности КМНС посредством популяризации родного языка через средства массовой информации – телевидение и радио.

Возрождение языков КМНС видится как попытка добавить новые социальные функции языкам, находящимся под угрозой исчезновения, с целью увеличения числа его носителей.

Часто в ответ на социальное давление, в условиях приспособления к доминирующей культуре многие коренные жители области приняли тот факт, что их язык в повседневном использовании уступает русскому. К сожалению, последствия таких умозаключений отразились на том, что несколько поколений утратили способность говорить или понимать свой родной язык. Однако важно отметить, что даже внешнее давление сильно отражается на использовании языков коренных народов, серьезный языковой сдвиг может произойти, потому что люди делают свободный выбор, для того чтобы перейти на другой язык по необходимости или по определенным социально-экономическим причинам.

В этой связи работа по поддержке сохранения и функционирования языков КМНС является немаловажной, особенно в условиях постоянно воздействующих экстралингвистических факторов.

Такие факторы как миграция носителей языка из своих общин в города с одной стороны способствовали частичной потере некоторых форм языка, а с другой стимулировали инициативы по сохранению и его возрождению. Преподаватели школы поселка Ола Магаданской

области разработали двуязычные образовательные программы как способ поддержки языка КМНС, сохранения ольского говора эвенского языка, являющегося уникальным для территории – «распространен по побережью Охотского моря от рек Чалымди и Тауй до Гижигинской губы» [7, с. 30]. Но из-за устного характера и отсутствия разнообразных учебно-методических комплексов для двуязычного обучения, учебные программы ограничиваются только местным сообществом. Поскольку большинство языков коренных народов на территории Магаданской области не имеют сильной литературной традиции, разработка новых учебно-методических комплексов стала бы важной для создания литературных материалов для их дальнейшего использования в образовательных целях.

Важной проблемой также является отсутствие обученного педагогического состава, владеющего языком коренных народов. Более того, вопрос престижа языка остается проблемой для многих учителей. Большинство педагогов осознают необходимость изучения языка предков, однако многие не могут полностью объяснить значимость этого процесса. В этой связи, важным представляется проведение мероприятий по обмену опытом, способствующих погружению в атмосферу использования родного языка. Значимым также представляется создание постоянной платформы для встреч и обмена методиками обучения в пределах региона.

Язык коренных малочисленных народов выступает не только средством человеческого общения, с помощью которого осуществляется познание мира, он также является отражением определенного культурного мировоззрения. Немаловажно продолжать сохранять языковое многообразие региона, поддерживать инициативы по развитию и дальнейшему функционированию языков коренных этносов области путем объединения усилий, как со стороны правительства Магаданской области, так и со стороны образовательных учреждений региона в работе над проектами, поддерживающими активизацию усилий по сохранению языкового многообразия региона. Неоспоримой является необходимость дальнейшего развития исследований КМНС на самом краю Северо-Востока России, их процветания, обогащения новыми открытиями и именами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.
2. Бурькин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме: На материале эвенского языка: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Санкт-Петербург, 2001.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.10.2021).
4. Каратыгина Е.Н. Целевые программы развития районов Севера: Теорет. и практ. вопр. разработ. / Е.Н. Каратыгина, Б.Х. Краснопольский; Отв. ред.

- В.П. Чичканов. – М.: Наука, 1985. – 150 с.
5. Научно-методические резервы изучения родных языков КМНС [Электронный ресурс]. URL: <https://ipk49.ru/kmns> (дата обращения: 02.10.2021).
 6. Нефедова С.П. Фольклор и литература народов Севера: Методическое пособие / С.П. Нефедова – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 96 с.
 7. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 263 с.
 8. Об утверждении государственной программы Магаданской области «Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=28668> (дата обращения: 02.10.2021).
 9. Попова У.Г. Эвены Магаданской области: Очерки истории, хозяйства и культур эвенов Охотского побережья. 1917-1977 гг. / Отв. ред. Диков Н.Н. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
 10. Релиз о коренных народах [Электронный ресурс]. URL: habstat.gks.ru
 11. Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX-начале XXI в. / отв. ред. А.И. Лебединцев. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. – 229 с.
 12. Этнокнига. Коренные малочисленные народы Магаданской области [Электронный ресурс]. URL: <https://ethnobook.ru> (дата обращения: 26.10.2021).

© Кривенко Ольга Александровна (northmagadansevere491@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный государственный университет

ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ли Чи

аспирант, Московский педагогический
государственный университет
lichi8023@mail.ru

SCOPE OF THE GASTRONOMIC CODE IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Li Chi

Summary: Gastronomic code is one of the important tools for the development of culture, «encoding» national ideas about the world. In this article, we analyze the scope of the concept of "GASTRONOMIC CODE", identify its place in the Russian language picture of the world using comparative, linguoculturological, seminal and lexical research methods. The scientific novelty of our article is that it reveals the composition and structure of the linguocultural field "Gastronomy" in Russian language material, also defines the boundaries of the concept of "gastronomic code", and establishes the features of the gastronomic code in comparison with culinary and food codes. The relevance of the study is due to the fact that the designation of the phenomenon under consideration is a terminological problem: at present, nominations such as the gastronomic, culinary and food code compete in linguoculturology, the scope of which is not specified. The study found that the concept of "gastronomic code" is wider than the rest and therefore includes elements of culinary and food codes.

Keywords: gastronomic code, food code, culinary code, vocabulary and phraseological field "Gastronomy", language picture of the world.

Аннотация: Гастрономический код является одним из важных инструментов освоения культуры, «кодируя» национальные представления о мире. В данной статье мы анализируем объём понятия «ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД», выявляем его место в русской языковой картине мира с помощью сопоставительного, лингвокультурологического, семного и лексического методов исследования. Научная новизна нашей статьи состоит в том, что в ней на русском языковом материале выявляются состав и структура лингвокультурного поля «Гастрономия», определяются границы понятия «гастрономический код», а также устанавливаются особенности гастрономического кода в сравнении с кулинарным и пищевым кодами. Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что обозначение рассматриваемого феномена представляет терминологическую проблему: в настоящее время в лингвокультурологии конкурируют такие номинации, как гастрономический, кулинарный и пищевой код, объём понятия которых не уточнен. В исследовании установлено, что понятие «гастрономический код» шире остальных и потому включает в себя элементы кулинарного и пищевого кодов.

Ключевые слова: гастрономический код, пищевой код, кулинарный код, лексико-фразеологическое поле «Гастрономия», языковая картина мира.

Всякая национальная культура обладает специфическими языковыми образами и символами, которые, закрепляясь и сохраняясь в сознании носителей языка, образуют систему кодов. В настоящее время культурно-языковой (лингвокультурный, лингвокультурологический) код является одним из ключевых понятий лингвокультурологии и в силу этого представляет собой перспективный объект наблюдений при решении проблемы репрезентации культуры в языке. По мнению В.В. Красных, культурные коды имеют вид «сетки», «которую культура «набрасывает» на окружающий мир; они членят, категоризируют, структурируют и оценивают окружающий мир» [13, с. 232]. Это значит, что носители разных языков по-разному видят окружающую действительность и фиксируют ее в своих высказываниях. Так, в русском языке существует фразеологизм каша в голове, он собственно русский по происхождению и обозначает состояние человека, когда мысли становятся беспорядочными, путаются, вследствие чего в рассуждениях отсутствует ясность. Слово «каша» в этом случае употреблено в переносном значении: «путаница, беспорядочное смешение чего-либо». А в китайском языке путаное

мышление обозначается другим устойчивым выражением — клей в голове. Таким образом, русские и китайские носители языка вербализуют представление о путанице понятий средствами (знаками, символами) разных языковых кодов – пищевого и вещественного.

М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков определяют культурный код как «систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [6, с. 9]. При этом культурные коды являются вторичными знаковыми системами, своеобразной надстройкой над первичными значениями слов, зафиксированными в словарях. Естественный язык участвует в формировании кодов культуры посредством передачи неявных смыслов при помощи образной лексики, фразеологии и паремииологии. Следовательно, лингвокультурные коды образуются при взаимодействии культурных кодов с общеязыковым кодом, то есть коды лингвокультуры формируются из языковых единиц, вербализующих картину мира носителей данного языка, актуализируя в сознании и речи его носителей неочевидные смыслы, обладающие ценностным значением. С помощью цело-

го ряда кодов носитель конкретного языка не только образно описывает окружающий внешний мир, но и оценивает его в высказываниях, обладающих разной стилистической окраской.

В.А. Маслова и М.В. Пименова выделяют следующие коды лингвокультуры: *предметный, вещественный, стихийный, гастрономический (пищевой), витальный, вегетативный, соматический, зооморфный, перцептивный, пространственный, антропоморфный, духовный, колоративный, темпоральный коды и др.* [15]. Как можно заметить, гастрономический (пищевой) код занимает в представленной классификации важное место. Это связано с тем, что на протяжении всей истории существования языка продукты питания, их качества, а также процессы приготовления и употребления занимает важное место в жизни человека, вызывая в его сознании различные ассоциации (неявные смыслы, вербализуемые фоновыми семами). Как следствие, гастрономия, отражающая быт и уклад жизни, религиозные воззрения представителей различных слоев национального сообщества, является отражением ментальности народов. По мнению В.А. Масловой, «образы пищевых продуктов и всего, что с ними связано, составляют один из самых богатых и разветвленных культурных кодов любого народа» [там же, с. 87]. Мы полагаем, что гастрономический код является одним из важнейших инструментов развития культуры, поскольку он «кодирует» основополагающие представления о мире. В данной статье мы анализируем объем понятия «ГASTРОНОМИЧЕСКИЙ КОД», выявим его место в русской языковой картине мира с помощью сопоставительного, лингвокультурологического семного и лексического методов анализа.

Научная новизна нашего исследования состоит в том, что в работе на русском языковом материале описывается состав и структура лингвокультурного поля «Гастрономия», на основании чего определяются границы понятия «гастрономический код» и в сравнении с кулинарным и пищевым кодами выявляются его особенности. Таким способом характеризуется место ГASTРОНОМИЧЕСКОГО КОДА в русской языковой картине мира.

Материалом исследования послужили такие языковые единицы, как лексемы, номенклатурные обозначения, фразеологизмы и паремии, извлеченные из фразеологических словарей [3], Словаря русской пищевой метафоры [19] [20] [21].

В настоящее время в русской лингвокультурологии для кодирования информации, так или иначе связанной с пищей, используются три близких, но не тождественных обозначения: **гастрономический, пищевой и кулинарный код**. Некоторые ученые (В.А. Маслова и М.В. Пименова [15], В.Н. Телия [23], А.В. Боровкова и М.В. Грекова [19], М.В. Капкан [12], Е.В. Капелюшник [11], О. А.

Дормидонтова [8] и др.) расценивают их как синонимы. Однако ряд ученых разграничивает эти три обозначения. К. А. Балынин отмечает, что «гастрономия имеет дело с так называемым сырьём (пищевой продукт, напиток), а кулинария – с процессами переработки либо до готовности этого сырья и получением блюд» [1]. В.Г. Ден тоже подчеркнёт, что термин «гастрономия» и термин «кулинария» являются разными по значению [7]. По мнению ученого *гастрономия* является более широким понятием. Разграничение терминов «**гастрономический код**» и «**пищевой код**» в лингвокультурологических работах отсутствует. По нашему мнению, между тремя понятиями есть тонкие различия. Охарактеризуем их подробнее.

Для того чтобы определить, какие единицы вербализуют каждый из кодов, необходимо проанализировать и сопоставить словарные дефиниции понятий «Гастрономия/гастрономический», «Пища/пищевой», «Кулинария/кулинарный» в толковых, энциклопедических, кулинарных словарях.

Прилагательное «**пищевой**» в Толковом словаре А.П. Евгеньевой определяется как «1. прил. к «**Пища**», связанный с ним. 2. относящийся к **изготовлению пищи, к питанию**» [22, III, С. 129]. Слово «Пища» обозначает то, что едят и пьют, что служит питанием. В «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» определяется, что «пища - у разных народов сильно различается по происхождению и способам приготовления... В питании комбинируются в разных пропорциях продукты растительного и животного происхождения, а также молочные продукты» [17]. То есть понятие «**Пищевой код**» кодирует названия пищи и напитков, процессов приготовления и употребления пищи.

В состав лексико-фразеологического поля «**Пища**», определяющего состав элементов пищевого кода, на наш взгляд, входят следующие парадигматические группы:

Тематическая группа «**Продукты растительного происхождения**», включающая лексико-семантические группы «**Зерновые и крупяные продукты**» (*зерно, крупа, манка, просо, пшеница, рис, ячмень, горох*); «**Овощи**» (*перец, лук, морковь, репа, свёкла, огурец, картофель*); «**Фрукты**» (*абрикос, лимон, апельсин, груша, персик, банан, яблоко*); «**Ягоды**» (*клюква, малина, ежевика, вишня, земляника, клубника*); «**Грибы**» (*груздь, опенок, белый, подосиновик*); «**Орехи**» (*миндаль, семечки, фисташка, кешью*).

Тематическая группа «**Продукты животного происхождения**», включающая лексико-семантические группы «**Молочные продукты**» (*кефир, молоко, ряженка, йогурт, творог, масло, сливки, спред, сыр*); «**Мясо, мясные продукты и полуфабрикаты**» (*мясо, говядина, свинина, баранина, телятина, фарш, сосиски, сардельки, котлеты*); «**Рыбные продукты**» (*рыба, тунец, сайра, семга, горбуша, кета, икра, вобла, килька, шпроты*); «**Птица и**

продукция птицеводческой отрасли» (яйцо; курица/ курятина; индейка, утка).

Тематическая группа **«Готовые блюда»**, включающая лексико-семантические группы **«Мучные блюда»** (хлеб, блин, калач, крендель, лапша, лепешка, бублик, баранка, вафля); **«Крупяные блюда»** (каша, плов, мюсли); **«Готовые мясные блюда»** (колбаса, котлета, отбивная, сарделька, сосиска, студень); **«Сладости»** (желе, сироп, торт, конфетка, шоколад, десерт); **«Закуски»** (винегрет, салат); **«Суп»** (борщ, бульон, окрошка, похлебка, солянка, уха, щи).

Кроме того, в составе поля существует ряд лексико-семантических групп:

Лексико-семантическая группа **«Напитки»**, включающая слова: кисель, сок, компот, чай, квас, кофе, вино, пиво.

Лексико-семантическая группа **«Остатки пищи»**, включающая слова: остатки, кость, кочерыжка, крошка, мякина, объедки, огрызок, скорлупа, шелуха.

Лексико-семантическая группа **«Качество и вкус пищи»**, включающая слова: сладкий, кислый, горький, смачный, сочный, лакомый, черствый, жирный, пресный, калорийный.

Лексико-семантическая группа **«Приготовление»**, включающая слова: жарить, варить, солить, мариновать, пассировать.

Лексико-семантическая группа **«Поглощение пищи»**, включающая слова: есть, хлебать, сосать, вкушать, пить, грызть, глотать, жрать, лизать, глотать, жевать, переварить, кусать.

Приведем примеры **устойчивых выражений**, содержащих **элементы пищевого кода**. Например: *винегрет в голове* (перемешались разнородные мысли и сведения); *уха из петуха* (нечто странное и нелепое); *с кем-либо каши не сварить* (дела не сделаешь, не согласишься); *сам кашу заварил – сам кашу и расхлебывай* (сам затеял неприятное дело, сам и выпутывайся).

Устойчивые выражения свидетельствуют о том, что в состав элементов пищевого кода входят слова разных частей речи, в том числе включаются существительные, глаголы и прилагательные. Например, глагол **«пить»** и его дериваты: 1. Принимать какое-нибудь питье для утоления жажды, голода; употреблять в качестве напитка. *Пить чай, пиво*. 2. Принимать вино, употреблять спиртные напитки. *Пить водку, коньяк*. **Сущ. питье**, -я, ср. (к 1 и 2 знач.) и **питие**, -я, ср. (к 1 и 2 знач.; стар.). **Прил. питьевой, -ая, -ое** (к 1 знач.; спец.). *Питьевая вода* [18]. При этом среди глаголов наблюдается самое большое число синонимов: *есть, вкушать, жрать* и т.д.

Термин **«кулинарный»** применительно к коду образован от однокоренного существительного «кулинария», которое, в свою очередь, заимствовано из латин-

ского языка: лат. *culinaria (ars)* — кухонное (ремесло); от лат. *culina* — кухня. В толковом словаре А.П. Евгеньевой значение существительного «кулинария» **объясняется** как «1. искусство приготовления пищи. 2. *собр.* кушанья» [22, II, с. 147]. В Большой российской энциклопедии понятию дается следующее определение: «кулинария включает **технологии, оборудование и инструменты**, а также **рецепты** приготовления... Различают **механическую, химическую, тепловую кулинарную обработку**» [14, с. 298]. Таким образом, понятие «кулинария», а следовательно, и прилагательное «кулинарный», включает в себя семы «технология» и «метод приготовления пищи», «сырье», а также «приспособления» и «инструменты», с помощью которых осуществляется «обработка» и «приготовление пищи». В состав данной тематической группы входят следующие лексические парадигмы:

Лексико-семантическая группа **«Кухонные принадлежности и инструменты»**, включающая слова: ножи, разделочные доски, ложки, сита, шумовки, толкушки, терки, скалки, отбивные молотки, консервные ножи, половники, лопатки.

Лексико-семантическая группа **«Лица, готовящие пищу»**, включающая слова: повар, шеф-повар; повариха; кашевар, кулинар, кухарка, поваренок,стряпуха.

Лексико-семантическая группа **«Рецепты приготовления блюд»**, включающая слова и номенклатурные обозначения: *жульен (с курицей и грибами), оладьи (с колбасой и сыром), лагман (с говядиной), макароны (с мясом), куриный суп (с консервированным горошком и яйцом); утка (в яблоках), селедка (в винном соусе); селедка (под шубой); рыба (под маринадом)* и др. Легко заметить, что номенклатурные обозначения представляют собой названия кулинарных рецептов, которые строятся по стандартным синтаксическим моделям, например: «сущ. в и.п. + с + сущ. в т.п.», «сущ. в и.п. + в + сущ. в п.п.», «сущ. в и.п. + под + сущ. в т.п.».

В состав тематической группы «Кулинария» входит лексико-словообразовательная парадигма **«Приготовление пищи»**, включающая элементы, относящиеся к гнездам с вершинами: **«Печь»** (*печенье, печенный*), **«Варить»** (*варение, варенный*), **«Солить»** (*соление, соленный*), **«Квасить»** (*квашение, квашенный*), **«Жарить»** (*жарение, жаренный*), **«Коптить»** (*копчение, копченый*), **«Мариновать»** (*маринование, маринованный*).

Приведем некоторые примеры **устойчивых выражений**, содержащих **элементы кулинарного кода**. Например: *печь как блины* (быстро делать, готовить, создавать что-л. в большом количестве); *смешать в один пирог*; *ум помешался* (становиться сумасшедшим); *закипеть в руках* (осуществляться продуктивно интенсивно); *мухи отдельно, котлеты отдельно* (не надо смешивать разные вещи).

В состав тематической группы «Кулинария», а сле-

довательно, и элементов кулинарного кода, входят не только существительные, но и их однокоренные слова, относящиеся к другим частям речи, как глаголы и прилагательные. Например, «**повар**» это тот, кто занимается приготовлением пищи, специалист по приготовлению пищи. *Ресторанный повар; прил. поварской, -ая, -ое. Поварское искусство. «Солить»* — 1. Класть соль во что-нибудь для вкуса; Приправлять солью. *Солить кушанье, суп.* 2. Готовить впрок, консервировать с солью в солёном растворе. *Солить грибы.* **сущ. соленье**, -я, ср., солка, -и, ж. (ко 2 знач.); **прил. соляной**, -ая, -ое (ко 2 знач.; спец.) [18]. Термин «гастрономия» — это суффиксальное образование от существительного «гастроном», которое, в свою очередь, происходит от греческих основ «gaster» (гастер – желудок) и «nomos» (зномос – закон, правило), которое проникло в русский язык в 1823 г. В буквальном смысле слово «гастроном» первоначально обозначало законодателя в области еды.

Объем понятия «гастрономия» менялся на протяжении времени существования слова в русском языке. Так, согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, «гастрономия» понимается как «свод всех знаний, касающихся **поваренного искусства** и умения **пользоваться его произведениями**» [5]. Ученые также отмечают ошибочность отнесения гастрономии к кулинарии.

В Толковом словаре А.П. Евгеньевой дается следующее определение: «1. Понимание и знание тонкостей **кулинарного искусства**; изощренный вкус в еде. 2. Общее название **высококачественных закусовых или требующих особого приготовления пищевых продуктов**» [22, I, с.302].

В середине 30-х годов XX в. слово «гастроном» приобретает новое значение, которое было присвоено «продовольственным магазинам высшей и первой категории с **разнообразным ассортиментом пищевых «гастрономических» товаров, то есть копченостей, икры, рыбы и мяса, консервов, в отличие от бакалейных и молочных товаров**» [16].

В Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова, изданном в 1998 году, слово «гастрономия» определяется как «1. собир. **Пищевые мясо-молочные продукты (обычно готовые к употреблению)**. Рыбная г. 2. **Отдел магазина**, где продаются такие продукты» [2].

Т.Ф. Ефремова отмечает, что гастрономия «1. **Совокупность высококачественных — обычно мясо-молочных — пищевых продуктов, готовых к употреблению**» [9].

Кулинарный словарь Л.И. Здановича даёт определение гастрономии, как изысканного и тонкого вкуса в области еды: «в начале XX века гастрономией стали на-

зывать всю совокупность **высококачественных продуктов питания** (первоначально сосредоточенных в **закусовых, ресторанах, а затем и в магазинах**)» [10].

Французский ученый Ж.А. Брилья-Саварен в исследовании «Физиология вкуса» определил цель гастрономии заботиться «о поддержании человека, доставляя ему **наилучшее питание**. Она достигает этой цели, руководя теми, которые **отыскивают, доставляют** или **приготавливают** все, что может быть употреблено **в пищу**» [4, 203-204]. По мнению автора, предмет гастрономии — всё, что съедобно.

Анализируя представленные словарные определения лексемы «гастрономия» можно выделить следующие повторяющиеся компоненты смысла: 1) высококачественные пищевые продукты, пища; 2) кулинарное искусство, кулинария; 3) пищевые мясо-молочные продукты (обычно готовые к употреблению); 4) отдел в магазине, торгующий такими продуктами; 5) подаваемые в закусовых, ресторанах; 6) все знания, связанные с кухней, последовательностью блюд; с питанием человека; 7) тонкий вкус к еде. Таким образом, лексико-фразеологическое поле «Гастрономия» включает объемный пласт языковых единиц, первые три группы которых образуют его ядро, четвертая и пятая – первую периферию, шестая и седьмая – вторую периферию. При этом далеко не все перечисленные ранее элементы поля участвуют в образовании гастрономического кода.

Под **гастрономическим кодом** мы понимаем наименование элементов питания (продуктов и готовых блюд) и их приготовления, употребления, распространения, актуализирующих в сознании носителей языка фоновые представления, не фиксируемые словарными дефинициями. Уточним: тонкий вкус в еде достигается посредством использования пищевых добавок, наименования которых также входят в число вербализаторов гастрономического кода.

В его рамках элементы гастрономии переосмысливаются в ценностных категориях культуры, они получают дополнительные значения, обретают символические смыслы, будучи выраженными системой языковых единиц. Например, лексема «**соль**» обладает в Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова таким первичным значением, как: «1. только ед. Белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище» [2]. Например, *посыпать соли на кусок хлеба; обмакнуть в соль кусок мяса*. Первая часть определения актуализирует вещественную семантику и используется в качестве основания для вещественного кода, а вторая часть указывает на кулинарное использование. К числу неявных сем относится компонент смысла «главное в блюде», который вычленяется путем сопоставления с производными зна-

чениями: «2. То, что придаёт **особый** интерес, **остроту** (речи, рассказу и т.п.). 3. обычно чего. То, что составляет **особый смысл, сущность** чего-л. С. вопроса. 4. О **лучших** представителях какой-л. общественной группы, общества и т.п.» [там же].

Фоновые семы, которые также могут быть востребованы в процессе использования лексемы: «крупная», «мелкая», «поваренная», «столовая», «йодированная», «посыпать», «кусочек хлеба», «помидоры», «огурцы», «салат», «мясо», «суп (бульон)», «недосолить», «пересолить», «каравай», «гостеприимство», «хлебосольство», «зажигательность» (ист.) – выделяются путем анализа синтагматики и устойчивых выражений.

Следует отметить, что **гастрономический код** – более обширное и многогранное понятие, чем пищевой и кулинарный коды, которые оно включает как составные элементы. Как следствие, в состав лексико-фразеологического поля «Гастрономия», лежащего в основе гастрономического кода, входят рассмотренные ранее парадигматические группы:

Лексико-семантические группы «**Качество и вкус пищи**»; «**Приготовление**»; «**Поглощение пищи**»; «**Кухонные принадлежности и инструменты**»; «**Лица, готовящие пищу**»; «**Рецепты приготовления блюд**»;

Тематическая группа «**Продукты животного происхождения**», включающая лексико-семантические группы «**Молочные продукты**»; «**Мясо, мясные продукты и полуфабрикаты**»; «**Рыбные продукты**»; «**Птица и продукция птицеводческой отрасли**».

Тематическая группа «**Готовые блюда**», включающая лексико-семантические группы «**Мучные блюда**»; «**Крупяные блюда**»; «**Готовые мясные блюда**»; «**Сладости**»; «**Закуски**»; «**Суп**».

Тематическая группа «**Приготовление пищи**», включающая лексико-словообразовательные парадигмы с вершинами «**Печь**», «**Варить**», «**Квасить**», «**Жарить**», «**Коптить**», «**Мариновать**», а также тематическая группа «**Посуда**», включающая ряд лексико-семантических групп: «**Посуда для приготовления блюд**» (*жаровни, формы для выпечки, пароварки, кастрюли, чайники*); «**Приспособления для подачи блюд**» (*поднос, сервировочный столик и так далее*); «**Посуда для сервировки стола и еды**» (*креманки, соусники, солонки, молочники, салфетницы, сахарницы, масленки, перечницы, чайные пары, тарелки, порционные розетки, салатники*); «**Посуда для напитков**» (*графины, кувшины, бокалы, стаканы, фужеры, рюмки, штофы*); «**Посуда для хранения продуктов**» (*емкости, баночки, бутылки, масленки и контейнеры*). Тематическая группа «**Вкусовые добавки**» включающая ряд лексико-семантических групп: «**Пряность**» (*перец, лавровый лист, имбирь, гвоздика, корица, анис и т.д.*); «**Специи**» (*сахар, соль, уксус, крахмал, лимонная кислота, пищевая сода*); «**Приправы**» (*сметана, кетчуп, соус, аджика, томатная паста, майонез, гор-*

чичное масло, кунжутное масло, подсолнечное масло).

В рамках рассматриваемого поля также выделяется ряд таких лексико-семантических групп, как «**Форма продажи**», включающая слова: *батон, нарезка, выпечка, молочка*; «**Места продажи и распространения**», включающая слова: *ресторан, кафе, магазин, лоток, палатка, гастроном, супермаркет, столовая, трактир, кабачок, киоск, прилавок, витрина*.

Перечисленные элементы гастрономического кода могут использоваться в русском языке для характеристики:

1. качеств человека и свойств и поведения личности. Например, фразеологические единства называют: **уста сахарные** — человека, умеющего говорить красиво, но при этом хитрого и умеющего использовать свои способности при достижении личных целей; **не даром есть хлеб** — усиленно работать; **ни рыба ни мясо** – посредственность; **мало каши ел** — недостаточно силен;
2. взаимоотношений с людьми. Фразеологические единства описывают следующие ситуации: **подливать масла в огонь** — усугубление и без того сложной ситуации или усиление конфликта; **насыпать соли на хвост** — доставленную кому-л. неприятность, обличение в неблагоприятном поведении;
3. интеллектуальной деятельности человека. Фразеологические единства называют: **голова варит** — догадливость, сообразительность; **работа кипит** — активную, успешную деятельность. Поговорка **недосол на столе, пересол на спине** означает о необходимости нести ответственность за какое-либо действие.

Гастрономический код разными способами соотносится с другими кодами, от которых его следует отличать. В пределах составных наименований он обнаруживает взаимодействие с вещественным кодом, так как некоторая кухонная утварь сделана из натуральных или синтетических материалов, что отражается в устойчивых выражениях (ср. *родиться с серебряной ложкой во рту*), среди которых велико число номенклатурных обозначений: например, *серебряная вилка, жаровня из нержавеющей стали, чугунные сковороды, пластмассовая посуда* и т.д. В рамках словарных статей проявляется пересечение с **вещественным кодом**, так как исходные продукты и ингредиенты многих блюд – природные вещества: *вода, соль*.

Пересечение с **зооморфным и растительным кодами** обусловлено тем, что различные части растений, мясо животных, птиц и рыб часто употребляются в пищу и носят те же названия, что и наименование организмов: *солёные огурцы, маринованные помидоры, отварная свёкла, жареная курица, тушеная утка, цыпленок табака*.

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что элементы лексико-семантического поля «Гастрономия», переосмысленные в категориях культуры, становятся единицами гастрономического кода. Как следствие, гастрономический код репрезентируется не только на внеязыковом уровне, но и в системе языковых единиц. Будучи сложноорганизованным образованием, он включает в себя в качестве структурных элементов пищевой и кулинарный коды. В настоящее время гастрономический код рассматривается как один из важнейших кодов русской лингвокультуры участвует в описании качеств человека и свойств и поведения личности, взаимоотно-

шения с людьми, интеллектуальной деятельности человека, и целого ряда других видов деятельности в мире.

Исследуя гастрономический код культуры, мы отмечаем, что в русском языке велико число лексем, фразеологизмов и паремий, относящихся к гастрономическому фрагменту языковой картины мира. Названия продуктов питания, блюд, специй и приправ, а также их качеств, вкусов, процессов приготовления, поглощения и распространения обладают ярко выраженной культурной спецификой, формирующей ряд фрагментов языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балынин К.А. Аспекты диверсификации гастрономического туризма // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11, № 1. С. 97-108.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Норинт, 1998. 1535 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / отв. Ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.
4. Брилья-Саварен Ж.А. Физиология вкуса. Сочинение [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKulrZastolia/46.htm> (дата обращения: 09.10.2016).
5. Гастрономия // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
6. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
7. Ден В.Г., Коноплева Н.А. Гастрономическая культура Дальневосточного региона как предмет истории повседневности // Гуманитарный вектор. 2019. №4.
8. Дормидонтова О.А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) // Вестник ТГУ. 2009. №9.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз. 2000. в 2 т. 1209 с.
10. Зданович Л.И. Кулинарный словарь / Л.И. Зданович 2001. 400 с.
11. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 199 с.
12. Капкан М.В., Лихачева Л.С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. 2008. Т. 55, № 15. С. 34-43.
13. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
14. Кулинария // Крещение Господне — Ласточкиные. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 298. (Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов ; 2004–2017, т. 16).
15. Маслова В.А. Коды лингвокультуры: учеб. Пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 180 с.
16. Похлебкин В.В. Кулинарный словарь : справочное издание / В.В. Похлебкин. Москва: Центрполиграф, 2002. 503 с.
17. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т./Гл. ред. П.А. Клубков; Рук. проекта С.И. Богданов. М.; СПб.: ВЛАДОС: Изд. Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002.
18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс [и др.], 2009. 1359 с.
19. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1: Блюда и продукты питания. 428 с.
20. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Т. 2: Гастрономическая деятельность. 556 с.
21. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. Т. 3: Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности. 454 с.
22. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
23. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.

© Ли Чи (lich8023@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПАРЕМИЯХ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ В КИТАЙСКОМ И В РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лю Юэ

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
1018711817@qq.com

**SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN THE
ACTUALIZATION OF LINGUOCULTURAL
GENDER STEREOTYPES IN COLLOCATION
WITH THE COMPONENT-NAME OF
INSTRUMENTS IN CHINESE AND RUSSIAN
LANGUAGES**

Liu Yue

Summary: The article presents the results of a comparative linguocultural analysis aimed at establishing similarities and differences in the actualization of gender stereotypical representations of the Chinese and Russian ethnoses. In the course of studying the semantic and linguocultural meanings of the Chinese and Russian proverbs, containing in their composition the component-name of the instrument, it was found that the Chinese and Russian linguocultures have both similar and different features in the formation of gender stereotyped representations. The similarity lies in the fact that in both the Chinese and Russian stereotypes, a man is portrayed as a leader, a breadwinner who is free to dispose of property at his own discretion. A woman plays a secondary role with a man, she acts as a kind of means for a man to feel comfortable. The difference is that in the Chinese linguistic culture a man is the sole leader, in Russian he is credited with the ability to unite efforts. In addition, women in the Russian linguistic culture are endowed with qualities that distinguish them favorably from men; this value is not recorded in the Chinese paremiological fund.

Keywords: Chinese proverbs, Russian proverbs, gender stereotypes, proverbs with a component-name of the instrument, linguocultural potential of proverbs.

Аннотация: В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурного анализа, направленного на установление сходств и различий в актуализации гендерных стереотипных представлений китайского и русского этноса. В ходе изучения семантического и лингвокультурного значений китайских и русских паремий, содержащих в своём составе компонент-наименование инструмента, было установлено, что китайская и русская лингвокультуры имеют как схожие, так и различные черты в формировании гендерных стереотипных представлений. Схожесть состоит в том, что и в китайском и русском стереотипном представлении мужчина рисуется в образе лидера, добытчика, который волен распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Женщина при мужчине играет второстепенную роль, она выступает своего рода средством для того, чтобы мужчине было комфортно. Различие состоит в том, что в китайской лингвокультуре мужчина – единоличный лидер, в русской ему приписывается способность объединять усилия. Помимо этого, женщины в русской лингвокультуре наделяются качествами, которые выгодно отличают их от мужчин, в китайском паремиологическом фонде это значение не фиксируется.

Ключевые слова: китайские паремии, русские паремии, гендерные стереотипы, паремии с компонентом-названием инструмента, лингвокультурный потенциал паремий.

Введение

Лингвокультурологический подход в современной лингвистике рассматривает язык как феномен человеческой культуры и позволяет описать в обобщенном виде представителя той или иной культуры. В.И. Карасик – представитель культурологического изучения концептов, автор многочисленных трудов в области лингвокультурологии, концептуальных учений, внесший значительный вклад в развитие представлений о лингвокультурном анализе, убежден в том, что культура определенного этноса, формировавшаяся на протяжении всей истории развития данного народа,

имеет языковое воплощение и ее вербализация даёт исследователям материал для установления национально-специфических черт народа [Карасик 2001]. В современном лингвистическом научном пространстве этот аспект изучения языковых явлений сквозь призму культуры реализуется в работах Е.И. Селиверстовой и И. Ван [Селиверстова 2021], которые, изучая китайские и русские паремии, в которых есть компоненты-названия жилых строений, установили признаки концептуальных понятий бедности и богатства с присущими им лингвокультурными чертами; Л.И. Шагиахметовой, в работе которой приводятся культурные и языковые характеристики паремиологических единиц китайского

и русского языков [Шагиахметова 2020]; Ц. Цзяци изучавшего компоненты- названия насекомых в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка) и пришедшего к выводу, что в виду двуплановости смысла пословицы, она всегда актуализирует то или иное стереотипное представление [Цзяци 2019] и многих других исследователей.

В рамках лингвокультурологического направления внимание исследователей направлено на изучение и описание реализации в языке различных кодов культуры. Под кодом культуры понимается система глобального уровня, включающая в себя характеристики объектов картины мира определенного этноса, которые объединены одним общим категориальным свойством [Карасик 2001: 45]. В трудах авторов, работающих в данном направлении, отмечается, что знание кода культуры может служить ключом к пониманию культуры представителей того или иного лингвокультурного сообществ [Аванесова 2015: 60]. Е.А. Хомяков убежден, что коды культуры, будучи субстанциональными (материальная природа выражения) и концептуальными (идейная природа выражения), могут быть систематизированы в ходе лингвокультурологического анализа фразеологического фонда языка [Хомяков 2014: 153].

В последние годы особого внимания удостоилось сравнительно-сопоставительное изучение языков в аспекте лингвокультурологии, направленное на выявление особенностей взаимодействия языка и культуры двух или более языков, можно отметить работы таких авторов, как Е.И. Зиновьева и Ц. Цзяци [Зиновьева 2020], Е.И. Селиверстова и Ван И. [Селиверстова 2021], Л.И. Шагиахметова [Шагиахметова 2020] и др. Результатом подобных исследований становится расширение лингвокультурных представлений этносов, что даёт почву для эффективных межкультурных контактов, имеющих важное значение в современном глобализованном мире [Шагиахметова 2020: 119].

Особую значимость при исследовании проявлений человека в языке приобретают индивидуальные характеристики языковой личности, к важнейшим из которых относится гендер (социокультурный пол), трактуемый одновременно и как процесс, и как результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе [Гриценко 2005: 8]. Проявления социокультурного пола в языке отмечаются исследователями на материале различных языковых единиц и особенностей построения дискурса. Так, например, Т.А. Климова, изучая отражение категории гендера в паремиологическом фонде различных языков, говорит о том, что, будучи продуктом культуры, гендер отражает социокультурные представления о женственности и мужественности [Климова 2017: 14].

С.В. Грибач, в свою очередь, отмечает, что формирование гендерной идентичности происходит под влиянием лингвокультурных представлений о роли женщины и мужчины в обществе [Грибач 2010: 169].

Пословицы активно привлекаются исследователями для демонстрации проявляющихся в языке особенностей видения окружающего мира человеком, принадлежащим определенной социокультурной общности [Зиновьева 2020; Цзяци 2019; Шагиахметова 2020]. Как характеризует паремии В.Н. Телия, это язык обыденной культуры, формировавшийся столетиями и передававшийся из поколения в поколение, все установки жизненной позиции и философии народа определенной культуры [Телия 1996: 56].

Данное исследование проводится, таким образом, в рамках сопоставительной лингвокультурологии – одного из направлений современной антропоцентрической научной парадигмы, т.е. на стыке двух основных направлений лингвокультурологии – паремиологического и сопоставительного.

Актуальность исследуемой проблемы

Тот факт, что в современном мире Россия и Китай ориентированы на стратегическое сотрудничество, предопределяет возросшие межкультурные контакты как на уровне политических деятелей, так и рядовых граждан двух государств. Для того, чтобы обеспечить максимально эффективный коммуникативный процесс между представителями разных лингвокультурных сообществ, речевым партнерам необходимо знать национально-культурную специфику представителей другой страны, их стереотипные представления, традиции и обычаи. Современные исследователи-лингвисты едины во мнении, что одним из оптимальных языковых материалов, на базе которого можно выявить лингвокультурные стереотипы, присущие тому или иному этносу, является паремиологический фонд, в состав которого входят идиомы, пословицы, поговорки, фразеологизмы. Исходя из этого, представляется актуальным провести лингвокультурный анализ, направленный на установление отражения посредством паремий тех или иных стереотипов. В рамках данного исследования мы сосредотачиваем внимание на актуализации гендерных стереотипов, фиксирующих в китайских и русских паремиях с компонентом-названием инструментов. Выбор такой узкой области паремиологического фонда обуславливается тем, что получение комплексного представления о лингвокультурном потенциале паремий того или иного языка невозможно без детального описания отдельных его областей, группирующихся по тематическому принципу. Кроме того, национальная культура народа часто проявляется в ее материальном выражении – в используемых в различных видах деятельности инструментах и при-

способлениях, в характере их применения в реальной жизни и в их оценке. Обращение к гендерным стереотипам, которые являются языковыми универсалиями, позволит определить сходства и различия в базовых представлениях о мужчинах и женщинах двух соседствующих стран, которые имеют языки неродственных семей и различные ценностные и культурные основы.

Пословицы с компонентами-наименованиями инструментов и приспособлений для осуществления человеком хозяйственной деятельности составляют достаточно обширный пласт в паремиологическом фонде китайского и русского языков. Однако подобные единицы остаются, на наш взгляд, областью, требующей дополнительного и более тщательного изучения, поскольку, во-первых, в них проявляется один из важнейших культурных кодов – инструментальный код. Они во многом отражают суть отношения, выработанного и передаваемого людьми в процессе сельскохозяйственной, производственной и бытовой деятельности. Во-вторых, имеющиеся к настоящему моменту в области изучения русского языка научные труды, касающиеся средств для осуществления трудовой деятельности, сводятся к лексико-семантическому анализу пословиц, выражающих отношение к труду [Тимерова 2018]; сравнительному межязыковому анализу фразеологизмов с компонентом «труд» [Львова 2021]. Между тем, изучение разряда паремий с компонентом-наименованием инструментов представляется актуальным, поскольку пословицы этого тематического ряда позволяют, с одной стороны, получить убедительное представление о характере и условиях трудовой деятельности человека в целом, об отдельных ее направлениях и разновидностях, а с другой – увидеть особенности проявления гендерных характеристик при показе трудящегося индивида в русской и китайской паремике.

Следующая причина актуальности и новизны данной темы – само понятие *инструментов*, которые является универсальным понятием для любой культуры, концепт *инструмент* представляет собой сложное ментальное образование, которое следует рассматривать с лингвокультурологической точки зрения, чтобы наилучшим образом полностью выявить его национальную идентичность, складывающуюся в течение веков.

Лингвокультурологический аспект фразеологизмов связан с взаимодействием культуры и естественного языка. В своей семантике фразеологизмы отражают процесс развития культуры народов, передают от поколения к поколению культурные стереотипы. Фразеологизмы тесным образом связаны с национальными особенностями народа, т.е. с его историей, культурой, бытом, религиозными верованиями и обычаями [Зиновьева 2020: 4].

Новизна исследования объясняется тем фактом,

что в статье впервые проводится сопоставительный лингвокультурологический анализ на материале одной узкой области паремиологического фонда китайского и русского языков (паремии с компонентом-наименованием инструментов), в результате которого устанавливаются и сравниваются гендерные стереотипные представления двух неблизкородственных лингвокультурных обществ.

Целью статьи является установление схожих и отличительных черт в лингвокультурных гендерных стереотипах, проявляющихся посредством паремий с компонентом-наименованием инструментов в китайском и русском языках.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили паремии с компонентом-наименованием инструментов китайского и русского языков, отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников: и «Словарь китайских пословиц» [温端政 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年638页], «Большой словарь русских пословиц» [Мокиенко 2010], собрание В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1957]. Для решения поставленных задач применялись такие методы, как систематизация и обобщение, лингвокультурный анализ, лексикографический анализ, интерпретация, описание, сопоставление.

Результаты исследования и их обсуждение

Обращение к китайским и русским пословицам с компонентами-наименованиями инструментов показывает, что частотным номинантом является *斧头 / топор*, который выступает, чаще всего средством достижения той или иной цели. Такое его представление прослеживается как в китайской, так и в русской лингвокультурах. Например, в паремии *执柯作伐柯: 斧头柄* (буквальное значение – рубить деревья топором, образное значение – сватать кого кому или сватать кого за кого) *斧头 / топор* сравнивается с процессом выбора невесты / жениха, что символично представляет процесс создания семьи с работой, которая требует физических ресурсов в виде трудозатрат. Пословица *匪斧不克, 匪媒不得* (буквальное значение – бандитов нельзя победить, бандиты не могут быть посредниками, образное значение – как без топора не срубишь дерево, так и без свата не сосватаешь) также отражает китайскую традицию сватовства как особого ритуала выбора невесты. Таким образом, гендерный стереотип в этом аспекте состоит в том, что мужчина при создании семьи берет на себя роль лидера и прикладывает усилия для того, чтобы заполучить желаемую девушку в жены. Тот факт, что инициатива сватовства исходит от мужчины, формирует его образ целеустремленного и волевого человека.

В русской лингвокультуре также находит отражение стереотипное представление о мужчине в паремиях с компонентом-названием инструмента *топор*, как о выносливом работнике, что схоже с китайским представлением, но в китайском языке не отмечается значение того, что мужчины могут достигать больших успехов, работая сообща. Например, в пословицах *Два топора вместе, а две прялки врозь; Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь* актуализируется значение того, что мужчины могут кооперироваться при выполнении работы. *Топор* в данной паремии выступает образом мужчины, а *прялки* – женщины, актуализатором данного значения является грамматический род данных имен существительных. Таким образом, мужчины противопоставляются женщинам, которые, согласно русскому гендерному стереотипному представлению, не могут объединять усилия для достижения поставленной цели.

Однако в то же время, в русском паремиологическом фонде обнаруживается и другая пословица, где подчеркивается женская способность к кооперации – *Кума к куме - хоть в решете, да приплывет*. Отличием данной пословицы от рассмотренных ранее (*Два топора вместе, а две прялки врозь; Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь*) является то, что в ней присутствует сема родства, *кума* в русской лингвокультуре – это крестная мать. Так, гендерный стереотип, транслируемый данной пословицей, состоит, таким образом, в том, что женщины готовы оказывать поддержку родственникам.

Мужчина в китайской лингвокультуре представляется выносливым и сильным, он, невзирая на все невзгоды, никогда не бросит начатую работу и доведет дело до конца, такое гендерное представление находит отражение в пословице *农民就是快要死了, 也得去耕田* (буквальное значение – *крестьяне гибнут, но им надо пахать поля*, образное значение – *работать нужно даже, если сложно*). Такое стереотипное представление о мужчине, готовым самоотверженно работать, коррелирует с рассмотренным выше образом, где мужчинам приписываются лидирующие качества. Обращение к русским паремиям с компонентом-названием инструментов показывает, что в стереотипное представление мужчины с точки зрения актуализации гендерных признаков во многом схож к китайским. Например, в пословице *Не топор кормит мужика, а июльская работа* используется лексема-номинант мужчины, использованная в контексте со значением того, что для того, чтобы прокормиться, нужно работать.

Этот же гендерный стереотип находит отражение и в таких китайских пословицах, как *打老婆, 骂老婆, 手内没钱卖老婆* (буквальное значение – *жену можно бить и бранить, а если будет мало денег, жену можно продать, образное значение – жена выполняет второстепенную роль при муже*). В данной пословице актуализируется

гендерный стереотип, что именно мужчина в семье отвечает за финансовое благополучие, являясь основным добытчиком в семье, он и неустанно трудится, но и распорядится всем имуществом исключительно по своему усмотрению.

Лидирующее положение мужчины, его волевой характер и целеустремленность подчеркивается также в следующей пословице: *桑弧蓬矢* (буквальное значение – *лук из тутовника, стрелы из стеблей полыни*, образное значение – *большие цели, обширные планы*). В основе данной пословицы лежит метафорическое представление такого инструмента, как лук и стрелы, где осмыслению подвергается образ полета стрелы, выпущенной из лука – она стремительно движется в заданном направлении.

Что касается гендерных стереотипов о женщинах, то они представляются в угнетенном, зависимом от мужчин положении. Такое представление отражается в следующей пословице с компонентом-названием такого инструмента как *菜刀/ нож: 菜刀不磨成死铁, 女人不打成妖孽* (буквальное значение – *если не точить кухонный нож, он станет тупым, если не быть женой, она превратится в чудовище*, образное значение – *для того, чтобы жена была покорной и правильно себя вела её к ней нужно периодически применять физическое насилие*). В данной пословице мужчина представляется хозяином в доме, который имеет право поднимать руку на свою женщину, что считается таким же обыденным делом, как заточка кухонного ножа. Отметим, что данная пословица актуализирует также имплицитный смысл, состоящий в том, что женщина представляется неуправляемым существом, которое, если не применять к ней физическое насилие, станет неподконтрольным, подобно *монстру /妖孽*.

Идея о безоговорочной преданности жены мужу находит отражение и в пословице с компонентом-названием такого инструмента как *鞍 / седло 马不两鞍* (буквальное значение – *на одну лошадь не надеть два седла*, образное значение – *женщина должна выходить за муж один раз в жизни*). Компонент *седло / 鞍* при этом используется для выражения образа мужчины и тот факт, что седло как специфический инструмент наездника служит для того, чтобы ему удобно было сидеть на лошади и управлять ей, позволяет сделать вывод о наличии в данной пословице китайского языка имплицитного смысла, который состоит в том, что женщина стереотипно представляется в угнетенном положении относительно мужчины.

В русском паремиологическом фонде также фиксируется номинант *седло* в составе пословицы – *Жена не седло: со спины не сымешь*. Как и в китайском языке *седло* в данном примере используется для сравнения с женщи-

ной и актуализирует негативный коннотативный смысл. Однако, если в китайской пословице седло выступает средством для того, чтобы мужчине было удобно, то в русском языке – это выражение обузы, от которой не так просто избавиться.

Позитивный смысл актуализируется в следующей русской пословице – *Что муж возом не навозит то жена горшком наносит*. В данном случае актуализируются сразу два гендерных стереотипных представления – один про мужчин, которым приписывается желание все делать масштабно, актуализатором этого значения является в приведенной пословице лексема *воз*. При этом, отметим, что такого рода амбициозные желания мужчин делать все с размахом, подвергается некоторой критике, что выражается за счет противопоставления с женщинами, которые рисуются в образе сноровистых особ, которые методично и не торопясь, достигают поставленной цели.

Стереотипное распределение работы между мужчиной и женщиной фиксируется в следующей пословице китайского языка: *不拿锄镰吃不上饭, 不动针线穿不上衣* (буквальное значение – Не поработав мотыгой и серпом, не получится покушать; нечего будет надевать, если предварительно не поработать иглой). В данной паремии *锄头/мотыга* и *镰刀/серп* приписываются мужчине, что свидетельствует о том, что в лингвокультурных представлениях Китая именно мужчина выполняет тяжелую физическую работу, женщине же отводится работа, направленная на обеспечение хороших бытовых условий.

Выводы

Проведенный анализ показал, что в пословицах и поговорках китайского и русского языков с компонентом-названием инструментов актуализируются гендерные

стереотипы, формирующие лингвокультурное представление мужчины и женщины. Было установлено, в китайской и русской лингвокультуре мужчины наделяются схожими чертами такими, как, выносливость, мужественность, сила. Согласно гендерным стереотипным представлениям, выраженным при помощи паремий китайского и русского языков, мужчине в семье отводится лидирующая роль, он – главный добытчик и кормилец. Женщина занимает при мужчине второстепенную роль и находится в подчиненном, угнетенном положении. В русской лингвокультуре мужчинам, в отличие от женщин приписывается способность кооперировать усилия для достижения поставленной цели. В китайском паремиологическом фонде на примере пословиц с компонентом-названием инструментов такое значение не было зафиксировано, наоборот, в китайском стереотипном представлении мужчина является единственным лидером.

В русских пословицах с компонентом-названием инструмента находит отражение позитивная коннотация, формирующая гендерный женский стереотип, в рамках которого женщине приписывается сноровистость, что позволяет ей в некоторых случаях добиваться лучших результатов, чем мужчины.

Таким образом, при помощи пословиц китайского и русского языков с компонентом-названием инструментов формируются гендерные стереотипные представления, которые, имеют, как схожие (лидирующая роль мужчины, подчиненное положение женщины) черты, так и различные (в китайской лингвокультуре мужчина – единоличный лидер, в русской ему приписывается способность объединять усилия; женщины в русской лингвокультуре наделяются качествами, которые выгодно отличают их от мужчин, в китайском паремиологическом фонде это значение не фиксируется).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск: АНС «СибАК», 2015. – С. 56–68.
2. Грибач С.В. Гендер как социокультурный концепт пола, его манифестация в языке и речи // Система ценностей современного общества. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2010. – № 10–1. – С. 165–169.
3. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 23 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд. худ. литературы, 1957. – 992 с.
5. Зиновьева Е.И., Цзяци Ц. Лингвокультурнографическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2020. - № 2(27). – С. 1–5.
6. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. – С. 3–16.
7. Климова Т.А. отражение категории «гендер» в паремиологическом фонде разных языков // Язык. Культура. Образование. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – С. 13–17.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
9. Львова Е.М. Сравнительный анализ пословиц и поговорок английского, французского и русского языков с компонентом «труд» // Студенческий вестник. – М.: ООО «Интернаука». - № 18-2. – С. 62–64.
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.

11. Селиверстова Е.И., Ван И. Жилое строение как свидетельство материального достатка/бедности в русских поговорках на фоне китайских // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2021. – № 3(1112). – С. 90–100.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М, 1996. – 285 с.
13. Тимерова Г.В. Лексико-семантический анализ пословиц, выражающих отношение к труду в арабском и татарском языках // Современный мусульманский мир. – Саранск, 2018. – № 2. – С. 5–7.
14. Хомяков Е.А. Коды культуры в жаргонной фразеологии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза, 2014. – № 1(57). – С. 151–160.
15. Цзяци Ц. Компонент «вошь» в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка) // филология и культура. philology and culture, 2019. №1(55). – С. 102–109.
16. Цзяци Ц. Русские пословицы с компонентом жук как фрагмент паремиологической картины мира (на фоне китайского языка) // Филологические науки. – Тамбов: ООО «Грамота», 2019. – № 3(103). – С. 197–204.
17. Шагиахметова Л.И. Культурно-языковые характеристики паремиологических единиц китайского и русского языков // Известия ВГПУ. – Волгоград, 2020. – С. 116–119.
18. 温端政 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年638页 (Уэнь Дуаньчэн. Большой словарь китайских пословиц. – Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2011. – 638 с.).

© Лю Юэ (1018711817@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

О СРАВНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

COMPARISON OF SOME LINGUISTIC STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF AZERBAIJANI AND ENGLISH FOLK TALES

S. Mirzayeva

Summary: The article provides a comparative analysis of the structural and semantic features characteristic of the language of Azerbaijani and English folk tales. On the basis of comparison, both common and distinctive moments for these texts are distinguished, the factors that determine universal or inherently unique structural and semantic trends are evaluated. It turns out that there are formulas characteristic of both Azerbaijani and English texts of folk tales, which acquire a structural and semantic design due to phonetic stylistic means of alliteration, assonance, as well as lexical and syntactic parallelism, internal rhyme.

Keywords: Azerbaijani language, English, folk tales, fairy tale formulas, phraseology, alliteration, assonance.

Мирзоева Севиндж Мустафа Камал гызы

*Докторант, Азербайджанский университет языков
sevinjm21@rambler.ru*

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ структурно-семантических особенностей, характерных для языка азербайджанских и английских народных сказок. На основе сравнения выделяются как общие для этих текстов моменты, так и отличительные, оцениваются факторы, обуславливающие общечеловеческие или уникальные по своей сути структурно-смысловые тенденции. Получается, что существуют формулы, характерные как для азербайджанских, так и для английских текстов народных сказок, которые приобретают структурно-семантическое оформление благодаря фонетическим стилистическим средствам аллитерации, ассонанса, а также лексической и синтаксической параллельности, внутренней рифме.

Ключевые слова: азербайджанский язык, английский язык, народные сказки, формулы сказок, фразеология, аллитерация, ассонанс.

Фольклор (устная народная литература) того или иного народа не только отражает ментальную "карту" его прошлого, систему морально-этических кодексов, этнокультурную информационную культуру, но и воплощает в художественном формате хронологический "документ" этапов формирования и развития национального сознания этого народа. Одним из факторов, делающих устную народную литературу чрезвычайно ценным источником, является то, что она отражает живой язык людей, концептуальную диверсификацию его лингвокультурной «матрицы», а также речевое поведение, так сказать, из первоисточника, без искажений и в полной мере.

Так, из принятого в лингвистике мнения известно, что фольклорные тексты, в зависимости от их отдельных жанров, имеют более или менее близкое к живому разговорному языку структурно-семантическое оформление [1]. Анализ лингвистических особенностей этих текстов не только позволяет получить исчерпывающую информацию об истории языков, на которых они написаны, но и создает условия для получения информации о ментальной идентичности, традициях, словом, "языковой идентичности" носителей этих языков, отраженной в лингвокультурологии. В этом смысле сравнительное изучение лингвистических особенностей азербайджанских и английских народных сказок имеет важное значение с точки зрения

изучения таких особенностей названных языков, как картина мира, концептуальная сфера, арсенал языковых средств и т.д. Неслучайно изучение этих текстов является одной из тем, вызывающих большой интерес как в азербайджанской лингвистике [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9, с. 36-43]; [10, с. 30-51], так и в мировой германистике [11]; [12]; [13]; [14]; [15].

Вместе с тем, следует отметить, что ни в коем случае не проводился сравнительный анализ лингвистических особенностей языка текстов сказок на азербайджанском и английском языках. С этой точки зрения, несомненно, что представленное исследование, наряду со значительной актуальностью для азербайджанского языкознания, а также для компаративистики в целом, является важным элементом с точки зрения науки.

Сравнительный анализ структурно-семантических особенностей языка азербайджанских и английских народных сказок включает не только определение "вертикального контекста" выражений, содержащихся в этих текстах, но и изучение потенциала самих текстов выступать в качестве аллюзивного фона для фразеологической системы обоих языков. Так, в первом случае мы имеем в виду изучение влияния архетипов, этнографических различий, а также языковой картины мира на концептуальную сферу этих текстов, изучение концептов, фрейм-сценариев,

прецедентных феноменов и подсемантики прецедентных онимов. Например, образ Тапагеза, часто встречающийся в азербайджанских сказочных текстах, на самом деле связан с общей тюркской мифологией через свой историко-филологический “вертикальный контекст”. Так, прецедентный оним Тапагез – это имя общетюркского мифического героя. Интересно, что некоторые источники (Г.Ф. фон Диц) даже открыли дорогу широкой полемике, высказав идею о том, что этот мифический герой является прототипом Полифема в “Одиссее” Гомера [16, с. 278-297].

Интересно, что образ сказки сумел вмешаться в систему медицинской терминологии современного азербайджанского языка и нашел термин «циклопия» (на латыни: *Cyclopia*) как «национальную альтернативу» (синдром **təpəgözlük**). В то время как оценки “вертикального контекста” найденного прецедентного онима предполагают ретроспективный анализ, последний пункт выявляется на основе перспективно-аспектного анализа сказочных текстов. По аналогии можно проследить и факты того, что в английском языке образы народных сказок подвергаются повторной смысловой “оценке” благодаря “перестановке текста”. Например, знаменитая английская народная сказка “**Johnny-cake**”, вероятно, послужила аллюзивным фоном для образования фразеологизма “**Johny on the spot**” [20], который впоследствии начал использоваться в американском варианте английского языка с 1896 года. Так, благодаря перестановке текста “**Johnny-cake**”, как аналог главного героя русской народной сказки “Колобок”, стал отражать значение слов «быстрый, услужливый, деловой, полезный» как следующий этап в развитии быстрого, поспешного, оптимистичного образа. Для сравнения, та же сказка, по мнению многих исследователей, образовала термин “**johnnycake**” [21], который, по мнению многих исследователей, отражает кулинарный термин, отражающий лингвокультурологию США.

По-видимому, на формирование лексико-фразеологического инвентаря сказочных текстов существенное влияние оказывают аспекты, непосредственно связанные с лингвокультурологическими факторами, фактором этноцентрической идентичности и др. К этому ряду можно добавить фразу *deal with the devil*, которая “окаменела”, и сказку “**Jack o’ Kent**”, которая является ее “вертикальным контекстом”. Так, “историко-филологический вертикальный контекст” данного фразеологизма – именно текст сказки.

Аналогичные факты, то есть случаи, когда сказочные тексты выступают в качестве первоисточника обогащения фразеологической системы языка, можно встретить в широком спектре материалов азербайджанского языка. Так, образ, сюжет, выражения азербайджанских народных сказок и другие текстовые материалы обеспечили аллювиальный фон многих фразеологических описаний этого языка.

Например, такие фразеологизмы как **div yuxusuna getmək, Evdə div olur, çöldə divanə (“Cırdanın” nağılı); Tülkü, tülkü, tünbəki (eyniadlı nağıl); Ağ atlı oğlan (eyniadlı nağıl); aya deyir: sən çıxma, mən çıxım** (формованная синтаксическая (фразеологическая) формула, общая для многих любовных сказок); **Piri babanın nağılları; Piri babanın nağıllarını danışmaq** в нашем современном языке образовались именно из-за того, что аллюзионный фон сказок выступает как “вертикальный контекст”. В связи с последними фактами мы хотели бы выйти за рамки того, что образ *Пури-баба*, по общему мнению многих исследователей, относится к реальной исторической личности. Так, согласно историческим данным, Пири-баба жил в Анатолийском регионе Турции XV веке (в деревне Навка в Мерзифоне); о его жизни и приключениях упоминается в произведении Овлии Челеби “Саяхатнаме”, о котором написано произведение “*Menâkıb-ı Piri Baba*” – реальное историческое лицо [22].

Многочисленные сказки об этом человеке как главном герое привели к формированию этого прецедентного онима в азербайджанской лингвокультурологической среде как соответствующего семантически коннотированного экземпляра онима, и как логическое продолжение этого, к формированию семантических фразеологизмов **Piri babanın nağılları; Piri babanın nağıllarını danışmaq**, производных от этого смыслового перехода.

То есть под экземплификацией подразумевается, что ономастическая единица, не “падая” в степень апеллятивности, содержит в себе обобщающую семантику, что мы и наблюдаем в высказываниях, в которых ономастическая единица “Пири-баба” выступает как обобщенный образ человека, рассказывающего “невероятные сказки”. В трехязычном фразеологическом словаре Н.Велиевой объяснение этих выражений дано следующим образом: **Piri babanın nağılları** – *an old wives’ tales / old wives’ fables / a cock-and-bull story / a mare’s nest* – бабушкины сказки (небылицы); **Piri babanın nağıllarını danışmaq** – *to tell stories / make it up / to tell fibs / to tell fish tales / to tell piper’s tales / to tell traveller’s tales / to tell tales of the long bow* – рассказывать охотничьи басни / рассказывать сказки / рассказывать небылицы (сочинять, выдумывать, соврать) [23, с. 665].

Говоря о ретроспективном и перспективном коэффициенте предсказуемости ономастиологии азербайджанских и английских сказок, следует изучить потенциал ономастических единиц различного спектра в текстах сказок для создания “вертикального контекста”; в то же время следует оценить обоснование “вертикального контекста” имен лиц, топонимов, космогонимов и других ономастических единиц, содержащихся в этих текстах. Например, **burada mənəm, Bağdadda kor xəlifə** – *one is one’s own master / one acts just as one feels like it (at one’s own sweet will) / it’s up to you (we can give advice but we cannot give conduct)* – своя рука владыка (о самодуре) [24, с.215].

Как видно из упомянутого фразеологизма, в азербайджанских сказках фрейм “Багдад” использовался для “символизации” значения “сила, власть”, а также “тирания”, “безграничные материальные возможности”, что, в свою очередь, способствовало формированию смысловой нагрузки данного выражения.

Фразеологизм *long before Arthur and the Knights of the Round Table*, функционирующий в современном английском языке, формировался непосредственно со ссылкой на прецедентный потенциал ономастических единиц. Обратим внимание на другой пример: выражение **Goldilocks principle** – это фразеологизм, освоенным терминологической системой и демонстрирует свою активность в психологии, биологии, астрономии, экономике и других областях науки. Семантическое ядро этого термина на самом деле относится к “вертикальной контекстуальности” сюжетной линии известной английской детской народной сказки “**Goldilocks and the three bears**”. То есть ономастическая единица, содержащаяся в той же английской сказке, “участвовала” в формировании антропонимически-компонентного фразеологического термина, перейдя на следующем этапе в сферу научной терминологии.

Анализ фактора “языковой картины мира”, отраженного в азербайджанских и английских народных сказках, дает основание говорить о том, что здесь присутствуют следы национальной и протонациональной (наивной) картины мира. Таким образом, существуют семантические универсалии, образованные из общности “наивной картины мира”, которая включает в себя метафоры, “семантические стереотипизации”, которые ссылаются на общие архетипы, а также выявляют параллельные когнитивные сценарии. Например, Э.У. Харрис отмечает, что именно в качестве признака, присущего сказкам, характерно абсолютная поляризация в этих текстах отрицательных и положительных образов и использование прилагательных, выражающих, соответственно, резкое противоречие [24, с. 100].

Как в азербайджанских, так и в английских народных сказках конкретная оппозиционность определенных концептов и микроконцептов (например, “мачеха” – “пасынок”), а также антагонистическая стереотипизация наглядно подтверждают озвученную Э.У. Харрисом идею.

Анализ лингвистических особенностей азербайджанских и английских народных сказок позволяет установить, что здесь много общего. Так, в обоих случаях наблюдается высокая частота обработки формул в текстах. Некоторые готовые формулы служат для создания формата “рамочности” в сказках. Например: “*once upon a time // biri vardı, biri yoxdu*”) (*once upon a time – happily ever after // biri vardı, biri yoxdu – göydən üç alma düşdü* и т.д. Этот формат связан с моментом передачи устной

народной литературы из уст в уста, из поколения в поколение. Таким образом, для того, чтобы слушателям было известно о начале и конце повествования рассказчика, то есть для того, чтобы отличить текст сказки от текста, в котором содержатся рефлексии и мысли самого сказочника, было бы уместно использовать такие формулы, как “введение/начало” и “выход/окончание”.

Интересно, что иногда в сказках используются и формованные формулы, которые “подготавливают” слушателя к переходу от одного дискурса к другому: *Bunu burda qoyaq, sizə kimdən xəbər verək, qızın qardaşlarından ; Bu burda qalsın, sizə kimdən xəbər verim, İsgəndərdən*.

С другой стороны, есть и другие готовые варианты формул, представляющие интерес, к которым относятся выражения, возникающие в связи с использованием семантики образности, непосредственно вытекающей из интенции многих сказочных нарративов. Так, в сказках широко используется технология “неопределенности” временных и пространственных координат для выражения смысловой семантики образности, мистико-мифического оттенка значения. Например, формованные синтаксические формулы, подобные этим *In the days; Günlərin bir günü* и т.д. служат для абстрагирования времени. Обратим внимание на примеры: («*In the days of the great Prince Arthur, there lived a mighty magician, called Merlin, the most learned and skilful enchanter the world has ever seen*»; *Nağil dili yüyürək olar deyərlər, bu əhvalatdan üç – dörd il keçdi*. (Антология Нахчыванского фольклора); *Nağil dili yüyürək olar, amma iş yüyürək olmaz*. (Сирота Авраам и торговец).

Интересно, что технологии абстракции дают некому слушателю возможность выдвигать свои “редакционные уточнения”. Так, во многих случаях в азербайджанских сказках используется общая формованная формула, не вдаваясь в детали в описании внешней красоты любимой дамы главного героя: *Aya deyir sən çıxma mən çıxım, gü-nə deyir sən çıxma mən çıxım*. Например, в сказке “Пропавшая девушка” мы читаем: *Bir qızdı, günə deyir sən çıxma, mən çıxım, aya deyir sən çıxma, mən çıxım*. В это время рассказчик сказки “дает” своему слушателю свободу в своем мышлении воплотить в жизнь даму тех стандартов красоты, которые присущи именно ему. Именно слушатель решает, что “его” сказочная красавица, обладая такими особенностями (высокая или невысокая, блондинка или брюнетка и т.д.) “бросает вызов солнцу и луне” по своей красоте.

Видимо, такие выражения не случайны, они служат словесной кодификацией мысленно-напряженных схем, соответствующих теме и сюжету сказочных текстов.

Следует отметить, что в обоих языках существует внутренний порядок готовых сказочных формул, фоне-

тическое или лексико-стилистическое оформление, а также структурная лепка, выраженная в синтаксическом параллелизме. Например: ***Badi-badi giriftar, hamam-hamam içində, xəlbir saman içində, dəvə dəlləklik elər, köhnə hamam içində. Qarışqa şıllaq atdı, dəvənin qıçı batdı. Hamamçının tası yox, baltaçının baltası. Orda bir tazı gördüm, onun da xaltası yox.*** (Сказка о “Шести товарищей”). Как наглядно видно из примера, здесь наблюдается как фонетико-стилистическое оформление как аллитерации (для которой характерно повторение согласного звука [d]), так и лексемного повторения (слова ***badı, hamam, içində, yox***), а также внутренний рифмованный формат: *atdı – batdı; tası – baltası – xaltası*. В упомянутом формате нашли отражение характерные для азербайджанской и тюркской устной народной литературы [25, с. 3-24]; [26, с. 29-42]). Синтаксический параллелизм также включает: 1) внутри X-X-X, X внутри X-X-X; 2) не X-X-X, не X-X-X.

В этом контексте уместно было бы отметить высказывания академика Т.Гаджиева в связи с формулой “***Az getdi, uz getdi, dərə, təpə düz getdi***”, демонстрирующей высокую частоту использования в азербайджанских сказках. Выдающийся лингвист пишет: “Языковые факты доисторического периода передаются из поколения в поколение в окаменевшем виде в различных формах. Обратим внимание на словарь устного образца в фольклоре: ***Az getdi, üz getdi, dərə, təpə, düz getdi***. Это пример древней поэзии. Рифмы очевидны: *az-üz-düz*. Три строки (1, 2, 4) трехсложные, одна (3-я) четырехсложная – в древней поэзии часто нарушается слоговое равенство стихов. Все слова имеют лексическое значение, кроме слова *uzll*. Теперь эта форма используется так: ***Az getdi, çox getdi...*** Следовательно, слово – *uzll* должно быть антонимом – *azll*, а также созвучным с ним. Выбирается ***uz***, корень нынешних слов ***uzun, uzaq***. У слова – *uzllun* есть различные морфологические производные: ***uzun, uzaq, uzat (maq), uzan (maq)***, даже в разговорной речи ***uzaş (mag)***” [27, с.90]. Аналогичные формованные формулы также широко используются в английских народных сказках: ***Long ago, and a long time it was. If I were there then, I wouldn't be there now. If I were there then and now, I would have a new story or an old story, or I would have no story at all. In any case, however well off I am tonight, may ye not be half so well off tomorrow night.*** Как видно, здесь для формовки формул, как и в азербайджанских аналогах, использовались как аллитерация, синтаксическое и лексическое повторение, так и внутренняя рифма. Кстати, отметим также, что случаи аллитерации и ассонанса, которые оцениваются как примитивный тип рифмы, широко встречаются в народных сказочных текстах обо-

их языков. Например; *glow and glimmer and gleam* [28, с. 12]; *So young Count Rollo married the Princess, and they lived and loved and laughed happily together for many years than I can remember.; Az getdi, üz getdi, dərə, təpə, düz getdi, iynə yarım yol getdi, bir düzə çıxdı.*

Главная цель широкого обращения как к фонемным, лексемным, так и морфемным повторениям, а также интенсивного использования внутренней рифмы, пусть и в прозаическом формате, а также выделения места синтаксическим параллелизмам – обеспечить легкость запоминания фольклорных текстов, распространяемых устно, “передаваемых из уст в уста”. В.Искендерова отмечает характерные для азербайджанских сказок открытые условные предложения: ***“bir gün belə, beş gün belə”;*** ***“otuz doqquz gün belə keçdi”;*** ***“az keçdi, çox keçdi”;*** ***“ay keçdi”;*** ***“gün keçdi, ay dolandı”;*** ***“gecəni gündüzə qatdı, gündüzü gecəyə, on günlük yolu bir gündə getdi”;*** ***“gethaget illər, aylar gəldi hərləndi”;*** ***“günlər, aylar keçdi”;*** ***“ay dolandır, il keçir”*** [29, с. 65].

М. Сон, исследовавший лингвокультурологические аспекты традиционных формул в английских народных сказках, обращает внимание на функциональность формованной фразы *More than a hundred years since...* [30, с.10]; [31]. Исследовавший медиальные формулы в английских народных сказках, Ю. Петрова же подчеркивает, что фактор повторения здесь является решающим механизмом структурного оформления. Обратим внимание на примеры:

1. “You will not get me,” said the axe...
2. “You will not get me,” says the flag
3. “You will not get me,” said the water
4. “You will not get me,” said the hound
5. “You will not get me,” said the butter

Или:

1. They went a little further and they met a dog.
 2. They went a little further and they met a goat.
 3. They went a little further and they met a bull.
 4. They went a little further and they met a rooster
- [32, с. 40].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие в языке азербайджанских и английских народных сказок различных структурно-типологических (т.е. обусловленных различиями в агглютинативной и анатомо-флективной структуре языков, на которых написаны эти тексты) особенностей, эти образцы фольклора имеют много общих или сходных структурно-семантических особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарланов З.К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Тарланов З.К.. Динамика в развитии и функционировании языка:

- Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008, 536 с. <https://scicenter.online/sintaxis-scicenter/yazyik-russkogo-folklor-kak-predmet-170041.html>
2. Abdullayeva S.Ə. Azərbaycan nağıl və dastanlarının dili, B.: Elm, 1998, 232 s.
 3. Abdullayeva S.Ə. Azərbaycan nağıl və dastanlarının dili, fil.e.d....disser.avtoreferatı, Bakı, 2007, 56 s.
 4. İsgəndərova V. Ənənəvi nağıl formulları (Azərbaycan və Türkiyə nağılları əsasında). B.: Elm və təhsil, 2014;
 5. Seyidəliyev N. Azərbaycan dastan və nağıl dilinin frazeologiyası, Filol. elm. dok..... dis. Bakı, 2009, 56 s
 6. Mehdiyeva S. Folklor abidələrinin linqvo-poetik tədqiqi. Bakı: Elm, 2003, 220 s.
 7. Hüseynli Ş.A. Azərbaycan folklorunda epik formullar, Bakı, 2019, 184 s.
 8. Seyidəliyev N. Azərbaycan dastan və nağıl dilinin frazeologiyası, Filol. elm. dok..... dis. Bakı, 2009, 56 s.
 9. Əliyev O. Azərbaycan nağıl və dastanlarında ənənəvi formul və vasitələr // Dədə Qorqud, 2017, №2, s.36-43
 10. Seyidov N. Azərbaycan nağıllarının bədii xüsusiyyətlərinə dair qeydlər. / Azərbaycan şifahi xalq ədəbiyyatına dair tədqiqlər, II kitab, Bakı: Azərbaycan EA Nəşriyyatı, 1966, s. 30-51
 11. Nhung P.T. Folktales as a Valuable Rich Cultural and Linguistic Resource to Teach a Foreign Language to Young Learners <http://article.sciencepublishinggroup.com/html/10.11648.j.ijecs.20160101.15.html>
 12. Rufenacht M, McCarthy P, Lamkin A. Fairy Tales and ESL Texts: An Analysis of Linguistic Features Using the Gramulator // Proceedings of the Twenty-Fourth International Florida Artificial Intelligence Research Society Conference, pp. 287-292 <https://pdfs.semanticscholar.org/b977/412771d615205428d093e47e62c840161e06.pdf>
 13. Lendvai P, Declerck T. and others. Integration of Linguistic Markup into Semantic Models of Folk Narratives: The Fairy Tale Use Case. https://lexitron.nectec.or.th/public/LREC-2010_Malta/pdf/654_Paper.pdf
 14. Solovyeva N. Linguistic representation of the category of oppositeness in english folk Tales <https://cyberleninka.ru/article/n/linguistic-representation-of-the-category-of-oppositeness-in-english-folk-tales>
 15. Levorato A. Language and gender in the fairy tale tradition: A linguistic analysis of old and new story telling https://www.researchgate.net/publication/316066140_Language_and_gender_in_the_fairy_tale_tradition_A_linguistic_analysis_of_old_and_new_story_telling
 16. Jo Ann Conrad. Polyphemus and Tepegöz Revisited A Comparison of the Tales of the Blinding of the One-eyed Ogre in Western and Turkish Traditions // Fabula, , 2009, 40(3-4), pp. 278-297. <https://www.degruyter.com/view/j/fabl.1999.40.issue-3-4/fabl.1999.40.3-4.278/fabl.1999.40.3-4.278.xml>
 17. Pınar Karaca Türk Mitolojisi Sözlüğü, (Tepegöz) <https://www.kayipdunya.com/kayip-dunya/turk-mitolojisi-sozlugu-t-u>
 18. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. іВертикальный контекст как филологическая проблема. // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47-54.
 19. "Milliyət" qəzeti, 7.10.2015, <http://milliyet.az/6117-tepegoz-ushaq-dunyaya-geldi.html>
 20. Johnny on the spot <https://www.phrases.org.uk/meanings/johnny-on-the-spot.html>
 21. Johnnycake <https://www.dictionary.com/browse/johnny--cake>
 22. Piri Baba // İslam Ansiklopedisi, 34.Cild, səh. 279-280 <https://cdn.islamansiklopedisi.org.tr/dosya/34/C34011163.pdf>
 23. Vəliyeva N.Ç Azərbaycanca-İngiliscə-rusca frazeoloji lüğət, Bakı: Nurlan, 2006, 863 s. <https://ebooks.azlibnet.az/book/v0ZLpnFo.pdf>
 24. Harries E.W. Twice upon a Time Women Writers and the History of the Fairy Tale. Princeton University Press, 2001.
 25. Жирмунский В.М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания, №4, 1964, с. 3-24.
 26. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах теории тюркского народного эпического стиха // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1970. С. 29-42.
 27. Насыев Т.İ. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi., I hissə. Bakı: Elm, 2012, 476 səh.
 28. Эпоева Л.В. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки : на материале английского и русского языков, Автореферат диссер....канд.филол.наук, Краснодар, 21 с.
 29. Vəfa İsgəndərova. Ənənəvi nağıl formulları (Azərbaycan və Türkiyə nümunələri əsasında), Bakı, Elm və təhsil, 2014, 202 səh.
 30. Сон М.Ю. Обрамляющие формулы в дискурсе английских и якутских волшебных сказок // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы, Москва: Издательство «Перо», 2016, с.9-11. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26292357&>
 31. Егорова О.А. Традиционные формулы как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки): дис. . . канд. культурологии: 24.00.01 / О. А. Егорова. – М., 2002. – 259 с.
 32. Петрова Е.Е. Медиальные формулы в английских народных сказках // Евразийский Союз Ученых: «Филологические науки», 2015, № 1 (18), с. 39-41

© Мирзоева Севиндж Мустафа Камал гызы (sevinjm21@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МЕЖДОМЕТИЙ НЕМЕЦКОГО И ЛАКСКОГО ЯЗЫКОВ

Рамазанова Марьям Мугутиновна

К.п.н., доцент, Дагестанский государственный
университет (г. Махачкала).
maryamr@mail.ru

ON THE SEMANTIC STRUCTURE OF GERMAN AND LAK INTERJECTIONS

M. Ramazanova

Summary: The article presents a comparative study of interjections in the German and Lak languages. The quantitative predominance of interjections in the German language in comparison with the Lak language is revealed. The analysis of the semantic structure of interjections also reveals that what is common for the studied languages is the ability of one and the same interjection to convey very different emotions depending on the context and, on the contrary, the ability of different interjections to express the same emotions. The main difference in the functioning of interjections of the languages under study lies in the gender differentiation of interjections and the semantic motivation of the choice of the form of address in the Lak language.

The comparative-typological analysis of the linguistic units of unrelated languages (German and Lak - in our case) is not only of practical value for the grammar of individual languages, but also of theoretical significance for general linguistics. The problem of comparative-typological study of individual grammatical and lexical units of different structured languages acquires particular significance in connection with the markedly increased interest in typological research in Russian science, including in the didactic aspect. A comparative study of languages of different typologies allows us to identify sources of interference and predict typical errors.

Keywords: German, Lak, emotional interjection, vocative interjection, gender marking.

Аннотация: В статье проводится сопоставительное исследование междометий немецкого и лакского языков. Выявляется количественное преобладание междометий в немецком языке по сравнению с лакским языком. Анализ семантической структуры междометий выявил также, что общим для исследуемых языков является способность одного и того же междометия передавать самые различные эмоции в зависимости от контекста и, наоборот, способность разных междометий выражать одинаковые эмоции. Главное различие в функционировании междометий исследуемых языков заключается в гендерной дифференциации междометий и семантической мотивированности выбора формы обращения в лакском языке.

Сопоставительно-типологический анализ языковых единиц неродственных языков (немецкого и лакского – в нашем случае) имеет не только практическое значение для грамматики отдельных языков, но и теоретическое значение для общего языкознания. Проблема сопоставительно-типологического исследования отдельных грамматических и лексических единиц разноструктурных языков приобретает особую значимость в связи с заметно усилившимся интересом к типологическим исследованиям в отечественной науке, в том числе и в дидактическом аспекте. Сопоставительное изучение языков различных типологий позволяет выявить источники интерференции и предсказать типичные ошибки.

Ключевые слова: немецкий язык, лакский язык, эмоциональное междометие, гендерная маркировка.

Междометия являются универсальным средством репрезентации эмоционального состояния языковой личности. Принято считать, что междометия не располагают определенным смысловым содержанием, поскольку они не выполняют в языке номинативную функцию. С этим мнением частично не соглашается О.И. Москальская: «междометия не обладают номинативной функцией. Они выражают чувства человека, но не называют их. Лишенными значения они, однако, не являются, сравните: *Oh!, Ei!, Au!, Ach!, Hurra!, Bravo! O weh!* и др. ... Междометия представляют собой совершенно особый класс слов, относительно которого больше всего высказывалось сомнений: можно ли его считать частью речи» [1, с. 387].

Свидетельством того, что междометия не лишены определённого значения может служить возможность классификации междометий на ряд групп, в зависимо-

сти от выполняемой ими функции:

1. Вокативные междометия (или междометия зова или оклика). В немецком языке данную функцию выполняет междометие *Hallo!*
2. Эмоциональные (или по другой терминологии – эмоциональные междометия) междометия, выражающие различные чувства: *ah! oh! au! hurra!* и s.w.
3. Междометия, репрезентирующие отрицательное отношение, тяжелые психологические состояния: *pfui! ei!*

Еще в девятнадцатом веке К.С. Аксаков даёт такое определение междометию: «Что же касается междометия, то оно вовсе не есть слово. Скажите, какая мысль выражается им. Это просто восклицание, которое показывает только неопределённое состояние боли, ужаса, радости... Тут еще нет слова, тут еще не говорит человек, нет, это крик...» [2, с. 7].

Традиционно в немецком и лакском языках все междометия делятся на два больших разряда: эмоциональные и побудительные. Эмоциональные междометия выражают широкий спектр чувств (радости, удивления, испуга, возмущения, беспокойства и т.д.). Побудительные междометия выражают желания говорящего и одновременно побуждают адресата к действию. Это классическое деление междометий, принятое в преобладающем большинстве языков. Внутри этих основных разрядов разные исследователи выделяют разные градации, в зависимости от того, в каком ракурсе предстоит исследовать данные языковые единицы. С точки зрения различий между языками на уровне системы, можно отметить количественное преобладание междометий в немецком языке. В лакском языке междометий значительно меньше, однако это касается только одного разряда междометий. Только эмоциональные междометия в лакском языке в количественном отношении значительно уступают эмоциональным междометиям немецкого языка. Но даже ограниченное количество лакских эмоциональных междометий в состоянии выражать целый спектр эмоций, начиная от радости и заканчивая печалью.

Междометия лакского языка, несмотря на их ограниченное количество, способны передавать тончайшие нюансы эмоций. В целом эмоцию, которую передаёт междометие, можно определить только по контексту. Так, междометие *агь* употребляется для выражения следующих чувств: удивления, восхищения, жалости, страданий (преимущественно душевных). Примечательно, что междометие *агь* не только в лакском, но и в других родственных дагестанских языках может выразить целый спектр чувств, в том числе и прямо противоположных.

Такая же ситуация наблюдается и в немецком языке. Здесь эмоциональное междометие *на* репрезентирует следующие значения:

1. удивление – *na, so was!* «ну, неужели!»;
2. угрозу – *na warte!* «ну, погоди!»;
3. нетерпение – *na, wird's bald?* «ну, долго там ещё?»;
4. иронию – *na, ich danke!* «нее, благодарю!»;
5. недоумение – *na und?* «ну и что?» и т.д.

Междометие *на* употребляется также в редуцированной форме, для выражения осуждения, например: *na, na?* «как?, что?» или «ну-ну!». В такой же форме может применяться и в прямо противоположном значении, для выражения солидарности с адресатом, чтобы его успокоить: *na, na, so schlimm wird es (schon) nicht sein!* «ну, не так уж это и страшно!».

Чаще всего немецкому эмоциональному междометию *на* в лакском языке соответствует междометие *гьу*. Проявляет это соответствие на фразовых примерах из романа Эриха Марии Ремарка «Drei Kameraden» и их переводов на лакский и русский языки (пере-

вод наш – Р. М.), например:

Na, dann eben nicht! «Гьу бакъарив, бакъар!». «Ну нет, так нет!».

Na, wie geht's alter Sünder? «Гьу, цукун ура, х1ллакар?». «Ну, как дела, старый грешник?».

„**Na, Georg**“, sagte ich, „immer noch nichts?“

«Гьу, Георг, – учав на, – тмигу цич1ав?». «Ну, Георг, – сказал я, – по-прежнему ничего?»

„**Na schön**“: Wir fahren weiter. «Гьу хъиннича», – жу лав-гзу гихунмай. «Ну ладно», – мы поехали дальше».

„**Na, Otto**“, sagte er, „wenn meine Kerzen heute halten, bist du verloren!“ «Гьу, Отто, – увкуна ганал, – Х1акьину тмул све-чардал къянкъа рарча, ина акъассара!». «Ну, Отто, – сказал он, – если мои свечи выдержат сегодня, ты пропал!».

„**Na, schön, Matilde!**“. «Гьу хъиннича, Матильда!». «Ну ладно, Матильда!».

„**Na!**“ begrüßte mich der Stutzer Gottfried Lenz. Wie hab ich das gemacht? «Гьу, – ц1увххуна тмухъ ффрант Готтфрид Ленцлул. – На му цукун дував?». «Ну, – поздоровался со мной франт Готтфрид Ленц. – Как я это сделал?».

„**Na, bei manchen geht's doch auch tiefer**“. «Гьу, куннан хъинну бяххай». «Ну, некоторые чувствуют глубже».

Некоторые эмоциональные междометия в немецком и лакском языках совпадают полностью, например:

„**Ah, die ist fabelhaft...**“ «Агь, та аьламатъя...». «Ах, она потрясающая (замечательная)...».

„**Ah, Pat, das ist was anderes. Das spricht sich viel leichter**“. «Агь, Пат, ва лялич1иссар. Учин бигъассар». «Ах, Пат, это нечто иное. Это легко произнести».

„**Aha!**“ – sagte sie. Und dann noch einmal: „**Aha!**!“ «Агья!» – увкуна ганил. Тмигу цал: «Агья». «Ага», – сказала она. А потом еще раз: «Ага».

„**Aha!** Und wollen Sie ihn selbst fahren oder mit Chauffeur?“ «Агья! Зу ганий зува гъан ччай бурувкый шофернацал?». «Ага! А вы хотите сами на ней поехать или с шофером?»

„**Aha, versetzt**“ sagte sie giftig. «Агья, отставкагу лав-суну», – ссумтуй увкуна ганил. «Ага, получил отставку», – ядовито сказала она».

„**Aha!**“ – Er zeigte auf Jupp, der verlegen grinste,... “ «Агья!» – ккаккан бувна ганал начлий пиш кусса Джан-плуйн». «Ага!» – он указал на Джаппа, который смущенно ухмыльнулся».

Лишь крайне ограниченное количество междометий обладают определенным постоянным значением, например: нем. *hallo!* «привет!», *bravo!* «браво!», *o weh* «ох, увы»; лак. *ччуччу!* «браво!», *хлайн* «жалъ», *салам!* «привет!».

Общим для исследуемых языков также обратное явление: разные междометия способны выражать одинаковые эмоции. Например, в лакском языке для выражения удивления имеется целый ряд междометий: *агь-ой, вагь-вагь, огьо-гьой, агья-гьай, згье-гьей*, как видим, все они по структуре представляют собой редуцированные междометия. В немецком языке наблюдается такая

же ситуация, междометия *ach, ah, oh, och, na, nu* могут выразить значение удивления в различных контекстах. Взятые изолированно вне контекста, они полностью лишены понятийного содержания, поэтому вне контекста их невозможно перевести на другой язык.

Редуцированные (удвоенные) формы междометий нем. *ja-ja! na-na! ach-ach! na-nu!*, лак. *агь-ой, вагь-вагь, огьо-гьой, агьа-гьай, эгье- гьей* употребляются часто для усиления выражения чувств и эмоций. И.Х. Абдуллаев также отмечает частотность функционирования эмоциональных междометий в лакском языке: «междометия ... часто употребляются в удвоенном виде или в сочетании с другими междометиями» [3, с. 283].

Современная лингвистическая наука сменила акценты и проявляет устойчивую тенденцию рассматривать язык в более широком контексте, чем это было принято в прошлом. Благодаря прагматическому подходу к исследованию языковых явлений удалось выявить такие особенности семантики языковых единиц, которые ранее оставались вне поля зрения исследователей. Так, в отличие от немецкого языка, в лакском языке эмоциональные междометия *гьар* и *ярч* относятся к гендерно маркированным языковым единицам. Б.М. Алиева отмечает, что лакское междометие *гьар* встречается исключительно в женской речи, но возможно его применение как при обращении к мужчине, так и к женщине. Междометие *ярч*, напротив, применяется исключительно в мужской речи и только при обращении к мужчине [4, с. 13].

Гендерно маркированные междометия представлены и в других дагестанских языках. В даргинском языке З.Г. Абдуллаев выделяет классные междометия *ъи* (функ-

ционирует исключительно в мужском дискурсе) и *ва* (функционирует исключительно в женском дискурсе), выражающие удивление, значение которых примерно соответствует русскому междометию *ба!* [5, с. 451].

В качестве отличия в функционировании междометий исследуемых языков можно назвать семантическую мотивированность выбора междометия зова (обращения) в дагестанских языках. При обращении к мужчине в лакском языке используется вокатив *да!*, в аварском – *ле!*, в даргинском – *гьуй*, в годоберинском – *вой*. При обращении к женщине – в лакском языке используется вокатив *ил!*, в аварском – *йо!*, в даргинском – *ъей*, в годоберинском – *ой*.

Как видим, гендерная дифференциация при употреблении вокативных междометий имеет место не только в лакском языке, но и в других дагестанских языках. Семантическую мотивированность выбора вокативных междометий З.М. Маллаева рассматривает как типологически релевантный признак дагестанских языков [6, с. 367].

В сопоставляемых языках междометия выявляют как сходства, так и различия. Сходства заключаются в контекстуально обусловленной способности одного междометия выражать несколько значений и в наличии нескольких междометий для выражения одного и того же значения. Наиболее заметное различие – это гендерная мотивированность выбора междометий в лакском и в других дагестанских языках. Различия в исследуемых языках заключаются также в ограниченном количестве эмоциональных междометий в лакском языке по сравнению с немецким языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москальская О.И. Грамматика немецкого языка (теоретический курс). Морфология. М., 1956. 399 с.
2. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т.II. Ч. I. М., 1875. 660 с.
3. Абдуллаев И.Х. Лакский язык в историко-сравнительном освещении. Морфология. Махачкала, 2010. 368 с.
4. Алиева Б.М. Гендерно-обусловленные структурные аспекты стратегии речевого поведения в лакском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 26 с.
5. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. Ч.II. М., 1993. 473 с.
6. Маллаева З.М., Рамазанова З.М. Гендерно маркированные вокативы в дагестанских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5. Ч. 2. 2018. С. 366-370.

© Рамазанова Марьям Мугутиновна (maryamr@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКИХ РЕГИОНАЛИЗМОВ В «ЮКАГИРСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ»

Г.Н. КУРИЛОВА¹

Семенов Алексей Иванович

к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан
aisemenoff@mail.ru

LEXICO-THEMED GROUPS OF RUSSIAN REGIONALISMS IN THE "YUKAGIR-RUSSIAN DICTIONARY" G.N. KURILOVA²

A. Semenov

Summary: The purpose of the article is to describe the lexico-thematic groups of Russian regional vocabulary in the «Yukaghir-Russian Dictionary». This lexicographical work was not previously considered as a source for the study of Russian regional vocabulary. The work uses structural and functional research methods, as well as techniques for partial sampling and analysis of lexicographic sources. Our work is based on the works of the Magadan school of regional linguistics. The article discusses the following lexico-thematic groups of words: 1) "Household items", 2) "Buildings and structures", 3) "Wardrobe", 4) "Religion", 5) "Nature", 6) "Livestock", 7) "Food", 8) "Transport" and 9) "Society". The article notes that regionalisms help to more accurately convey the meanings of certain Yukaghir lexemes, which makes it possible to more widely acquaint the readers of the dictionary we are interested in with the linguistic picture of the Yukaghir world, their way of life. The use of Russian regional words in the Yukaghir-Russian Dictionary indicates the demand for regional lexical means of the Russian language in the speech of the Yukaghirs, which indicates the existence of the Yukaghir "sub-region" of the Russian regional language in the North-East, which requires a separate study.

Keywords: Russian old-time dialects, regional linguistics, regionalism, regiolectism, Yukaghir language, North-East of Russia, G.N. Kurilov.

Аннотация: Целью статьи является описание лексико-тематических групп русской региональной лексики в «Юкагирско-русском словаре». Этот лексикографический труд ранее не рассматривался в качестве источника для изучения русской региональной лексики. В работе используются структурный и функциональный методы исследования, а также приемы частичной выборки и анализа лексикографических источников. В основе нашей работы лежат труды магаданской школы региональной лингвистики. В статье рассматриваются следующие лексико-тематические группы слов: 1) «Предметы бытового пользования», 2) «Постройки и сооружения», 3) «Гардероб», 4) «Религия», 5) «Природа», 6) «Животноводство», 7) «Пища», 8) «Транспорт» и 9) «Социум». В статье отмечается, что регионализмы помогают точнее передать значения определенных юкагирских лексем, что позволяет шире знакомить читателей интересующего нас словаря с языковой картиной мира юкагиrow, их образом жизни. Использование в «Юкагирско-русском словаре» русских региональных слов указывает на востребованность региональных лексических средств русского языка в речи юкагиrow, что свидетельствует о существовании на Северо-Востоке юкагирского «субрегиолекта» русского регионального языка, что требует отдельного исследования.

Ключевые слова: русские старожильческие говоры, региональная лингвистика, регионализм, региолектизм, юкагирский язык, Северо-Восток России, Г.Н. Курилов.

Расширение круга источников для изучения русской региональной лексики - одна из задач региональной лингвистики на Крайнем Северо-Востоке России [11]. Использование сопоставительных словарей в качестве источника для изучения лексических явлений - прием, конечно, известный (см., например, [2]), но в области изучения русской региональной лексики он еще не получил широкого распространения.

Целью нашей работы является описание лексико-

тематических групп русских регионализмов, которые используются при переводе с юкагирского на русский язык в «Юкагирско-русском словаре» Г.Н. Курилова [5].

Интересующий нас словарь в качестве источника изучения русской региональной лексики еще не использовался, хотя он, будучи важнейшим инструментом изучения юкагирского языка активно применялся для выявления русско-юкагирских лексических связей. Так, данный словарь привлекался С.Н. Куриловой в качестве

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Северо-Востоке России».

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project 20-012-00266 «Regional variants of the Russian language in the Far North-East of Russia».

одного из источников для изучения заимствований из русских старожильческих говоров в юкагирский язык [6].

В работе используются структурный и функциональный методы исследования, а также такие приемы, как частичная выборка данных и анализ лексикографических источников. В основе нашей работы лежат труды магаданской школы региональной лингвистики (см., например, [7; 10; 11; 13]).

Под лексическими регионализмами мы понимаем слова и выражения, которые обозначают местные реалии, используются в устных и письменных текстах разных типов (литературных, просторечных, жаргонных) и выполняют номинативную, стилистическую, поэтическую, идентифицирующую, познавательную, эмотивную и другие функции. Регионализмы – это такой инструмент, которым «пользуются носители разных форм существования языка (в отличие, например, от диалектизмов, которые употребляются носителями определенного территориального диалекта)» [8, с. 64].

В качестве основы для выделения лексико-тематических групп слов возьмем классификацию С.Н. Куриловой. Исследователь обнаруживает следующие группы русской старожильческой лексики, заимствованной в язык тундровых юкагиrow:

1. «Предметы бытового пользования»;
2. «Постройки и сооружения»;
3. «Гардероб»;
4. «Религия»;
5. «Природа»;
6. «Животноводство»;
7. «Пища» [6].

К этим классификационным разрядам мы добавили группы «Транспорт» (названия транспортных средств и их элементов) и «Социум» (условное название, которое понимаем в широком смысле, включаем сюда и «социальную географию»).

Используя прием частичной выборки (см. [5, с. 17–117]), приведем далее лексико-тематические группы слов, при описании их лексических значений преимущественно опираемся на словарь Г.В. Зотова [4]. В скобках указываем сколько всего словарных статей содержат русские регионализмы, приводим 1–3 примера, указываем страницы в словаре Г.Н. Курилова. Также сообщаем о количестве словарных статей в интересующем нас лексикографическом источнике, в которых обнаруживаются русские региолектизмы, что косвенно указывает на частотность их употребления.

1. Предметы бытового пользования (10 лексем):

аркан ‘длинный ремень с петлей на конце для поим-

ки лошадей, оленей’, ср. [4, с. 53] (4 словарных статьи: например, айи-, архуль и др., см. [5, с. 26–27, 31, 53]);

верша ‘рыболовный снаряд, сплетенный из ивовых прутьев’, ср. [4, с. 89] (1 словарная статья: алайи, см. [5, с. 33]);

вешала ‘жерди, укрепленные на козлах (столбах и т. п.), предназначенные для развешивания и сушки чего-либо (например, мяса, рыбы, сетей)’, ср. [4, с. 93] (1 словарная статья: вэлтиэчэ-, см. [5, с. 76]);

невод ‘рыболовная сеть с мотней; самая крупная рыболовная снасть’ [4, с. 300] (2 словарных статьи: вабарэ, вабарэдигийэ, см. [5, с. 58]);

палямка ‘столовый нож’, ср. [4, с. 341] (1 словарная статья: ваавэч чобойэ, см. [5, с. 56]);

пасть ‘деревянный охотничий снаряд – ловушка на песцов, зайцев и других зверей’ [4, с. 343] (3 словарных статьи: ватнийэ, ватниилэ, ватнийэнь-, см. [5, с. 68–69]);

пешня ‘железный острый наконечник, лом, насаженный на рукоять и служащий для пробивания льда’ [4, с. 352] (1 словарная статья: атилэрдьи-, см. [5, с. 54]);

плавник ‘всё, что плавёт по реке, особенно в половодье весной, и выброшенное на берег’ [4, с. 354] (1 словарная статья: вайбуол, см. [5, с. 61]);

подорожник ‘дорожный запас’ [4, с. 365] (1 словарная статья: вальбарэ, см. [5, с. 63]);

сушняк ‘сухой плавник, наносимый в половодье; любое сухое дерево на корню’ [4, с. 461] (1 словарная статья: вайбуол, см. [5, с. 61]).

2. Постройки и сооружения (8 лексем):

дровяник ‘кладь дров, навес (сарай) для дров возле яранги, чума’, ср. [9, вып. 8, с. 194] (1 словарная статья: ааттэрэйсэ-, см. [5, с. 21]);

кораль ‘загородка для оленей’ [4, с. 227] (3 словарных статьи: айабасиичэ-, амдус-, йавнаа-, см. [5, с. 30, 41, 106]);

лабаз ‘небольшое рубленое помещение-амбар на столбах для хранения припасов (мяса, рыбы), а также для сушки рыбы на вешалах’ [4, с. 243] (1 словарная статья: вэлдьи, см. [5, с. 75]);

полог ‘занавес в яранге; спальное помещение в яранге’, ср. [4, с. 371] (9 словарных статей: аавэс-, архул, вэйлуочи-, см. [5, с. 17, 25, 27, 33, 52–53, 75, 108]);

тордох 'старое жилище, ураса с каркасом из жердей, с покрытием из оленьих кож (ровдужных)' [4, с. 473] (2 словарных статьи: аравчэнь-, вэлдьии, см. [5, с. 52, 75]);

чум 'переносное чукотское жилище в виде шатра, конической формы, крытое шкурами' [4, с. 522] (14 словарных статей: аарэйчэ, ворпэри-, ивиль и др., см. [5, с. 20–21, 29, 39, 53, 68, 72–73, 75, 77, 81]);

юрта 'жилая постройка или амбар из коротких бревен, приставленных друг к другу и опирающихся на раму из бревен, укрепленных на четырех столбах' [4, с. 535] (2 словарные статьи: амудьиинна-, анчэйинэн, см. [5, с. 41–42, с. 48]);

яранга 'большая конусообразная хижина из жердей, покрытая оленьими шкурами, посреди с отверстием для выхода дыма' [4, с. 538] (22 словарные статьи: аариидьаа, вэлдьии, йалмасчэги и др., см. [5, с. 20, 29, 40, 43, 62–63, 75, 79, 81–82, 96, 97–98, 101–102, 109, 117]).

3. Гардероб (7 лексем):

доха 'шуба шерстью наружу' [9, вып. 7, с. 279] (12 словарных статей: абай-, вайидэк, иэриэчэ- и др., см. [5, с. 23, 27, 58, 61, 67, 88, 91, 97–98, 102–104]);

кафтан 'мужская верхняя одежда', ср. [4, с. 212] (14 словарных статей: апаваан, ватильии, гавсик и др., см. [5, с. 18, 21, 51, 54, 60, 68, 72, 79, 97, 108, 117]);

кукашка 'верхняя одежда из оленьих шкур' [4, с. 238] (3 словарных статьи: аавандьэмабил, взйлуол-, йари-чэнь-, см. [5, с. 19, 75, 116]);

кухлянка 'верхняя одежда из оленьих шкур с капюшоном без распах' [4, с. 242] (1 словарная статья: ваайну-, см. [5, с. 57]);

малахай ' меховой головной убор-шапка особого покроя, ушастая, покрывающая лоб, щеки, затылок' [4, с. 261] (12 словарных статей: аавандьэ, виэн, йалмэсчэльэ и др., см. [5, с. 19, 27, 33, 50–52, 70–71, 79, 82, 89, 110]);

торбаса 'вид меховой обуви', ср. торбаза, торбаса [4, с. 472] (1 словарная статья: аалиэ-, см. [5, с. 19]);

унты 'вид меховой обуви' (5 словарных статей: ари-мэ, виэтэс- и др., см. [5, с. 52, 72]).

4. Религия (3 лексем):

закамлать 'начать камлать; начать совершать шаманский обряд', ср. [4, с. 208] (1 словарная статья: волмомаа-, см. [5, с. 72]);

камлание 'совершение шаманского обряда', ср. [4, с.

208] (3 словарных статьи: аадаа-, волмомаал, йабатайльэ, см. [5, с. 19, 72, 105]);

камлать 'совершать шаманский обряд', ср. камланье [4, с. 208] (3 словарных статьи: волмомаа-, волмомаану-, волмомаанаа-, см. [5, с. 72]).

5. Природа (22 лексем):

гнуc 'комары и мошка' [4, с. 118] (1 словарная статья: илэн молльэ, см. [5, с. 94]);

едома 'возвышенность, обычно плоская, поднимающаяся над тундрой' [4, с. 155] (14 словарных статей: бибаба-, ибал, Йархийаа и др., см. [5, с. 55, 81, 99, 101, 105, 109, 117]);

едомный 'относящийся к едоме' (1 словарная статья: ибан бибабийэ, см. [5, с. 81]);

запуржить 'начать идти сильному ветру со снегом', ср. [4, с. 401] (1 словарная статья: илийэрэйнун-, см. [5, с. 92]);

захоркать 'начать издавать гортанные звуки (об оленьих самцах)', ср. [4, с. 56] (1 словарная статья: антэй-, см. [5, с. 47]);

кабарга 'безрогое парнокопытное оленевидное животное небольшого размера' (1 словарная статья: аннадилэ, см. [5, с. 44]);

краснотал 'разновидность ивы', ср. краснотальник [9, вып. 15, с. 186] (1 словарная статья: ваарачил, см. [5, с. 57]);

кукушка 'отростки над мордой оленя' (2 словарных статьи: ахнумудьийуол-, ахнумудьийуодьэ, см. [5, с. 55]);

нерпа 'ушастый тюлень из семейства ластоногих, распространённый в северных и восточных морях' [4, с. 305] (2 словарных статьи: альба(н), альбадигийэ, см. [5, с. 36]);

пурга 'метель, вьюга, снежный вихрь' [4, с. 400] (6 словарных статей: амахаа-, илийэ и др., см. [5, с. 40, 63, 66, 92]);

пуржить 'идти сильному ветру со снегом' [4, с. 401] (1 словарная статья: ииваа, см. [5, с. 85]);

сиг 'обозначение разных видов форели' [1, с. 494] (1 словарная статья: вайин, см. [5, с. 61]);

сопка 'невысокая гора' (1 словарная статья: ибал, см. [5, с. 81]);

сполохи 'северное сияние' (ср. [9, вып. 40, с. 212; 4, с. 446, 534] (1 словарная статья: алайип лачипэ, см. [5, с. 33]);

тальник 'ива', ср. [4, с. 464] (18 словарных статей: ан-мэльэй, ворпэ, йархураа- и др., см. [5, с. 28, 30, 34, 46, 57, 62, 72, 76, 79, 81, 89, 102, 110, 116–117]);

тальниковый 'относящийся к тальнику, сделанный из тальника' (2 словарных статьи: варулуу, идараанэн, см. [5, с. 67, 83]; ср. также тальничный [5, с. 308–309]);

тарбаган 'северный сурок' [4, с. 465] (1 словарная статья: анаан салбил, см. [5, с. 44]);

турухтан 'птица семейства бекасовых' (3 словарных статьи: см. бибаҕа-, бибаҕаанаа- [5, с. 55] (в том числе в неоднозначном графическом варианте: тухтан, см. ибан бибаҕийэ [5, с. 81]);

увал 'пологий склон горы (обычно южный)' [4, с. 483] (3 словарных статьи: ибал, ибандэвчэ, ибан лахил, см. [5, с. 81]);

хоркать 'издавать гортанные звуки (об оленьих самцах)' [4, с. 503] (1 словарная статья: антэй-, см. [5, с. 47]);

чир 'рыба сигаовой породы (самая лучшая рыба в Колыме и местных озерах)' [4, с. 518] (3 словарных статьи: Алайип муохаткэ, Алайип нункичаан, альбадамун, см. [5, с. 33, 36]);

яр 'возвышенность, крутой берег' [4, с. 538] (1 словарная статья: ичучо-, см. [5, с. 100]).

6. Животноводство (12 лексем):

бур 'олень-самец' (1 словарная статья: аньмэрэйуол-, см. [5, с. 49]);

важенка 'стельная самка северного оленя; самка оленя' [4, с. 82] (15 словарных статей: анийуол-, вэй-, имдалдынгуниль и др., см. [5, с. 21, 45, 47, 49, 56, 64–65, 74–75, 81, 84, 90, 95, 97, 100]);

камус 'шкура, снятая с голени оленя или волка' [4, с. 209] (16 словарных статей: альаайэсуол-, вайидэ, йара- и др., см. [5, с. 36–37, с. 44–45, 51–52, 61–63, 65, 70, 115]);

копытица 'болезнь копыт у оленя', ср. копытница [3, с. 69; 4, с. 227] (1 словарная статья: бэчэнээ-, см. [5, с. 56]);

копытка 'болезнь копыт у оленя', см. выше копытица (1 словарная статья: йарасэл [5, с. 115]);

корализация 'мероприятия по учету и ветеринарной обработке оленей с использованием коралля' (2 словарных статьи: аньмэраанаа-, вэй-, см. [5, с. 49, с. 74–75]);

манщик 'домашний олень, при помощи которого отлавливают диких оленей', ср. манчик, манщик [4, с. 263]

(7 словарных статей: аарэй-, анмэ, иэруунаа- и др., см. [5, с. 20, 34, 46, 74, 93, 103, 105]);

оленьки 'северные олени' (1 словарная статья: илиэ, см. [5, с. 93]);

олешки 'северные олени' (1 словарная статья: ираналиэ, см. [5, с. 98]);

пыжик 'шкура молодого 2–6 месячного оленя' [4, с. 402] (3 словарных статьи: амалэриичэ-, амалэруол-, гав-сик, см. [5, с. 40, 79]);

ровдуга 'оленья шкура, особым способом выделанная и идущая на одежду и другие хозяйственные нужды; местная замша' [4, с. 411] (4 словарных статьи: амалвийуол-, вэльеи- и др., см. [5, с. 39, 48, 58, 77]);

третьяк 'животное (олень, корова, лошадь) по третьему году' [4, с. 475] (2 словарных статьи: иитэнэл, иитэ-энкээн, см. [5, с. 90]).

7. Пища (3 лексем):

сорат 'молочное кушанье, род кипяченого закисшего молока со сметаной', ср. сора [4, с. 443] (1 словарная статья: валдьуу-, см. [5, с. 62]);

строганина 'кушанье из сырой мороженой рыбы лучшего сорта' [4, с. 454] (2 словарных статьи: альаанаа-, альаал, см. [5, с. 35]);

юкола 'копченая и вяленая рыба, приготовленная особым способом' [12, с. 282], ср. также [4, с. 534] (4 словарных статьи: атилэ, вэлдичиичэ- и др., см. [5, с. 54, 63, 70, 76]).

8. Транспорт (12 лексем):

аргиш 'обоз, караван оленьих или собачьих упряжек' [4, с. 53] (9 словарных статей: например, архаа илэ, ах, вэ-гии и др., см. [5, с. 53, 54, 73]);

баранка 'дугообразная передняя часть нарты', ср. ба-ран в [4, с. 59] (1 словарная статья: вайдийэ, см. [5, с. 61]);

ветка 'легкая лодка для одного человека', ср. [4, с. 91] (2 словарных статьи: см. альбурэй-, альил, см. [5, с. 37]);

ездовой 'обученный к езде олень', ср. ездовой олень [4, с. 156] (15 словарных статей: аньмэрэ-, ворпэ-, ивин лалимэ и др., см. [5, с. 26, 49, 55, 71–74, 82, 89, 106, 116]);

ездовой олень 'обученный к езде олень' [4, с. 156] (4 словарных статьи: ахньумудыйуодьэ, вэгийдилэ и др., см. [5, с. 55, 73–74]);

каюр 'погонщик собачьей нарты' [4, с. 213] (2 словарных статьи: архаа аныбэ, архаа гэдэ, см. [5, с. 53]);

копылья 'короткие бруски, вставленные в полозья и служащие опорой для верхней части нарты', ср. [9, вып. 14, с. 302] (2 словарных статьи: аныбэдобыль, вадун лалимэ, см. [5, с. 48, 60]);

левак 'левый ездовой олень в упряжке' (1 словарная статья: йавлаабарэ, см. [5, с. 106]);

нарта 'дровни, сани, узкие и длинные, лёгкие для перевозки людей и грузов на собаках и оленях' [4, с. 294] (57 словарных статей: аарэйл, вадун лалимэ, йавул и др., см. [5, с. 20, 21, 32, 34, 36, 39, 43, 48–49, 51, 53, 57, 60–61, 65, 67, 69, 71–78, 82, 93–94, 96, 100–101, 104–107, 109, 117]);

недоуздок 'оленя уздечка без удил' (4 словарных статьи: вабадиир, йархайэвдильэ и др., см. [5, с. 58, 117]);

полоз 'один из двух деревянных загнутых спереди гладких брусьев, на которых скользят нарты, основа нарты' [4, с. 371] (9 словарных статей: аалэндэраал, вардэа-, игийэсчи-, см. [5, с. 19, 48, 57, 60, 63, 67, 82]);

хорей 'шест, которым погоняют оленей, собак' (1 словарная статья: аньмил йатабарэйл, см. [5, с. 49]).

9. Социум (11 лексем):

алайцы 'название одного из юкагирских родов/племен' (5 словарных статей: алайии, алайиип лачипэ и др., см. [5, с. 33, 59, 112]);

алайский 'относящийся к алайцам, принадлежащий алайцам' (1 словарная статья: антэй-, см. [5, с. 47]);

алайи 'то же, что алайцы' (1 словарная статья: вабарииль, см. [5, с. 59]);

аллаиховский 'относящийся к Аллаихе' (2 словарные статьи: алдайкэпул, Алдайкэ, см. [5, с. 34–35]);

гавриляны 'морские чукчи' (1 словарная статья: альбадигийэ, см. [5, с. 36]);

кочевать 'передвигаться с места на место для выгула оленьего стада' (3 словарных статьи: васльуму-, илиэ, йавнаа-, см. [5, с. 68, 93, 106]);

кочевка 'действие по значению глагола кочевать' (10

словарных статей: вэльил, иимулуу-, йанудьи- и др., см. [5, с. 34, 48, 71, 77, 88, 113]);

наслег 'якутское селение' [4, с. 296] (1 словарная статья: иэруу-, см. [5, с. 102]);

хангайцы 'название юкагирского рода/племени' (2 словарных статьи: вабирэл, йанубай-, см. [5, с. 59, 112]);

чачинцы 'название чукотского племени' (1 словарная статья: ининээ, см. [5, с. 96]);

ясак 'подать, налог' [4, с. 538] (1 словарная статья: вальитаа-, см. [5, с. 65]).

Итак, все указанные С.Н. Куриловой лексико-тематические группы слов (а также и дополнительно выделенные нами группы) заполнены различными русскими регионализмами, хотя и в разной степени. Наибольшее количество слов обнаруживается в группе «Природа» (22 единицы), однако достаточно интенсивно представлены и некоторые другие группы («Предметы бытового пользования», «Животноводство», «Транспорт», «Социум», по 10–12 единиц). Наименьшее количество слов находим в группах «Религия» и «Пища», что объясняется уникальностью религиозных понятий и неповторимостью многих блюд юкагирской кухни, что требует использования безэквивалентной лексики.

Регионализмы, как исконные (**ездовой**, **полоз** и др.), так и заимствованные (**кораль**, **яранга** и др.), помогают точнее передать значения определенных юкагирских слов, что позволяет шире знакомить читателей интересующего нас словаря с языковой картиной мира юкагиров, их образом жизни (обратим внимание на важные для юкагиров (да и для русских старожилов тоже) понятия, выраженные наиболее популярными в источнике словами: **важенка**, **ездовой**, **камус**, **тальник**, **яранга** и особенно **нарта** – эта лексема представлена в наибольшем количестве словарных статей).

Выводы. Итак, использование в «Юкагирско-русском словаре» русских региональных слов, распределенных по 9 лексико-тематическим группам («Предметы бытового пользования», «Постройки и сооружения», «Гардероб», «Религия», «Природа», «Животноводство», «Пища», «Транспорт» и «Социум») свидетельствует о востребованности региональных лексических средств русского языка в речи юкагиров, что говорит о существовании на Северо-Востоке юкагирского «субрегиолекта» русского регионального языка, что требует проведения отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – 2-е изд., испр. и

- доп. – Москва; Новосибирск: Наука, 2000. – 765 с.
2. Бачаева С.Е. Лексико-тематические группы слов в калмыцко-русском словаре А.М. Позднеева // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Материалы I-х Бертагаевских чтений / Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. – Элиста : Джангар, 2005. – С. 65–69.
 3. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1901. – 346 с.
 4. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. – Магадан, 2010. – 539 с.
 5. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь / Отв. ред. П.А. Слепцов; Российская академия наук. Сибирское отделение. Институт проблем малочисленных народов Севера. – Новосибирск : Наука, 2001. – 606 с.
 6. Курилова С.Н. Русская старожильческая лексика в языке тундровых юкагиров // Языковая картина мира русских старожил в контексте взаимодействия с языками и культурами народов России : сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической онлайн-конференции (Якутск, 19–21 ноября 2020 г.). – Чебоксары : ИД «Среда», 2021. – С. 117–120.
 7. Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) : учебное пособие / под ред. А.А. Соколянского. – Магадан : СВГУ, 2016. – 219 с.
 8. Семенов А.И. Поэтический регионализм (к определению понятия) // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 62–73. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-62-73.
 9. Словарь русских народных говоров. – Москва; Ленинград; Санкт-Петербург : Наука, 1965–. – Вып. 1–.
 10. Соколянская Н.Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект) : Учеб. пособие. – Магадан : Изд-во СМУ, 2006. – 85 с.
 11. Соколянский А.А. Проблемы региональной лингвистики Крайнего Северо-Востока России // Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики: Сб. науч. статей / под ред. А.А. Соколянского. – Магадан: Новая полиграфия, 2008. – С. 4–42.
 12. Чикачев А.Г. Русские в Арктике : полярный вариант культуры : историко-этнографические очерки. – Новосибирск: Наука, 2007. – 303 с.
 13. Шепилева О.Е. Наименования растений в текстах о Крайнем Северо-Востоке России XVIII – нач. XX вв.: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Москва, 2005. – 21 с.

© Семенов Алексей Иванович (aisemenoff@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный государственный университет

РЕАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В КРЕАТИВНОМ МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Таймур Мария Павловна

*К.филол.н., доцент, Московский государственный
лингвистический университет
mariataymour@gmail.com*

IMPLEMENTATION OF ANTHROPOCENTRIC PRINCIPLE IN CREATIVE MULTIMODAL DISCOURSE

M. Taymour

Summary: This article is devoted to the study of anthropocentric, pragmatic and cognitive features of multimodal creative elements in various types of online and offline discourses in English. Linguistic creativity is researched from the standpoint of the cognitive-discursive approach. The factors that determine the degree of the cognitive resonance and dissonance in multimodal creative elements during the inference of the meaning are established, and general mechanisms of linguistic creativity are described.

Keywords: anthropocentrism, linguistic creativity, multimodality, virtual discourse, cognitive resonance, cognitive dissonance.

Аннотация: Статья посвящена изучению антропоцентрических, прагматических и когнитивных особенностей мультимодальных креативных элементов в различных типах онлайн- и офлайн-дискурсов на английском языке. Лингвистическое творчество исследуется с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Установлены факторы, определяющие степень когнитивного резонанса и диссонанса в мультимодальных творческих элементах при выводе их смысла, описаны общие механизмы языкового творчества.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвокреативность, мультимодальность, виртуальный дискурс, когнитивный резонанс, когнитивный диссонанс.

Одним из популярнейших средств реализации антропоцентрического принципа в системе языка и выражения лингвистической креативности индивида является метафора – стилистический прием, выразительно-изобразительное средство, используемое для указания на сходство определенных качеств предметов или явлений с помощью употребления языковых единиц в переносном значении. В попытке осмысления этого явления еще Аристотель замечал, что очень важно искусно употреблять метафоры в речи, однако это умение нельзя перенять от другого человека. Это – признак таланта, потому что слагать хорошие метафоры – это подмечать часто незаметное сходство. Толкование метафор в таких формах философского знания, как зрелая, сциентистская, несциентистская, классическая и неклассическая философия, несомненно, имело свою специфику. Но несмотря на это метафора на протяжении многих столетий использовалась «матерью всех наук» философией как одно из имеющих большое значение для выражения непростых идей языковых средств. Филологи на протяжении весьма продолжительного времени считали метафору инструментом профессиональных ораторов, писателей и поэтов, и лишь в конце XX века начал происходить постепенный переход от узконаправленного «художественного» восприятия феномена метафоры к ее рассмотрению с когнитивной точки зрения. Прямая связь метафоры с языком все чаще стала приобретать второстепенный характер, а такая функция метафоры, как описание характера деятельности и мышления индивида, конвертировала ее в глазах ученых в глобаль-

ный универсальный механизм творческой концептуализации мира [Таймур 2021].

В современных исследованиях по отношению к метафоре часто используется термин «модальность», который был заимствован лингвистикой из психологии, и обозначает общее наименование каналов обработки информации индивидом. Мономодальные метафоры имеют единственную форму репрезентации (напр., вербальную, графическую или аудиальную), в то время как мультимодальные метафоры имеют различные формы, напр., вербально-графическую. Сочетание визуальной и вербальной метафор в современном мире как проявление антропоцентризма и творческого потенциала языковой личности в мультимодальном контексте, является весьма частотным феноменом, при котором, однако, количество возможных вариаций интерпретации визуальных элементов, как правило, ограничивается вербальными элементами. Это подчеркивает необходимость рассмотрения вербально-графических (т.е. мультимодальных) проявлений метафор наравне с мономодальными метафорами.

На протяжении нескольких последних десятилетий концептуальная природа метафоры и смешанной метафоры как средства реализации антропоцентрического принципа в системе языка была рассмотрена многими исследователями, но в фокусе практически всегда оставались вербальные метафоры. Одним из первых ученых, обративших внимание на мультимодальные метафоры

и необходимость их исследования, был Ч. Форсвилль, определивший мультимодальные метафоры как метафоры, в которых цель и источник репрезентируются исключительно или преимущественно в разных модальностях [Forceville 2016]. Исследования вербально-визуальных метафор на материале рекламы, музыки, кинофильмов стали проводиться относительно недавно. Креативная природа смешанной метафоры как лингвокогнитивного феномена, проявляющаяся не только в вербальной коммуникации, где она представлена в мономодальной вербальной форме, но и в различных видах мультимодальных дискурсов, где, как правило, смешанные метафоры принимают вербально-графическую форму, превращаясь в мультимодальную, заслуживает отдельного научного исследования [Голубкова, Таймур 2019; Таймур 2019; Таймур 2020]. Вопрос о том, можно ли считать определенные полимодальные метафоры смешанными, до сих пор открыт, поскольку единого мнения среди ученых, занимающихся этим вопросом, не существует. Тем не менее, на основании результатов наших исследований мы предполагаем, что подобные метафоры в определенных случаях могут считаться смешанными не только потому, что в них включено более одного канала подачи информации, но и потому, что при их создании используются несколько изначально не связанных между собой исходных пространств при наличии единого целевого домена. Именно поэтому смешанные метафоры характеризуются более высоким уровнем когнитивного напряжения у реципиента, необходимым для расшифровки их значения. Подобное напряжение, получившее название когнитивного диссонанса в работе Л. Фестингера [Festinger 1957], должно быть преодолено для понимания замысла создателя метафоры. Необходимо отметить, что в то время, как вербальные смешанные метафоры зачастую являются спонтанным выражением креативности автора высказывания, мультимедийные метафоры, как правило, тщательно продуманы и рассчитаны на определенную целевую аудиторию, способную воспринять заложенную автором идею. Это может объясняться тем, что первые чаще всего возникают в разговорной речи, вторые же обычно являются продуктом работы профессионалов, хорошо осознающих, что изображение сообщает нам гораздо больше, чем слова (например, в рекламе или интернет-мемах). Подобные полимодальные произведения высокочастотны и мультипотенциальны в современном рекламном и политическом онлайн дискурсах, кинодискурсе и проч., а также являются характерной особенностью интернет-меметики и антимеметики, где обычно наблюдаются такие виды лингвокреативности, как языковая игра, переключение кодов, намеренное нарушение языковой нормы и т.д. В настоящем исследовании мы стремимся выявить специфику прагматического и когнитивного функционирования метафор, в частности, смешанных метафор и малафор, в различных видах онлайн и офлайн коммуникации на английском языке, и установить факторы, определяю-

щие степень их удачности, то есть наличие когнитивного резонанса либо диссонанса при инференции значения подобных креативных мультимодальных элементов дискурса реципиентами.

Одна из основных задач при анализе мультимодальной вербально-визуальной метафоры с выраженными антропоцентрическими признаками – это верное определение соотношения двух семиотических систем (вербальной и графической), а один из главных вопросов, возникающих при анализе лингвокреативных элементов коммуникации, в т.ч. метафор и смешанных метафор, заключается в том, какие знания должны быть использованы реципиентом для ее адекватного восприятия (и, особенно, для восприятия ее именно так, как задумывалось автором). Здесь большую роль играют многие факторы: особенности лингвокультуры реципиента, возраст, пол, образование, тип интеллекта, уровень развития чувства юмора, социальный статус и проч., а также то, что свойства креативных элементов дискурса, включающих в себя экстралингвистические модальности (такие как графика, жесты, звук, запах и т.д.) существенно отличаются от вербальных.

Феномен лингвистической креативности с точки зрения антропоцентризма неразрывно связан с понятием «языковая личность», поскольку познание языка невозможно само по себе: необходимо выйти за его пределы, обратиться к его творцу, пользователю, к конкретной языковой личности, которую вслед за Ю.Н. Карауловым можно определить как личность, передающую опыт следующим поколениям, «относительно устойчивую во времени, то есть инвариантную в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития» [Караулов 1987: 42]. Такая личность постоянно реализует в дискурсе свой лингвокреативный потенциал, при этом прикладывая усилия для создания таких условий, в которых адресат будет иметь возможность декодировать заданные значения в соответствии с тем, как они были задуманы. То есть можно утверждать, что отличие простого нарушения узуса, т.е. неграмотного дискурсивного поведения и лингвокреативности как творческого выражения личности заключается в наличии намерения, интенции со стороны автора творчески переосмысленной единицы дискурса.

Изучение процессов лингвистической креативности с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, особенно важного при исследовании проблемы реализации антропоцентрического принципа в системе языка, «позволяет выявить специфику нетривиального взаимодействия языковой и концептуальной систем сознания языковой личности» [Кшеновская 2020: 1034]. Многие дискурсивные элементы обладают способностью видоизменять свои значения в зависимости от контекста.

Другими словами, каждая коммуникативная ситуация для максимально эффективного решения поставленных перед участниками коммуникации задач требует от них оригинальных решений, что и обуславливает постоянное появление в дискурсе новаторских языковых и неязыковых элементов, ранее не существовавших, но, как правило, построенных по уже имеющимся в когнитивно-деривационной лингвокультурной базе моделям (либо целенаправленно их нарушающих).

Коммуникация в виртуальном мире из-за своей лингвосомиотической природы значительно расширяет способы реализации антропоцентрического принципа в языке и усиливают метаязыковую рефлексию пользователей интернета по сравнению с предшествующими фазами их онтогенеза, то есть состоянием языкового сознания людей до появления виртуального дискурса. Результатом является менее серьезное отношение к правописанию, орфографии и другим проявлениям «языковой ткани общения» [Мечковская 2009: 485]. При этом несмотря на то, что границы лингвистической креативности размыты, «лингвокреативность» не следует приравнивать к понятию «вседозволенность», поскольку слишком высокий ее уровень может нарушать течение коммуникации и демотивировать реципиента. Определенным регулятивным фактором лингвистического творчества можно считать фактор аналогии. В процессе речепорождения, как отмечала Е.С. Кубрякова, он является основой процесса не только возникновения, но и дальнейшего развития новых форм проявления языка [Кубрякова 1990]. На сегодняшний день когнитивная лингвистика рассматривает фактор аналогии не только как один из механизмов, лежащих в основе процессов концептуализации и категоризации, но и как первоэлемент когниции, что довольно четко определяет его роль в процессе очерчивания границ отступлений от норм и регулирования лингвокреативной деятельности.

Основное положение когнитивной лингвистики, имеющее важное значение для верной интерпретации природы феномена лингвокреативности и ее антропоцентрических признаков, заключается в идее непосредственного вовлечения языка не только в процесс познания, но и в процессы интерпретации информации, получаемой об окружающем мире, и формирования новых структур знаний, где язык является фактором, реализующим коммуникативные и познавательные намерения индивида [Болдырев 2017]. То есть лингвистическую креативность можно рассматривать как «проявление интерпретирующей функции языка, ибо через варьирование существующих единиц и образование новых носитель языка объективирует обновленный опыт познания мира, коллективный и индивидуальный, и, что важно, свою интерпретацию называемого фрагмента действительности» [Рыжкина 2020: 1039]. Феномен лингвокреативности – явление объемное и разностороннее,

что объясняет множественность и многогранность ракурсов его исследования в рамках самых разнообразных научных дисциплин. Это обеспечивает альтернативные перспективы изучения языкотворчества, которое на современном этапе развития науки видится как процесс, обусловленный креативностью мышления индивида и обеспечивающий появление новых ментальных сущностей, возникающих в результате разнообразных когнитивных операций. Лингвистическая креативность в современном дискурсе, характеризующемся высокой степенью мультимодальности, приобретает все большую значимость. В процессе дискурсивной, когнитивной и речемыслительной деятельности у индивида возникает ряд коммуникативных и когнитивных задач, для изучения которых необходим более глубокий анализ феномена мультимодальности как одной из ключевых когнитивных характеристик коммуникации в современном мире. Современное развитие коммуникационных и информационных технологий, возрастающая популярность онлайн-общения, цифрового чтения и разнообразных форм интернет-коммуникации приводят к изменению коммуникативного ландшафта, и, соответственно, интенсивному порождению и дальнейшему развитию текстов нового типа, комплексно использующих самые различные средства конструирования смыслов. Это объясняет повышение уровня общего интереса к такому направлению исследований в когнитивной лингвистике, как мультимодальность, и непосредственно коммуникации как мультимодальной деятельности или коммуникативному процессу в его семиотической комплексности [Kress 2010].

Поскольку в современном мире индивид постоянно подвержен влиянию обширного информационного потока, невербальные средства (напр., такие, как изображение – иллюстрации, разные шрифты и т.д.) помогают не только оптимизировать передачу необходимого объема информации, но и улучшать качество ее усвоения целевой аудиторией. Причем необходимо отметить, что для понимания значений мультимодальных компонентов дискурса, сформированных с помощью различных семиотических средств определенных социокультурных конвенций, требуется понимание соответствующей культуры, составляющими элементами которой являются «идеи, верования, мировоззрение, ценности, нормы, социальные факторы, влияющие на жизнь общества и социальное поведение индивида» [Сорокина 2017: 168]. Необходимо также учитывать, что «любая информация, которая поступает к человеку по разным каналам в языковой форме, унифицируется по формату репрезентации, создавая некоторые опоры или точки отсчета» [Болдырев 2018: 103], и для корректного сближения задуманного автором смысла с интерпретацией его реципиентом последнему необходимо раскрывать метафорические значения вербального и невербального компонентов, часто представля-

ющих собой когнитивную языковую игру, выражающую креативность создателя произведения. Языковая игра способна создать у адресата определенное настроение, в котором как в онтологическом феномене можно выделить два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, настроение – это расположенность людей мыслить, говорить, действовать определённым образом, которая продуцирует частные идеи и положения, обуславливает культурные установки и языковые игры. Во-вторых, настроение – это тот эмоционально-волевой тон, который оказывает влияние на культурные паттерны. Также реципиенту необходимо догадываться о скрытых смыслах, предугадывать и затем декодировать взаимосвязи между определенными признаками, элементами и формами выражения идей.

Итак, в когнитивных дисциплинах процесс конструирования смыслов и значений считается ментальной активностью, возникающей во время взаимодействия реципиента с текстом, и воплощающейся в компонентах этого текста, в результате чего происходит кодирование и декодирование вложенных в произведение смыслов автором и адресатом. Это представляет собой антропо-

центрическую особенность практически любого мультимодального текста, что свидетельствует о том, что инференция и импликация являются важными когнитивными механизмами формирования смыслов подобных произведений. Феномен лингвистического творчества – явление объемное, что объясняет множественность и многогранность его исследований в рамках самых разных научных дисциплин. Это обеспечивает альтернативные перспективы для изучения лингвокреативности, которая на современном этапе развития науки рассматривается как процесс, обусловленный креативностью мышления человека и обеспечивающий появление новых ментальных сущностей, возникающих в результате различных когнитивных процессов и операций. Лингвистическое творчество в современном дискурсе, характеризующемся высокой степенью мультимодальности, приобретает все большее значение. В процессе дискурсивной, познавательной и вербально-мыслительной деятельности перед индивидом стоит ряд коммуникативно-познавательных задач, для изучения которых необходим более глубокий анализ феномена мультимодальности как одной из ключевых когнитивных характеристик общения в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Когнитивные исследования языка. 2017. № 2. С. 5-14.
2. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 480 с.
3. Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 386-391.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. Кубрякова Е.С. Аналогия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 31-32.
6. Кшеновская У.Л. Лингвокреативность в когнитивно-дискурсивном аспекте // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 1034-1037.
7. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Флинта, Наука, 2009. 584 с.
8. Рыжжина Е.В. О некоторых когнитивных механизмах фразеологической креативности в английском языке // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 1038-1041.
9. Сорокина Ю.В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). С. 168-170.
10. Таймур М.П. Когнитивный диссонанс в смешанных метафорах на английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 829. С. 84-95.
11. Таймур М.П. Смешанная метафора и малафора в когнитивной анти-меметике на материале английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. № 5. С. 236-240.
12. Таймур М.П. Смешанная метафора как лингвокогнитивный феномен (на материале английского языка) // дис. ... канд. филол. наук. ФГБОУ ВО МГЛУ. Москва, 2021. 173 с.
13. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. USA: Stanford University Press, 1957. 291 p.
14. Forceville C. Mixing in pictorial and multimodal metaphors? // Mixing metaphors. Gibbs, W., Jr. (ed.). Amsterdam: John Benjamins. 2016. P. 223-239.
15. Kress G. Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London: Routledge, 2010. 212 p.

© Таймур Мария Павловна (mariataymour@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ РУССКОГО ГЛАГОЛА В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

PRAGMATIC FUNCTIONS OF THE PAST TENSE FORM OF THE RUSSIAN VERB IN A COMMUNICATIVE SITUATION

Jia Dongxue

Summary: The article is devoted to the study of pragmatic functions of the past tense form of the Russian verb in a communicative situation. The study aims at revealing the peculiarities of the functioning of the past tense form of the Russian verb in speech communication. The scientific originality of the study lies in the fact that for the first time a special and systematic pragmatic study of the past tense form of the Russian verb is carried out, and pragmatic functions of this grammatical form in the speech interaction are identified. The study summarized such pragmatic functions of the past tense form of the Russian verb in a communicative situation as deictic functions, the function for conveying speech implications, triggering pragmatic presuppositions and constituting speech acts.

Keywords: Russian verb, past tense form, pragmatic functions, communicative situation.

Цзя Дунсюе

*Аспирант, Пекинский университет иностранных языков,
г. Пекин, КНР
jiadongxue8922@163.com*

Аннотация: Статья посвящена исследованию прагматических функций формы прошедшего времени русского глагола в коммуникативной ситуации.

Цель исследования – выявить особенности функционирования формы прошедшего времени русского глагола в речевом общении. **Научная новизна** заключается в том, что впервые проведено специальное и системное прагматическое исследование формы прошедшего времени русского глагола, выявлены прагматические функции данной грамматической формы в речевом взаимодействии. В результате исследования обобщены такие прагматические функции формы прошедшего времени русского глагола в коммуникативной ситуации, как дейктические функции, функция для передачи речевых импликаций, функция для вызывания прагматических пресуппозиций, а также функция для образования речевых актов.

Ключевые слова: русский глагол, форма прошедшего времени, прагматические функции, коммуникативная ситуация.

Введение

Известно, что категория времени – это очень важная грамматическая категория глагола в русском языке, она указывает на связь между действием и временем его осуществления, что косвенно отражает отношения между субъектом действия и миром, передавая богатую прагматическую информацию в коммуникативной ситуации. По сравнению с настоящим и будущим временем, форма прошедшего времени более чётко показывает объективность действия по времени и в то же время отражает субъективное отношение субъекта действия, выполняя важные прагматические функции в речевом взаимодействии. Однако в предыдущих исследованиях форма прошедшего времени русского глагола редко рассматривается в аспекте прагматики, отсюда возникает потребность в прагматическом исследовании данной грамматической формы, что является **актуальностью** нашего исследования.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, проанализировать дейктические функции формы прошедшего времени глагола в коммуникативной ситуации; во-вторых, определить функцию формы прошедшего времени глагола для передачи импликаций в речевом

общении; в-третьих, установить функцию для вызывания прагматических пресуппозиций, реализующую формой прошедшего времени глагола во время речевого взаимодействия; в-четвёртых, выявить функцию формы прошедшего времени глагола для образования речевых актов в определённых ситуациях.

В нашей работе использовались следующие **методы исследования**: описательный, семантический анализ и функциональный анализ.

Материалом исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Теоретической базой исследования являются труды русских исследователей Ю.Д. Апресяна[1][2], А.В. Бондарко[3][4], М.Я. Гловинской[5][6], В.В. Гуревича[7], Ю.П. Князева[8], Г.И. Кустовой и Е.В. Падучевой[9], Е.В. Падучевой[11] и Н.И. Формановской[12][13], в которых рассматриваются русские глаголы с прагматической точки зрения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на практических занятиях по русской грамматике и прагматике и повысить способности учащихся

к коммуникации.

1. Дейктические функции

Согласно «Русской грамматике» 1980 года, категориальные значения форм времени ориентируются на единую исходную точку — грамматическую точку отсчёта. И по отношению к грамматической точке отсчёта, формы настоящего времени обладают категориальным значением одновременности, формы прошедшего времени имеют категориальное значение предшествования, а формы будущего времени выражают категориальное значение следования [14, с. 626]. В вербальной коммуникации время осуществления действия ориентируется на момент речи говорящего, что образует временной дейксис.

Форма прошедшего времени как несовершенного вида, так и совершенного выполняет функцию временного дейксиса, т.е. указывает на то, что время осуществления действия предшествует моменту речи. Например:

1. — Я вам **объясняла** уже в предыдущей части, что я не имею лицензии.
— **Объясняли** (Открытое судебное заседание по делу Г.П. Грабового // Интернет, 2008) [10].
2. — Как вы **познакомились** со своим мужем?
— Со своим мужем я **познакомилась** в десятом классе (Разговор — воспоминания о молодости // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011) [Там же].

В вышеприведённых примерах действия, выраженные глаголами в форме прошедшего времени, уже происходили до момента речи, но в отличие от форм прошедшего времени несовершенного вида, формы совершенного вида не только указывают на конкретные действия, отнесённые к прошлому, но и характеризуются перфектностью, т.е. результаты действия актуальны в момент речи.

Кроме того, форма прошедшего времени глагола движения с приставкой, особенно с приставками «при-» и «у-» способна указать на пространственную информацию движения. Она выполняет функцию пространственного дейксиса когда обозначает движение, место осуществления которого ориентируется на местоположение говорящего в момент речи, и говорящий находится в исходной или конечной точке движения. Например:

3. Он **пришёл** к нам из Белоруссии, номер сорок первый (Встреча футбольного клуба «Локомотив» с болельщиками, Москва // Интернет, 2004) [10].
4. — Позовите маму, я часы найти не могу.
— Папа, она **ушла** (Алексей Герман мл. и др. Гарпстум, к/ф (2005)) [Там же].

Дейктическим центром пространственного дейксиса является местоположение говорящего в момент речи. В примере (3) говорящий находится в конечной точке движения в момент речи, поэтому слово «пришёл» обозначает движение, направляющееся к говорящему; а в примере (4) контекст показывает, что положение говорящего в момент речи является исходной точкой движения, так что слово «ушла», наоборот, указывает на движение в сторону от говорящего.

2. Функция для передачи речевых импликатур

По мнению А.В. Бондарко, грамматические значения характеризуются смысловой информативностью и в то же время связаны со смыслом говорящего, т.е. значения грамматических единиц, классов и категорий тесно связаны не только с объективным аспектом смыслового содержания, выражаемого языковыми средствами, но и с субъективным смыслом говорящего в речевой деятельности [4, с. 31], поэтому в некоторых случаях речевые импликатуры передаются с помощью формы прошедшего времени глагола в высказывании говорящего.

Среди грамматических значений формы прошедшего времени русского глагола, обобщённо-фактическое значение у формы прошедшего времени несовершенного вида и перфектное значение у формы прошедшего времени совершенного вида употребляются чаще в речевой коммуникации по сравнению с другими значениями. С помощью этих грамматических значений формы прошедшего времени передают речевые импликатуры, которые совпадают с буквальными значениями высказывания в обычной речевой ситуации. Например:

5. — А у Путина какая рука? Холодная, тёплая?
— А я не знаю, я его ещё не **видел** (Борис Гребенщиков. Пресс-конференция Б.Гребенщикова // Интернет, 2003) [10].
6. — И что же ты **нашёл**?
— Вот что (Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)) [Там же].

В примере (5) отрицательная форма прошедшего времени несовершенного вида подчёркивает отсутствие действия в прошлом, а в примере (6) слово «нашёл» показывает, что данное действие было выполнено и его результат актуален в момент речи. Все эти буквальные значения высказываний, выраженные формами прошедшего времени, являются общей речевой импликатурой при соблюдении принципа кооперации коммуникантами.

Следует отметить, что в определённых речевых ситуациях смысл говорящего выражается имплицитно с помощью формы прошедшего времени и является импликатурой речевого общения, указывая на интенцию говорящего. Форма прошедшего времени несовершен-

ного вида, выражающая обобщённо-фактическое значение, может передать следующие речевые импликатуры:

а) отрицание необходимости действия

Форма прошедшего времени несовершенного вида, выражающая обобщённо-фактическое значение, подчёркивает самый факт действия, т.е. сообщает о наличии действия в прошлом, именно поэтому говорящий может выразить своё отрицание необходимости действия данной формой, которое предложено собеседником в конкретной ситуации. Например:

7. — Адольф, сними с полки Чехова. Мы почитаем вслух «Три сестры».
— Лиичка, дорогая, но я уже **читал** эту мансу (Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991-2000)) [10].
8. — Не хотите чаю? У меня настоящий.
— Я уже **пил** (Дмитрий Быков. Орфография (2002)) [Там же].

В приведённых примерах «читал» и «пил» отражают отрицание необходимости выполнения действия, выражая субъективное отношение говорящего к действию.

б) напоминание

Форма прошедшего времени несовершенного вида некоторых глаголов речи может быть использована говорящим в общении для напоминания адресату о том, что ему уже что-то говорил, и часто используется в сочетании с частицей «же», которая усиливает напоминание говорящего. Например:

9. — Только не мы, а спецслужбы, управление по борьбе с терроризмом, я же **говорил** вам.
— Понятно (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)) [10].
10. — Ну, давай разговаривать, Костя. Так зачем ты сюда приехал?
— Я же **объяснял** вам: брат попросил. Вы что, психи? (Александра Маринина. Черный список (1995)) [Там же].

В некоторых случаях форма прошедшего времени совершенного вида с перфектным значением передаёт следующие речевые импликатуры:

а) ожидаемость действия и его результата

В.В. Гуревич отмечает, что в предложении, где ремой является само сказуемое, выраженное формой прошедшего времени совершенного вида, говорящий всегда подразумевает, что данное действие и его результат ожидалось заранее, т.е. они должны были осуществиться [7, с. 79]. Например:

11. — Вы **выполнили** мои указания?

— Да, ваш племянник уже директор фирмы! (Коллекция анекдотов: врачи (1970-2000)) [10].

12. Он обещал, но не **пришёл** за мною, оставил меня (Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002) [Там же].

В первом примере форма прошедшего времени совершенного вида передаёт речевую импликацию - «вы должны были выполнить мои указания», а во втором примере слово «пришёл» имплицитно такой смысл говорящего, как «он должен был прийти».

б) упрёк

При выражении перфектного значения в определённых ситуациях форма прошедшего времени совершенного вида может передать упрёк говорящего в неуместности результата действия, который реализуется главным средством вопроса о том, кто является субъектом действия. Например:

13. Кто **отпустил** тебя одну на улицу? (Гала Рудых. Такой устойчивый мир // «Октябрь», 2002) [10].

Стоит подчеркнуть, что когда форма прошедшего времени совершенного вида передаёт упрёк говорящего, объектом упрёка является не качество результата действия, а его неуместность.

в) предположение и объяснение причины

Во время коммуникации иногда говорящий предполагает причину возникновения какого-то явления в момент речи, используя форму прошедшего времени совершенного вида. Например:

14. — Оштрафуй его на полную катушку!
— А разве я что-нибудь **нарушил**? (Андрей Колесников. Бублики Мондео (2002) // «Автопилот», 2002.01.15) [10].

В данном примере слово «нарушил» отражает предположение говорящего о причине, по которой он был оштрафован.

Кроме того, данная грамматическая форма может быть использована для объяснения причины появления какого-то эмоционального процесса или состояния говорящего. Например:

15. Спасибо, что нас сюда **привезли** (Д.А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)) [10].
16. Простите, что я **сказала** «демократия», это очень неверно, неправильно (Беседа Ю. Латыниной со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004) [Там же].
17. Я очень рад, что вы все сегодня сюда **пришли** (Тост в молодежной компании // Интернет, 2009) [Там же].
18. И мне сейчас так жаль, что эти демонстрации **кон-**

чилишь (Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург // Архив Хельсинкского университета, 1997-1998) [Там же].

Все формы прошедшего времени совершенного вида в вышеприведённых примерах объясняют причину появления эмоционального процесса или состояния говорящего, которая тесно связана с результатом, порождённым временной формой глагола в высказывании.

Следует обратить внимание на речевые импликатуры, переданные формой прошедшего времени совершенного вида в переносном употреблении. Форма прошедшего времени совершенного вида, используемая в переносном употреблении, может указать на будущее действие, и в этом случае данная грамматическая форма способна выразить уверенность и отрицание говорящего. Выражение таких речевых импликаций ограничивает круг глаголов, и чаще всего встречаются глаголы «погибнуть» и «пропасть», а также глаголы движения «пойти» и «побежать» [14, с. 631]. Например:

19. Ты понимаешь, если он уедет, мы **погибли** (Ярополк Лапшин и др. Приваловские миллионы, к/ф (1972)) [10].
20. Если он меня увидит, я **пропал!** (Виктор Титов и др. Ехали в трамвае Ильф и Петров, к/ф (1971)) [Там же].
21. Ну ладно, всё. Я **пошла** (Олег Куваев. Масяня, м/ф (2002-2008)) [Там же].
22. Ну ладно, потом расскажешь. Мы **побежали** (Сергей Герасимов, Александр Володин. Дочки-матери, к/ф (1974)) [Там же].

Некоторые предложения, в которых сказуемым служит форма прошедшего времени совершенного вида, способны выразить отрицательное отношение говорящего к будущему действию с помощью иронического тона, как «Так я и поверил!» и «Как же, испугался я!»

3. Функция для вызывания прагматических пресуппозиций

В зависимости от конкретной коммуникативной задачи предложение членится на тему и ремю. Во время речевого общения, когда в высказывании темой или ремей служит форма прошедшего времени глагола, используемая в качестве сказуемого, она вызывает какую-то прагматическую пресуппозицию.

Как мы уже указывали, если форма прошедшего времени совершенного вида, используемая в качестве сказуемого в вопросительных или отрицательных предложениях, служит ремей, то она подчёркивает ожидаемость действия и его результата. Следовательно, данная грамматическая форма вызывает прагматическую пресуппозицию ожидаемости, которая обозначает действие должно было произойти и его результат ожидался зара-

нее. Например:

23. Анна Павловна! **Узнали** ли меня? (А. Ф. Писемский. Боярщина (1858)) [10].

24. **Нашёл** ли среди моих книг сборник о Маяковском под редакцией Лили Брик? (А. С. Эфрон. Письма (1941-1942)) [Там же].

В приведённых примерах формы прошедшего времени совершенного вида выступают в роли ремы предложения, отражая сомнения говорящего в том, что действие достигло ли ожидаемого результата, и тем самым вызывают прагматическую пресуппозицию, характеризующую ожидаемостью.

Отметим, что отрицательная форма прошедшего времени совершенного вида, вызывающая прагматическую пресуппозицию ожидаемости, указывает не на то, что действие не достигло ожидаемого результата, а на то, что действие вовсе не происходило. Например:

25. — Получили ли Вы мою телеграмму, знаете ли мои новости?

— Нет, я **не получил** (Эмма Герштейн. Постаревшие собеседницы (1983-1987)) [10].

В данном примере отрицательная форма прошедшего времени совершенного вида в реплике-реакции не представляет собой отрицание ожидаемого результата действия, а отрицание самого действия, которое, по мнению говорящего, должно было произойти, но вовсе не происходило. Таким образом, смысл говорящего данного высказывания - это «Я должен был получить, но не получил».

Важно отметить, что в некоторых коммуникативных ситуациях отрицательная форма прошедшего времени совершенного вида, выступающая в роли темы предложения, также способна вызвать прагматическую пресуппозицию ожидаемости, особенно в таких случаях, когда ремей является «почему», «как же», «напрасно» и «зря». Например:

26. Почему **не пошла** сама? (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)) [10].

27. Боже мой! Как же я раньше **не заметил!** (Юрий Коваль. Сиротская зима (1980-1993)) [Там же].

28. Напрасно **не предложил** вдвоём поехать в санаторий (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000) [Там же].

29. И ещё, и ещё раз: зря тогда **не женился** на Лизе (И. Грекова. Фазан (1984)) [Там же].

Кроме того, как мы уже отмечали, что форма прошедшего времени совершенного вида может объяснить причину возникновения какого-то эмоционального процесса или состояния говорящего в высказывании, а в соответствующем отрицательном предложении,

когда ремой служит предикат эмоционального состояния, а отрицательная форма прошедшего времени совершенного вида выступает в качестве темы, она может вызвать прагматическую пресуппозицию ожидаемости. Например:

30. Жаль, что шеф с тобой **не приехал** (Ляна Шарова. Трассовики (2003) // «Ежедневные новости» (Владивосток), 2003.01.17) [10].
31. Удивительно, что он тебе этого **не сказал** (Филипп Янковский, Геннадий Островский. В движении, к/ф (2002)) [Там же].

Отрицательные формы прошедшего времени совершенного вида в примерах (26)–(31) вызывают прагматическую пресуппозицию, обозначающую действие должно было произойти до момента речи, выражая смысл говорящего - «субъект должен был осуществить действие».

Существуют случаи, когда форма прошедшего времени несовершенного вида, выражающая обобщённо-фактическое значение, вызывает прагматическую пресуппозицию, обозначающую действие достигло результата до момента речи. В этих случаях темой служит временная форма глагола и высказывание подчёркивает не само действие, а время, место, манеру, цель, а также причину осуществления данного действия. Например:

32. Прошу, я эту книгу, «Евгения Гранде», уже **читал** в прошлом году в санатории (Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989) [10].
33. Молоко я **брал** в соседнем доме у Никитиных (Сергей Довлатов. Заповедник (1983)) [Там же].
34. — Вы сами **готовили**?
— Конечно, сама (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром (1969)) [Там же].
35. Место, которое вы **выбирали** для дома, играло для вас какую-нибудь роль? (Илона Броневицкая: «У меня всегда было обостренное чувство собственного дома» (2004) // «Мир & Дом. Residence», 2004.04.15) [Там же].
36. А ты зачем про неё **смотрел**? (Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)) [Там же].

Как видно из приведённых примеров, прагматическая пресуппозиция, вызванная формой прошедшего времени несовершенного вида с обобщённо-фактическим значением, указывает на наличие действия и его результата до момента речи.

4. Функция для образования речевых актов

Форма прошедшего времени русского глагола способна участвовать в образовании речевых актов в коммуникативной ситуации. При анализе перформативных глаголов в неперформативных употреблениях Г.И. Ку-

стова и Е.В. Падучева отмечают, что некоторые перформативные глаголы могут быть использованы в квазиперформативах, где отсутствует непосредственный контакт субъекта речевого акта и адресата, и посредник осуществляет речевой акт за субъекта, поэтому по сравнению с перформативами в квазиперформативах меняется лицо субъекта — 1-е на 3-е [9, с. 34].

Глаголы, допускающие употребление в форме прошедшего времени совершенного вида в квазиперформативной ситуации, играют роль перформативного глагола, когда адресат ещё не знает содержания высказывания субъекта. И к этому числу обычно относятся глаголы требований, приказов, запретов, разрешений и т.д. [Там же].

Следует отметить, что употребление формы прошедшего времени совершенного вида в квазиперформативах зависит от отношений между субъектом речевого акта и адресатом, а также их состояний, т.е. только когда социальный или возрастной статус у субъекта речевого акта выше, чем у адресата, допускается использование формы прошедшего времени совершенного вида в квазиперформативной ситуации. Например:

37. Его величество **приказал** вас сыскать (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934-1945)) [10].
38. Это старший **попросил** тебя приглядывать за сыном (Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч» (2001)) [Там же].

В некоторых речевых ситуациях если в реплике-стимуле подлежащий предложения является ремой, а темой служит форма прошедшего времени несовершенного вида, вызывающая прагматическую пресуппозицию, которая обозначает действие уже достигло результата, то данная форма глагола принимает участие в образовании косвенного речевого акта. Например:

39. Господа, кто **брал** у меня патроны? (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая (1928-1940)) [10].
40. Солнце на полу! А его кто **рисовал**? Зачем на полу? Уж лучше бы - на потолке! (Г.А. Галахова. Легкий кораблик — капустный листок (1975)) [Там же].

В первом примере говорящий косвенно выражает требование о возвращении патронов путём вопроса, а во втором примере косвенный оценочный речевой акт говорящего образован формой прошедшего времени несовершенного вида.

Заключение

Таким образом, в нашем исследовании описаны прагматические функции формы прошедшего времени русского глагола в коммуникативной ситуации, и результаты исследования позволяют прийти к следующим вы-

водам:

1. Форма прошедшего времени русского глагола выполняет функцию временного дейксиса, указывая на действие, которое происходило до момента речи. Кроме того, форма прошедшего времени глагола движения с приставкой «при-» или «у-» выполняет функцию пространственного дейксиса в конкретной ситуации.
2. Форма прошедшего времени русского глагола может передать определённый смысл говорящего в коммуникации, выражая субъективное отношение говорящего, в том числе отрицание необходимости действия, напоминание адресату, ожидаемость действия и его результата, упрёк, а также предположение и объяснение причины. Кроме того, форма прошедшего времени совершенного вида способна выразить уверенность и отрицание говорящего при переносном употреблении. Все эти динамические смыслы говорящего представляют собой речевые импликатуры высказывания.
3. В определённых речевых ситуациях форма про-

шедшего времени совершенного вида вызывает прагматическую пресуппозицию ожидаемости, которая обозначает данное действие должно было произойти и его результат ожидался заранее. А форма прошедшего времени несовершенного вида может вызвать прагматическую пресуппозицию, обозначающую действие достигло результата до момента речи.

4. Использование формы прошедшего времени совершенного вида допускается в квазиперформативной ситуации, при котором посредник осуществляет речевой акт за субъекта. А в некоторых случаях форма прошедшего времени несовершенного вида в реплике-стимуле участвует в образовании косвенного речевого акта.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в практике обучения русской грамматике и прагматике и будут полезны для повышения коммуникативных способностей учащихся. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более подробном изучении проблемы категорий времени и вида русского глагола с точки зрения прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. № 3. С. 208-223.
2. Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 57-78с.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 7-9с.
4. Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 29-42.
5. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Индрик, 1992. 123-130с.
6. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. 158-218с.
7. Гуревич В.В. Актуальное членение и употребление глагольного вида // Русский язык за рубежом. 1986. № 5. С. 79-80.
8. Князев Ю.П. Настоящее время: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 131-138с.
9. Кустова Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Индрик, 1994. 31-35с.
10. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 09.11.2021).
11. Падучева Е.В. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Индрик, 1994. 37-42с.
12. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 123-130с.
13. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 276-289с.
14. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика Т. 1. М.: Наука, 1980. 626-631с.

© Цзя Дунсюе (jiadongxue8922@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ СООТВЕТВИЕ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

CONTEXTUAL EQUIVALENTS IN TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF ENGLISH TECHNICAL TEXTS)

*N. Chalykh
O. Volobueva*

Summary: The article focuses on the peculiarities of the transmission of contextual equivalents in the English scientific texts that are being translated, as well as the analysis of some major challenges that arise when such units of one language are transmitted by means of another.

Keywords: translation, technical text, translation challenges, equivalent, context.

Чалых Наталья Анатольевна

*К.филол.н., доцент,
Тюменский индустриальный университет
Natali.stafeeva.78@mail.ru*

Волобуева Ольга Николаевна

*К.филол.н., доцент,
Тюменский индустриальный университет
helga197@gmail.com*

Аннотация: Статья рассматривает особенности передачи контекстуальных соответствий в технических текстах английского языка, подвергающихся переводу, а также анализу некоторых сложностей, которые возникают при передаче подобных единиц языка оригинала средствами языка перевода.

Ключевые слова:
перевод, технический текст, трудности перевода, соответствие, контекст.

На современном этапе развития науки и техники наблюдается появление повышенного интереса исследователей к особенностям технического перевода, обусловленных своей значимостью и актуальностью применения; где при этом особое внимание уделяется созданию технического перевода как «проектирования текста на переводящем языке» с учётом особенностей языка оригинала [8, с. 24]. Основным признаком перевода мы считаем его эквивалентность, однако необходимо помнить, что не всякий эквивалентный перевод соответствует требованиям адекватности, в то время как адекватный перевод, учитывающий стилистические особенности и нормы переводящего языка, не всегда является эквивалентным тексту оригинала.

Исследователи классифицируют переводческие соответствия на основе ряда признаков, и лексические соответствия в рамках данной статьи представляют для нас наибольший интерес. Среди них выделяются:

1. постоянные соответствия (лексические единицы, входящие в словарный состав языковой пары, чей перевод не зависит от коммуникативной ситуации);
2. варианты соответствия (лексические единицы, имеющие несколько словарных значений в языке перевода; их понимание, как правило, зависит от контекста);
3. лексические трансформации (преобразования, необходимые переводчику для решения случаев несоответствия в двух языках).

Лексические трансформации, в свою очередь, бывают языковыми (для данной категории характерно от-

сутствие эквивалента в языке перевода) и речевыми (зависящими от определенного контекста), в зависимости от которых, мы получаем контекстуальное соответствие, то есть «нерегулярное соответствие, возникающее в ситуации, когда нет возможности использовать словарное значение слова, и переводчику необходимо создать собственный вариант перевода лексической единицы» [5].

Теоретические источники предлагают различные варианты классификации в зависимости от критериев. Так, например, по степени частотности контекстуальные соответствия делятся на:

1. частотные (узуальные);
2. индивидуальные (окказиональные).

Лексические единицы первой категории могут быть со временем зафиксированы в словарях, перейдя в ряд вариантов соответствий, в то время как индивидуальные соответствия часто отождествляют с понятием контекстуальных, поскольку их значение целиком зависит от контекста.

Как отмечает А.П. Чужакин, переводчику не стоит забывать о том, что воспроизведение заключённых в тексте смыслов – непростая задача, и словарный состав языка является не просто совокупностью слов, а комплексную систему, которая допускает «разные, но не любые сочетания слов в контексте» [9, с. 56].

В зависимости от обстоятельств контекста переводчик может отказаться от использования того или иного соответствия. Контекст играет решающую роль в подборе эквивалентов на переводящем языке на трёх основ-

ных уровнях:

1. узкий (контекст отдельного словосочетания или предложения, то есть «окружение» языковой единицы в пределах фразы);
2. широкий (окружение искомой единицы, которое выходит за пределы предложения, представляя собой совокупность единиц в соседних предложениях, то есть контекст, способный, в теории, выйти за рамки абзаца, главы или целого текста);
3. экстралингвистический или ситуативный (контекст, определяющий соответствие на основе базовых знаний специалиста, а не анализа языкового окружения; он, как правило, отражает время и место о котором производится высказывание, а также коммуникативную ситуацию и имеющуюся обстановку в описание которой входят факты отражающие действительность и направлены на помощь переводчику в определении наиболее оптимальной интерпретации понятий языковых единиц для передачи реципиенту).

Фоновые знания, к которым можно отнести общий кругозор, эрудицию и профессиональные навыки, представляют собой социокультурные данные, характерные только для определённой национальности и языковой картины мира, освоенные представителями культуры и отражённые в языке.

Как правило, уже из узкого контекста становится понятным значение слова, и переводчик, выяснив значение, переходит к сравнению различных стратегий перевода, останавливая выбор на варианте, позволяющем воссоздать как смысловую, так и экспрессивно-стилистический аспекты оригинала в полной мере. Зачастую лингвисты определяют контекст достаточно широко: на выбор перевода влияет не только сочетаемость (микрконтекст), жанр самого произведения и тип текста, но и контекст ситуации.

Учет микроконтекста не дают переводчику возможности широкого выбора в принятии решений, как это позволяет осуществить остальные виды контекста. В качестве примера, представим художественный контекст, для которого характерны своеобразный жанр, время написания и авторский стиль, соответствия обеспечивают вариативность языковых средств, не препятствуя множественности возможных значений [1, с. 215].

Немаловажным является тот факт, что стиль технических текстов отличается от других функциональных стилей английского языка: он исключает любую двусмысленность и многозначность толкования, базируясь во многом на устоявшихся терминах, грамматических и синтаксических конструкциях и клише.

Однако ни один двуязычный словарь не может охва-

тить всё разнообразие контекстуальных значений, как утверждает Я.И. Рецкер, также, как не под силу ему предусмотреть всё разнообразие словарных сочетаний [6, с. 112].

Несмотря на то, что в процессе перевода технического текста специалист руководствуется общими принципами перевода, это не отменяет возможность, а порой и необходимость творческого решения. Для создания контекстуальных замен используется ряд традиционных переводческих стратегий и приёмов, наиболее популярные из которых приведены ниже:

1. генерализация;
2. конкретизация;
3. компенсация;
4. антонимический перевод;
5. смысловое развитие;
6. целостное переосмысление.

В монументальном труде «Ремесло технического переводчика» автор отмечает, что специалист при необходимости «выполняет подобно редактору операцию уточнения мысли автора и устраняет ошибки в переводимом тексте; подобно писателю выбирает и выдерживает определённый для конкретного жанра стиль изложения; подобно исследователю следит за лаконичностью и точностью формулировок; подобно терминому строит эквиваленты терминов, отсутствующих в словарях; подобно лексикографу составляет словари...» [4, с. 363].

Для создания качественного текста перевода специалисту требуется выявить логику оригинального научно-технического текста, воссоздать целостную смысловую модель [7, с. 221]. Для этого Б. Климзо выделяет следующие приёмы:

1. Анализ логической цепочки.

Логическая цепочка всегда представляют собой взаимозвязку элементов. Таким образом, легкость и простота в выявлении характера контекстуальной связи напрямую связана с количеством имеющихся звеньев.

2. «Чтение между строк».

Нередки случаи, когда необходимо проявить скрытую информацию для того, чтобы фраза обрела смысл. Для проявления смысла фразы нередко приходится обращаться к смыслу целого абзаца или определённого текстового фрагмента, чтобы восстановить логическую цепочку.

Для примера проведем анализ предложения: "This Appendix covers materials, fabrication and inspection requirements for new and replacement carbon steel *pressure exchangers*". Словарь не предоставляет эквивалента, тем не менее, слово *exchanger* может быть переведено как

«теплообменник» (от *heat exchanger*), следовательно, переводчик, исходя из контекста всего документа (здесь подразумевается широкий контекст), предлагает вариант «работающих под давлением *теплообменников* из углеродистой стали» [4, с. 104-105].

3. Перевод лаконичных словосочетаний.

Зачастую носители английского языка опускают «избыточные», то есть очевидные из контекста слова (как правило, в форме дополнения или определения), в то время как для сохранения целостности фразы в русском языке лаконизмы следует расширить.

В качестве примера приведём высказывание: "This aided the bearing life by improving lubrication film formation". В данном случае логика контекста позволяет выстроить перевод следующим образом: «Это способствовало увеличению *долговечности* подшипника путём лучшего образования смазочной плёнки» [4, с. 110].

Анализируя ещё одно исходное английское предложение, встреченное в научной публикации, "Examples are shown for internally pressurised *thick-walled tube*, spherical shell and disc..." и его перевод, представленный ниже, можно заметить, что перевод слова *tube* – «труба» – с нулевым артиклем ведёт к генерализации.

В данном случае уточнение качественной характеристики – а именно "*thick-walled tube*", труба с толстыми стенками – опускается. Кроме того, пассивная конструкция "*internally pressurised*" переведена с помощью грамматической замены, и целиком высказывание на языке перевода выглядит как «В статье рассматриваются *труба*, сферическая оболочка и диск под действием внутреннего давления». Слово "*examples*" здесь также опущено, исходя из логического обоснования и смысловой контекстуальной нагрузки [3].

Приёмы и способы перевода меняются в зависимости от цели текста и подготовленности реципиента: от просто соответствия до соответствия, сопровождаемого добавлениями в виде описания или комментария (приём смыслового развития), необходимых сокращений или аббревиатур, используемых для оформления технического текста. При этом критерии эквивалентности в большей степени продиктованы развитием той сферы или отрасли, где осуществляется перевод, а также экс-

тралингвистическими факторами.

Стратегии передачи контекстуальных соответствий зависят от языковых и стилистических особенностей: в то время как несущая основную коммуникативную нагрузку лексическая составляющая подвергается контекстуальным заменам, грамматические конструкции в высказывании передаются в соответствии с принятыми в языках перевода нормами и правилами.

На основе рассмотренных примеров можно заключить, что игнорирование особенностей технических текстов может привести к неверной трактовке и, как следствие, передаче переводчиком логических связей исходного текста. Необходимо также обратить внимание на явление контекстуальной псевдоэквивалентности, поскольку выбор контекстуального соответствия вместо словарного варианта может привести к ложной аналогии.

В широком понятии псевдоэквиваленты характеризуются различной эмоциональной окраской и принадлежностью к стилю, не совпадая в прагматическом значении, и рассматриваются за пределами высказывания. Обнаружение контекстуальных псевдоэквивалентов в значительной мере облегчает процесс перевода, определяя закономерности поведения искомой лексики в рамках узкого контекста [2].

Подводя итог, можно заключить, что в большинстве случаев возможность передачи контекстуального соответствия лежит в рамках лингвистического контекста, однако специалисту в процессе перевода необходимо анализировать коммуникативную ситуацию и учитывать такие нюансы, как время, авторская модель знания, если речь идёт о научно-техническом тексте, а также уровень подготовки реципиента и другие факторы.

Через анализ словарного эквивалента может быть найден возможный вариант перевода контекстуального соответствия, заложенный в семантике языковой единицы. Появление контекстуального соответствия не видится возможным без учета особенностей подчинения грамматическим и логическим нормам языка перевода. Окаzionaliальные соответствия, которые нередко выступают продуктом словотворчества специалиста можно приравнивать к исключениям, что в технической сфере не является редкостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
2. Исанова, Д.А. Особенности контекстуальной псевдоэквивалентности / Д.А. Исанова // «Молодой ученый». – 2015. – № 10 (90). – С. 1398-1399. – URL: <https://moluch.ru/archive/90/18769/> (дата обращения: 15.09.2021).
3. Исакабаев А.И. Проблемы перевода научных текстов // Научные труды «Өділет». – 2014. – № 1 (47). – URL: <https://www.zakon.kz/4691308-problemy->

- perevoda-nauchnykh-tekstov (дата обращения: 15.09.2021).
4. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. – 3-е изд. – М.: «Р. Валент», 2011. – 488 с.
 5. Покаместова А.П. Контекстуальное соответствие в переводе (на материале итальянского языка) // Академия педагогических идей «Новация». Серия: Студенческий научный вестник. – 2016. – №8. – URL: //akademnova.ru/page/875550 (дата обращения: 14.09.2021).
 6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.
 7. Смольянина Е.А. Особенности стратегии перевода научного текста // ИСОМ. – 2012. – №3. – С. 219-222.
 8. Ушакова А.О. Специфика технического перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – №4. – С. 18-26.
 9. Чужакин А.П. Общая теория устного перевода и переводческой скорописи. Курс лекций / А. Чужакин. – М.: Р. Валент, 2002. – 160 с.

© Чалых Наталья Анатольевна (Natali.stafeeva.78@mail.ru), Волобуева Ольга Николаевна (helga197@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИИ «НЕПРИЯЗНЬ» В ПЬЕСЕ «РЕВИЗОР» Н. В. ГОГОЛЯ

Чжан Яньцю

Старший преподаватель,
Пекинский педагогический университет
Yanqiu.zhang@mail.ru

THE LEXICAL MEANS FOR CONVEYING THE EMOTION "ANTIPATHY" IN THE WORK "THE INSPECTOR GENERAL" OF N.V. GOGOL

Zhang Yanqiu

Summary: The article is devoted to the expression of the emotion of antipathy in the work "The inspector general" of N. V. Gogol. The attention is drawn to the identification of the functional and semantic features of the linguistic means for transmitting the emotion "antipathy", and the individual-author's originality in the transmission of this emotion.

Keywords: emotions, semantics, interpretation, lexical means.

Говоря о тенденции подхода к антропоцентрическому исследованию лингвистических явлений, Н.А. Красавский отмечает: «Человек в современной лингвистической парадигме исследований рассматривается теперь не только как существо разумное, но и чувствующее» [4]. При этом лингвисты обращают особое внимание на изучение эмоций человека, потому что по сравнению с другими объектами номинации, специфика эмоций заключается, прежде всего, в «многообразии и богатстве языковых средств их выражения» [8, с. 7]. Учёный считает, что «чтобы активно выражать эмоции, субъект должен использовать язык в качестве средства, дающего возможность такого выражения» [Там же, с. 68]. Другими словами, язык является инструментом или оружием выражения эмоций.

Надо отметить, что особо важное место эмоциональная составляющая занимает именно в художественном тексте, где конструктивную роль призваны выполнять эмоционально-риторические структуры. Обращение к пьесе «Ревизор» Н.В. Гоголя определяется не только прекрасным искусством словесной живописи писателя в целом, но и тем, что в данной пьесе наблюдается множество несобственно-прямой речи, которая «раскрывала перед читателем помыслы и замыслы героев в обнаженной чистоте или, вернее, грязи, то есть во всей свежести **их непосредственного экспрессивного выражения**» [5, с. 302].

Выбор эмоции «неприязнь» для подробного исследования обусловлен тем, что она достаточно частотна и ярко представлена в данной пьесе, что служит хорошей основой для изучения лексических средств передачи

Аннотация: Статья посвящена выражению эмоции «неприязнь» в пьесе «Ревизор» Н.В. Гоголя. Внимание обращается на выявление функционально-семантических особенностей языковых средств передачи эмоции «неприязнь» и индивидуально-авторского своеобразия при передаче данной эмоции.

Ключевые слова: эмоции, семантика, толкование, лексические средства.

эмоции «неприязнь» его героев.

Перед тем как начать анализировать лексические средства передачи эмоции «неприязнь» в данном произведении, необходимо остановиться на определении лексемы «неприязнь». Мы обратились к Толковому словарю русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, в котором дано следующее определение: «Недружелюбное, недоброжелательное, **враждебное чувство к кому-, чему-л.**; нерасположение» [2]. При этом надо подчеркнуть, что существуют ещё два типа эмоций – «недовольство» и «злость», которые в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова толкуются таким образом: «**Недовольство**» – это неудовлетворенность, **раздраженность**, отрицательное отношение к кому-нибудь или чему-нибудь; а эмоция «злость» – «Злое, **раздраженно-враждебное** чувство, настроение». Можно заметить, что дефиниции трёх типов эмоций, приведенных выше, частично совпадают (например, враждебное чувство; раздраженность).

С нашей точки зрения, «неприязнь» является сложной структурой, включающей фундаментальные эмоции и эмоционально-когнитивное взаимодействие. При этом можно считать, что в эмоции «неприязнь» ведущее место принадлежит «недовольству», а затем «злости». Из этого следует, что языковые средства передачи названных трёх эмоций иногда пересекаются. Для примера рассмотрим лексику «проклятый», которая может служить средством передачи всех этих трех эмоций: в контексте, когда Городничий узнал, что он был одурочен и все будут скалить зубы и бить в ладоши, он разозлился от смущения «Я бы всех этих бумагомакак! У, щелкоперы,

либералы **проклятые!**», то есть лексема «проклятый» в данном контексте используется именно для выражения злости. А когда Хлестаков задал Луке Лукичу вопрос о женщинах, тот заикался от страха: «Оробел, ваше бла... преос... сият...» и про себя говорил «Продал **проклятый** язык, продал!», выражая недовольство к своему языку. Но в другом контексте, когда Городничий узнал, что инкогнито придет ревизор, он сильно волновался и испытывал сильное отвращение к «ревизору» «...не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито **проклятое** сидит в голове». Поэтому для отнесения тех или иных лексем к средствам передачи эмоции «неприязнь» необходимо учитывать дефиниции отдельных слов и, безусловно, контексты. А пересекающиеся языковые средства передачи трёх эмоций представлены в схеме 1.

Схема 1

На основе анализа материала можно заметить, что в исследуемой пьесе «Ревизор» Н.В. Гоголя для передачи эмоции «неприязнь» используются исключительно лексические средства, которые непосредственно звучат именно в прямой речи героев. Среди них большую долю занимают имена существительные. Прослеживается частотность употребления существительных, которые связаны с разной степенью семантики **глупости и скудоумием**. Например, в шести контекстах автор использует лексему «дурак», которая обозначает «Бранно. Глупый, тупой человек» [2]. Хотя эта лексема не зафиксирована в Словаре эмотивной лексики Н.Ю. Шведовой, но мы можем отнести её к средствам передачи эмоции «неприязнь» с помощью анализа дефиниций лексем и контекста. Приведём примеры: Осип отказался ходить в буфет за обедом, и Хлестаков сказал «**Как ты смеешь, дурак!**», и когда Осип повторил жалобу хозяина по поводу долга Хлестакова и угрозу отправить его в тюрьму, Хлестаков воскликнул «**Ну, ну, дурак, полно!**», при сильном голоде Хлестаков испытывал сильную неприязнь к Осипу, который не смог принести ему обед и обидел его, передав угрозу хозяина. Лексема «дурак» выполняет аналогичную функцию ещё и в других четырёх контекстах: когда слуга сказал, что семга, рыба, и котлеты для тех, которые почище-с и деньги платят, Хлестакову стало

очень неприятно «**Ах ты, дурак!**», «**Я с тобой, дурак, не хочу рассуждать!**»; но когда слуга сказал, что унесёт от Хлестакова этот лёгкий обед, Хлестаков (защищая рукою кушанье) возразил «**Ну, ну, ну... оставь, дурак!**»; данная лексема используется еще в ситуации, когда Хлестаков расплачивался со слугой, который не мог сразу дать счёт и начал высчитывать, Хлестаков не стерпел и выразил свою неприязнь: «**Дурак! Всего сколько следует?**». Стоит отметить, что в пьесе «Ревизор» лексема «дурак» используется только в обращении Хлестакова к слугам, когда он чувствует неприязнь и показывает своё презрение. Нами обнаружен еще один контекст, в котором функционирует лексема «чурбан»: когда Хлестаков не раз говорил, что он влюблен в дочь Городничего, а тот всё равно не верил, а это жене Городничего было не по душе: «**Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?**». Хотя данная лексема не включена в синонимический ряд слова «дурак», но, как нам кажется, в приведенном нами примере она является синонимом слова «дурак», потому что «чурбан» обозначает «Бранно. О бестолковом, **глупом** или чёрством человеке» [2], что совпадает с толкованием слова «дурак». С нашей точки зрения, она отличается от слова «дурак» более высокой степенью выражения неприязни, потому что она в нашем контексте функционирует как средство метафоры, которая «является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия» [7, с. 48], то есть более экспрессивна: тупость Городничего казалась жене невыносимой.

Кроме того, можно заметить, что для передачи эмоции «неприязнь» в речи героев используется ещё ряд имен существительных в качестве метафор, семантика которых не связана с глупостью, а акцентирует внимание на **низменных качествах** личности. Это бранные лексемы «поросёнок», «свинья», «животное» и «скотина», с помощью которых герои выражают сильное отвращение к говорящим или собеседникам. Например, когда слуга сказал, что приличный обед только для чиновников с высшим статусом, Хлестаков не сдержался и обозвал его: «**Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем?**», то есть Хлестаков считал слугу «невоспитанным и невежливым человеком» [2], похожим на поросенка. В более высокой степени неприязнь героев передается с помощью лексемы «свинья», которая обозначает «Разг. О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками»: когда Артемий Филиппович узнал, что тот самый чиновник, которого все считали ревизором, теперь женится на дочери Городничего, что было очень неприятно Артемию Филипповичу, который сильно завидовал и про себя сказал: «**Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!**». Очевидно, что в данном случае выражена высокая степень отвращения героя к Городничему.

К средствам непосредственного выражения эмоции «неприязнь» также можно отнести лексемы «животное»

и «скотина», которые выполняют аналогичную функцию в приведенных ниже контекстах: где речь идёт о недовольстве Хлестакова словами Осипа, повторившего ругательные слова хозяина, назвавшего Хлестакова плутом и шаромыжником, Хлестаков очень недоволен пересказом Осипа и сказал «*А ты уж и рад, **скотина**, сейчас пересказывать мне все это*». С помощью лексемы «скотина» Хлестаков обращается к Осипу как к «домашнему сельскохозяйственному животному» [2] и чувствуется высокая степень неприязни героя. И также в данной ситуации для выражения нетерпеливого отвращения героя автор использует лексему «животное»: «*Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое **животное!***». Лексема «животное» в данном контексте употребляется также в переносном значении как «Разг.-сниж. Неразвитый человек с низменными, непристойными страстями» [2]. Нам кажется, что по сравнению с лексемами «поросёнок» и «свинья» данные две лексемы подчеркивают непристойные качества личности и в более высокой степени выражают неприязнь героев к собеседникам.

Помимо отмеченных существительных в пьесе «Ревизор» обнаруживается широкое употребление лексем, семантика которых связана с **нечестностью** личности: «мошенник», «бестия», «каналья» и «подлец», которые, с нашей точки зрения, могут являться синонимами или словами, близкими по значению. Обратим внимание на словарные толкования. Так, «мошенник» обозначает: «1. **Нечестный человек; плут**. 2. Бранно. О ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев»; «бестия»- «Разг. **Плут, пройдоха**»; «каналья»- «Бранно. **Плут, мошенник, пройдоха**»; «подлец»- «Подлый, низкий, **бесчестный человек, негодяй**» [2]. Разница между этими лексемами незначительна. Нам кажется, что в меньшей степени и более нейтрально неприязнь выражается с помощью лексемы «мошенник», которая, как показано ниже, используется наиболее частотно в речи героев: возможные просьбы и жалобы купцов вызвали недовольство у Городничего: «*А так, **мошенники**, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят*»; а когда один из купцов подал жалобу на Городничего за его бандитские поступки, Хлестаков также выразил своё неодобрение: «*Неужели? Ах, какой же он **мошенник!***» и «*Ах, какой **мошенник!** Да за это просто в Сибирь*». Стоит отметить, что в последнем контексте выражение «в Сибирь» усиливает интенсивность проявления эмоции осуждения героя. «Ссылка в Сибирь» — уголовное наказание в Русском царстве, заключавшееся в насильственном переселении человека на жительство в Сибирь, «...король может наказать так любого виновного, не вызывая сильного ропота и волнения людей» [3, с. 44], то есть герой испытывал высокую степень негодования по поводу поведения Городничего, за которое даже надо приговорить его к уголовному наказанию. В других двух контекстах гнев Хлестакова вызвали неприличные, на его взгляд, блюда: «*...и зубы почернеют после этих блюд. **Мошен-***

ники!», «*...что такое, только не жаркое. ... **Мошенники, каналы, чем они кормят!***». С нашей точки зрения, в последнем контексте порядок слов «мошенник» и «каналья» свидетельствует о том, что по сравнению со словом «мошенник» лексема «каналья» более экспрессивна, что отличается полнотой проявления эмоций недовольства, граничащего с неприязнью. Аналогичную роль играет и лексема «бестия», которая, по словарю, является синонимом слова «каналья»: когда пехотный капитан сильно поддел Хлестакова, тот про себя сказал «*...штосы удивительно, **бестия**, срезывает*», с помощью чего выражается сильное недовольство поведением капитана, которое граничит даже с гневом. В наиболее высокой степени эмоцию «неприязнь» выражает слово «подлец» — которое обозначает не только «бесчестный человек», но и «подлый негодяй»: речь идёт о том, когда Хлестаков попробовал еду, а она совершенно как деревянная кора, он не сдержался и сказал «*Подлецы!... Ничем вытащить нельзя!*», и когда слуга отказался подать новые блюда, Хлестаков рассердился: «*...**подлецы!** и даже хотя бы какой-нибудь соус!*». И здесь можно наблюдать более высокую степень возмущения, которое выражается с помощью лексемы «подлец».

Кроме того, в нашем материале также обнаружен случай, когда недовольство героя передается существительными с семантикой **неумения**: когда все осознали, что уехавший чиновник не был уполномочен, а был самозванцем, Аммос Федорович жаловался на Добчинского и Бобчинского, по ошибке которых все обиделись и несли потери: «*Пачкуны!*», то есть назвал их неумелыми, глупыми людьми. Нам кажется, что при помощи данной лексемы выражение недовольства на грани неприязни менее интенсивно.

Можно заметить, что для передачи эмоции «неприязнь» в речи героев ещё широко употребляются прилагательные («лукавый», «скверный», «дрянной», «подлый», «проклятый»). При этом интересно выявить разницу между данными лексемами. «Лукавый»- «Склонный к козням, интригам, хитрый, коварный» [2]: «*купчишка Абдулин — видит, что у меня (Городничего) старая шпага, не прислал новой*», что вызвало возмущение у Городничего: «*О, лукавый народ!*».

В других контекстах используются лексемы синонимы - «скверный», «дрянной», «подлый». Как следует из сопоставления словарных дефиниций, приводимых ниже, данные лексемы толкуются с помощью лексемы «скверный»- «Вызывающий **отвращение**; мерзкий, гадкий. Плохой, дурной; негодный» [2]. Это позволяет нам соотнести их со словом «неприязнь» и отнести их к средствам передачи данной эмоции. Разница в значении этих единиц заключается в степени полноты проявления недовольства, гнева и даже в какой-то мере неприязни.

Так, как нам кажется, в меньшей степени неприязнь выражает слово «дрянной», которое обозначает «Плохой, скверный; Никчёмный, неопытный, неумелый (о человеке)» [2]. То есть данная лексема может выражать не только отвращение, но и недовольство неумением и неопытностью человека. Соответственно, степень выражения эмоции «неприязнь» с помощью этой лексемы не так высока: «...эта **дрянная** гарница наденет только **сверх рубашки мундир**, а **внизу ничего нет**». Неприличное поведение гарнизы было неприятно Городничему.

По сравнению с лексемой «дрянной» в высшей степени эмоция «неприязнь» передаётся лексемой «скверный», которая частотно используется в пьесе «Ревизор»: «**Скверная** комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают». Отвратительная обстановка комнаты вызвала сильное отвращение у Хлестакова. Аналогичную функцию выполняет данная лексема и в другом контексте, когда речь идёт о том, что в овощных лавках ничего не дают в долг, что вызвало недовольство Хлестакова к городку, который он назвал «плохим и дурным»: «Какой **скверный** городишко!.....Это уж просто **подло!**». В данном контексте для передачи более высокой степени автор использует ещё краткую форму прилагательного «подлый», которое обозначает «очень плохой, скверный» [2], вспомогательную роль играет и лексема «просто».

В наиболее высокой степени эмоцию «неприязнь» выражает слово «проклятый» – «Ненавидный, достойный проклятия» [2], то есть оно обозначает не только плохой, даже и ненавидный, вызывающий ненависть, с помощью чего выражается сильная неприязнь героев: хорошо зная своё гниение и бессилие, Городничий выразил своё сильное неприязненное чувство к приезду ревизора, который является большой угрозой для его карьеры — «**Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое!**»; «**Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове**». Данная лексема функционирует ещё в контексте, в котором Городничий узнал, что купцы жаловались на него ревизору, поэтому он сильно рассердился и возненавидел этих

купцов: «**Вишь ты, проклятый иудейский народ!**». Стоит отметить, что в данном контексте сильное отвращение и враждебное чувство героя усиливается также с помощью лексемы «иудейский», что объясняется антисемитизмом в России, который можно было заметить «ещё во времена царствования Ивана IV Грозного. С этих пор и до правления Елизаветы Петровны включительно евреев («жидов») полагалось выдворять за пределы Российского государства» [6, с. 94].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в пьесе «Ревизор» для передачи эмоции «неприязнь» Гоголь использовал лексические средства выражения данной эмоции исключительно в речи героев. При этом прослеживается частотность употребления существительных и прилагательных, в семантику которых включается значение **глупости, нечестности, подлости** или **низменности** личности, что и свидетельствует о глупости, лживости, взяточничестве всех главных героев в данной пьесе. Анализ материала позволил разработать структуру данных единиц в виде иерархической организации, имеющей внутреннее деление. В ее составе выделяются словообразовательные ряды («дрянной» – «дрянь»; «подлый» – «подлец») и синонимические («дурак» – «чурбан»; «поросёнок» – «свинья»; «скотина» – «животное»; «мошенник» – «бестия» – «каналья» – «подлец»; «дрянной» – «скверный» – «подлый»). Более глубокий анализ словарных толкований позволил нам установить, что данные синонимы различаются интенсивностью проявления эмоции, которое испытывает человек. Кроме того, на основе сравнения языковых средств передачи неприязни с китайским переводом можно заметить, что при переводе данных синонимических лексем переводчики используют одно и то же слово (например, в китайском тексте при переводе лексем «дрянной» – «скверный» – «проклятый» используется слово “可恶的”, которое обозначает «отвратительный» [10]), которое не дает полноты ощущения разницы в степени выражения эмоции «неприязнь». Подобные сопоставления способствуют лучшему усвоению изучающими русский язык иностранными учащимися, в частности, китайцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Еврейский вопрос. М., 1883.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: СПбГУ, 1998. – 1536 с.
3. Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследованиях современников: учеб. пособие / А. А. Иванов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 44 с.
4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
5. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя [Текст]: Пособие для учителей/ С.И. Машинский. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1979. – 432 с.
6. Соловьева И.А. Антисемитизм в Российской империи: истоки государственной политики / И.А. Соловьева, Е.А. Петрова // Актуальные вопросы современной науки и образования: Материалы XVII международной научно-практической конференции, Киров, 17–20 апреля 2018 года. – Киров: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2018. – С. 93-101.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т.

- Екатеринбург, 2001. — 238 с.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. –190 с.
 9. 果戈里《钦差大臣》译: 江小沫-北京: 新世界出版社 («Ревизор» Н.В. Гоголя /Переводчик- Цзян Сяомо. Пекин: Новый мир, 2012)
 10. 新华字典 北京: 商务印书馆 (Новый китайский словарь. – Пекин: Коммерческое книгоиздательство, 2004. – 652с. (НКС))

© Чжан Яньцю (Yanqiu.zhang@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РОМАНЕ ЦАО СЮЭЦИНЯ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

Чжоу Цзыхань

Российский Университет Дружбы Народов, г. Москва

zhouzihan1998@hotmail.com

TRANSLATION OF PROPER NAMES IN CAO XUETSIN'S NOVEL "DREAM IN THE RED TEREM"

Zhou Zihan

Summary: The article is devoted to the study of proper names in the novel «Sleep in the Red Chamber». There are over 400 characters in The Dream in the Red Chamber. When creating the names of the characters, author Cao Xueqin emphasized the hidden evaluations of the heroes. The purpose of this article is to analyze the methods of translation and use of proper names in the novel «Dream in the Red Chamber», which can later serve as an example of translation of proper names of other Chinese classical novels. When translating the names of the characters in this novel, transliteration and descriptive translation were found to be the main methods. The study also concluded that when faced with gaps, translators should focus on compensatory translation tactics: practice literal translation with a footnote or endnote and contextual expansion. When choosing a translation method, it is necessary to simultaneously preserve the basic functions of the name, taking into account the best expression of the original content.

Keywords: proper nouns, methods of translating proper nouns, the novel «A Dream in the Red Chamber», Cao Xueqin, translation tactics.

Аннотация: Статья посвящена изучению имен собственных в романе «Сон в красном тереме». В романе «Сон в красном тереме» насчитывается более 400 персонажей. Создавая имена персонажей, автор Цао Сюэцинь придавал особое значение скрытым оценкам героев. Цель этой статьи заключается в анализе методов перевода и использования имен собственных в романе «Сон в красном тереме», что в последующем может служить примером перевода имён собственных других китайских классических романов. Было выявлено, что при переводе имен персонажей этого романа транслитерация и описательный перевод являются основными методами. Также в результате выполнения исследования был сформулирован вывод, что, сталкиваясь с лакунами, переводчики должны сосредоточиться на компенсационной тактике перевода: практиковать буквальный перевод со сноской или концевой сноской и контекстуальное расширение. При выборе способа перевода нужно одновременно сохранить основные функции имени, учитывая наилучшее выражение исходного содержания.

Ключевые слова: имена собственные, методы перевода имен собственных, роман «Сон в красном тереме», Цао Сюэцинь, тактики перевода.

«Сон в красном тереме» – один из четырёх китайских классических романов. Другое название этого романа – «Записки о камне», автор романа – Цао Сюэцинь. Центральное место в романе занимает любовь и трагедия главных героев: Цзя Баоюй, Линь Дайюй, Сюэ Баочай. Роман «Сон в красном тереме» рассказывает о расцвете и упадке четырех феодальных семей: Цзя, Ши, Вань, Сюэ. «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня – это литературный памятник традиционной китайской культуры. Как энциклопедия китайского феодального общества, он включает в себя описание повседневной жизни, этикета феодальной аристократии, общественной жизни в традиционном Китае. Ряд ученых позиционирует роман как исследовательский объект, посвящая работы судьбе автора романа и оценке глубокого смысла романа, также исследователи используют роман как материал при исследовании династии Цин, одежды, социальной жизни того времени и т.д. Таким образом, «Сон в красном тереме» занимает особое место в китайской культуре.

Перевод имен собственных в романе «Сон в красном тереме»

Имя дается каждому человеку при рождении. Имя – это символ кровных отношений в социальной структуре и важная часть национальной культуры, из имени можно понять национальные ценности, религиозные убеждения и т.д. Конфуций говорил об имени следующее: «имя приносит хорошую славу, и только с хорошей славой дело может идти успешно». Китайцы рассматривают имена как чрезвычайно важную часть жизни человека. Китайская система фамилий является продуктом клановых кровных отношений и проявлением патриархальной системы общества. Как и сама китайская культура, культура имени в Китае имеет долгую историю, ее зарождение приходится на период до матрилинейное общества.

Имеющиеся результаты исследований демонстрируют, что в произведении «Сон в красном тереме» в общей сложности более 400 персонажей, имена большинства из них содержат специальные коннотации и смыслы. Создавая имена персонажей Цао Сюэцинь старался раскрыть их истинную коннотацию, а также использо-

вал уникальные способы, чтобы намекнуть читателю на судьбу и статус персонажей [1, 2, 3].

Автор данного исследования с помощью различных методик будет анализировать перевод имен персонажей романа.

Традиционные способы перевода имен собственных

В современной лингвистике имена собственные определяются как лексические единицы для названия кого- и чего-либо, в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Другими словами, у имен собственных на первый план выходит функция номинативная – дать название, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых – назвать, чтобы передать значение. Чтобы сохранить различия данных функций при переводе, в преимущественном количестве случаев используются традиционные переводческие методы. Учитывая разницу между русским и китайским языками, особенности данных языков, в рамках данной статьи будут проанализированы два традиционного метода перевода: транскрипция и описательный(разъяснительный) перевод [4, 5].

1. Транскрипция

Транскрипция – это процесс обозначения фонем лексической единицы на исходном языке символами переводящего языка. Транскрипция должна выполняться в соответствии с орфографией на переводящем языке, поэтому транскрипция не является обратимой. Для преобразования фонем транслитерация является наиболее подходящим методом. Например, английское слово «sofa» переводится на китайский язык как 沙发 (Sha Fa).

Как один из самых простых и наглядных методов, транскрипция обычно подходит для перевода антропонимов, топонимов и т.д. Преимущества метода: с его помощью можно сохранить экзотику исходного языка и в определенной степени избежать культурной и семантической утраты части словарного запаса из-за описательного перевода. Наиболее очевидным недостатком является то, что данный метод не может в полной мере продемонстрировать культурную коннотацию, стоящую за именем собственным.

В настоящее время, поскольку китайские иероглифы не являются алфавитным письмом, в русско-китайском или китайско-русском переводе транскрипция в основном используется для перевода антропонимов, топонимов и ряда научно-технических терминов. В китайско-русском переводе постепенно сформировалась фиксированная система транскрипции, с помощью кото-

рой можно записать любое китайское слово на русском языке [6].

В русском переводе романа «Сон в красном тереме», выполненного Панасюком в 1995 году, транскрипция являлась наиболее часто используемым методом для перевода имен персонажей. Но учитывая недостатки транскрипции и культурную коннотацию имен, автор данной работы считает, что транскрипция, как простой метод перевода имен, больше подходит для перевода имен неважных персонажей, таких как:

- дядя Фэнцзе: 王子腾 (пиньинь: Wang Ziteng) – Ван Цзытэн;
- брат Фэнцзе: 王仁 (пиньинь: Wang Ren) – Ван Жэнь и др [7].

К неважным персонажам можно отнести героев, которые играют в романе небольшую роль, редко появляются в романе и героев, понимание имен которых не влияет на понимание темы всего романа при чтении на русском языке.

В таблице 1. приведены некоторые имена собственные романа, которые, целесообразнее всего переводить с помощью транскрипции.

Таблица 1.

Перевод имен с помощью транскрипции

Имя	Пиньинь	Перевод
李守中	Li Shouzhong	Ли Шоучжун
林如海	Lin Ruhai	Линь Жухай
赵国基	Zhao Guoji	Чжао Гоцзи
冷子兴	Leng Zixing	Лэн Цзысин
薛蝌	Xue Ke	Сюэ Кэ

2. Описательный(разъяснительный) перевод

Под описательным переводом понимается перевод, основанный на идее исходного текста, а не на дословном переводе. Суть данного метода перевода безэквивалентных слов заключается в раскрытии значения лексической единицы исходного языка при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих наиболее значимые признаки обозначаемого данной лексической единицей явления/объекта. Метод обычно используется при переводе предложений, фраз или более крупных смысловых групп, когда существуют существенные культурные различия между исходным и переводящим языком [8]. Преимущество метода заключается в том, что с его помощью переводящий текст легко понятен, не вызывает двусмысленности и может компенсировать культурные лакуны при наличии культурного разрыва. Однако метод обладает и недостатком – зачастую он является чрезмерно трудозатратным и невыгодным с экономической точки зрения.

В русском переводе «Сна в красном тереме» 1995 года переводчик Панасюк применил данный метод к нескольким специальным названиям, а именно к женским именам: *周瑞家的* (Чжоу Жуй Цзя Дэ), *林之孝家的* (Линь Чжисяо Цзя Дэ). Замужние женщины в Китае обычно называются: *丈夫姓名+家的* (жена мужчины). Поэтому эти два имени обозначает: жена Чжоу Жуя, жена Линь Чжисяо [9]. Объединив конкретное значение названия, переводчик перевел названия двух персонажей как «жена Чжоу Жуя», «жена Лин Чжисяо».

С помощью описательного перевода переводчик может качественнее переводить имена, которые не свойственны для русской культуры, при этом метод игнорирует проблему того, что переведенные имена оказываются слишком длинными из-за транскрипции. Поэтому автор данной работы считает, что описательный перевод подходит для перевода имен собственных с неясными значениями.

Например, в романе имена некоторых служащих используются для того, чтобы показать особый статус их хозяев:

- *琥珀* (Хупо), *珍珠* (Чжэньчжу) – они являются служанками матушки Цзя. Матушка Цзя обладает самым высоким положением в семье, имена её слуг должны отражать её статус. *琥珀* означает янтарь, *珍珠* – жемчуг. Описательный перевод может успешно использоваться для перевода значения имен этих служанок, чтобы раскрывать замаскированные в имена связи.
- *金钏* (Цзиньчуань), *玉钏* (Юйчуань) – служанки госпожи Ван. Следует отметить, что значение данной пары имен не требует полного перевода. Поскольку «*钏*» в китайской культуре используется для обозначения браслетов из бус, нефрита и других материалов, «*金*» означает «золото», а «*玉*» – «яшма» [10].

Перевод рассмотренных имен с помощью описательного перевода представлен в таблице 2.

Таблица 2.

Перевод имен с помощью описательного перевода

Имя	Пиньинь	Перевод
珍珠	Чжэньчжу	Жемчужина
琥珀	Хупо	Янтарь
金钏	Цзиньчуань	Золото
玉钏	Юйчуань	Яшма

Транскрипция и описательный перевод подходят для перевода имен собственных в романе «Сон в красном тереме», они соответствуют принципу перевода имен собственных, в результате имена легко читаются. Необходимо учитывать, что имена персонажей в романе «Сон в красном тереме» содержат богатую китайскую культуру,

что провоцирует лакуны в переводе имен собственных. Транскрипция и описательный перевод в данном случае не могут компенсировать лакуны. Следовательно, в дополнение к этим двум общим методам перевода имен следует использовать некоторые компенсационные тактики перевода, чтобы максимально компенсировать лакуны и раскрыть культурную коннотацию, стоящую за именами [11].

Компенсационные тактики перевода

Так называемая компенсационная тактика перевода означает, что при межкультурном литературном переводе переводчик должен отталкиваться от точки зрения читателей под влиянием целевого языка и применять соответствующие методы для интерпретации частей перевода. Согласно современным исследованиям, методы компенсации лингвокультурных лакун делятся на три типа: буквальный перевод со сноской или концевой сноской, внутритекстовая компенсация и доместикация. Внутритекстовую компенсацию можно разделить на: контекстуальное расширение и парафразу.

Следует отметить, что парафраза и доместикация не подходят для перевода имен. Парафраза (paraphrase) – это средство объяснения смысла слов или предложений в контексте оригинала, оно не подходит для перевода имен, так как основной важнейшей функцией имени является номинативная, а парафраза заключается в том, чтобы напрямую объяснить читателю значение исходного слова в контексте. Это нарушает независимость значения имен в исходном тексте и нарушает основную функцию имен. Во-вторых, доместикация представляет собой метод компенсации лакун посредством замены выражения, содержащего культуру на исходном языке, выражением культуры на целевом языке. Этот метод не рекомендуется использовать при переводе имен, потому что при использовании метода натурализации, т. е. когда имя персонажа на исходном языке заменяется именем персонажа в культуре целевого языка, читателю легко перепутать двух персонажей. Что касается романа «Сон в красном тереме», то система имен здесь слишком сложна, использование данных методов приведет к непониманию читателем отношений между персонажами и неверному пониманию оригинала.

В дальнейшем будут подробно исследоваться буквальный перевод со сноской или концевой сноской и контекстуальное расширение.

1. Буквальный перевод со сноской или концевой сноской

Буквальный перевод со сноской или концевой сноской, как следует из названия, предполагает, что сначала переводятся поверхностные значения оригинала на

соответствующий целевой язык с помощью буквально-го перевода, а затем культурная лакуна объясняется с помощью сносок или концевых сносок. При переводе имен собственных буквальный перевод со сноской или концевой сноской выражается в виде транскрипции со сноской или концевой сноской, т. е. необходимо сначала транскрибировать имена, а затем использовать сноски или концевые сноски для толкования. В настоящее время это наиболее часто используемый метод компенсации лакун, в том числе при переводе имен собственных. Автор данной работы считает, что при переводе имен в романе «Сон в красном тереме» этот метод применим к следующим категориям имен персонажей:

(1) Имена с омофоном

В именной системе романа «Сон в красном тереме» присутствует большое количество иероглифов фонетической категории. Наиболее типичными из них являются «甄» (Чжэнь, фамилия) и «真» (чжэнь, истина), «贾» (Цзя, фамилия) и «假» (цзя, ложь). В главе первой строки, которые Чжэнь Шиинь читал в «Беспредельной стране грез»: «Когда за правду выдается ложь – тогда за ложь и правда выдается. Когда ничто трактуется как нечто – тогда и нечто – то же, что ничто!», являются ключом к интерпретации романа. Автор акцентирует внимание на этих двух фамилиях, чтобы создать атмосферу, когда трудно отделить ложь от правды. Автор данной работы рекомендует использовать транскрипцию со сноской при переводе этих двух слов:

- Цзя: иероглиф фонетической категории, значение: ложный.
- Чжэн: иероглиф фонетической категории, значение: правдивый.

Примером также являются имена сестер семьи Цзя: 元春 (Юанчунь), 迎春 (Инчунь), 探春 (Таньчунь), 惜春 (Сичунь). Первые иероглифы этих четырех имен: «元», «迎», «探», «惜» – омофоны «原», «应», «叹», «息», они имеют следующее значение: «выражать сожаление». Значение имен передает трагичность жизненного пути сестер. Юанчунь вышла замуж, и хотя была осторожна, была жестоко убита. Инчунь отдала замуж за Сунь Шаоцзу – Чжуншаньского волка, чтобы она помогла отцу заплатить долги, и была избита до смерти. Таньчунь была выдана замуж на юге, покинула свою родину. Сичунь постриглась в монахини, очутилась возле Будды при свете меркнущих лампад. Таким образом, можно объяснять их с помощью сноски:

Юанчунь, Инчунь, Таньчунь, Сичунь: омофоны: 原应叹息, значение: вызывающие сожаление.

(2) Имена из поэзии

Поэзия в глазах китайцев – изящное искусство. Ки-

тайцы гордятся, когда могут читать поэзию наизусть или создавать её. С древних времен китайцы выбирали красивые слова из поэзии, чтобы называть своих детей. В этом романе имена большинства главных женских персонажей происходят из поэзии. С помощью имеющихся литературных ресурсов автор создает ассоциации между персонажами и стихами, таким образом у читателя выстраивается ряд «собственных ассоциативных взглядов». В связи с преобладанием древнекитайской поэтической культуры, у каждого китайца разные впечатления об одном и том же стихотворении, а также разные взгляды на имена. Это предает особое удовольствие при чтении этого романа. Наиболее типичным примером является служанка Баюя – 袭人 (Сижэнь). В романе автор устами Баюя говорит об источнике ее имени: «В нос ударяют запахи цветов, а это значит будет днем тепло». На самом деле в тексте есть два имени, которые автор ясно указал их источники: 宝玉 (Баюй), 宝钗 (Баочай).

Кроме этих имен, в романе ещё другие имена из поэзии, которые в оригинале не показаны. Например, имена 王熙凤 (Ван Сифэн), 紫鹃 (Цзыцзюань) и 雪雁 (Сюэянь). Иероглиф 凤, означает феникс, который в Китае считается символом счастья. Это имя предполагает благородную личность. А 紫鹃 (Цзыцзюань) и 雪雁 (Сюэянь) – служанки барышни Линь Дайюй. Их имена в китайском языке означают несчастную судьбу Линь Дайюй, жизнь которой несчастлива.

Поскольку таких имен много, рекомендуется переводить только имена некоторых важных женских персонажей, и в их именах действительно нужно выразить определенный смысл. Однако, поскольку такие имена взяты из поэзии и их объяснение является многословным и сложным, их можно перевести буквально переводом с концевыми сносками, чтобы читателям было удобнее:

Ван Сифэн (王熙凤): «фэн» – «феникс», феникс в Китае – особая мифическая птица. В XVII главе «Осенний разлив» произведения «Чжуан-цзы» пишет: «На юге живёт птица, которую зовут Юный Феникс. Ты знаешь об этом? Она взмывает ввысь в Южном Океане и летит в Северный Океан. Она отдыхает только на вершинах платанов, питается только плодами бамбука и пьёт только ключевую воду».

Цзыцзюань (紫鹃), Сюэянь (雪雁) – обе являются служанками Линь Дайюй. «紫鹃» – созвучное слово «子鹃», это прозвище кукушки. Бо Цзюйи, поэт династии Тан, в стихотворении «Певичка (Пипа)» написал: «Кукушки заливаются от печали, обезьяны кричат от горя». Поэтому эта птица является символом горя. А «雁» значит гусь – мигрирующая птица, в китайской культуре он всегда обозначает тоску по родине; и гусь в снегу (雪雁), несомненно, находится в безвыходном положении.

Кроме того, некоторые имена, значения которых означают желания и увлечения хозяина, такие как имена служанок Ван Сифэн: *平儿, 丰儿, 兴儿*, и имена служанок четырех барышень в семье Цзя: *抱琴, 司棋, 侍书, 入画* можно переводить отдельно с помощью сносок, как показано в таблице 3.

Таблица 3.

Перевод имен с помощью буквального перевода со сноской

Имена	Перевод
平儿、丰儿、兴儿	Пинэр, Фэнэр, Синэр: Пин обозначает: благополучие; Фэн – богатый урожай; Син – процветание.
抱琴、司棋、侍书、入画	Баоцин, Сици, Шишу, Жухуа: Цинь, Ци, Шу, Хуа обозначают: цинь (музыкальный инструмент), китайские шахматы, книги, рисунок. Все это – необходимые таланты для аристократических женщин древнего Китая.

Данный метод является наиболее распространенным и используемым для компенсации лакун в именах персонажей. Но у него большой недостаток: читателям придется временно прервать чтение, чтобы посмотреть сноски, и это неизбежно в определенной степени повлияет на восприятие чтения. Поэтому переводчики не должны слишком полагаться на этот метод при переводе имен собственных.

2. Контекстуальное расширение

Контекстуальное расширение (contextual amplification) заключается в том, что в переведенном тексте нужно показать значение лексической единицы, которое читатель оригинала понимает, а читатели, говорящие на целевом языке – нет. Такой метод помогает сохранить культурные образы в оригинальном тексте, компенсируя культурные лакуны. А при переводе переводчик интегрирует культурные знания, необходимые читателям, говорящим на целевом языке, чтобы снизить сложность переведенного текста. Читатели не могут быстро понять переведенный текст, не читая комментарии, гарантирующие читательское восприятие при чтении. Фактически такое контекстуальное расширение, как комментарий, в основном используется при переводе легко объяснимых текстов или текстов с относительно простыми культурными коннотациями. Однако по сравнению с комментариями переведенный текст будет короче, если пользоваться этим методом. Этот способ применяется к переводу имен собственных, т. е. происходит транскрипция имен, а затем объясняется их значение. В русском варианте 1995 года этот метод появился в основном для перевода имен с омофонами, например: *Чжэнь Шиинь – Скрывающий подлинные события, Цзя Юйцунь – Любитель простых слов*. Конечно, в отличие от вышеуказанных имен с омофонами, имена, переведенные этим методом, являются именами, в которых фамилия и имя

представляет собой омофоны, и которые само по себе являются полным значением, т. е. не нужно образовывать значение со словами в именах других персонажей.

Имена *甄英莲* (Чжэнь Инлянь) и *娇杏* (Цзяосин). *甄* (Чжэнь, фамилия) является омофоном *真* (чжэнь), обозначает действительный. *英莲* (Инлянь) является омофоном *应怜* (Ин Лянь), значение которого – «должен пожалеть». *娇杏* (Цзяосин) – *侥幸* (Цзяо Син), означает случайное счастье. Эти имена подразумевают судьбу персонажей. Инлянь была похищена в детстве и куплена Сюэ Пань, она действительно достойна жалости. Цзяосин была служанкой в семье Чжэнь, она посмотрела несколько раз на Цзя Юйцуня, который ошибочно решил, что она его полюбила. Заняв должность чиновника, Цзя Юйцунь женился на ней как на наложнице, а затем она стала его женой. При переводе этих имен можно последовать примеру переводчика Панасюка. Поэтому можно перевести так:

Чжэнь Инлянь – действительно заслуживающая жалость.

Цзяосин – случайно заслужившая счастье

Ещё другие имена с омофоном: *霍启* (Хоци), *秦钟* (Цин Чжун), *秦可卿* (Цин Кэцин). Хоци – слуга в семье Чжэня. *霍启* (Хоци) – это омофон *祸起火起*, который обозначает начало несчастья/огонь. Он был слугой семьи Чжэнь, но приносил семье Чжэнь бедствия одно за другим. Он потерял дочь семьи Чжэнь – Инлянь (ее увез торговец людьми). Вскоре после этого на семью Чжэнь обрушился пожар, имущество почти сгорело, и семья пришла в упадок. Персонажи *秦钟* (Цин Чжун) и *秦可卿* (Цин Кэцин) – брат и сестра – для Цзя Баоюя является сексуальными просветителями и проводниками любви. *秦钟* (Цин Чжун) – содержит иероглифы фонетической категории «情种», значение которых «начало любви»; *秦可卿* (Цин Кэцин) – «情可倾», означает «отдать всю любовь». Поэтому эти три имени можно так перевести:

Хо Ци – навлекающий беду.

Цинь Чжун – любвеобильный человек.

Цинь Кэцин – сладкая любовь.

Кроме того, во «Сне в красном тереме» есть и другие персонажи, в именах которых используется омоним, например, «*冷子兴*» – «*能知兴*» обозначает: «знать расцвет и упадок феодальной аристократии», *单聘仁* (Шэнь Пиньжэнь) – омофон «*善骗人*», означает «часто обманывать других», *卜固修* (Бу Гусю) – омофон «*不顾羞*», означает «совсем не знать стыда», *詹光* (Чжань Гуан) – «*沾光*», означает «использовать других». Однако, поскольку роль этих персонажей в романе очень мала, нецелесообразно использовать этот перевод для компенсации лакун. Так как чрезмерное использование этого метода, скорее всего, приведет к тому, что художественное выражение оригинального текста изменится или исчезнет в переведенном тексте, лишив читателей пространства

для воображения.

На основании выполненного анализа можно сделать вывод: в переводе имен персонажей романа транслитерация и описательный перевод являются основными методами; сталкиваясь с лакунами, переводчики должны сосредоточиться на компенсационной тактике перевода: использовать буквальный перевод со сноской или концевой сноской и контекстуальное расширение. При выборе способа перевода нужно сохранить основные функции имени, учитывая наилучшее выражение исход-

ного содержания.

Роман «Сон в красном тереме» является центральным в китайской литературе. Он отображает богатую традиционную культуру Древнего Китая. Изучение методов перевода имен собственных романа «Сон в красном тереме» может служить примером перевода имён собственных в других китайских классических романах. Данная работа может послужить источником вдохновения для дальнейших исследований в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владиславовна Ш.А. Проблема перевода китайских имен собственных в произведениях современных китайских писателей (на примере произведений Лао Шэ). Журнал Слово: фольклорно-диалектологический альманах. -2010. -№ 8. -С. 108-112.
2. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. – 315 с.
3. Цао Сюэцинь, Перевод на русский язык В. Панасюка, Перевод стихов И. Голубева. Сон в красном тереме. Пекин: Издательство «Народная литература», 2016 – 178 с.
4. Колитенко Екатерина Евгеньевна «Сон в красном тереме» в освещении современных китайских исследователей // Вестник ЧелГУ. 2008 – №13 – С. 149-155.
5. Гонг Цзэши, Французский перевод имен в литературных произведениях. Центральный сборник и издательство переводов, 2016 – 133 с.
6. Цзинь Циру, Исследование названий в романе «Сон в красном тереме». Академический журнал снов о красных особняках (01), 1980 – С. 129-157.
7. Ван Далай. Стратегия перевода компенсации культурного невыполнения обязательств в художественном переводе. Пекин: Издательство Guangming Daily, 2016 – 256 с.
8. Лин Лин, О. Цао Сюэцинь и его роман «Сон в красном тереме»: учеб. материал к спецкурсу / О Лин Лин. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 82 с.
9. Чэн Цюнь. Культура Китая через призму восприятия романа «Сон в красном тереме» / Цюнь Чэн. – Куньмин : Нар. изд-во пров. Юннань, 2005. – 312 с.
10. Се Пэнсюн. Новые исследования героинь «Сна в красном тереме» / Пэнсюн Се. – Цзинань : Кн. об-во Чишэ, 2006. – 132 с.
11. Ван Мэн. О «Сне в красном тереме» / Мэн Ван. – Пекин : Авт. изд-во, 2005. – 244 с.

© Чжоу Цзыхань (zhouzihan1998@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАСКИ ЛЕКСИКИ

Юань Юе

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
853342287@qq.com

FACTORS INFLUENCING THE EMOTIONAL
COLORING OF VOCERATORS

Yuan Yue

Summary: Within the framework of this article, an analysis of the methods that are used to create the emotional coloring of the text is carried out, the work also examines the internal and external factors that affect the emotional color of the vocabulary. The relevance of this study is due to the fact that at the moment there is a constantly growing interest in the issues of the emotional coloring of the text, in the emotional component of the text in general, as well as the increasing interest of researchers in the analysis of the emotional component of the text. The article discusses current problems and suggests ways to solve them.

Keywords: analysis, methods, emotional coloring, text, study.

Аннотация: В рамках данной статьи проведен анализ методов, которые применяются для создания эмоциональной окраски текста, также в работе рассматриваются внутренние и внешние факторы, которые влияют на эмоциональную окраску лексики. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на данный момент постоянно повышается интерес к вопросам эмоциональной окраски текста, к эмоциональной составляющей текста вообще, а также увеличением заинтересованности исследователей в анализе эмоциональной составляющей текста. В статье рассматриваются актуальные проблемы и предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: анализ, методы, эмоциональная окраска, текст, изучение.

Анализ эмоциональной окраски текста позволяет определить мнения и аффективные намерения авторов данных текстов, а также их отношения, оценки и склонности по отношению к разным темам. На сегодняшний день известны исследования, посвященные анализу эмоциональной составляющей в различных текстовых жанрах, включая обзоры продуктов и фильмов, новости, редакционные статьи и статьи-мнения, а также текстов из блогов [1, 2, 3]. Работа над анализом эмоциональной окраски текста обычно сосредоточена на распознавании эмоциональной валентности – положительна она или отрицательна. Среди менее изученных областей эмоциональной составляющей – распознавание типов эмоций, их силы и интенсивности. Исследование эмоций в целом в последнее время привлекает повышенное внимание научного сообщества.

Целью данного исследования является рассмотрение методов определения эмоциональной окраски лексики текста.

Для достижения поставленной цели использовались такие методы сравнительный анализ, систематизированный литературный анализ, контент-анализ, формализация. В качестве материалов использовались публикации зарубежных и отечественных авторов, посвященные эмоциональной тональности текстов.

На данный момент активными темпами развивается такое перспективное направление в лингвистике как сентимент-анализ, он же анализ эмоциональной тональности. Ключевой задачей данного направления является процесс нахождения в тексте лексики, которая имеет эмоциональную окраску, и оценку данных лексических

значений для формирования представления об эмоциональном тоне всего анализируемого текста.

Эмоциональную окраску, которая присутствует в тексте, принято называть его тональностью [4]. Она представляет собой эмоциональную составляющую, которая в тексте выражена набором специализированных лексических средства [5]. То, какая у текста эмоциональная окраска, можно определить при помощи тональности его составляющих и взаимосвязей между ними.

На основании выполненного систематического литературного анализа было выявлено, что эмоциональная окраска текста может быть 3 основных типов:

- бинарной (положительной и отрицательной),
- ринарной (положительной, отрицательной и нейтральной),
- ранжированной.

На основании приведенной классификации можно сделать вывод, что в оценку может входить помимо валентности еще и интенсивность высказывания. Выведение интегральной оценки может быть основано на ряде характеристик [6] или же на общей тональности. Сложно осуществить определение эмоциональной окраски целого текста ввиду часто различающихся оценок, по этой причине гораздо эффективнее оценивать каждое предложение по отдельности, в ряде случаев требуется разбивать предложение на отдельные словосочетания, фразы и другие единицы [7].

Рассматривая методы для оценки эмоциональной окраски лексики текста, необходимо определить, что такое авторские оценочные суждения и как реализуются

ся их оценка в тексте. Авторские оценочные суждения представляют собой совокупность, включающую в себя валентность, объект-субъект. Объект в данном случае – это то, в отношении чего непосредственно реализовано эмоциональное высказывание. Субъект – это тот, от чьего лица исходит высказывание, а валентность – это то, как автор высказывания относится к объекту с эмоциональной точки зрения [8]. Перед тем как определять каждый из рассмотренных выше компонентов, требуется выделить оценочные мнения.

Для того чтобы разграничить тексты, которые содержат в себе оценочные суждения, и те, в которых реализуется просто описание фактов, принято использовать стандартные методы классификации, которые перечислены ниже.

Одним из часто применяемых методов классификации текстов на основании определения эмоциональной окраски является проведение анализа словосочетаний. Для использования данного метода производится синтаксическая разметка текста. Далее, базируясь на существующих шаблонах, производят выделение словосочетаний, которые, скорее всего, имеют оценочный характер. Далее осуществляется определение эмоциональной валентности, а итоговой оценкой будет являться соотношение полученных оценок друг с другом. Словосочетания позволяют сделать вывод о предложениях.

Для формирования вывода о словосочетаниях как единицах эмоционально окрашенной лексики, выполняется анализ отдельно взятых слов, биграмм и тиграмм, из которых состоят анализируемые словосочетания. В ходе анализа главной задачей является оценить, насколько точны все перечисленные элементы.

Простейшая классификация не дает возможности произвести учет взаимосвязей, по этой причине существуют точки зрения [9], согласно которым осуществляется применение графового подхода, согласно которому каждая вершина является предложением.

Анализ эмоциональной окраски текста принято проводить с использованием средств машинного обучения, что существенно повышает точность и достоверность полученных результатов. Признаками могут выступать методы оценки текстовой эмоциональной окраски, слова или биграммы.

Как правило, каждый текст включают в себя много информации и лексики, которые лишены эмоциональной окраски, то есть не могут стать базой или материалом для выполнения оценки эмоциональной тональности. Чаще всего системы реферирования базируются на познаниях в части предметной области или же на глубоком анализе с точки зрения лингвистики. Особого

внимания заслуживает система под названием Opinosis. В ней текст представлен в формате ориентированного графа. Его вершиной выступает словосочетание, а ребра демонстрируют структуру предложений. Такая реализация дает возможность распознать информацию общего и различного характера.

Крайне важно адаптировать классификаторы мнений к имеющимся предметным областям. Такая проблема может быть решена несколькими способами:

- реализация обучения классификаторов параллельно на всех существующих информационных наборах;
- разграничение признаков, которые используются на разных доменах, то есть для каждого из них должен быть создан специальный словарь.

Это даст возможность исключить специфические высказывания, но сохранить эмоционально окрашенные тексты независимо от области [10].

Сложность в проведении исследований эмоциональной окраски текста обусловлена проблематикой выделения единиц оценки тональности, а также тем, что эмоциональная составляющая лексических компонентов крайне неоднозначна. Так, например, несмотря на одну предметную область, “высокая стоимость” является отрицательным показателем товарной единицы, а вот “высокое качество” – наоборот является положительной характеристикой товарной единицы.

Для анализа тональности текста активно применяются статистические методы, потому что они отличаются простотой, однако сложность сопряжена с тем, что нужен размеченный корпус, а это трудоемко и не дешево [11].

Таким образом, методы, которые базируются на поиске эмотивной лексики в тональных словарях, сопряжены с зависимостью от полноты представленной лексики. Необходимо учитывать, что рассматриваемые подходы имеют предметную зависимость, то есть для разных предметных областей необходимо подготавливать отдельные словари. Анализ эмоциональной окраски лексики концентрируется на символическом уровне текстов в рамках прикладных исследований. Метод основан на изучении ассоциации слов, словосочетаний, передающих большую часть эмоциональных компонентов текстов. В рамках данного подхода язык рассматривается как организатор отношений между автором текста и контекстом, а не как детектор эмоций человека. Данный подход отличается от аналитической работы, изучающей грамматические, синтаксические и семантические характеристики текста, тем, что оценивает эмоциональные категории: валентность, интенсивность, силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pang B., Lee L., Vaithyanathan S.: Thumbs up? Sentiment Classification using Machine Learning Techniques. In: Proc. Conf. on EMNLP – 2002 – p. 115-126.
2. Turney P.D.: Thumbs Up or Thumbs Down? Semantic Orientation Applied to Unsupervised Classification of Reviews. In: Proc. the 40th Annual Meeting of the ACL, Philadelphia – 2002– P. 245.
3. Wiebe J., Wilson T., Cardie C.: Annotating expressions of opinions and emotions in language. Language Resources and Evaluation 39(2-3) – 2005—p. 165–210.
4. Gamon M., et al. Pulse: Mining Customer Opinions from Free Text // Proceedings of the 6th International Symposium on Intelligent Data Analysis (IDA). 2015. P.121–132.
5. Wiebe J., Wilson T., Cardie C. Annotating Expressions of Opinions and Emotions in Language // Proceedings of Language
6. Пазельская А., Соловьев А. Метод определения эмоций в текстах на русском языке: труды международной конференции «Диалог, 2021». P.510– 522.
7. «Дорожки РОМИП'2021» Available: <http://romip.ru/ru/2021/tracks.html>. [Дата обращения: 15.07.2021].
8. Ng R., Pauls A. Multi-document summarization of evaluative text // Proceedings of the 11st Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. 2016. P.305– 312.
9. Carenini G., Ng R. Zwart E. Extracting knowledge from evaluative text // Proceedings of the 3rd international conference on Knowledge capture. 2015. P.11–18.
10. Turney P. Thumbs up or thumbs down?: semantic orientation applied to unsupervised classification of reviews // Proceedings of the 40th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics. 2017. P. 417–424.
11. Wiebe J., Bruce R., O'Hara T. Development and use of a gold-standard data set for subjectivity classifications // Proceedings of the 37th annual meeting of the Association for Computational Linguistics on Computational Linguistics. 2019. P. 246–253.

© Юань Юе (853342287@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Akulshin P. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov

An S. – Doctor of Philosophy, Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Bagdasarova I. – Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology (national research university)

Baranova N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude

Botasheva N. – PhD, Associate Professor, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev (Karachayevsk)

Burdina A. – Senior Lecturer, North-Eastern State University (Magadan)

Chalykh N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tyumen Industrial University

Efendiev I. – Doctor of Philology, Professor, Dagestan state Medical University (Makhachkala)

Ekimov M. – Postgraduate student, Cherepovets State University

Gerasimenko I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Golikova T. – Candidate of Philology, assistant professor in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Gorbunova Ye. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute Kemerovo State University (Novokuznetsk)

Gorelova O. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pacific State University

Hajiakhmedov N. – Doctor of Philology, Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

Our authors

Hajiakhmedova A. – First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov of the Ministry of Health Russian Federation (Sechenov University), (Moscow)

Horeva N. – Postgraduate student, Moscow State Regional University

Huang Yanan – Postgraduate Student, M.V. Lomonosov Moscow State University

Isaeva A. – candidate of philological sciences, associate professor, Dagestan State University of National Economy (Makhachkala)

Isazade V. – Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University

Jia Dongxue – Postgraduate, Beijing Foreign Studies University, Beijing, the People's Republic of China

Kharchenko N. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Khramova M. – Adjunct, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia

Kirichenko N. – PhD, Associate Professor, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev (Karachayevsk)

Kokorina K. – Lecturer at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Kosyanova O. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University

Kovalenko E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute Kemerovo State University (Novokuznetsk)

Kravchenko M. – Ph.D., Associate Professor, Rostov State Transport University

Kravchenko O. – Ph.D., Associate Professor, Rostov State Economic University

Krivenko O. – Assistant, North-Eastern State University, Magadan

Kuznetsov G. – Associate Professor, State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute", Budennovsk

Kuznetsova N. – Candidate in Pedagogy, Senior Lecturer, Moscow Region State University

Li Chi – Post-Graduate Student, Moscow Pedagogical State University

Liu Yue – graduate student, St. Petersburg State University

Lomakova A. – Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute Kemerovo State University (Novokuznetsk)

Lunev V. – candidate of sociological sciences, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Luneva T. – candidate of technical sciences, associate professor, Siberian State University of Science and Technology named after academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk)

Lutsenko N. – Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology (national research university)

Ma Xinge – Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg

Martsinovskaya V. – Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics

Mikhailichenko A. – Krasnoyarsk Regional center of Medical Education (Krasnoyarsk)

Milovskiy N. – Candidate of the Moscow Region State University

Mirzayeva S. – PhD student of Azerbaijan University of Languages

Pashuk M. – Russian State University for the Humanities, Moscow

Rakhinsky D. – doctor of philosophy, associate professor, Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University; Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk)

Ramazanova M. – Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

Schmidt E. – Head of the Psychological Work Group, Omsk Armored Vehicle Engineering Institute

Semyonov A. – Cand. philol. Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North-Eastern State University"

Shikhatova T. – Krasnoyarsk Regional center of Medical Education (Krasnoyarsk)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Soboleva E. – Lecturer at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Stepanov I. – Postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Sukhetski V. – Associate Professor, Yanka Kupala State University of Grodno

Taymour M. – Ph.D. in Linguistics, Associate professor, Moscow State Linguistic University

Vavichkina T. – Candidate of Philology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Volobueva O. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tyumen Industrial University

Wang Haijiao – Irkutsk State University

Yuan Yue – graduate student, Lomonosov Moscow State University

Zhang Yanqiu – Lecturer, Beijing Normal University

Zhou Zihan – Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).